

История и художественная литература

История и художественная литература

Historia Russica

Институт российской истории
Российской академии наук

История и художественная литература

Отв. редактор член-корреспондент РАН
А.Н. Сахаров

Центр гуманитарных
инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2018

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

И90

Серия «Historia Russica» основана в 2015 г.

Редакционная коллегия серии:

Ю.А. Петров (председатель), Н.Е. Быстрова, С.В. Журавлев,
В.Н. Захаров, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин,
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

Серийное оформление: Ю.В. Балабанов

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор исторических наук

О.М. Вербицкая,

доктор исторических наук

Н.М. Рогожин

И90 История и художественная литература [Текст] / Ответственный редактор А.Н. Сахаров ; Институт российской истории Российской академии наук . — М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2018 . — 360 с. — (Historia Russica) .

ISBN 978-5-8055-0347-5

Настоящее издание посвящено исследованию творчества российских писателей в контексте изучения проблем отечественной истории. В нем авторы с позиции не просто читателя, а историка-профессионала рассматривают творчество ряда русских и советских писателей и поэтов – И.С. Никитина, И.А. Бунина, А.Н. Толстого, Вс. Соловьева, И.А. Ефремова, В.С. Пикуля, С. Довлатова и др. Также анализируется широкий круг литературных произведений, затрагивающих проблемы национальностей и этнических меньшинств в советском обществе. В статьях раскрывается идейный и источниковый потенциал литературных произведений, показывается, насколько точно в них отражены исторические события. За литературным вымыслом также признается право быть полноправным предметом научного изучения. Отдельное место занимают статьи, посвященные образу профессионального историка в современной беллетристике, роли книги в духовной жизни российских историков.

Для историков, преподавателей общественных наук, студентов, широкого круга читателей.

ISBN 978-5-8055-0347-5

© Коллектив авторов, 2018

© Институт российской истории РАН, 2018

® Центр гуманитарных инициатив, 2018

Содержание

Введение	6
----------------	---

Проблемы истории в творчестве российских писателей

<i>В.В. Тихонов.</i> История России в поэзии И.С. Никитина	11
<i>А.Н. Сахаров.</i> Исторические романы Всеволода Соловьева	27
<i>М.Г. Вандалковская.</i> И.А. Бунин и Вторая мировая война	93
<i>Ю.Н. Емельянов.</i> Писатель-историк. Алексей Николаевич Толстой	114
<i>Н.Ф. Бугай.</i> Репрессированные граждане России: художественный образ и исторические реалии	175
<i>Л.А. Сидорова.</i> Советская действительность в произведениях Сергея Довлатова	269
<i>Н.В. Иллерицкая.</i> Исторические взгляды В.С. Пикуля (по материалам романа «Нечистая сила»)	282
<i>И.В. Лобанова.</i> Внимательный взгляд натуралиста (История человечества в творчестве И.А. Ефремова)	295
<i>Д.Г. Дитяткин.</i> Русский поход 860 г. на Константинополь в исторической прозе	311

Историк в контексте художественной литературы

<i>Л.А. Сидорова.</i> Книга в духовной жизни российских историков	337
<i>В.В. Тихонов.</i> Образ профессионального историка в современной беллетристике	351

Введение

Историческая наука и художественная литература в познании как далекого прошлого, так и современности тесно сопряжены между собой. Обе они обращены, прежде всего, к человеку, к социуму. Со времен Н.М. Карамзина историк в общественном восприятии стал неотделим от изящной словесности:

Кто память добрых сохраняет,
С потомством дальним заключает
Монархов дружеский союз?
Историк: он питомец Муз¹.

Таким историографом был сам Н.М. Карамзин, «знаменитый деятель в науке и литературе русской»², говоря словами другого великого российского историка С.М. Соловьева. Своим историческим повествованием он сумел заинтересовать и увлечь читающих и мыслящих людей своей эпохи не менее, чем писатели и поэты его поры.

С тех пор многое изменилось. Историки и литераторы, сознавая свое генетическое родство, давно идут своими собственными путями. Как метко заметил И. Эренбург, мастера поэзии и прозы «наслаждаются чудными яблоками», в то время как историки и философы «тщательно анализируют ту почву, на которой выросла яблоня»³.

Конечно, художественное, образное, индивидуально окрашенное восприятие истории и ее действующих лиц, свойственное писателям, нередко не совпадает с построенными на изучении конкретно-исторических фактов результатами исследований историков, старательно избегающих привнесения эмоций в свои работы. Литературные произведения, с позиций науки строгой, «грешат» значительными отступлениями от принятых в научной литературе трактовок многих событий истории, предпочитая им художественный вымысел.

Действительно, специфика художественного творчества освобождает писателей от обязанности строго следовать за историческим фактом, руководствуясь в своих произведениях более

творческой интуицией и жизненным опытом, нежели изучением памятников прошлого. Однако все это с лихвой окупается замечательными по степени проникновения в психологию исторических личностей и потаенный смысл событий догадками и прозрениями. Перед этим отступает на задний план спор о том, кто лучше и правильнее осветит историю.

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал Е.В. Тарле. Рассказывая, как после появления «Войны и мира» на Л.Н. Толстого посыпались со стороны стариков, видевших Бородино, переживших двенадцатый год, укоры в неточностях, в извращении фактов, историк спросил, кто был прав, и ответил: «И Лев Толстой и его критики»⁴. И пояснил, что «могучий гений» писателя «создавал “действительность”, кое в чем отдалявшуюся от истории, но настолько все же реальную, что она начинала и в творческом уме Толстого, а потом и в уме читателя жить своей собственной жизнью»⁵.

Перед историками-профессионалами открыто, по сути, безбрежное литературное море для извлечения из его глубин все новых возможностей для изучения истории. Исследовательский арсенал может и должен обогащаться тонкими наблюдениями писателей о мотивах человеческой деятельности, возможных ее альтернативах, о скрытых пружинах исторических процессов.

Находясь на пересечении двух отраслей гуманитарного знания — истории и литературоведения, данная проблематика оказывалась предметом познания как историков, так и литературоведов. Блестящие примеры исторического анализа литературных произведений — «Недоросля» Д.И. Фонвизина, «Евгения Онегина», «Арапа Петра Великого» и других произведений А.С. Пушкина — дал В.О. Ключевский⁶.

В отечественной исторической науке усилиями замечательных историков (Л.В. Черепнина, М.В. Нечкиной, М.А. Алпатова и др.) были предприняты попытки продолжить изучение литературно-художественного творчества русских писателей, особенно связанного с исторической тематикой, однако они не получили своего продолжения и развития. Вместе с тем, современное развитие отечественной исторической науки с ее интересом к интеллектуальной истории, исторической антропологии предполагает, что процесс освоения историками литературного наследия должен стать более активным и постоянным.

Настоящее издание открывает серию книг, в которых творчество писателей самых разных эпох и направлений будет рассмат-

риваться как опыт раскрытия проблем отечественной истории присущими литературе художественными средствами. Литературные вымыслы также станут непременным и равноправным предметом изучения. Такие подходы обещают быть весьма плодотворными. Вне всякого сомнения, они обогатят творческую лабораторию современного историка, подскажут новые исследовательские сюжеты, откроют незамеченные аспекты уже, казалось бы, изученных проблем.

- ¹ *Карамзин Н.М.* Ода на случай присяги московских жителей Его Императорскому Величеству Павлу Первому, Самодержцу Всероссийскому // Полное собрание сочинений. — М., 2005. — Т. 14. — С. 109—110.
- ² *Соловьев С.М.* Исторические поминки по историку // Сочинения: в 18 кн. — М., 2000. — Кн. 23. — С. 162.
- ³ *Эренбург И.* Отстаивать человеческие ценности // Собрание сочинений: в 8 т. — М., 1996. — Т. 6. — С. 331.
- ⁴ *Тарле Е.В.* Лев Толстой и миссия генерала Балашева // Сочинения: в 12 т. — М., 1961. — Т. 11. — С. 752.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Ключевский В.О.* : 1) Недоросль Фонвизина: (опыт исторического объяснения учебной пьесы) // Сочинения: в 9 т. — М., 1990. — Т. 9. — С. 55—77; 2) Евгений Онегин и его предки // Там же. — С. 84—101; и др.

Проблемы истории
в творчестве
российских
писателей

В.В. Тихонов

История России в поэзии И.С. Никитина

Статья посвящена анализу поэтической интерпретации истории России в произведениях известного русского поэта И.С. Никитина. Вначале анализируется специфика изучения поэтического текста с исторического ракурса. Далее кратко рассматривается биография поэта, его исторические взгляды, выраженные в поэзии.

Ключевые слова: И.С. Никитин; история России; исторические образы в поэзии.

V.V. Tihonov

The Russian history in I.S. Nikitin's poems

The article is devoted to analyze of poetical interpretation of Russian history in works of well-known Russian poet I.S. Nikitin. Initially, the study examines the specificity of the poetic text with a historical perspective. Next, a brief biography of the poet is analyzed, and then his historical views, expressed in poetry, were showed.

Keywords: I.S. Nikitin; Russian history; historical images in poetry.

Изучение интерпретации прошлого нашей страны в литературных произведениях является важной задачей историографических исследований. Причин тому несколько: во-первых, это способствует осмыслению связи собственно исторической науки и искусства, а во-вторых, позволяет проанализировать такой значимый канал распространения знаний о прошлом, как художественная литература. Не секрет, что в большинстве случаев представления о прошлом формируют не историки-профессионалы, а писатели и поэты, имеющие выход на значительно более широкую аудиторию¹. В этой связи анализ исторических представлений известного поэта XIX в. И.С. Никитина позволит полнее представить образную картину русского прошлого, которую нарисовали литераторы той эпохи.

Анализ поэтического текста как источника исторических представлений имеет значительную специфику по сравнению с изучением работ профессиональных историков. Поэты осмысливают исторические факты не при помощи логических категорий, а при помощи поэтического мышления. В филологии под поэтическим мышлением подразумевается «понятие, содержание которого фиксирует способ (стиль, тип) мышления, основанный на презумпции

принципиальной недосказанности (неполноты) и метафоричности»². Таким образом, эмоциональная составляющая доминирует в поэтическом тексте.

Значительную роль в поэзии играют исторические образы, остающиеся важным компонентом метафорического языка поэтических произведений. Особенностью исторического образа в поэзии и его отличием от прозаического произведения, во-первых, является большая эмоциональность, а во-вторых, «сжатость» текста. То есть там, где в прозе требуется несколько страниц для оценки исторического события или личности, в стихотворении достаточно несколько строчек. Осмысление того или иного события или исторического явления происходит во многом на уровне символов, при помощи которых автор, с одной стороны, стремится сжать текст произведения, с другой — воздействовать на чувственную, подсознательную сторону человеческой личности. Это приводит еще и к тому, что символы, которыми оперирует автор, нередко концентрируют в себе наиболее устойчивые, стереотипные представления об истории, распространенные на данный момент в обществе. Следовательно, поэзия в большей степени, нежели проза, позволяет судить о массовом историческом сознании, строящемся на так называемых «местах памяти», которые Пьер Нора определял как исторические «символические фрагменты символического целого»³.

В поэтическом тексте, как и в другом художественном произведении, многое строится на образе. В литературном произведении нет времени и пространства — есть образ времени и пространства (хронотоп); в нем нет людей — есть образы исторических личностей и простых смертных, живших в ушедшие эпохи; в нем нет событий и явлений — а есть лишь метафора события или явлений. Характерной чертой поэзии является использование темпоральных катахрез, то есть искусственно созданных противоречий между первоначальным значением слова и новым его употреблением во временном контексте⁴ (например, «век-волкодав» у О. Мандельштама). По мнению известного специалиста по советской истории А.К. Соколова, именно они и «должны быть в центре внимания историков, обращающихся к художественным произведениям как к источнику»⁵. В некоторой степени художественный текст схож с историческим исследованием, которое также стремится воссоздать прошлое, сформировав его образ⁶. Но в отличие от художественного образа, научно-историческая реконструкция строится на сложной системе строго научных принципов и подходов.

Литература и в особенности поэзия является показателем восприятия обществом идеологических клише. По замечанию А. Зорина: «Поэтический язык может конструировать необходимые метафоры в наиболее чистом виде. Именно поэтому искусство, и в первую очередь литература, приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилom их практической реализованности»⁷. Таким образом, историческая поэзия Никитина может анализироваться на предмет рецепции государственной идеологии русским обществом середины XIX века.

* * *

Литература всего XIX в. была пронизана историческими образами и метафорами. XIX в. — период взлета исторической мысли, когда история рассматривалась как ответ на многие, если не на все, вопросы современности.

Романтизм, господствовавший в литературе в первой четверти века, требовал обращения к сюжетам прошлого, в котором искалась альтернатива обыденной современности. Публика жаждала исторических сочинений, которые привлекали особым колоритом и «ароматом» ушедших эпох. Волна интереса к истории России после победы в войне 1812 года не спадала на протяжении всей первой половины XIX в. Исторические баллады, стихи, романы, повести становятся необходимой частью творчества всех без исключения литераторов того периода, как великих, так и рядовых «тружеников пера». Но не поиском исторической истины были заняты беллетристы: исторические образы использовались для подтверждения мировоззренческих установок писателей, которых интересовала не историческая правда, а корреляция прошлого с современностью, возможность на исторических примерах художественно осмыслить основные тенденции развития современности⁸. С 30-х годов XIX в. наблюдается постепенно усиливающийся дрейф литературы в сторону реалистических сюжетов. Это нашло проявление не только в прозе, но и в поэзии. Именно на стыке двух эпох в истории литературы сложилось творчество известного, самобытного поэта Ивана Саввича Никитина (1824—1861).

Никитин родился 21 сентября 1824 г. в семье торговца в Воронеже. Невысокое социальное происхождение способствовало тому, что будущий поэт рос в простой среде, впитывая в себя традиционную русскую культуру. Это отразилось на всем его дальнейшем творчест-

ве, проявляясь в использовании народных мотивов в произведениях, сюжетах, принципах построения стиха. Образование Никитин получал в воронежской семинарии. Грубые нравы и деспотичная атмосфера этого учебного заведения в дальнейшем подробно были описаны самим поэтом в его единственном прозаическом произведении — повести «Дневник семинариста». Но именно здесь Никитин познакомился с современной ему поэзией в лице А.С. Пушкина и А.В. Кольцова⁹. Тем не менее, даже окончить семинарию Никитину не удалось. Торговые дела отца Никитина начинают идти все хуже и вынуждают его приобрести постоянный двор, содержать который приходится его сыну. Тот забрасывает учебу, его исключают из семинарии. Несмотря на это, он не бросает своего увлечения поэзией, начинает писать собственные стихи. Вот как описывал свой путь к музе сам молодой поэт в письме к редактору журнала «Пантеон» Ф.А. Кони: «Я — бедный мещанин. Круг моих знакомых невелик и не завиден. Образование получено мною весьма недостаточное, но с раннего детства в душу мою запала глубокая любовь к литературе. Помню, как всякое произведение, запечатленное талантом, приводило меня, еще ребенка, в восторг, который я не мог себе объяснить. <...> Этой любви я не утратил и доселе. В моей грустной действительности единственное для меня утешение — книги и природа: в беседе с нею я забываю все меня окружающее»¹⁰. В 1853 г. он отправляет в газету «Воронежские губернские ведомости» подборку своих произведений, которые вызывают интерес у Н.И. Второва, одного из руководителей газеты, историка, этнографа, статистика, руководителя кружка местных интеллигентов, оставившего заметный след в развитии отечественной провинциальной историографии¹¹. Тот рекомендует стихи начинающего поэта влиятельному графу Д.Н. Толстому, который становится покровителем Никитина. В кружке Второва начинающий поэт оказался в неоднородном по своим общественно-политическим пристрастиям обществе. Там были демократы и консерваторы, поборники самодержавия и сторонники реформ. Если сам Второв придерживался демократических воззрений и стремился их привить своему подопечному, то такие члены кружка, как М.Ф. Де-Пуле и А.П. Нордштейн, в своих взглядах были более консервативны. Как это уже отмечали литературоведы, в поэзии Никитина отразились обе тенденции. Причем можно говорить об их переплетении: стремление к разоблачению несправедливости окружающей его жизни, желание это изменить соседствовало с умеренностью в политических пристрастиях.

В 1856 г. вышел первый сборник его стихов, вызвавший неоднозначную реакцию. Н.Г. Чернышевский в «Современнике» опубликовал отрицательную рецензию, где обвинял начинающего поэта в подражательности и «игнорировании жизненного материала»¹². Сам Никитин посчитал критику чересчур резкой: «Попробовал бы г. рецензент пройти по уши в грязи по той самой дороге, по которой идет автор-мещанин, я послушал бы тогда, как он воспел эту грязь»¹³. Тем не менее, он болезненно переживал отзыв Н.Г. Чернышевского. Если в ранний период его творчества в лирике преобладают стихотворения, посвященные описанию природы и философии бытия, то в последний — он концентрируется на сюжетах, освещавших жизнь русского крестьянства. Тем самым Никитин превратился в видного представителя так называемого демократического, «некрасовского направления» в поэзии. Все же романтический период не прошел даром. По мнению исследователя творчества Никитина Н.В. Головки: «Романтизм был определенной школой и в какой-то степени подготовил и обогатил позднейшее творчество»¹⁴.

В 1858 г. писатель публикует поэму «Кулак», насыщенную картинами повседневной жизни провинциальной России. Поэма была сочувственно встречена читающей публикой, в особенности либерального толка. В сборнике «Воронежская беседа за 1861 г.» (1861) была напечатана его повесть «Дневник семинариста», пронизанная пафосом обличения семинаристского образования и порядков, царивших в нем.

Несмотря на переход к реализму, в своих общественно-политических взглядах Никитин оставался на весьма умеренных позициях: он обращал, в первую очередь, внимание на нравственное несовершенство окружающей действительности. Поэтому его главной целью стало нести просвещение в российскую провинцию. После литературного успеха он бросает работу на постоялом дворе и открывает в Воронеже книжную лавку, желая посвятить себя делу пропаганды культуры. В его лавке можно было не только подписаться на столичные периодические издания, приобрести нужную книгу, но и взять за умеренную плату для чтения дома.

В последние годы жизни Никитин часто и подолгу болел. В мае 1861 г. он простудился и слег. Здоровье поэта ухудшило поведение отца, который «пил без удержу и не только не понимал положения Никитина, но безобразничал напропалую. Часто он пугал умирающего сына, врываясь в его комнату в пьяном, безобразном виде»¹⁵.

Последним радостным событием для него стала отмена крепостного права, которую он, безусловно, приветствовал и считал необходимым. Ключевую роль в освобождении он отводил Александру II: «Эти дела будут лучшею страницей в истории императора Александра II, страницей блистательною. Снимать цепи с миллиона подобных себе разумных существ — такая доля выпадает не многим монархам»¹⁶. 16 октября 1861 г. поэт скончался. Несмотря на раннюю смерть, поэт прочно вошел в ряды классиков русской литературы. Его поэтические произведения продолжают пользоваться популярностью, некоторые положены на музыку. С его поэтическим наследием знакомятся в общеобразовательной школе.

* * *

Исторические образы являются важным компонентом творчества Никитина. Его исторические представления интересны для изучения еще и потому, что, с одной стороны, будучи выходцем из простонародья, а с другой — членом кружка провинциальной интеллигенции, в своем творчестве он отразил те исторические представления, которые были свойственны этим социальным слоям.

В ранний период своего творчества Никитин использовал исторические образы для осмысления философско-мировоззренческих проблем. Так, в стихотворении «Дума», написанном в 1849 г., история представляется автору как череда сменяющихся народов и государств, которые уходят в небытие, повинувшись законам неумолимого времени:

...И мы мелькнем, как метеор мгновенный,
И, может быть, потомства поздний род
Забудет наш угаснувший народ.
Так! вечности не суждено земному;
Покорствуя всеобщему закону,
Всё умереть когда-нибудь должно...¹⁷

Но всеобщий закон времени, тем не менее, уступает другому закону — закону жизни. В стихотворении Никитин проводит мысль о том, что прошедшие поколения не исчезают бесследно: на их наследии вырастают новые народы и государства. Подобные идеи можно найти и в стихотворении «Жизнь и смерть»¹⁸. В этой несколько наивной философии можно увидеть поиск собственного места в мире и даже во вселенной. Заметим, что представление о времени как череде непрерывных обновлений было свойственно не только

философии истории того времени, но и народным представлениям. В них время рассматривалось как череда циклических повторений и возрождений¹⁹. Можно смело предположить, учитывая социальное происхождение Никитина, что именно из народных представлений он почерпнул идею непрерывного возрождения жизни.

Эта же тема всплывает в стихотворениях «Бегут часы, недели и года...» и «Жизнь», написанных в то же время. В данном случае в череду непрерывного движения вписывается судьба человека, который является лишь звеном вечной смены поколений. В произведении «Жизнь» поэтом акцентируется важнейшая, с его точки зрения, функция история — воспитание. Причем воспитательное значение имеет в первую очередь «борьба и подвиг знаменитый»²⁰. Отметим, что такое понимание исторического знания было широко распространено в первой половине XIX в.

Произведение «Вечность» добавляет в понимание Никитиным проблемы вечного движения жизни новые штрихи. В стихотворении присутствуют религиозные мотивы. Так, поэт пишет:

О грозная вечность,
Безмолвная вечность!
Крепка твоя тайна;
Но разум мой верит,
Что ты существуешь:
Отраднo мне думать,
Что дух мой бессмертный
Есть вечный наследник
Бесплотного царства;
Что будет он видеть
Веков миллионы,
Миров разрушенье
И, может быть, новых
Прекрасных творений
Конец и начало...²¹

Обращение к вечности как божественному началу указывает на пантеистические представления автора. Его мысль о бессмертии души является частью идеи непрерывности человеческой истории: умершие становятся не только опорой последующим, но и продолжают оставаться свидетелями происходящих событий.

Кроме идеи непрерывного исторического обновления жизни, в поэзии Никитина прослеживается мысль о том, что многое в этом мире преходяще. Отчетливо это настроение проявляется в стихотворении «Развалины». Описывая руины старинного замка, кото-

рые выступают как метафора суетности бытия и всеислия времени, он задается вопросом:

Где эти люди с их страстями
И позабытым их трудом?
<...>
А люди?.. Этот ветерок,
Пустыни житель одинокой,
Разносит, может быть далеко,
С их прахом смешанный песок!..²²

Проблема личности в истории звучит в стихотворении «Когда Невы, окованной гранитом, алмазный блеск я вижу в час ночной...». Стихи, очевидно, навеяны поэмой Пушкина «Медный всадник». На фоне творения великого поэта, нарисовавшего впечатляющий, мифологизированный хронотоп Санкт-Петербурга, где тесно переплетаются прошлое и современность, мифы и реальность, работа Никитина явно уступает.

В самом начале 1850-х годов в поэзии Никитина все отчетливее начинают звучать патриотические мотивы. В его произведениях тема Родины тесно переплетается с картинами красоты русской природы²³. Так, в стихотворении «Юг и Север», написанном в 1851 г., поэт связывает описание природы Севера и идеи самобытности «русского духа». В произведении отчетливо прослеживается мысль о тесной связи настоящего и прошлого, разных поколений: «Я Руси сын! здесь край моих отцов!»²⁴. Продолжает эту тенденцию и другое произведение, созданное в 1854 г. — «Буря». Описывая бурю, автор не преминул сравнить это стихийное явление со сражением богатырей:

Слышатся песни, и крики, и грозных речей отголоски...
Мнится, что ожили богатыри старой матушки-Руси,
С недругами в битве сошлись и могучие меряют силы...²⁵

Здесь, в который раз, проявилось свойственное Никитину, как поэту, смешение времен, пространств и явлений. Перед нами открывается «исторический» пейзаж, где временные и пространственные границы переплетены и соподчинены друг другу. Поэтизация бури соседствует с поэтизацией исторического прошлого, способствует созданию образа единства природы и человеческих деяний.

Тесную связь исторического образа и пейзажной лирики демонстрирует и, пожалуй, одно из самых известных стихотворений Ни-

китина «Русь». Именно после публикации этого поэтического произведения молодой литератор приобрел известность у читающей публики. Начиная описание с перечисления красот русской природы, автор плавно переходит к образам исторического прошлого. Основой образов становятся военные подвиги:

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому²⁶.

Большая часть стихотворения посвящена нашествию Наполеона:

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

<...>

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

<...>

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..²⁷

В данном отрывке Никитин последовательно расставляет акценты своего понимания исторической славы России. В нем нет прославления завоевательных походов. В ряду «громких подвигов» присутствуют только те исторические эпизоды, когда Руси-России приходилось отстаивать свою независимость сначала от татар,

затем от поляков в Смутное время, и, наконец, от нашествия Наполеона. Таким образом, победы предстают во многом как «вынужденные», автор подспудно подчеркивает миролюбие русского народа. Любопытно отметить, что события, выделенные Никитиным в качестве ключевых в русской истории, практически совпали с официально утвержденными барельефами храма Христа Спасителя, который должен был стать символом национального мифа, культивировавшегося во время правления Николая I²⁸.

Написанное в 1851 г., стихотворение было опубликовано только в 1853 г. в «Воронежских губернских ведомостях», когда уже началась Крымская война. Произведение сразу было воспринято как, с одной стороны — патриотический гимн, а с другой — отражение теории официальной народности, господствовавшей в официальной идеологии в то время. И действительно, в произведении отчетливо прослеживаются идеологемы данной теории. Так, в нем присутствуют все необходимые компоненты: самодержавие (когда царь изображается как объединитель народа), православие (стихотворение обращено к «православному люду») и, конечно же, народность. Более того, в произведении отчетливо виден официальный «сценарий власти», пропагандируемый в эпоху правления Николая I. По авторитетному мнению Р. Уортмана, он подразумевал признание не только единства правителя и народа, но и метафору беспрекословного подчинения воле царя²⁹.

Несмотря на это, произведение не было мертворожденной «агиткой». Его пронизывают народно-поэтические образы и картины, а стихи строятся как народные песни³⁰. Именно эти качества позволили стихотворению прожить долгую жизнь. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. оно превратилось в один из самых популярных и активно пропагандируемых среди солдат поэтических текстов. Оно было положено на музыку, выходило и отдельными изданиями³¹. Его народно-патриотический заряд питают универсальные для любого времени и идеологий образы. Стихотворение и сейчас входит в школьную программу.

Случайно или не случайно, но идейно к стихотворению «Русь» тесно примыкает цикл стихов, посвященных Крымской войне. Традиционно считается, что настроения русской общественности накануне войны были не в пользу правительства и не отличались особым патриотизмом³². Тем не менее, в стихотворениях Никитина доминируют именно патриотические мотивы в освещении и осмыслении Крымской кампании.

По хронологии первым в этом ряду стоит произведение «Война за веру», написанное в декабре 1853 г. Стихи проникнуты воинственным духом, жадой справедливой борьбы, где Россия однозначно признается как жертва агрессии Османской империи. Символика «Войны за веру» традиционна: Никитин рассматривает войну как противостояние Юга и Севера, мусульманства и христианства. В стихотворении отчетливо прослеживаются и антисемитские мотивы. В общем, стихи хорошо вписывались в официальную трактовку начинающейся войны. Эта работа встретила негативную реакцию в так называемых демократических кругах. Н.А. Добролюбов отозвался о ней резко негативно³³.

Продолжает цикл стихотворение «Новая борьба», написанное 20 февраля 1854 г., уже после вступления в войну Англии и Франции. В нем война изображается как праведный исторический долг России. Англия и Франция представлены в образе тучи, надвигающейся на страну. Они нарисованы как предатели христианства, вставшие «под знаменем Луны!», под которой, очевидно, понимается Османская империя. По мнению Никитина, Россия должна сражаться:

Вперед за христиан, позорно умерщвленных!
Вперед за нашу честь и за права отцов,
За славу мест святых, несчастьем оскорбленных,
За веру русскую — наследие веков!³⁴

Более того, в стихотворении проявляются и славянофильские мотивы. Например, конфликт западных стран и России объясняется различием в «духе»:

Понятно Англии кичливое волнение:
Народный русский дух не много ей знаком.

«Русский дух» в этом образном ряду основывается на тех исторических победах, которые прославили русское оружие. Среди них упоминается Полтавское сражение и Бородино. В стихотворении англичане и французы названы «представителями слепыми просвещения», тем самым автор противопоставляет западноевропейскую цивилизацию, основанной на «холодном рационализме», и русских.

Не менее отчетливо просматриваются и панславистские идеи поэта. Цель России ему видится в объединении всех славянских народов:

И далеко наш клич призывный пронесется,
И пробудит он всех униженных славян,
И грозно племя их в один народ сольется
И страшной карою падет на мусульман!³⁵

Таким образом, в данном произведении исторические образы подчинены осмыслению текущего военного конфликта Российской империи со странами Запада. В понимании поэта, это противостояние — вековое столкновение разных цивилизаций. Историческая картина, нарисованная автором, имеет статичный характер: по его мнению, русские обладают неизменными чертами характера (сейчас бы сказали — менталитета). Подобный подход был характерен для авторов второй четверти XIX в. патриотического толка, близко смыкавшихся с официальной государственной идеологией³⁶.

Продолжает цикл, посвященный Крымской войне, стихотворение «Донцам»³⁷. Обращенное к донскому казачеству, принимавшему активное участие в военных действиях, стихотворение строится на системе стереотипных образов. Так, донцы называются «воинственным племенем», «войны испытанными детьми», сражающимися за христианскую веру. Обращаясь к казачеству, Никитин указывает, в первую очередь, на их славное военное прошлое:

Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровию вписали
Любовь к Руси в ее скрижали...³⁸

Здесь вспоминается и покорение Сибири, и взятие Азова, и вековая борьба со степными народами. Очевидно, что тем самым поэт как бы объединяет современную ему войну и образ казаков как защитников России от набегов степняков. Но одновременно казаки изображаются и как опора трона. В качестве одного из значительных достижений описывается подавление венгерского восстания 1848 г. Теперь, в том же стихотворном обращении, добавляется и еще один мотив, стремление к освобождению славян:

Встань же снова, Дон наш славный!
Оковы брат твой православный
Четыре века уж влачит³⁹.

Стихотворение не было опубликовано, но оно также отражает настроение Никитина во время войны.

Последним в этом цикле стоит стихотворение «На взятие Карса», написанное сразу после известия о падении турецкой крепости Карс. Эта крупная победа русских войск последовала после сдачи Севастополя, что нашло отражение в произведении. Торжественный пафос стихов отражается в четверостишии:

Таков удел твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
На горах пепла, вырастая,
Не в первой раз тебе стоять⁴⁰.

Вновь лейтмотивом выступает идея о том, что развитие России шло в тяжелой борьбе с другими народами, когда приходилось огромными жертвами доказывать свое право на существование.

Этот цикл не был опубликован при жизни автора. Причина была в том, что его пафос не соответствовал настроению разночинских кругов, в которых вращался Никитин. Его друг и покровитель, Н.И. Второв, посоветовал ему не публиковать многие из этих стихов, что поэт и сделал.

В эти же годы поэт пишет свое известное стихотворение — «Уж как был молодец, — Илья Муромец...». Оно не входит в цикл стихов о Крымской войне, но по духу достаточно близко им. В качестве эпиграфа к произведению Никитин взял строки из «Сказания о Мамаевом побоище»: «Воздадим хвалу Русской земле», тем самым указав на то, что его стихи — продолжение исторической традиции произведений-эпосов. Для поэта былинная фигура Ильи Муромца — это метафора всего русского народа:

Вот таков-то народ
Руси-матушки!
Он без нужды не вдрут
С места тронется...⁴¹

Стилизованное под русские народные песни, так же, как писал свои стихи А.В. Кольцов, стихотворение проникнуто историзмом. Никитин завершал произведение следующим образом:

И уж много могил
Наших недругов
Порастёт на Руси
Травой дикою!⁴²

Здесь прослеживается переключка с проходившей Крымской войной. Поэт тем самым пытался связать современность и прошлое.

Несмотря на патриотическую риторику во время войны, Никитин встретил ее окончание, закончившееся поражением Российской империи, достаточно сдержанно. В письме к А.Н. Майкову он писал: «Пал наш Севастополь, хотя и славно его падение!.. Не знаю, как Вы — я рад миру. Довольно мы показали блистательно мужества в борьбе с врагами, но довольно сознали и свою отсталость от современного европейского просвещения. После битвы с внешним неприятелем пора нам наконец противостоять врагам внутренним — застою, неправде, всякой мерзости и гадости. Пошли нам, господа, победу, твердую волю и мудрость обожаемому государю»⁴³. Именно в это время происходит переход поэта от романтизма и «чистого искусства» к реализму. В мировоззренческом плане он встает на умеренно-демократические позиции. Исторические сюжеты все реже привлекают его внимание, романтика прошлого окончательно уступает прозе жизни. Тем не менее, и в этот период можно обнаружить несколько запоминающихся исторических образов.

Так, в произведении «Хозяин», созданном в 1861 г., есть такие строки:

«На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...»⁴⁴

По мнению исследователя творчества Никитина Л.А. Плоткина: «На основе фольклора Никитин сумел создать символическое обобщение большой силы. Если вспомнить, что стихотворение написано было в начале 60-х годов, когда в стране готовились отметить тысячелетие России, образ прикованного сокола, который томится уже тысячу лет, приобретал острое политическое звучание»⁴⁵. И действительно, учитывая общую эволюцию поэта, можно смело предположить, что под соколом подразумевается русский народ. Подобные произведения накануне отмены крепостного права становились особенно злободневными. Здесь можно отметить общее

изменение мировоззрения поэта в контексте изменений общественных массовых настроений.

Таким образом, анализ исторических представлений И.С. Никитина позволяет несколько по-новому взглянуть на его литературное творчество. Так, становится очевидным не только национально-патриотический компонент его стихов, но и приверженность идеологическим стереотипам николаевской эпохи. Несмотря на то, что поэт придерживался антикрепостнических взглядов, это органично переплеталось в его мировоззрении с принятием идеалов теории официальной народности, что свидетельствует о востребованности этой идеологии обществом.

Изучение исторической поэзии Никитина позволяет хотя бы частично воссоздать картину тех исторических представлений, которые были распространены в середине XIX в. Анализ темы «История России в поэзии И.С. Никитина» способствует более глубокому пониманию не только творчества поэта, но и литературного процесса того времени. Это еще раз убеждает, насколько тесно связаны история и литература в культуре, насколько переплетаются их функции воспитания человеческой личности.

¹ Шмидт С.О. : 1) Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: сб. ст. к 80-летию акад. Д.С. Лихачева. — Л., 1987. — С. 357—364 ; 2) Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. — 2002. — № 1. — С. 40—49.

² URL: <http://www.filosofi-online.ru/po/>

³ Цит. по: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. — М., 2007. — С. 13.

⁴ Дёрлинг-Смирнова И.Р., Смирнов И.П. «Исторический авангард» с точки зрения эволюции художественных систем. URL: <http://novruslit/library/?p=31>

⁵ Соколов А.К. История, литература и искусство // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. — М., 2004. — С. 400.

⁶ Иного мнения придерживается А.В. Малинов, который пишет, что «в настоящее время история мыслится шире... не в смысле творчества образов, а в смысле созидания адекватных... понятий, формул и схем» (Малинов А.В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX века. — СПб., 2008. — С. 138). Представляется, что автор излишне акцентирует сциентическую составляющую истории, отбрасывая ее образную, описательную сторону.

⁷ Зорин А. «Кормя двуглавого орла...»: литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX в. — М., 2004. — С. 28.

⁸ Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — М., 2009. — С. 9.

⁹ Плоткин Л.А. Жизнь и творчество И.С. Никитина // Никитин И.С. Собрание сочинений: в 2 т. — М., 1975. — Т. 1. — С. 4.

- ¹⁰ И.С. Никитин — Ф.А. Кони, 6.11.1853 г. // Там же. — Т. 2. — С. 223—224.
- ¹¹ *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография XIX века. — М., 2003. — С. 213.
- ¹² *Плоткин Л.А.* Указ. соч. — С. 21.
- ¹³ И.С. Никитин — А.А. Краевскому, 20.08.1856 г. // *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — М., 1975. — Т. 2. — С. 248.
- ¹⁴ *Головкин Н.В.* Романтизм и реализм в эстетической системе И.С. Никитина // Поэт-демократ И.С. Никитин. — Воронеж, 1976. — С. 32.
- ¹⁵ *Де-Пуле М.Ф.* Иван Савич Никитин // *Никитин И.С.* Сочинения. — Воронеж, 1869. — Т. 1. — С. 189.
- ¹⁶ И.С. Никитин — Н.А. Матвеевой, март 1861 г. // *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — М., 1975. — Т. 2. — С. 395.
- ¹⁷ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — М., 1975. — Т. 1. — С. 68.
- ¹⁸ Там же. — С. 106—107.
- ¹⁹ *Толстая С.М.* Время // *Славянская мифология: энциклопедический словарь.* — М., 2002. — С. 94—95; *Юдин А.В.* Русская традиционная народная духовность. — М., 1994. — С. 40.
- ²⁰ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — С. 73.
- ²¹ Там же. — С. 80—81.
- ²² Там же. — С. 98.
- ²³ *Кретов А.И.* Тема Родины в творчестве И.С. Никитина // *И.С. Никитин. Статьи и материалы: к 100-летию со дня смерти.* — Воронеж, 1962. — С. 85—90.
- ²⁴ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — С. 91.
- ²⁵ Там же. — С. 196.
- ²⁶ Там же. — С. 93.
- ²⁷ Там же. — С. 94.
- ²⁸ *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — М., 2004. — Т. 1. — С. 503—504.
- ²⁹ Там же. — С. 389—435.
- ³⁰ *Кретов А.И.* Указ. соч. — С. 86.
- ³¹ Например: *Никитин И.С.* Русь. — Л., 1943.
- ³² Например: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. — М., 2004. — С. 371—372.
- ³³ *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений. — М.; Л., 1963. — Т. 6. — С. 158.
- ³⁴ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — С. 140.
- ³⁵ Там же. — С. 141.
- ³⁶ *Сорочан А.Ю.* Указ. соч. — С. 9.
- ³⁷ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — С. 176—179.
- ³⁸ Там же. — С. 178.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. — С. 250.
- ⁴¹ Там же. — С. 208.
- ⁴² Там же. — С. 210.
- ⁴³ Цит. по: *Плоткин Л.А.* Указ. соч. — С. 24.
- ⁴⁴ *Никитин И.С.* Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — С. 333.
- ⁴⁵ *Плоткин Л.А.* Указ. соч. — С. 32.

А.Н. Сахаров

Исторические романы Всеволода Соловьева

В статье показано значение литературных произведений Вс.С. Соловьева в контексте изучения отечественной истории. Основное внимание уделено тому, как писатель присущими литературе художественно-психологическими методами создавал объективные образы и картины действительности, проникая в глубинную сущность исторических событий и процессов.

Ключевые слова: Вс.С. Соловьев; исторический роман; история России; объективность; историзм.

A.N. Sakharov

The historical saga of Vsevolod Soloviev

The article shows the value of Vs.S. Soloviev's literary works in the context of the study of national history. The main attention is paid to how the writer with inherent in literature artistic and psychological methods created the images and the objective pictures of reality, penetrating deep into the essence of historical events and processes.

Keywords: Vs. Soloviev; a historical novel; history of Russia; objectivity; historicism.

Жизнь наша в XX в. была устроена так, что в течение долгих лет художественный интерес к истории советские люди, поколение за поколением, утоляли в основном чтением романов А. Дюма, В. Скотта, Р. Стивенсона, М. Дрюона, Л. Фейхтвангера, Г. Сенкевича и других блестящих романистов Старого и Нового Света. Конечно, важное место в этом чтении занимали исторические романы и пьесы А.К. и А.Н. Толстых, И.И. Лажечникова, а также историко-художественные панегирики видным полководцам, флотоводцам, вождям крестьянских восстаний в России, лидерам революционного движения, созданные усилиями советских писателей... Собственно, на этом список публиковавшейся отечественной исторической романистики можно было и завершить.

Но российская история, как известно, не исчерпывалась лишь ее революционными страницами, патриотическими свершениями и не ограничивалась лишь официально «любимыми» исторической наукой и исторической беллетристикой фигурами Ивана III, Ивана Грозного, Петра I, Суворова, Кутузова, Багратиона, Ушакова, Нахимова и других выдающихся деятелей нашего Отечества, хотя, вне всякого сомнения, эти государственные и военные деятели до-

стойны всяческого уважения, возможно, поклонения и восхищения и, конечно же, изучения и художественного воплощения.

Известно также, что сама жизнь состояла и состоит из многих других ярких черт, воплощающихся в эпоху, и в понятие «эпоха» укладывается и быт простого человека, и жизнь царского дворца, и герои нашей истории, и ее злодеи, и те, кто был официально признан и официально проклят в одно время, и те, кто был возвеличен и также проклят в совсем иные дни. Для подлинной истории и подлинного историка, как и для подлинного исторического романиста, безразличны смены политических декораций, формаций, идеологическое влияние революционных потрясений и последующих идеологических стереотипов, конъюнктурные метания властей. Для настоящего писателя ценен прежде всего беспристрастный факт, объективное течение жизни, складывание характера исторических деятелей под влиянием этих беспристрастных фактов и объективных влияний и художественное воплощение этого исторического прозрения.

Однако как раз спокойного, вдумчивого, объективного и всестороннего подхода к родной истории нам, вплоть до феноменального прорыва в этой области во второй половине 80-х — 90-х годах XX в., десятилетиями не хватало и в научных трудах, и в писательском творчестве.

Благодаря творчеству ученых и писателей мы многое знали, но многого и не знали. Целые интеллектуальные пласты нашей науки и нашей художественной литературы, в том числе и исторической романистики, были выключены из этого понимания прошлого. И так случилось, что эти выключения приходились порой на весьма интересные периоды русской истории, на яркие и незаурядные характеры, на такие стороны жизни давних дней, без знания и ощущения которых мы становились беднее, а наша историческая фантазия едва тлела, если временами не угасала совсем. Но мир не терпит пустоты, и мы пользовались любым случаем, чтобы заполнить образовавшиеся интеллектуальные провалы, обращались к тем писателям и тем странам, где находили недостающую пищу для сердца и ума. Вот почему случилось так, что за исключением, пожалуй, времени Петра I и, возможно, Ивана Грозного и, благодаря гению Льва Толстого, — времени Александра I, мы намного лучше, ярче, разнообразней представляли себе историю «проклятых королей» или эпоху Людовика XIV во Франции, нежели время, скажем, Алексея Михайловича; войну Алой и Белой Розы лучше, чем Дворцовые перевороты в России XVIII в., а жизнь многочис-

ленных немецких королей, герцогов, курфюрстов значительно глубже, чем русских владетельных особ.

В последнее время ситуация изменилась, появилась серия исторических романов нового поколения и новая вереница исторических деятелей Руси, Московии, России, выведенная искусными перьями нынешних писателей. Среди них те, о ком прежде говорить и писать объективно было не принято: Марфа Борецкая и Никон, Иван Калита и Сергей Радонежский, Барклай-де-Толли и Столыпин. Но пока все это малая толика огромных художественно малоосвоенных пластов российской истории.

Вот почему мы все чаще и чаще обращаемся сегодня к помощи тех писателей прошлого, кто давно уже и весьма добротню сделал эту работу для нас. Вот почему сегодня таким успехом пользуются исторические романы Е.А. Салиаса, Д.Л. Мордовцева, Н.И. Костомарова, Г.П. Данилевского, К. Ф. Валишевского и других видных исторических романистов. Они несут на себе печать времени; конечно, они порой выглядят старомодно и даже с точки зрения современной науки наивно, но в них есть то, чего мы были лишены долгое время, — широкий диапазон тем, характеров, страстей. И свое оригинальное, неповторимое место в этом ряду занял по праву совсем недавно и многократно переизданный Всеволод Сергеевич Соловьев, чьи исторические романы стали буквально откровением для сегодняшнего российского читателя.

Знакомство с творчеством Всеволода Соловьева доставляет подлинную радость. Его романы — это прикосновение к такому далекому, удивительному, красочному миру русской истории XVI—XIX вв., к миру, наполненному значительными характерами, сильными страстями, благородными порывами и злой волей. Соловьев хорош тем, что просто и доверительно ведет читателя по причудливым лабиринтам родной истории, знакомит с людьми прошлого, обычаями старины, заставляет восторгаться высотами их духа, их подвигами, проклинать их подлости и бесчестные дела, ценить человечность и осуждать жестокость и властолюбие. Сегодня, как и когда-то, писатель учит нас любить историю России, открывает ее для нас и помогает нам совершить выбор между этой историей и прошлой жизнью других стран, воспетых их литературными искусниками.

Все это и создало автору необычайный успех у читателей, отзвуки которого мы слышим и сегодня, заново знакомясь с его творчеством.

Всеволод Соловьев считался одним из наиболее популярных русских писателей в конце XIX в. Затем звезда его популярности

стала закатываться, и лишь немногие почитатели проводили его в 1903 г. в последний путь на Новодевичье кладбище, где четверостишие, выбитое на его надгробии, передало будущим поколениям смысл жизни этого человека, его общественное звучание.

Еще угас один художник,
Еще умолк один боян.
Осиротел его треножник.
Российских бардов реже стан.

Как-то в беседе с одним из своих друзей Всеволод Соловьев сказал, что видит главную цель своей жизни в том, чтобы «познакомить, по возможности, самый широкий круг читателей с различными интересными эпохами русской жизни». Сказано, по-моему, верно, хотя и слишком скромно. Литературное, культурное, общественное значение Всеволода Соловьева значительно шире, хотя на протяжении жизни писателя, да и после его смерти, оно испытывало порой неожиданные превращения.

* * *

Всеволод Сергеевич Соловьев родился в Москве 1 января 1849 г., был старшим ребенком в семье замечательного русского историка Сергея Михайловича Соловьева, чью многотомную «Историю России с древнейших времен», другие исторические сочинения до сих пор с увлечением читают любители истории, внимательно изучают исследователи. Мать будущего писателя, урожденная Романова, происходила из старинной и даровитой малороссийской семьи, в роду которой ярко сияло имя известного украинского философа, писателя, просветителя Григория Сковороды.

В семье Соловьевых среди многочисленных детей были яркие фигуры. На четыре года моложе Всеволода был Владимир, ставший позднее знаменитым философом, поэтом, публицистом, основоположником русской религиозной философии, чьи сочинения получили широкую известность в России и Европе конца XIX — начала XX в. и возродились сегодня вновь к пристальному изучению уже современным российским поколением. Сестра Поликсена с годами выросла в одаренную поэтессу, которая немало печаталась в тогдашних журналах под псевдонимом «Allegro».

Это была высокоинтеллектуальная русская семья. И не только благодаря замечательным личностным свойствам отца, матери, подрастающих и ярко проявляющих себя детей, но и за счет удивитель-

тельного окружения, которое как бы притягивалось к дому Соловьевых. Это были глубокие, яркие умы, замечательные литературные таланты. Т.Н. Грановский и писатель «сказочник» А.Н. Афанасьев, Константин и Сергей Аксаковы, известный писатель А.Ф. Писемский. Бывал здесь и великий Достоевский. Первые советы будущий писатель получил как раз от Достоевского, а Алексей Феофилактович Писемский стал едва ли не его постоянным литературным патроном, особенно в юные годы будущего писателя, когда поддержка опытной, авторитетной и талантливой литературной руки так была необходима еще не устоявшемуся дарованию. Первые свои литературные опыты Всеволод Соловьев показал маститому писателю в ту пору, когда юному автору едва минуло тринадцать лет.

До двенадцати лет Всеволод Соловьев рос и воспитывался в родительском доме, а затем в его жизни наступило первое серьезное испытание. Он был отдан на обучение и проживание в одно из лучших тогда в Москве учебных заведений — «пансион, состоящий при реформатской церкви». Но казенное место есть казенное место. И очень скоро воспитание в традициях старомосковской интеллигентской семьи с ее теплом и уважением к личности вошло в противоречие с бездушием и холодом пансиона, пусть и самого лучшего. Он не оказался для Соловьева тем, чем стал лицей для Пушкина, а руководитель пансиона немец Циммерман и его жена англичанка Глярнер, как и многие преподаватели, оставили в его душе самый мрачный след. Стяжательство организаторов этого учебного заведения, скверное питание, жестокость преподавателей и надзирателей, телесные наказания, грубость нравов среди воспитанников — таким запомнился пансион будущему писателю.

Не здесь ли как антипод всему жестокому и насильственному формировалась страстная тяга Всеволода Соловьева к светлым и благородным чертам характера, к доброте и гуманистическим устремлениям, к самопожертвованию и подвигам ради человека, его достоинства и чести?

В 1866 г. Соловьев, которому исполнилось семнадцать лет, поступил на юридический факультет Московского университета. А в 1870 г. он уже окончил его курс со степенью кандидата права.

Но юриспруденция не увлекала молодого человека. Все больше и больше его сердце склонялось к истории, все громче звучал в его душе ее художественный зов. Литература, раннее его увлечение сочинительством стихов, рассказов все более сливались с художественным видением истории, которая постоянно звучала в

семье Соловьевых. И влияние отца в этом смысле трудно было переоценить. Один из биографов писателя, знавший его лично, так описывает степень и полноту этого влияния: «Разумеется, слишком естественно гордиться таким отцом, как Сергей Михайлович Соловьев, но помимо гордости тут сказывалась глубокая сыновняя нежная любовь. Все, касавшееся отца, носило в глазах сына как бы священный отпечаток... При таком почитании отца Соловьев не поработал, однако, его мирозерцанию собственное мирозерцание. Он часто приводил мнение Сергея Михайловича по разным вопросам, часто повторял: “я держусь тех же взглядов, каких держался покойный отец”, и, тем не менее, образ его мыслей отличался, в общем, большой оригинальностью и самостоятельностью»¹.

После окончания университета Всеволод Соловьев начал служить сначала в I Отделении его императорского величества канцелярии, затем в Министерстве просвещения и Главном управлении по делам печати в качестве цензора. Но основным делом жизни для молодого правоведа, чиновника, цензора все более становилась литература. Именно об этой своей подлинной страсти он мог сказать в одной из бесед со своим биографом: «Но она все-таки моя царица, и без нее я не мог бы жить. Тот раб ее, кто раз ее полюбит»². И еще раз он это подтвердил уже совсем на закате дней: «Всю жизнь я горел ею»³. И это была не просто литература, в которой он серьезно начал пробовать перо уже с 16 лет, публикуя в «Русском Вестнике», «Заре», «Пчеле», «Ниве» свои стихи, а позднее в «С.-Петербургских ведомостях» — журнальные обозрения, а такой ее редкий и трудный жанр, как историческая романистика, требующий огромных знаний исторического материала, понимания эпох, проникновения в их суть, овладения психологией и лексикой людей далекого прошлого. Но это в том случае, если произведение действительно претендовало на подлинное воплощение всех законов жанра, как они сложились к тому времени в России и Европе, где появилась блестящая плеяда мастеров исторического романа.

Соловьев предъявил эти претензии ярко и смело, ничуть не сомневаясь в своей исторической и художественной правоте. В 1876 г. в журнале «Нива», с которым надолго судьба связала писателя, появился его первый исторический роман «Княжна Острожская», посвященный событиям, происходившим в Литве XVI в.

Он принес писателю громкий и неоспоримый успех. А следом за этим романом на протяжении сравнительно короткого срока один за другим выходят его основные историко-художественные

сочинения — роман «Юный император» (1877), повесть «Русские крестоносцы» (1877), романы «Капитан гренадерской роты» (1878), «Царь-девица» (1878), «Касимовская невеста» (1879). Последние его историко-художественные произведения были написаны уже в начале 90-х годов XIX в.: «Царское посольство» (1890) и «Жених царевны» (1891). И снова мы видим удивительную творческую «скорострельность» писателя. Романы создаются быстро, как бы на одном дыхании.

А между 70-ми и 90-ми, когда были созданы эти произведения, лежит долгий период плодотворной и кропотливой работы над знаменитой исторической «Хроникой четырех поколений», которую в широких читательских кругах называли просто «Семья Горбатовых».

В «Хронику» вошло пять романов: «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник», «Последние Горбатовы». Все они связаны единой нитью — судьбой четырех поколений одной дворянской семьи, пережившей бурные эпохи XVIII—XIX вв. — «век Екатерины», время Французской революции, «наполеоновские войны», восстание декабристов, пору и становление нового буржуазного уклада в России.

На склоне лет писатель приступил к созданию еще одного историко-художественного повествования — романа о Наполеоне Бонапарте — «Шестьсот шестьдесят шесть», но завершить начатый труд ему уже не удалось.

Исторические романы не стали единственным жанром прозы, в котором работал Всеволод Соловьев. Его перу принадлежат и «бытовые» романы, некоторые из них проникнуты мистическими мотивами, продолжал писать он и стихи. Но в русскую литературу он вошел именно как исторический романист. Здесь наиболее полно, ярко, зрело раскрылись его художественный дар, блестящая эрудиция, тонкий вкус.

Интерес Вс. Соловьева к русской истории, к ее увлекательным сюжетам, пробужденный и подкрепленный семейными традициями, имел прочную основу в виде блестящих исследовательских трудов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина и других русских историков, которые познакомили читающую и думающую Россию с удивительным миром ее древностей. Еще Н.М. Карамзин с гордостью писал, открывая первый том своей «Истории государства Российского»: «Если всякая история, даже неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная... Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в

Абиссинии; личность каждого связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение; они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона». В древней Греции «толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты как у нас за честь Мономахова или Олегова Дому». И там, и здесь «кровавый пир», «чудовище тиранства», «сшибки и разбой»... И заключает: «...Некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних»⁴.

Другие историки также стремились, правда, может быть, не с таким художественным блеском, как Н.М. Карамзин, показать эту «особенную прелесть» русской истории.

Наблюдая творчество Всеволода Соловьева, можно с уверенностью сказать, что их благородный порыв не пропал даром. Молодой гуманитарий с полным уважением воспринял идею русской исторической школы XIX в. о том, что отечественная история таит в себе колоссальные сюжетные возможности, что она полна очаровательного драматизма, порой ее страницы, как и страницы истории других стран и народов, достигают подлинной трагедийности. А главное, он воспринял от своих знаменитых предшественников обостренный интерес к характерам исторических личностей; и Н.М. Карамзин, и отец писателя — С.М. Соловьев в полном смысле слова заселили русскую историю живыми людьми, привели в движение крупные характеры, столкнули человеческие страсти. С.М. Соловьев — скрупулезно, «отрешенно», научно; Н.М. Карамзин — тоже научно, но при этом — пристрастно и художественно эмоционально. Они попытались отразить на страницах истории реальные человеческие интересы, одним из которых и едва ли не самым основным, во всяком случае, в применении к «сильным мира сего», была борьба за власть и богатство.

И.Е. Забелин — мастер живописания исторического быта — во многом способствовал проникновению писателя в тайны повседневной русской жизни. И все это вошло в плоть и кровь художественных полотен Всеволода Соловьева.

Нельзя забывать и о том, что Вс.С. Соловьев благодаря авторитету и связям отца получил практически неограниченный доступ в крупнейшие архивохранилища страны, перед ним радушно распахнули двери респектабельные библиотеки. Он знал, где искать,

знал, что́ искать, а уж условия для его поиска были созданы замечательные. И не случайно многие его романы основаны не только на первоклассной для своего времени исторической литературе, но и на редчайших материалах. Так, писатель стал одним из первых, кто получил в научное пользование частную переписку Павла I, следы которой мы ощущаем в нескольких его произведениях. И именно ей Вс.С. Соловьев, видимо, обязан во многом своему увлечению Павлом I, которое заметно в его романах: он прикоснулся к документам живой человеческой души, и они потрясли его.

Всеволод Соловьев, конечно, не был первым русским романистом. До него громкую славу на этом поприще стяжали Карамзин, Загоскин, Лажечников, Вельтман, заложившие основы русской исторической романистики с ее высокой нравственностью, острой сюжетностью. Правда, немало в их творениях было и наивной простоты, приподнятости классицизма, метафизической прямолинейности. Но уже зарождалась иная, реалистическая тенденция историко-художественного повествования, открытая гениальными первенцами — «Капитанской дочкой» А.С. Пушкина и «Тарасом Бульбой» Н.В. Гоголя. Смелое приближение к реальной жизни, стремление постичь всю сложность и противоречивость человеческой природы, глубокое проникновение в быт и нравы прошлых эпох, в логику характеров героев ушедших дней стали примечательной особенностью новой традиции, ведущей свое начало от Пушкина и Гоголя. Во второй половине XIX в. эту линию в русской литературе укрепили и развили А.К. Толстой в «Князе Серебряном», Г.П. Данилевский, Е.А. Салиас, Д.Л. Мордовцев, Н.И. Костомаров, Е.П. Карнович. Однако высшим достижением этой школы можно считать исторические романы Всеволода Соловьева.

В романистике он был типичным представителем так называемой «государственной» исторической школы, которая, как известно, исходила в трактовке событий истории России из первенствующего влияния государственного начала.

Вслед за основателями этой школы Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым, которые считали, что судьбы страны вершили в первую очередь великие князья, цари и царицы, известные полководцы, церковные иерархи, видные сановники, Всеволод Соловьев главное внимание в своих романах уделял носителям государственного начала. Конечно, такой подход вряд ли может устроить сегодня вдумчивого читателя. Мы прекрасно понимаем, что человеческая деятельность во многом определяется материальными и

духовными потребностями общества, соотношением социальных сил и интересов, и все же нельзя недооценивать в истории индивидуальных человеческих усилий, влияния на историческое развитие воли, характера, склонностей отдельных исторических личностей, которые как бы аккумулировали интересы крупных общественных слоев. Старые историки — Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и другие — во многом помогают нам сегодня изжить эту недооценку; в исторической романистике ту же роль для нынешнего поколения читателей, несомненно, может сыграть Всеволод Соловьев с его блестяще выписанными историко-художественными характерами героев.

В своих романах он как бы подтверждает мысль Карамзина о том, что русская история, судьба ее героев полна занимательности, в ней самой существуют такие сюжетные повороты, которые не выдумает ни один романист. Он брал фабулы своих романов из жизни, и они приобретали остроприключенческий характер. Так, в основе романа «Царское посольство» лежит подлинная история русской миссии в Венецию во второй половине XVII в. во главе с А.П. Чемодановым. Член этого посольства — молодой человек Александр Залесский оказывается в центре напряженной международной интриги, завязанной узлами во дворцах Ливорно, Венеции, в хоробах московского Посольского приказа. В романе «Царь-девица» рассказывается о последних днях правления царевны Софьи, о трагической судьбе ее фаворита князя Василия Голицына. События «Хованщины», ожесточенной борьбы за власть между Петром и Софьей на исходе 80-х годов XVII в., властно вторгаются на страницы романа. В основе сюжетной канвы романа «Жених царевны» — подлинная история неудачного сватовства датского королевича Вольдемара, сына Христиана IV, к царевне Ирине — дочери русского царя Михаила Федоровича Романова. И, конечно, подлинные исторические события лежат в основе знаменитой «Хроники четырех поколений», хотя главные герои ее — члены семьи Горбатовых — персонажи вымышленные.

На страницы своих романов Вс.С. Соловьев вывел целую вереницу ярких исторических фигур, каждая из которых имела огромное значение в судьбах России; в основном это деятели XVII—XVIII вв. Эти века русской истории писатель любил особенно трогательно, считал события этого времени необычайно богатным материалом для исторической романистики: цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович, царевна Софья, боярин

Морозов, Петр II, Александр Данилович Меншиков, Анна Иоанновна, Бирон, Миних, Остерман, Державин, Елизавета, Екатерина II, Павел I, Потемкин, Безбородко, Платон Зубов, Аракчеев, архимандрит Фотий и другие. Кажется, лишь одну крупную историческую личность обошел романист стороной — Петра Великого. Трудно сказать, почему этот гениальный государственный деятель, яркий, живой, противоречивый человек не привлек его внимания. Но, судя по роману «Царь-девица», облик Петра I не был слишком симпатичен писателю, хотя неоднократно в других своих романах устами их героев Соловьев воскурял фимиам царю-преобразователю. И все это живые люди со своими взглядами на жизнь, со своими сильными чертами характера и чисто человеческими слабостями, со своими устоявшимися привязанностями и столь же устоявшимися антипатиями, с увлечениями, почти детскими радостями, сочетающимися с железной волей и холодным государственным расчетом.

Люди власти постоянно находятся у писателя на первом плане, и кажется, что они-то и есть та постоянная доминанта, которая определяет весь климат своего века. Но это лишь первое впечатление. Художник неуклонно берет верх во Вс.С. Соловьеве над историком-государственником.

Постепенно, исподволь, всем ходом своих повествований, проникновением в тайники души своих героев он развертывает перед читателем не силу, а нравственную слабость, духовную убогость властолюбцев. Служение страшному идолу власти разрушает человеческие души, духовно развращает людей, делает их марионетками в руках злых сил — к такому выводу приходим мы, следуя за пером писателя. А правда остается на стороне людей, пусть порой поверженных и растоптанных ее грозной и беспощадной поступью, но не сдавшихся этому идолу, людей, для которых понятия благородства, справедливости, добра, милосердия оказываются не пустым звуком. И порой носителем этих качеств является простой человек.

Поэтому неправильно было бы думать, что в романах Всеволода Соловьева стройными рядами выстроились лишь личности знаменитые: нет, они действуют среди многих других людей, они буквально окружены ими — как персонажами исторически достоверными, так и вымышленными — гвардейскими офицерами, мелкопоместными дворянами, купцами, разночинцами, придворными. И непременно участниками «исторического действия» Всеволода Соловьева являются люди из народа — стрельцы, солдаты, крестья-

яне, посадские, крепостные — как люди старшего возраста, так и бравые русокудрые молодцы и молодницы, а также разного рода обыватели — ворожея и сенная девушка, поп-расстрига и мелкий торговец и несть им числа.

Можно смело сказать, что писатель умело, сочно создает обобщенный портрет России XVII—XIX вв. И все они — от венценосных особ до последнего ярыжки — живут и действуют в обстановке удивительно реальной, они окружены столь подробными, столь достоверными деталями быта; их нравы, привычки, вкусы, традиции столь органичны, что у читателя создается твердое впечатление, будто он погружается с головой в далекий от него мир, сам становится участником событий. Мы ясно представляем себе одежду этих людей, убранство их жилищ, их пищу — и все это в соответствии с их социальным, имущественным положением. Мы видим и душные, с низкими потолками богатые боярские хоромы, и вольготные усадьбы русских вельмож и их полные роскоши петербургские дома, и мрачные кольевые заборы посадских жилищ, и разгульные яркие торги, роскошь и убожество, европейские потуги московских интерьеров и ужасную нищету жизни простого народа, унылую суету гвардейских казарм и тайные застенки заплечных дел мастеров. В России было всё. И Вс.С. Соловьев спокойно, без нажима, без излишнего, квасного патриотизма, но и без злого нигилизма исторически точно рисует превратности русской жизни. И все исторически, этнографически безукоризненно точно.

В 1901 г., за два года до смерти Вс.С. Соловьева, литературная общественность отмечала 35-летие его литературной деятельности. В газете «С.-Петербургские ведомости» от 12 апреля появилась по этому поводу небольшая статья, где, в частности, говорилось: «Фактический материал, явившийся основой его исторических романов, безукоризнен с научной точки зрения. Никто не упрекнет В.С. Соловьева в тенденциозности, в пристрастии в ту или другую сторону. Главной заслугой этого талантливого романиста следует признать точное воспроизведение бытовых особенностей минувшего времени. Он умеет изображать черты старого русского быта настолько ярко и жизненно, что доставляет читателю эстетическое наслаждение, вместе с тем обогащает и его сведения. Нигде вы не найдете при этом ни искусственного сгущения мрачных красок, ни фальшивого оптимизма, проистекающего из ложно направленного патриотического чувства. Вс.С. Соловьев с любовью рисует картины русского прошлого, но скрывать его темные стороны или пре-

увеличивать положительные считает как настоящий художник ненужным и вредным»⁵. Лучше не скажешь.

80-е годы XIX в. стали пиком славы Вс. Соловьева как писателя, его имя гремело по всей России. Писатель достиг той цели, к которой упорно и настойчиво стремился: сделал русскую историю в ее художественном виде достоянием народа. В этом нельзя не видеть его огромной заслуги в истории отечественной культуры.

В самом начале его творческого пути слышались критические голоса, раздавались упреки в «лубочности» его России, на что отец писателя, расстраивавшегося из-за этих упреков, прочитал ему как-то слова И.С. Тургенева: «Делайте свое дело — а то — все перемелется». Это успокаивало, вселяло уверенность, но критика, видимо, оседала где-то в глубинах художественного сознания, и каждая новая вещь Вс. Соловьева становилась все более реалистичной, характеры — все более жизненными, сложными, полнокровными, хотя сама манера историко-художественного повествования того времени с ее некоторой чисто «романтической» заостренностью сюжета, порой слишком откровенным противоборством «злых» и «добрых» сил сегодня действительно выглядит несколько старомодной, что, впрочем, не лишает эту манеру известного очарования.

Но наступал XX-й в., а с ним приходила новая жизнь, приходили новые художественные веяния. Россия вступала в пору грозных событий. Вместе с мощным нарастанием российского капитализма, безудержным обогащением буржуазных нуворишей нарастала и угрюмая ненависть к ним рабочих, уже прорывавшаяся в мощных стачках и демонстрациях; яростные крестьянские бунты и пламя горящих помещичьих усадеб, либеральное беспокойство интеллигенции предвещали грядущие трагедии российской жизни. Все это, казалось, прочно и надолго отодвигало в сторону «ветхозаветные» творения Всеволода Соловьева с их отображением в основном русской старины. Писатель это чувствовал, нервничал, физически стал заметно сдавать, здоровье его пошатнулось. Но все, кто знал его в те дни, вспоминали, что внешне это был все тот же блестящий русский интеллигент, всегда безупречно одетый, с корректными манерами, в дымчатом пенсне, всегда интересно говоривший и неординарно мыслящий.

Слава его еще жила, но она тускнела. Такие литературные шедевры, как «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, показали всю силу психологического анализа личности, в том числе и личности исторической (Александр I, Ку-

тузов, Наполеон у Л. Н. Толстого) — историко-художественные образы, созданные романистом, казались уже довольно плоскими. Критика все чаще стала отмечать длинноты его исторических монологов, некоторую банальность начала книг. Писали и о том, что у Соловьева, как и у Генриха Сенкевича, не хватает противоречивости в обрисовке внутреннего мира своих героев, они в некоторой степени прямолинейны, в них преобладает ярко какая-то одна, доминирующая черта.

И все же Соловьева продолжали с увлечением читать. Время шло, и книги его все глубже уходили в народ, к простым читателям, которые были далеки от модных литературных течений, и не могли следить за меняющейся критикой в адрес любимившегося писателя. В ту пору, когда его стали забывать в литературных салонах, практически каждая читающая российская семья имела на своих книжных полках томики Всеволода Соловьева. И это было подлинное народное признание писателя.

Представляется, что отмеченные критикой его художественные слабости в известной степени были и силой писателя. Именно эта увлеченность, страстность, и если хотите, — прямолинейность в обрисовке своих героев, как и у Генриха Сенкевича, и привлекает, кроме других сильных черт творчества, к нему читателей.

Читая романы Вс.С. Соловьева, можно заметить, что его концепция той или иной личности порой расходится с общепринятой. Так, он был склонен идеализировать Павла I («Вольтерьянец»). Думается, что не последнюю роль в этих оценках, как уже отмечалось, сыграл эпистолярный архив царя, попавший в его руки. Ему импонировала царица Софья — особенно в ранний период своего правления — красивая, умная, волевая («Царь-девица»), добрыми словами поминает он совершенно неизвестную у нас фигуру императора-мальчика Петра II («Юный император»). Список его привязанностей, увлечений можно продолжить. Но и в обрисовке тех своих героев, которых он оценивает, в общем, завышенно по сравнению с принятыми научными критериями, писатель находит верные краски, создавая образы живых, весьма сложных людей, а свое собственное понимание той или иной личности спокойно и сдержанно подкрепляет значительным историческим материалом.

Порой писатель склонен к слишком резким оценкам. Это происходит в том случае, когда он имеет дело с людьми, чьи безнравственные поступки, бесстрастно зафиксированные историческими документами, дают для этого известные поводы. На страницах его

романов появляются законченные злодеи, герои черных помыслов и дурных страстей, а им противостоят люди исключительно высоких идеалов и благородных устремлений. Не эта ли вечная борьба добра и зла в сочетании с увлекательными сюжетами, достоверной исторической картиной прошлого, проникновением в тайны тайн людей власти, людей богатства, сокрытых для многих поколений советских читателей за унылыми социологическими схемами, привлекает и до сих пор к романам Вс.С. Соловьева, заставляет просиживать над ними долгие часы.

Силен он и тем, что называется созданием типов. Если это все- сильный вельможа, то в полном блеске своей мощи, богатства, славы. Если это старый воевода — взяточник и ретроград, то уж выписан он так, что лучше, кажется, не скажешь; если это слуга — мастер хоромной интриги, то уж злодей каких поискать; если уж чванливый боярин, то его чванство, как характерная, присущая ему черта, ярко высвечивает всю тупую боярскую породу.

Но столь же сильны у Соловьева образы светлые, чистые. Они до умильности, до пронзительности хороши — и внешне, и внутренне. Они красивы той человеческой красотой, которая заставляет восхищаться ею, увлекаться и долго вспоминать ее, как прекрасный луч света, освещающий нашу порой трудную и неустроенную жизнь, с каждым годом размывающую такие простые, но такие вечные человеческие идеалы. Умение писателя найти в человеке светлое и прекрасное поистине вдохновляет.

Нельзя не сказать о еще одной чрезвычайно сильной доминанте романов Вс.С. Соловьева — их пронзительной нравственности. Его постоянный поиск в человеке светлых, прекрасных черт, сострадание к его несчастьям, терпимость к слабостям, если они не выходят за рамки человеческой порядочности, пронизывают многие его историко-художественные произведения. Благородство под его пером всегда стоит на высоте, низость, даже если она временно и побеждает, достойна презрения. И уже в самом этом подходе мы ощущаем, что для писателя является постоянным жизненным, достойным утверждения, а что обречено на мрак и забвение.

В его романах нет и тени религиозной нравоучительности. Вовсе не чувствуется в них христианского смирения. И все же по большому счету сочинения Вс.С. Соловьева буквально пронизаны тем гуманистическим чувством, которое свойственно лучшим, наиболее искренним последователям великой христианской нравственности и христианской морали. В этих сочинениях все ясно, все чисто,

разумно и естественно, без ложного пафоса и ложной позы. В этом смысле подход писателя к человеку, к жизни удивительно напоминает восприятие мира Алешей Карамазовым, посланного в мир великим мудрецом и провидцем старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых». С особой трогательностью и, я бы сказал, с трепетным чувством выписывает Вс.С. Соловьев те женские образы, которые ему близки по духу. Удивительна эта традиция больших русских писателей — населять свои произведения замечательными русскими женщинами, чей скромный, негниблемый обаятельный ряд едва ли не открывается образом Маши Мироновой из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Из романа в роман переходят эти русоголовые сероглазые красавицы, удивительно похожие своей внешней и внутренней красотой, своей цельностью, невосприимчивостью к злу и в то же время великодушные и благородные. Вероятно, писателя можно было бы упрекнуть за некоторый схематизм в разработке «положительной женской темы», но каждая из его сюжетных избранниц отличается своим характером, своей особой статью, которая при общей неуловимой, скорее, даже национальной общности в то же время является абсолютно оригинальным, неповторимым человеком. Это и негниблемая, бескомпромиссная Люба Кадашева из «Царь-девицы», которая не смирившись с мерзостями жизни, в конце концов, ушла в монастырь; и легко приспосабливающаяся к обстоятельствам, шаловливый «бесенок» Маша — теремная девушка из романа «Жених царевны», и целомудренная красавица, «касимовская невеста» Фима Всеволодская, неудавшаяся избранница царя Алексея Михайловича, и прелестная, цельная, чистая княжна Татьяна Пересветова («Сергей Горбатов», «Вольтерьянец»).

Все они неповторимы и по-своему прекрасны.

Критики немало спорили о том, к какому общественному лагерю причислить Вс.С. Соловьева — либеральному или консервативному, к славянофилам или к западникам. (В ту пору принадлежность к какому-то общественному направлению являлась определенной визитной карточкой каждого видного российского интеллектуала.) Один из его биографов так писал о взглядах Всеволода Соловьева: «Исторического романиста, само собою, не может быть без любви к старине, без ощущения красоты в минувшем. Но любить прошлое, чувствовать его красоту еще не значит быть ретроградом. Исторический писатель только тогда может быть зачислен в мракобесы, когда видны все его симпатии на стороне темного и злого, что было и прошло, на стороне физического

и нравственного закрепощения свободной человеческой души, на стороне тех темных сил, которые мешают светоносному движению прогресса. Конечно, ничего мракобесного не найти в исторических романах Вс. Соловьева. Путь истинного европейского просвещения он считал единственным для родины... Не скрывая светлых сторон русской старины, Соловьев не щадил своего осуждения ее темных сторон. Лично писатель гордился своей объективностью и свободой от каких-либо предвзятых тенденций»⁶. Писатель отметил в одном из своих писем: «В течение всей моей литературной деятельности я стоял *вне каких-либо журнальных партий и лагерей* и печатал свои вещи в тех журналах, *которые меня звали, заботясь лишь о том, чтобы это были издания безупречные в литературном отношении*»⁷.

Его «партией», его общественной привязанностью были объективность и честность, а принадлежность к «клану», к «течению» подлинная интеллигентность никогда, как правило, не признавала, да и не признает и сейчас. Эта принадлежность требует от человека жертвы, требует уступок во имя «общего дела». В клане действуют законы стаи. Вс. Соловьев это понимал, но не принимал. Вот почему всю жизнь он был «вне партий и лагерей», он был одиночка, а если говорить точнее, то принадлежал не «клану», а всему народу и поэтому, наверное, был особенно любим и почитаем.

В одном из своих последних «бытовых» романов «Цветы бездны» он устами своего героя русского боярина Щепина-Надеева так передает это свое общественное мироощущение.

«Ах, с меня за глаза, довольно российских либерализмов и консерватизмов... не могу я больше! Ну, какие у нас могут быть либералы или консерваторы! Пора, наконец, понять всю фальшь этих определений, перенесенных на русскую почву! Мне одинаково тошно, если меня обзовут либералом или консерватором. Нашим либералом, в смысле отвлеченного доктринерства, беспельного будирования, космополитства и закрывания глаз на русскую действительность, и ее насущные интересы, — я не могу быть потому, что живу на русской земле и чувствую свою связь с нею. Но не могу я тоже быть и нашим консерватором. Время остановиться нельзя, вчерашний день не повторяется, и каждый новый день несет с собою свое новое, не справляясь о том, — кому это приятно или неприятно...»

«Вы правы, как и всегда, — замечает собеседник Щепина: — однако, как бы нам не окунуться в тот, так называемый “квасной” патриотизм, где тоже не все обстоит благополучно по части живой действительности...»

«— Боже избави! На этакий патриотизм нас тоже не поймает. Помилуйте! Отлично видишь все грехи, недостатки, смешные стороны

своей матери, и возмущаешься, негодуешь, страдаешь, борешься с ними, — а все же любишь всю душу, а все же — готов за нее в огонь и воду! От такого отношения к матери до закрывания на все глаза, с одной стороны, и до издевательства, с другой, — очень далеко!

— Чего же вы хотите для России?

— Чего хочу? Просвещения и образования, еще образования и еще образования! Вот первая задача нашего нового дня — и как бы ни тормозили это дело и наши либералы, — оно будет совершаться, ибо пришло ему время...»⁸.

Таким он был, Всеволод Сергеевич Соловьев. Юбилей писателя прошел скромно. Не было ни речей, ни банкетов. За юбилейной статьей в петербургской газете не последовало публикаций.

В 1903 г. Всеволод Сергеевич Соловьев скончался. Незадолго до его смерти один из друзей зашел к нему и, зная его любовь к аккуратности, извинился за опоздание. Всеволод Сергеевич усмехнулся: «Не то плохо, что вы опоздали на несколько минут, — плохо то, что я умираю». Он четко, корректно и иронично определил свое состояние.

Его смерть всколыхнула уже было угасшую память о нем, о его творчестве. Многие вдруг осознали, что вместе с Вс.С. Соловьевым ушла их юность, воспитанная на его романах, на идеалах добра, красоты, смелости, самоотверженности, скромности и терпеливости, которые Вс.С. Соловьев спокойно, ненавязчиво проповедовал — и даже не проповедовал, а просто утверждал всем своим творчеством.

Наступающий век потрясений и насилий невольно и парадоксально возродил интерес к мирным и твердым устоям прошлого, в которых тоже кипели страсти и сшибались в борьбе добро и зло, но торжествовало все же постоянство. Молодое поколение искало в романах Вс.С. Соловьева своих героев — людей сильных духом, чистых и бескорыстных. Наверное, и ненаказанный злодей, мастер закулисных интриг, грязных дел мог найти в его творениях свои человеческие аналоги и порадоваться их, хотя бы временному, торжеству.

Буквально накануне революции 1905—1907 гг. в России было выпущено собрание сочинений писателя. Оно тут же разошлось. Продолжали выходить отдельными изданиями его романы и в первую очередь неувядаемая «Хроника четырех поколений». Горбатовы, их судьбы и размышления по-прежнему занимали души читателей. И не случайно в своеобразных литературных мемуарах и эссе А. Измайлова «Литературный Олимп», выпущенных в

1911 г., среди литературных «богов-олимпийцев» наряду с именами Достоевского, Толстого упоминались и широко читаемые в России, большие мастера своего дела Всеволод Соловьев и Е.А. Салиас.

Сегодня это кажется странным, но так было. Странным и непонятным кажется и то, что в 1917 г., в год двух российских революций, вышло в свет Полное собрание сочинений Всеволода Соловьева и вновь мгновенно разошлось. Поистине таланты сами ставят себе памятники в вечности, несмотря на все повороты общественных и личных судеб.

Удивителен этот неспостижимый феномен романов Вс. Соловьева, когда в пору острейших социальных коллизий, войн, революций люди вновь и вновь обращались и обращаются к страницам русской, далеко не безмятежной старины, пытались и пытаются найти в ней ответ на волновавшие их личностные и общественные вопросы. С тех пор Вс.С. Соловьев не издавался вплоть до конца 80-х годов XX в., но это вовсе не значит, что он был забыт. По всей развороченной революцией, индустриализацией, коллективизацией, войной стране вместе с людьми передвигались сочинения писателя. И до дыр зачитанные и рассыпающиеся на отдельные страницы, и тщательно переплетенные и оберегаемые, они, теряя на этом пути, наверное, десятки тысяч экземпляров, тем не менее, продолжали жить, по-прежнему притягивая читателей. И некоторые из них достигли рук читателей через многие годы, оставив по себе благодарную память.

Но далее их инерции, видимо, уже не хватило. Последующие, послевоенные поколения читателей потеряли связь с творчеством известного русского романиста. Сегодня даже в наших крупнейших библиотеках — в частности, в Российской государственной библиотеке и в Исторической — нет полного Вс.С. Соловьева ни 1903—1904 гг., ни 1917 г. издания. Они были, но сегодня их уже нет. Библиотекари смущенно пожимают плечами: «Да, пропали, ведь это был очень популярный писатель, а система охраны была несовершенной»

Не могу не удержаться от того, чтобы не вспомнить, как в начале 80-х годов мне, бывшему тогда одним из ответственных работников издательского дела, пришла шальная, пробивавшаяся из юности мысль переиздать некоторые романы Вс.С. Соловьева и в первую очередь «Хронику четырех поколений». Последовали многочисленные телефонные консультации и, наконец, за-

ключительный телефонный приговор: «А вы разве не знаете, что Вс.С. Соловьев писал в основном о царях и графах?» Я ответил, что это справедливо, но он писал также о простых людях, а, кроме того, и Александр Дюма, как известно, посвятил свое перо не изображению рабочих и крестьян. Однако телефонный вердикт был неумолим: «Советские люди в романах Вс.С. Соловьева не нуждаются».

Сегодня иная пора, и, думается, российский народ сам разберется, в какой историко-художественной литературе он нуждается. И можно лишь позавидовать всем нынешним читателям, которые впервые в жизни прикоснутся к удивительному историческому и художественному миру Всеволода Соловьева.

* * *

Любой исторический роман, кроме прочих достоинств, бывает хорош лишь в том случае, если он художественными средствами пытается решить какую-то масштабную историко-политическую, историко-социальную или историко-культурную проблему, по-новому взглянуть на исторический материал, помочь читателям в осмыслении той или иной эпохи. В этом смысле задачи писателя и историка-исследователя совпадают.

Учитывая эти историко-художественные критерии, первый роман Вс. Соловьева «Княжна Острожская» безупречен.

На историческом материале Литвы 60-х годов XVI в. писатель ставит актуальную и для того времени, и для последующего развития Литвы и России проблему — о судьбах русского населения в этом крае, вошедшем в состав Речи Посполитой — объединенного Польско-Литовского государства.

Мы очень мало до последнего времени знали о русских в Литве после того, как в результате монголо-татарского нашествия, обескровившего русские княжества, и последующей агрессии Литвы часть исконных русских земель отошла в состав Литвы, а потом оказалась в границах Речи Посполитой.

Фрагментарные сведения по истории этих земель порой встречались в обобщающих работах старых историков XIX в., в наших учебниках, где, в частности, упоминается, что русские полки, пришедшие из Литвы во главе со своими русско-литовскими князьями, дрались под знаменами Дмитрия Донского на Куликовском поле, что русские воины, а именно Смоленский, Киевский, Брянский полки, храбро держались в Грюнвальдской битве против Ли-

вонского ордена, что русские православные люди страдали от национального, социального и религиозного гнета католических магнатов и шляхты. И это, пожалуй, все.

За историческими скобками оставался огромный и разнообразный пласт русской жизни в Литве. Нескольким поколениям советских читателей неведомо было, что русские за пределами Московии, а позднее России, поблизости от великорусских границ оставались мощным национальным конгломератом, значительным духовным, культурным феноменом Восточной Европы. Русские в Литве — это и знать, и горожане, и православное духовенство, и дворяне, и крестьяне. Это православные школы, летописание, национальное искусство. Напомним, что эта часть русских земель и русского населения была встроена в систему цивилизации Восточной Европы, где действовало магдебургское право, осуществлялась выборность монархов, отсутствовало самодержавие. Князь Андрей Курбский, бежавший от деспотизма Ивана Грозного, не случайно укрылся не просто на территории врага России — польского короля, но он обрелся в русских землях Речи Посполитой, включился в культурную жизнь края, не случайно и знаменитый наш первопечатник Иван Федоров после разгрома его типографии в Москве бежал в Литву, где продолжал печатать книги на русском языке. Лишь в последние годы эта тема в полный голос зазвучала в нашей историографии⁹, встречая, однако, порой непонимание и настороженность, навеянную по-прежнему идеологическими стереотипами. Такой преграды у Вс.С. Соловьева не было. Поэтому его роман, как и десятки лет назад, свеж и современен.

Вс.С. Соловьев переносит нас в замок Константина Острожского — русского князя, в город Острог — русский город в Литве, ярко и сочно рисует облик этой русской православной «колонии» на литовских землях.

Здесь сохраняются старинные национальные обычаи, здесь в типографии князя Острожского работает первопечатник Иван Федоров, здесь блистает своими воинскими доблестями молодой князь Дмитрий Сангушко и очаровывает окружающих своей необыкновенной красотой племянница князя Константина Острожского Елена, или Гальшка, как зовут свою любимицу в народе. Это честные, красивые люди, патриоты и блюстители православия, люди, гордящиеся своей принадлежностью к славному русскому племени.

А рядом с ними живут и действуют их антиподы, их открытые и тайные враги — иезуит итальянец Антонио, ревностная католичка княгиня Беата, мать Гальшки, польские и литовские паны — по-собники Беаты и Антонио.

Отец Антонио стоит в центре развивающейся интриги. Посланный Римом, папой Пием V в Польско-Литовские земли, он стал здесь одним из яростных проводников католичества, ловцом неустойчивых православных душ. Внедрившись в Острожский замок, Антонио начинает вербовать себе сторонников: он подчиняет своему влиянию княгиню Беату, стремясь оторвать от князя Острожского его сыновей. Весь в черном, с черной душой, этот красивый мрачный итальянец, верный сын Ордена Иезуитов, влюбляется в Елену Острожскую. Такой человек, с такими страстями и таким фанатизмом должен добиться своего или умереть.

Беата по наущению отца Антонио пытается разрушить чувство, связавшее ее дочь Елену и молодого Дмитрия Сангушко, воспрепятствовать их браку. Тогда с согласия князя Константина и самой Елены влюбленный рыцарь похищает даму сердца из замка Острожских и венчается с ней. Пришедшая в ярость Беата, потрясенный отец Антонио организуют погоню. Отряд польских шляхтичей в лесу настигает Дмитрия Сангушко и его товарищей. В начавшейся рубке поляки истребляют русский отряд, тяжело ранят князя Сангушко. Елена оказывается в руках Беаты и Антонио.

Так завязывается тугой узел сюжетной интриги романа.

Национальные, религиозные проблемы сплетаются воедино с судьбами героев, становятся частью их личной драмы, столкновение страстей высекает яростные искры. Десятки людей вовлекаются в события, которые происходят в Острожском замке и во дворце польского короля Сигизмунда Августа в Кракове, куда кинулись с жалобами обе борющиеся стороны, и в далекой лесной чаще, и в зыбучих, затягивающих путника литовских песках-трясинах. И все это происходит на фоне быта и нравов Литвы XVI в. с ее блеском магнатских имений, несгибаемым языческим духом ее лесных жителей, нищетой и убожеством деревенских селений.

Потрясенную, потерявшую сознание красавицу Елену увозят в седле к матери, убеждают в смерти ее молодого супруга, заставляют вновь идти под венец с польским шляхтичем-католиком.

А в это время в далекой лесной деревеньке приходит в себя после тяжелого ранения в голову и длительного беспомыслия князь Дмитрий Сангушко.

Его появление в замке Острожских, а потом уже во главе вооруженного отряда в монастыре, где Беата и Антонио держат Елену, венчает запутанный и острый сюжет романа.

В нем есть многое из того, что потом станет характерной чертой произведений Всеволода Соловьева: целомудренная женская любовь, мужская верность, черное злодейство, ослепленная страстью ненависть. Светлые и темные силы, силы добра и зла сталкиваются здесь свободно и яростно. В конце концов побеждают добро и любовь.

И все же полон тревоги и противоречивых чувств эпилог романа, где рассказывается о том, что иезуиты, в конце концов, сокрушили православную твердыню в Литве — Острожский замок, превратили его в иезуитский монастырь: «Содрогались кости князя Константина в его родовом склепе, но иезуиты не боялись выходцев из могил. Они неустанно работали всеми своими ужасными средствами и в немногие годы погубили и обезличили целый прекрасный край русский, подчинили его дряхлой и больной Польше. Однако пришел конец и их владычеству. Они исчезли с оскверненной ими земли русской. Быстрее и быстрее исчезает и зло, посеянное ими. В развалинах стоят монастыри их со своими страшными тайнами, с цепями и с грудями костей человеческих, разбросанных в подземельях. А на этих развалинах созидается православная церковь и звучит русское слово. Добродушный, забитый народ полесский мало-помалу пробуждается от своей вековой спячки. Но все еще не тронута лесная глушь и в ней до сих пор живут в первобытном невежестве тихие, темные люди. Они продолжают боготворить природу, поют свои грустные песни, завивают венки светлomu Купале и думают, что Полесьем управляет королева Бона»¹⁰. В этом заключительном пассаже, кажется, весь Соловьев с его верой в конечное торжество добра, уважением к простому народу, пониманием прошлых и нынешних судеб тех краев, о которых он пишет с такой болью и с такой любовью.

В историко-художественной хронике середины XVII в. «Жених царевны» Вс. Соловьев обращается к последним годам правления стареющего, дряхлеющего царя Михаила Федоровича Романова, первого из династии, взошедшего на престол в 1613 г.

В основу романа положена история неудачного сватовства датского принца (королевича, как его звали на Руси) Вольдемара, младшего сына датского короля Христиана IV, к русской царевне Ирине Михайловне, дочери Михаила Федоровича.

Россия с трудом приходила в себя после потрясений Смуты, после мощных народных восстаний, польско-шведской интер-

венции в начале XVII в. Постепенно восстанавливалось хозяйство страны, вновь запахивались заброшенные и поросшие лесом — «где в прут, а где в кол» земли, полнились новыми поселенцами города, развивались ремесла. В 1626 г. прошла перепись «людишек», которая как бы знаменовала собой начало новой обустроившейся жизни. И лишь в одном направлении — в области внешнеполитической — России не удавалось провести «устройство». Несмотря на мирные договоры, заключенные с Польшей и Швецией, Москва никак не могла восстановить свои внешнеполитические позиции. Соседи-противники не признавали суверенитета России над ее старыми землями, оказавшимися в руках Польши и Швеции после Смуты. Русские политики вели упорную борьбу за признание полного, как его понимали в Москве, титула русского царя.

Помимо неустройства границ западных и северо-западных, постоянные трудности для России возникали и на юге, откуда грозили Турция и находящийся от нее в вассальной зависимости Крым. Русское правительство, новая династия настойчиво искали пути своей легитимизации в Европе и одним из средств являлось установление династических связей с видными европейскими дворами.

К Дании в этом смысле проявлял интерес еще Борис Годунов, сватавший туда свою дочь Ксению. Теперь наступила очередь другой русской царевны — Ирины, дочери царя Михаила Федоровича. В Данию было отправлено русское посольство. В Москве появились датские посольские люди. Так начались переговоры по этому жизненно важному, престижному для обоих государств вопросу.

В конце концов, датчане согласились отпустить Вольдемара в Москву, поскольку шансов занять трон в Копенгагене у него не было. Однако камнем преткновения стал религиозный вопрос: Вольдемар был лютеранин, а Ирина, как и большинство русских, являлась православной.

Русское посольство в Копенгагене дало торжественное обещание, что Вольдемар сохранит за собой лютеранское вероисповедание. Именно с таким условием королевич и выехал в Москву.

Московские политики, тем не менее, не собирались выполнять свое обещание, надеясь на русское «авось» и будучи уверенными, что рано или поздно, уже в Москве, они уломают Вольдемара перейти в православие.

Острота ситуации осложнялась и тем, что в России того времени после драматических столкновений в начале века с Польшей и Швецией религиозное чувство было особенно обостренным, и ди-

настия остерегалась родниться с иноверцем, опасалась влиятельных церковных кругов, консервативного боярства, изуверского монашества.

Вольдемар прибыл в Москву, не догадываясь о поджидающем его испытании, а между тем кремлевский терем, где обитала царевна Ирина, буквально бурлил слухами. Сам этот терем, по характеристике Соловьева, — «обширный человеческий муравейник», со своими привычками, традициями, со своей системой информации, фаворитами и фаворитками, интригами, законами влияния и давления, невидимыми миру драмами и невидимыми миру слезами.

Слух о прибытии Вольдемара в Москву принесла царевне Ирине ее теремная девушка Маша, красивая, шустрая, дерзкая, которая становится в центр дворцовой интриги. Подслушав на царьцыной половине разговор о сватовстве датского королевича к московской царевне, она стала обладателем большой государственной тайны, сразу же приобретя как друзей, покровителей, так и врагов.

С этого и начинается сюжетная завязка романа.

Поразительна у Соловьева реакция теремной затворницы — царевны Ирины на это ошеломляющее известие: «По зимним долгим вечерам, в жарко натопленном покойчике, у горячей лежанки, старушки много всяких чудных сказок рассказывали маленьким царевнам. Были в тех сказках добрые и храбрые царевичи-королевичи, были в них красные девицы-царевны, и манили те сказки в свой мир заколдованный, за тридевять земель, в тридесятые царства, и тайна благоуханным цветком раскрывающейся любви, непонятная и неведомая, все же как-то трепетно и заманчиво сказывалась детскому сердцу.

А теперь вот и наяву будто начинает твориться волшебная сказка. Из тридесятого царства, из-за моря приехал королевич... и приехал он за нею, за царевной Ириной... Посадит он ее на коня богатырского и увезет... куда? Зачем? По какому праву?.. Отчего это так нужно?!

А видно так нужно, видно, есть у королевича права, потому что чувствует она всем своим существом, что над нею творится что-то особенное, роковое, неизбежное, что пришла какая-то великая, могучая сила, и вот-вот захватит ее и увлечет... на счастье или на горе?.. Ох, как бьется сердце, как душа замирает, будто земля разверзлась под ногами, и так и тянет, так вот и тянет туда, в эту отвратительную бездну...»¹¹.

И в этом романе завязывается драматическая история. С одной стороны, царь Михаил, близкие к нему люди пытаются сломить упорство Вольдемара и принудить его, сначала уговорами — через беседы с патриархом, с самим царем, а потом путем откровенного насилия, к перемене религии, а с другой, царевна Ирина, далекая от этих политических расчетов и страстно влюбившаяся в королевича после их рискованной и тайной встречи, которую устроила Маша, мечтает днем и ночью о своем суженом.

Вс.С. Соловьев вновь предстает прекрасным знатоком эпохи.

В полном блеске перед читателем проходит удивительно сложный, громоздкий и по-своему красивый русский посольский ритуал. Эти царские указы послам, которые те выучивали наизусть, а затем выговаривали иностранным владыкам, этот железный стереотип «приемов» и «отпусков» послов, это упорное, порой безрассудное отстаивание престижа русских самодержцев перед лицом иностранных представителей, эти торжественные обеды, на которых подавалось до двадцати перемен одних «тельных»...

И здесь же правдиво описанное и вполне соответствовавшее тогдашним порядкам откровенное насилие над датскими послами: контроль за каждым их шагом, ограничение в передвижении их по русской столице, стрелецкая стража у дверей их хором, вдоль садовой ограды. Заметим, что Иван Грозный в свое время, стремясь добиться от английских послов выгодных для себя условий соглашения, морил их голодом.

Вся эта варварская практика по отношению к иностранным посольствам была весьма распространена в тогдашнем мире, и москвичей можно лишь упрекнуть в ее слишком уже беззастенчивых, откровенных, чисто «азиатских» формах.

Великолепно выписана Соловьевым жизнь женского царского терема с его многочисленными маленькими комнатками, переходами, чуланами и чуланчиками. Порой кажется, что эти художественные описания взяты прямо из исследований И.Е. Забелина — великого знатока старой дворцовой жизни и быта. Впрочем, наверное, так и было. Соловьев всю жизнь вдумчиво и внимательно изучал творчество замечательного русского историка.

И чем настойчивей, круче действовали русские политики, тем упорнее становились датчане, гордо отвечавшие «москвитам», что они вольные люди и не холопы русского царя, тем несчастней выглядела царевна Ирина, призрачной становилась ее мечта — связать свою судьбу с судьбой любимого человека.

Но вместе с этим противостоянием насилия и человеческого достоинства расцветала теремная девушка Маша. Она становилась смелее, веселее, прекраснее, она сама, без памяти влюбившись в молодого красавца Вольдемара, ковала уже свое собственное счастье. Ее живой характер, ум, природная кокетливость и шаловливость, а главное, женский такт, которому научил ее, конечно, не терем, составляли для нее крепкое и надежное оружие, с помощью которого она могла постоять за себя, — пишет Соловьев. Но он умалчивает в этой характеристике о другом, хотя и убеждает в этом читателя всем своим повествованием, — об умении этой русской девушки любить сильно, преданно и бескорыстно. Именно эта любовь вызвала ответное чувство титулованного датчанина, стерло в его памяти облик царевны, бросило его в объятия «простушки», которую он, в конце концов, отбившись от московских притязаний, вывез на родину и нежно любил до конца своих, увы, недолгих дней.

Весьма любопытен в романе образ царя Михаила Федоровича. Кажется, что он добр, незлобив, великодушен, но его действия страшны и жестоки. Царь является частью системы — безжалостной, давящей, поэтому его личные качества становятся лишь слабой тенью его жизненной сущности. Такой человек уже не может принадлежать себе — и в этом, пожалуй, один из нравственных уроков романа. Власть и человечность не совместимы — этот лейтмотив затем пройдет сквозь все исторические романы Всеволода Соловьева.

И все же царь — живой человек, он задумывается над тем, что допускает несправедливость, нарушает данное им слово. Но он утешает себя мыслью о том, что все это необходимо в интересах Родины. И вновь он сомневается, молится, плачет, и «слезы муки стекают из потускневших глаз его по бледным, опухшим щекам».

Есть в романе и действие злой воли, которая олицетворяется здесь в облике царевниной постельницы Настасьи Максимовны — женщины неглупой, но бессердечной и недоброй. Именно ее дуэль с Машей на фоне теремной жизни составляет одну из второстепенных, но удивительно жизненных линий романа.

В заключение Всеволод Соловьев рассказывает о смерти царя Михаила Федоровича, о восшествии на царство молодого Алексея Михайловича и выдвижении волей умирающего отца на авансцену истории России боярина Бориса Ивановича Морозова, воспитателя молодого царя. Тем самым автор как бы связывает в единую сю-

жетную линию свои произведения, посвященные истории России первой половины XVII в.

Роман «Касимовская невеста» является продолжением историко-художественной хроники XVII в. Его фабула, кажется, возникла на основе любопытных известий англичанина, доктора медицины Самуила Коллинса, бывшего в течение восьми лет врачом царя Алексея Михайловича. Эти сведения содержались в его мемуарах «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне». Книга эта была переведена и опубликована в нашей стране в 1846 г. Петром Киреевским, и ее, конечно, превосходно знал Вс.С. Соловьев, внимательно следивший за всеми публикациями о старой России. Свидетельством этой осведомленности писателя являются заключительные строки романа, где он упоминает о мемуарах царского врача. Там, в частности, говорилось: «Задумав жениться, его императорское величество (царь Алексей Михайлович. — А.С.) собрал многих молодых девушек и, наконец, одна из них ему понравилась (она, говорят, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту), но духовник царский хотел, чтобы царь женился на другой девушке, у которой была еще младшая сестра, и когда явилась избранная царем красавица, его величество страстно влюбился в нее, и боялись, чтобы она не получила короны, что в самом деле случилось. Он велел возложить на нее царский венец, но заговор был исполнен: женщины так крепко завязали волосы на ее голове, что она упала в обморок; а они разгласили, что у нее падучая болезнь. Отца ее обвинили в измене за то, что он предлагал дочь свою на избрание, высекли кнутом и сослали в Сибирь, где он и умер. Девушка до сих пор еще сохранила свое состояние, и с тех пор никаких припадков с ней не было. Император, раскаиваясь в ее оскорблении, назначил ей большое годовое содержание»¹².

Как известно, царь Алексей Михайлович женился по исполнению ему 17 лет, в 1646 г. Записки же Коллинса, который лишь в 1659 г. приехал в Россию, писались уже в конце 60-х годов, когда он вернулся обратно в Англию. Какой же отзвук в правящих верхах и, верно, в народной молве имела эта несостоявшаяся любовь молодого царя, если и по прошествии двадцати пяти лет история эта поражала воображение иностранца. Поражала настолько, что он в своих записках еще дважды с разных сторон возвращается к этому сюжету. В одном отрывке Коллинс сообщает, что во время смотрин во дворце царь подарил своей избраннице платок и кольцо, кото-

рые она хранила всю свою жизнь. Она отказывала всем женихам, которых было немало, и оставалась верной своему первому чувству. Здесь же Коллинс сообщает, что заговор созрел благодаря усилиям боярина Бориса Ивановича Морозова, который, как известно, был дядькой Алексея Михайловича и сохранил на царя огромное влияние в первые годы его правления. В другом отрывке раскрывается и сама цель заговора: «Борис сватался за меньшую сестру Анну (младшую сестру навязанной им царю Марии Ильиничны Милославской. — А.С.), получил ее руку и думал, что таким образом прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец, а она здоровая молодая смуглянка; и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщиной... Один англичанин, Вильям Барнсли... сослан в Сибирь по наущению Бориса, который подозревал его в слишком коротком знакомстве со своим домом»¹³.

Так любовь царской избранницы и молодого царя столкнулась с политической интригой, с борьбой за власть, была поругана и растоптана, и это несмотря на то, что одним из действующих лиц драмы оказался сам семнадцатилетний царь. Эта история, видимо, потрясла не только выпускника Оксфордского университета, но и поразила воображение прикоснувшегося к одной из дворцовых тайн XVII в. молодого русского писателя. Он почувствовал в ней извечное противоборство человечности и власти, добра и зла. Ощутил в ней пульс тогдашней жизни, ее острейшие коллизии. Олицетворением власти, зла стали для писателя боярин Морозов, его сообщники Илья Данилович Милославский, Яков Осина, касимовский воевода Никита Петрович Обручев, злобные, завистливые придворные, а олицетворением человечности, добра — «касимовская невеста», красавица Евфимия Всеволодская, ее честный, горячий отец, мелкий касимовский дворянин Раф Родионович Всеволодский, молодые дворяне Дмитрий Суханов и Андрей Всеволодский, брат Фимы, умная, проницательная дворцовая шутиха Катерина.

Это противоборство поначалу имело, так сказать, «локальный» характер: опираясь на поддержку касимовского воеводы, Яков Осина решает свести счеты со своим старым обидчиком Рафом Всеволодским, а заодно выкрасть и обесчестить его красавицу дочь.

Мы видим, как приходят в движение эти силы зла, как среди бела дня совершается налет на усадьбу Всеволодских, как жестокость и грубость ломают справедливость и благородство.

Разграблен дом, избиты люди, и лишь подоспевшая помощь спасает Фиму из рук насильника. И нет никакой управы на таких, как Яков Осина, — наглых, циничных, жестоких людей.

По всему изложению Вс.С. Соловьева чувствуется, что это не эпизод, а печальная закономерность тогдашней жестокой русской действительности, где торжествует принцип, проповедуемый воеводой Обручевым, — «что хочу, то и ворочу». Велика Россия, но некуда в ней деться простым, честным, справедливым людям, им на роду написано жить и страдать в этой дикой человеческой стае.

Но все это лишь прелюдия к новой драме, разыгравшейся уже не в касимовский глуши, а в царских кремлевских палатах. Сердечный выбор юноши-царя нарушил всю политическую игру дворцовых сил. И главная пружина этих сил — боярин Морозов, за ласковостью и приветливостью которого ощущается колоссальная сила воли и жестокость политического хищника. «Алешу (царя. — А.С.) из рук не выпустим» — вот программа его действий. В движение приводится вся цепь власти, над которой вдруг нависает скрытая угроза — ведь появление в Кремле семьи Всеволодских, за которыми стоял протезирующий их боярин Пушкин, означало бы сокращение, а то и полное падение влияния в делах государства боярина Морозова, дьяка Назария Чистого и иных высших чинов, уже сплотившихся прочной когортой вокруг трона юного и неопытного еще царя.

Завязывается борьба за царскую невесту, и в этой борьбе нет места светлым человеческим чувствам. Словно сетью оплетает Морозов царя, совершает сговор с Ильей Милославским, одну из дочерей которого прочит за царя, а другую за себя самого, ищет поддержку в этом деле у царского духовника, поручает извести царскую избранницу подвернувшемуся ему под руку грязному авантюристу Якову Осине и одной из дворцовых прислужниц. И, наконец, свершается черное дело, отбросившее Фиму Всеволодскую от трона и потрясшее молодого царя.

С большой художественной силой раскрывает Всеволод Соловьев трагедию молодых людей. Читатель видит перед собой не столько царя, сколько смятенного юношу, чья душа разрывается между чувствами к Фиме и любовью к своему дядьке Борису Ивановичу Морозову, но государственная необходимость, о которой все время толкует царю боярин, берет верх: женщина, больная падучей болезнью, не может быть русской царицей. Алексей Михайлович сдается и соглашается, в конце концов, сломленный и безразличный,

обвенчаться с Марией Милославской. Жестокая колесница власти подминает под себя любого, кто попадает под ее колеса.

Прекрасен и сложен образ Алексея Михайловича — своенравного, каким и положено быть царю, но еще и мечтательного, юного, чистого, богомольного. Ему еще только предстоит пройти страшное горнило власти над людьми и стать человеком, спокойно посылающим на казнь тысячи восставших горожан и крепостных крестьян, присутствовавшим при пытках Степана Разина, одобрившим жестокое средневековое «Уложение» 1649 г.

Ярко выписан хитрый и коварный боярин. Они оказываются человеческими антиподами, хотя их связывает незримая государственная цепь. Они оба рабы власти; для юного царя первый же ее настоящий натиск оборачивается трагедией, которая оставляет след в душе на всю жизнь, для боярина — это обычная политическая рутина.

Трагедия любви и молодости разворачивается в царском дворце, где царит жестокая иерархия чинов, милостей и опал. Здесь правят циничные царедворцы, мастера интриги, здесь все стремятся только вверх, сталкивая вниз неудачников. Вс.С. Соловьев, казалось, проникает не столько в тайну семейных дел второго Романова, сколько приподнимает занавесу над всей этой мертвой системой насилия, морального опустошения, в которой задыхается, гибнет все живое. Недаром живущая долгие годы во дворце шутиха Катерина, постигая, казалось, все законы придворной стаи, с горечью предостерегает Фиму от злых напастей, от злой ворожбы, тайной порчи, которые уже близко. Шутиха все понимает, но сделать не может ничего. Она может лишь пожалеть забредшую в этот ад живую человеческую душу.

И еще раз приходится сказать о том, что полнокровная, реальная жизнь окружает героев романа. Иногда кажется, что мы сами все это видим, ощущаем — и царские потехи в селе Покровском, и тихие «посиделки» в девичьем тереме царского дворца, и бесшабашный торг в селе Сытом, и страшные ночные улицы и переулки московских слобод, и весь этот люд разношерстный, разнохарактерный.

Вс.С. Соловьев не ограничился той информацией, которую дал ему Самуил Коллинс. Он поработал в архивах и обнаружил, что не столь уж драматичной оказалась судьба бедного дворянина Рафа Всеволодского и его семьи. Всеволодский был прощен и даже воеводствовал. Это послужило основой для Вс. Соловьева, чтобы дать иную версию последних лет опальной семьи. Историк и писатель поправил очевидца тех дней.

Роман «Царское посольство» как бы продолжает сюжетную линию, намеченную в «Женихе царевны».

На этот раз в центре внимания становится не судьба иностранного посольства в Москве, а история русской посольской миссии в Венецию.

В 1656 г. на Апеннинский полуостров морем вокруг всей Европы на нанятых голландских судах двинулось царское посольство воеводы Алексея Прохоровича Чемоданова и дьяка Ивана Ивановича Постникова. В посольских архивах сохранилось дело этого посольства: «наказ» послам царя Алексея Михайловича, отчет посольства о путешествии и выполнении царского поручения, все сопутствующие документы. Можно с полным основанием думать, что Всеволод Сергеевич Соловьев изучил материалы этого посольства, история которого легла в основу сюжета его очередного романа.

И все же не само посольство становится центром повествования, как бы ни были занимательны его приключения, а историческое противостояние старого московского мира и идущего ему на смену реформаторского духа, который позднее вырвался на волю в лице Петра и плеяды его соратников.

Мир старой, дремотной Московской Руси представлен в лице двух враждующих московских родов, двух соседей — Залесских и Чемодановых, этих Монтеки и Капулетти с берегов Москвы-реки.

У дворянина Никиты Матвеевича Залесского — сын Александр, у воеводы Алексея Прохоровича Чемоданова — дочь Анастасия, Настя. Они любят друг друга, но им заказано встречаться, потому что их отцы в раздоре из-за того, что черная курица Чемодановых злодействовала на огороде Залесских. С тех пор и пошли сначала обиды, непонимание, а потом и лютая, тяжелая вражда.

И Залесский, и Чемоданов — типичные представители старой Руси — с одной стороны, неглупы, честны, простодушные хорошие семьянины-домостроевцы, истовые слуги царя-батюшки, с другой — чванливые и спесивые феодалы, жестокие и хитрые, когда затрагиваются коренные интересы их фамильной чести, и даже царь не в силах унять сразу этого чванства и спеси, на которой и замешана вражда соседей, так мешающая исполнению дел высокой государственной важности. В доме того и другого, как тени, скользят безропотные жены, послушные богоугодливые дети. Такие семьи — оплот и надежда государства.

Но это в прошлом. И Залесские, и Чемодановы с беспокойством и тоской замечают, что в Москве, в стране происходит что-то такое, что нарушает их привычный уклад жизни.

Россия второй половины XVII в. стояла на пороге реформ. Старозаветная жизнь рушилась под напором неодолимостей социально-экономического и культурного развития страны. Смута, как это ни странно, не отдалила, а приблизила страну к европейскому миру. Волны поляков, шведов, немецких, французских ландскнехтов прокатывались по России. Католики, протестанты — они приходили и уходили, а через окно, распахнутое ими, врвалось не только насилие, но и иная культура, иные идеи.

После восстановления хозяйства страны к 30—40-м годам XVII в. в России стала бурно развиваться торговля, стягивающая воедино огромные пространства, заработали ярмарки, появились первые мануфактуры. Экономические связи со странами Запада, заложенные еще при Иване Грозном, а потом прерванные в период Смуты, прочно пробивали себе дорогу.

Из Архангельска через Вологду и Ярославль на Москву шли одно за другим иностранные посольства, а русские миссии отбывали в Польшу, Швецию, Голландию, Англию, Испанию, Францию, Италию. В Москве появилась слобода, где расселялись иностранные купцы, военные, пришедшие на службу в Россию, переводчики, эскулапы. Вместе со всеми этими новшествами приходили новые культурные традиции, приходило понимание необходимости перемен в жизни страны, появлялись люди, становившиеся носителями новых идей. Одним из них был Федор Михайлович Ртищев, царский постельничий, человек исключительно влиятельный при царе Алексее Михайловиче, который хотя и осторожно, с оглядкой на старомосковское боярство и духовенство, с опорой на дворянство и крепостнические порядки, но поддерживал новые веяния. Одновременно началась реформа церкви, открытая патриархом Никоном, и опять же при поддержке молодого царя, реформа, которая, однако, впоследствии выродилась в борьбу за власть между Никоном и российским самодержцем.

Сам Ртищев и ртищевский «кружок» стали носителями идей просвещения, новых форм образования, книжности, приобщения русских людей не только к элементарной грамотности, но и к наукам, изучению иностранных языков.

О Ртищеве Соловьев пишет очень коротко, но выразительно: «В нем не было и признака того недостатка, той болезни, какой страдало большинство старинных русских людей — не было лени. Напротив, ему хотелось работать, быть постоянно в действии. Придет в голову мысль хорошая — тотчас же охота приводить ее в исполнение, садить и сеять и ждать плодов добрых»¹⁴.

В Андреевский монастырь, построенный по инициативе Ртищева на берегу Москвы-реки, были приглашены ученые монахи со всей страны. Им была вменена обязанность учить молодых людей, изъявивших к тому желание, разным наукам и языкам.

Сын Залесского молодой Александр стал как раз одним из этих питомцев первого ртищевского набора, начал обретаться, как говорили на Москве, в «ртищевских молодцах», учиться «латинству».

Старик Залесский и его жена, почтенная Антонида Галактионовна, слушавшие с умилением нападки попа Саввы на разного рода никонианские ереси, на «бусурманство», «латинство», вдруг с удивлением и негодованием обнаружили, что их собственный сын, послушный и богобоязненный Алексаша, как раз и оказался в стане тех нечестивцев, которых они хулили и обличали. В доме Залесских начался глубокий конфликт между отцом и сыном, между старым и новым поколением, между старым и новым укладами московской жизни.

К этому прибавился и прямо шекспировский сюжет: дети двух враждующих семей Залесских и Чемодановых полюбили друг друга; старик Чемоданов застал дочь Настю в объятиях молодого Залесского на границе их владений, около садового забора.

Новый, могучий забор тут же возник на границе владений, но он так и не смог прервать разгоравшееся чувство молодых людей.

Александр Залесский становится в центр романа, в центр начавшейся вражды семей. И Никита Матвеевич Залесский, и воевода Чемоданов каждый по-своему хотят сломить молодого человека, запугать его.

Отец стремится оторвать его от Ртищева, даже ценой царской немилости, полагая, что свои обычаи и принципы жизни важнее. Но столь же твердым и принципиальным — прямо в отца — оказывается и Александр.

Вот как описывает своего героя Вс. Соловьев в тот момент, когда старик Залесский предпринял первую атаку на сына-вольнодумца: «Александр остановился и с изумлением, но без всякой робости, глядел на отца. Стройный, широкоплечий, высокого роста, нельзя сказать, чтобы уж очень красивый, но с лицом приятным и серьезным, с большими блестящими глазами, юноша производил впечатление спокойной силы. Сразу же было видно, что запугать его трудно и также трудно заставить врасплох, озадачить».

В Александре замечалось большое сходство с отцом, но этот облик был как-то выровнен, облагорожен. То, что в лице старика го-

ворило о тупом упрямстве, в лице сына превращалось в сознательную решимость.

Одежда юноши, небогатая, отличалась чистотой и своего рода изяществом: коричневый кафтан его из тонкого сукна, украшенный черным шнуром, сидел на нем ловко, ворот голубой шелковой сорочки красиво оттенял юношескую свежесть его лица, обрамленного мягкой, русой бородкой»¹⁵.

За своего питомца вступился сам Ртищев. И вот и Залесский, и Чемоданов с удивлением и ужасом узнают, что Александр по указу самого царя назначен «толмачом» (переводчиком) в состав русского посольства в Венецию, возглавлять которое доверено воеводе Чемоданову.

Указы царя, как известно, не обсуждались, и после некоторых раздумий оба мужа склонили свои седые головы. Залесский вынужден был хотя бы на время отказаться от мысли оторвать сына от Ртищева и отдать его под покровительство некоего вельможи Матюшкина, злодея и мздоимца, за дочь которого он уже сосватал Александра, а Чемоданов, скрепя сердце, должен был терпеть в своем посольстве человека, затронувшего его семейную честь и покусившегося на его самое дорогое и любимое достояние — дочь Настю.

Таким образом, как и в прежних сочинениях Соловьева, крупные общественные проблемы снова переплелись с делами личными.

Напряженный сюжет романа разворачивается на фоне московской жизни XVII в. Здесь и прекрасно выписанный уклад родовых гнезд Залесских и Чемодановых, и преподанный с большим знанием дела порядок жизни приказов того времени, жизни царского дворца, и великолепные бытовые зарисовки вроде сцены сватовства Никиты Матвеевича Залесского к своей будущей жене Антониде, которую он и в глаза не видал до тех пор, пока она, отправляясь на брачное ложе, впервые не сняла прикрывавшую лицо фату.

Вторая часть романа протекает в Италии, в Ливорно, Флоренции и Венеции, ставшей конечным пунктом назначения русского посольства.

Автор хорошо знает жизнь позднесредневековых итальянских городов, чувствуется, что он сам прошел той же дорогой, которой путешествовало посольство Чемоданова. Проник он и в международную обстановку того времени: посольство Москвы в Венецианскую республику было вызвано сложным комплексом противоречий между итальянскими государствами и Турцией, между Турцией и Россией, нестабильной обстановкой в Восточной Европе, продолжающимся русско-польским противостоянием.

Посольство Чемоданова твердо ведет свою линию: не втягивая Россию в прямые обязательства перед Венецией по борьбе с Турцией, в то же время добиться у богатой республики финансовой помощи для ведения войны с Польшей.

А одновременно посольство свято блюдет престиж страны, точно придерживается посольского ритуала, этот престиж поддерживающего. И снова международные проблемы сплетаются воедино с личными судьбами героев романа.

Московиты потрясены обликом западного мира. С большим юмором Соловьев описывает переживания русских людей при виде заморских чудес, разного рода неловкости, в которых они оказываются по незнанию порядков.

...Нескончаемо шумит праздничная Венеция. Но Соловьев не забывает о глубинных пружинах здешней жизни. «Правители Венецианской республики, — пишет он, — ставили своей задачей, как можно больше развлекать народ для того, чтобы ему было некогда остановиться на многих явлениях их мрачной подозрительной политики. Почти ежедневно “исчезали” люди в тайных судилищах инквизиции, но вечный шум и блеск, постоянно сменявшиеся празднества, заставляли забывать об этих исчезнувших людях»¹⁶.

И, конечно, дело не обходится без очередных приключений, на которые Вс.С. Соловьев является таким большим мастером. В Александра Залесского влюбляется знатная венецианка, молодая вдова Анжиолетта Капелло. Она увлекает Александра своей страстью. В результате тот оказывается на шаг от своей новой судьбы. Но едва перед ним развертывается эта бездна жизни на чужбине, как сразу же срабатывают защитные национальные стереотипы — тяга к родной земле, тоска по родной природе. Возвращается и образ любимой Насти. Дурман рассеивается, и Александр вырывается из духовного и чисто «физического» плена, бежит из заточения в доме Анжиолетты и вовремя поспекает к отходу посольства.

Во всей этой ситуации мы видим не лубочного благонамеренного героя, а живую мятущуюся душу, человека с «заносами», с лукавинкой, что и делает образ Александра жизненным и действительно симпатичным.

И в этом романе злая сила идет по пятам за хорошими, чистыми, добрыми людьми — это и вельможа Матюшкин, и итальянские «чичисбеи» (сопровождающие) — коварный беспощадный Нино и осторожный, злобный Панчетти.

Как нескончаемый красочный карнавал, прошумела мимо московитов жизнь Венеции и снова — в путь, где Александра ждет новая жизнь, новая судьба, наверное, очень нелегкая в родном Отечестве.

Исторический роман «Царь-девица» — последний из серии романов, посвященных истории России XVII в. Россия стояла на пороге реформ. Все больше людей приобщалось к новым веяниям в русской жизни. Среди них были не только мужчины (реальное историческое лицо Ф.М. Ртищев и вымышленный персонаж Александр Залесский из романа «Царское посольство»), но и женщины. Едва ли не первой из них в истории России стала царица Софья, одна из старших дочерей царя Алексея от первой жены — Марии Ильиничны Милославской.

Именно она — «царь-девица» становится главным действующим лицом романа одноименного названия. Софья — «царь» не только по своему месту в тогдашней иерархии власти в России в связи с тем, что после смерти царя Федора Алексеевича и стрелецкого восстания 1682 г. она по существу заняла российский престол в качестве регентши при малолетних царях Иване и Петре, но и по свойствам своего характера.

Софья порвала с затворническими традициями терема, получила прекрасное образование, в частности, слыла ученицей Симеона Полоцкого, активно участвовала в государственной жизни страны, была любительницей «комедийных действий», встречалась и вела беседы с бывающими в Москве иностранцами, изумляя их своими знаниями и дипломатическим искусством.

И внешне — по Соловьеву — это совсем другая женщина, нежели рисуют нам ее иные романисты, в том числе и Алексей Николаевич Толстой в «Петре I». Она представляет собой прекрасный тип русской женщины — статной, с роскошными волосами, с удивительными ярко синими глазами. Да и откуда ей быть дурнушкой, если, по отзывам современников, Алексей Михайлович в молодости был мужчиной на загляденье, и его первая жена Мария Ильинична Милославская славилась своей красотой (да иначе она бы просто и не была сосватана в царский терем).

В русской дореволюционной научной литературе и исторической романистике под влиянием «пропетровских» тенденций сложилось прочное и предубежденное отношение к Софье как к правительнице и человеку. Эта линия была продолжена и укреплена в советское время, особенно начиная с 30-х годов, когда фигура преобразователя России — Петра I закрыла собой все иные истори-

ческие фигуры второй половины XVII — начала XVIII в. Лишь на исходе XX в. историческая фигура Софьи, кажется, стала обретать свои реальные черты¹⁷.

Вс. Соловьев идет наперекор этой традиции. Он показывает предпетровскую Россию страной динамичной, ищущей, а среди людей 70—80-х годов XVII в. находит тех, кто по существу предвосхитил петровские реформы и собирался провести их в более цивилизованных формах, чем сделал это Петр. К этим людям автор и относит царевну Софью, ее друга и сподвижника князя Василия Васильевича Голицына.

Фабула романа проста: из глубинки, из далекого суздальского села в Москву в терем царевны попадает девушка — сирота Люба Кадашева, которая бежит от своих родственников, притеснявших и попрекавших ее лишним куском хлеба. Независимая, с сильным характером, красивая, Люба прослышала о легендарной царевне и обратила к ней все свои мечты, полагая, что только правительница может поддержать ее попранное достоинство, защитить.

Люба попадает в Москву в смутное время: идут крутые расправы с раскольниками, на смертном одре оказывается царь Федор Алексеевич, и усиливается борьба между двумя боярскими группировками — Милославскими, родственниками первой жены царя Алексея Михайловича, и Нарышкиными, родственниками второй его супруги. В центр этой борьбы, естественно, становятся дети царя Алексея, чьи претензии на власть и могут позволить тому или другому клану взять верх — Милославским, которые выносят наверх умную, энергичную, образованную Софью, поскольку ее брат Иван немощен телом и слаб умом, или Нарышкиным, чей единственный козырь — это десятилетний Петр.

Волею судеб Люба во время своих странствий сталкивается со стрелецким полковником Николаем Степановичем Малыгиным, который помогает ей добраться до Москвы, поддерживает ее, находит пути для проникновения Любы в терем царевны. Между молодыми людьми вспыхивает чувство, которое озаряет их жизнь.

Софья знакомится с Любой, поддается ее пылкому обожанию и делает ее своей теремной девушкой, а потом и яркой сторонницей в борьбе за власть. Через Малыгина Софья поднимает стрельцов против Нарышкиных.

А затем разворачивается это страшное восстание 15 мая 1682 г., в огне которого гибнет партия противников Софьи. Стрельцы убивают боярина Артамона Сергеевича Матвеева, бросают на пики и

бердыши 23-летнего Ивана Нарышкина, и лишь с большим трудом новому правительству Софьи — В.В. Голицына удается унять разбушевавшуюся стрелецкую стихию.

Вс.С. Соловьев описывает бунт 1682 г. почти с натуры. Страшна эта сила человеческой ненависти, никем и ничем не управляемой. И думается, автор подводит читателя к мысли о том, что за подобными историческими действиями нет никакой реальной перспективы: насилие порождает ответное насилие, и в 1689 г., когда к власти приходит Петр, время как бы опрокидывается, и теперь на плаху, в заточение идут бывшие победители.

Эту мысль автор тонко проводит через прозрение Любы, которая вдруг обнаруживает, что она стала орудием в грязной и жестокой игре, игре, которая уносит в небытие ее любимого человека. Софья предстает теперь перед нею совсем в ином облики — жестокого и беспринципного человека, способного на все ради сохранения своей власти.

И снова власть и человек сталкиваются у Соловьева на подмостках истории, и власть давит, уродует, уничтожает человека.

Люба бросает в лицо Софье тяжелые обвинения и убегает из терема.

Роман населен и другими нетрадиционно выписанными историческими персонажами. В. Голицын предстает перед нами вовсе не как никчемный и слабовольный красавец в духе все той же «пропетровской» историографии и романистики, а как яркий, талантливый, решительный, прекрасно образованный, начитанный человек, искусный дипломат и незаурядный полководец. Подобный подход в нашей историографии обозначился также лишь в 90-е годы XX в.¹⁸ Его дом — это оазис гуманизма и просвещения в Москве, а его планы переустройства России идут гораздо дальше петровских преобразований на основе старой крепостной системы.

В романе как бы сталкиваются затхлая жизнь московских теремов и красивая, вольная жизнь просвещенного Голицына. В этом вновь виден Соловьев с его нестандартным подходом к ключевым периодам в истории России, с собственным оригинальным суждением, идущим наперекор стереотипам. Но увлеченный художник в обрисовке В.В. Голицына порой уступает место объективному аналитику. Просвещенный для своего времени князь был, однако, сыном этого времени — жестоким, властолюбивым, беспощадным, как показала организованная при его участии расправа с вождем стрельцов князем Хованским. В подвалах поставленного на западный манер дома Голицына томились его собственные узники, и князь порой спускался вниз и наблюдал за пытками.

И Петр у Соловьева не столь уж прогрессивен, чуть не с пеленок, как у иных писателей. Он — порождение того же терема, тех же тяжелых, затхлых нравов. Его средства борьбы — это приемы той же московской интриги, той же жестокости. Переворот 1689 г., последующая месть клана Нарышкиных своим «утеснителям» были проведены в изображении Соловьева по классическим канонам старомосковской Руси.

В этом романе Вс. Соловьев еще и еще раз показывает читателю всю пагубность зла, порождаемого властью. Каков же выход? Вс.С. Соловьев не моралист, он историк и художник. Он ставит перед нами вечные вопросы, на которые вновь и вновь отвечает лишь история и природа самого человека.

«Юный император» хронологически открывает серию исторических романов Вс.С. Соловьева, посвященных истории России XVIII в., периоду так называемых «дворцовых переворотов», начавшихся возведением на престол супруги Петра I императрицы Екатерины I и закончившихся убийством Павла I в ночь на 11 марта 1801 г.

Действие романа разворачивается в 1728 — начале 1729 г., когда только что почила в бозе императрица Екатерина I, а ее фаворит, сподвижник Петра I, всесильный князь Александр Данилович Меншиков, кажется, прочно овладевает властью. Верховный тайный совет, с которым он, по завещанию Екатерины I, должен был делить власть, отодвинут в сторону, да и кто ему мог помешать? Внук Петра и сын казненного великим императором Алексея Петровича Петр II, вззошедший на престол в 1727 г., еще слишком мал для того, чтобы царствовать. Ему всего 12 лет. К тому же он перевезен во дворец Меншикова, и могучий временщик прочит ему в жены свою старшую дочь, чтобы тем самым надолго укрепить свое неограниченное влияние. Там, в этом доме воспитывают и обучают юного императора, кормят и поят его и даже распоряжаются его деньгами. Кажется, все идет к тому, что тот, кто являлся, по словам А.С. Пушкина, «полудержавным властелином» — станет властелином полным. В тени держится дочь Петра красавица Елизавета, в одном ряду с Меншиковым покорно идут старые сподвижники Петра, новых же сил, новых соперников пока на горизонте не видно.

Но кто сказал, что в «верхах» можно жить легко, просто и счастливо? И Вс.С. Соловьев словно дает ответ на этот вопрос своим повествованием. Там, где существует власть, где действуют ее законы, там неизбежны интриги, страдания, возвышения, падения, ссылки, гибель, смерть...

Очень скоро становится очевидным, что император, хотя и юн, но он император, а всесильный временщик, хоть и могуч, но он всего лишь временщик, и кажется, само время начинает работать против него.

Начало глубокого конфликта между Меншиковым и Петром II автор усматривает в отсутствии у князя такта по отношению к императору, которого он все еще числит просто послушным, застенчивым и зависимым от него мальчиком, и в том, что Петру II наскучили науки, которые ему вдалбливает учитель по наущению Меншикова. Конечно, элемент такой несовместимости характеров — властного и сурового князя и идущего к независимости, к человеческому достоинству Петра II — очевиден. Но дело не только в этом. Меняется вся историческая обстановка в России, в Петербурге, во дворце, открывается период «страшных драм», происшедших после смерти Петра I. И Вс.С. Соловьев показывает это очень точно.

Очень быстро люди власти постигают элементарную истину: прежней давящей длани Петра I уже нет, фаворитизм «светлейшего» — это лишь явление времени.

Первым это почувствовал король придворной интриги, соратник Петра, Андрей Иванович Остерман, чье необузданное честолюбие, долгое время сдерживаемое, притаившееся, теперь толкает его на упорную подпольную борьбу с Меншиковым.

Петра II окружила золотая молодежь, во главе с Долгорукими, чей представитель юный Иван стал неразлучным товарищем Петра II. Соотношение сил во дворце стремительно меняется, чего не улавливает князь Меншиков. Новые люди уже пробиваются к власти, и фигура юного императора становится для них лишь прекрасным прикрытием.

В центре романа стоят по существу два человека: юный император и князь Меншиков. Петр II — выглядит в романе прекрасным голубоглазым отроком, истинным сыном своей красивой матери кронпринцессы Шарлотты, с удивительной белизны лицом, не по годам взрослым. В нем по мере его противоборства с деспотизмом Меншикова пробуждаются человеческие качества — стремление к личной свободе, чувство справедливости, мужское достоинство. Он давно беззаветно и безответно влюблен в свою тетку, красавицу Елизавету Петровну, по-детски добивается ее внимания, потом взрослеет и говорит ей о своем чувстве. А Елизавета Петровна — наследница, окруженная врагами, боится начать страшную борьбу

за власть, опасается связать себя какими-то личными узами. Она, видимо, чувствует, что в это безвременье ее настоящее время еще впереди. При поддержке Остермана, своей сестры, больной и вероятно честолюбивой Натальи Алексеевны, опираясь на поддержку мощного клана Долгоруких, Петр II переходит в наступление.

Великан оказался колоссом на глиняных ногах. Не имея никакой реальной поддержки ни в верхах власти, где его люто ненавидели по существу все, ни в гвардии, ни во дворце, он рухнул сразу и бесповоротно.

Ужасна эта человеческая драма, как ее описал Вс.С. Соловьев. Еще вчера почитаемый, вызывающий страх и трепет князь Ижорский в один день становится «простым расслабленным стариком; вся его жизнь до последнего времени представлялась ему как какое-то далекое сновидение, ему казалось, что вот только теперь и есть настоящая жизнь, что он проснулся»¹⁹.

Кольцо вокруг него сжималось медленно, но верно, а он, не чувствуя этого, продолжал творить свою волю, которая уже повисла во враждебном ему воздухе. Его опала была мгновенна и безапелляционна. Потом арест, лишение всех чинов и орденов, заслуженных в основном при Петре I, в том числе и за Полтаву. А далее долгий, унижительный, полный страданий путь осенью, без теплой одежды, в рогожной кибитке в далекий городок Березов, где «светлейшего» и настигает смерть в ноябре 1729 г. Один за другим сходят в могилу и члены его семьи.

И вновь победители торжествуют слишком рано. Мальчик Петр II начал слишком безвременно взрослые игры. Там, где он жил лишь еще детскими эмоциями и капризами, люди власти, окружавшие его, просчитывали все всерьез: окружение Долгоруких сопровождало его в Москву на коронацию и надолго задержало в первопрестольной столице.

Здесь бессменной чередой следовали пиры, развлечения, охоты. Учеба была заброшена, рядом с юным императором, почти одурманенным алкоголем, с подорванным здоровьем, появляется Екатерина Долгорукая, которую ему прочили в невесты, и это тогда, когда он был без ума от Елизаветы.

Вс.С. Соловьев блестяще показывает, что Петр II по существу стал разменной монетой в большой политической борьбе за власть. Его болезнь прогрессировала, а Остерман уже просчитывал будущие политические ходы в империи. В поле его зрения появляются Анна Иоанновна, дочь покойного царя Ивана Алексеевича,

соправителя Петра I до 1696 г., и ее фаворит герцог Бирон. Начинается новый этап политической борьбы в России. У постели смертельно больного Петра II уже идет борьба за власть, происходит дележ русского властного пирога, и уже Долгорукие, пока не чувствующие приближающейся грозы, оказываются обреченными на уничтожение своими политическими противниками, что вскоре и происходит. Алексей Григорьевич Долгорукий, глава мощного клана Долгоруких, повторяет судьбу Меншикова, а фаворит Петра II, юный красавец Иван Долгорукий, ложится на плаху. Такова цена этих игр с властью, в которую втягиваются герои российской жизни того времени и они же герои романа Вс.С. Соловьева.

И в этом произведении писателя, как и в других его исторических сочинениях, кроме основных персонажей поражают своей достоверностью так называемые «герои второго ряда».

Зловещей выглядит фигура первой жены Петра I Евдокии Лопухиной — затворницы, монахини, которая не смирилась со своей тяжелой долей отринутой жены, арестантки, и вновь вошла в свет уже при дворе своего и Петра I внука — мстительная, неудовлетворенная, честолюбивая.

Замечательно вылеплены образы молодого, беспутного Ивана Долгорукого, жизнь которого вдруг озаряется высоким чувством любви к юной графине Наталье Борисовне Шереметевой, дочери известного петровского полководца. А сама Наталья Шереметева, красивая, цельная, верная, не может пережить смерти любимого человека, уходит в монастырь и умирает там.

В этом романе, как и в других сочинениях, все дышит эпохой. Здесь хорошо выписан юный, еще неустроенный Петербург, в котором уже чувствуется холодный императорский стиль будущих лет, и уже зарождающийся Петергоф, и старая, разухабистая, веселая Москва. А главное, роман Соловьева помогает нам прикоснуться к тем далеким дням и их героям, о которых современные российские читатели имеют весьма смутное представление, если имеют вообще.

Историческая сага XVIII в. продолжается романом «Капитан гренадерской роты», который был одним из ранних произведений Вс.С. Соловьева и посвящен времени дворцовых переворотов 30-х — начала 40-х годов XVIII в.

В феврале 1730 г. императрица Анна Иоанновна, опираясь на широкие слои российского дворянства и в первую очередь на гвардейских офицеров, произвела бескровный государственный переворот. Она надорвала «Кондиции» — условия правления, навязан-

ные ей при вступлении на престол членами Верховного тайного совета и ограничивавшие ее права в пользу «верховников». Началось ее самодержавное правление. «Верховники» были отстранены от власти, их лидеры казнены или отправлены в ссылку.

Вместе с неограниченным правлением началась эпоха так называемой «бироновщины», засилья иностранцев в России, прежде всего, немецкого прибалтийского («остзейского») дворянства, засилья, опиравшегося на поддержку всесильного фаворита императрицы герцога Эрнста Иоганна Бирона, выехавшего вместе с ней из Курляндии.

Десятилетие «бироновщины» оставило тяжелый след в русской истории. Ее прямым следствием стало расхищение государственных средств, беззастенчивое взяточничество, жестокое подавление любой оппозиции, казни, пытки, тюрьмы, ссылки, в которых самое активное участие принимали и русские карьерные лизоблюды, готовые за чины, поместья, деньги продать кому угодно и мать родную. Летели головы родовитых независимых русских дворян. Откровенное презрение к России, ко всему русскому и прежде всего к русскому народу и его культуре отличало «бироновщину». Все это с наибольшей силой, казалось, было воплощено в самом Бироне — внешне лошеном, но по сути своей — грубом, мстительном, мелком человеке, имевшем подавляющее влияние на императрицу.

...Десять тяжких лет, но они кончились. Только что умерла императрица Анна Иоанновна. Ясно, что наступает время больших перемен, снова зашевелилась русская гвардия, пострадавшая под гнетом немецких командиров, воспрянуло духом стертое было в порошок русское столбовое дворянство...

Как раз в это время и приходят в движение все герои романа Вс.С. Соловьева. Мечется в своем дворце Бирон, вынашивающий планы последующего утверждения своей власти над Россией; надежда на власть пробуждается у буквально задавленных Бироном племянницы императрицы — Анны Леопольдовны и ее мужа принца Антона Брауншвейгского, родителей трехнедельного Ивана Антоновича, официально ставшего императором России. Но кто возьмет реальную власть в руки в период малолетства императора Ивана VI — Бирон, объявивший себя регентом, или противодействовавшая ему и ненавидевшая его немецкая же группа «брауншвейгцев» и фельдмаршала Миниха, державшего в руках армию?

А в отдалении от трона видится еще одна политическая фигура, также реально претендующая на власть в России, — дочь Петра I

Елизавета Петровна, полностью оттесненная немцами за истекшее десятилетие от какого бы то ни было влияния на судьбы страны, постоянно окруженная шпионами Бирона, запуганная пытками и казнями своих тайных и явных сторонников.

Этот гордиев узел, который должен был быть кем-то разрублен, и составляет сюжетный стержень романа «Капитан гренадерской роты». Капитаном же предстает сама Елизавета Петровна, которая в ночь на 25 ноября 1741 г. явилась в сопровождении верных ей русских гвардейских офицеров в казармы Преображенского полка и повела гренадерскую роту на дворец, в котором жили «брауншвейгцы», только год назад, наконец, взявшие верх над Бироном.

Но прежде чем все это свершилось, политическая жизнь русских верхов развивалась чрезвычайно напряженно. Бирон последовательно укреплял свою власть, усилил полицейский аппарат, стремился размыть национальный состав русских гвардейских полков и ввести в Петербург верные ему части, практически изолировал Елизавету, запугал Анну Леопольдовну и ее мужа. Власть как таковая в ее наиболее отвратительном виде предстает перед нами в каждом поступке, в каждом жесте, в каждом слове Бирона.

Бирон под пером Вс.С. Соловьева — тот злой гений, которых, по мнению писателя, немало в истории вообще, и в русской истории в частности, особенно в верхних эшелонах власти. И здесь автор удивительно последователен: добро и справедливость, представленные влиятельными историческими деятелями, большая редкость. Чаще же именно с правительственных высот идет насилие, несправедливость, коварство, обман, стяжательство. К этому выводу писателя подводят не абстрактные размышления о природе власти как таковой, а тщательное обращение к фактам истории. Ведь и фельдмаршал Миних, и Антон Брауншвейгский, и Анна Леопольдовна, и хитроумный и всемогущий интриган канцлер Остерман — противники Бирона — это люди низкие, властолюбивые, мелкие по своей натуре. В них практически нет привлекательных черт, и не потому, что они представители иноземного давления в России, а потому, что они верные служители культа власти, его дети, его рабы. Достаточно вспомнить, как они в упоении делят награды после переворота и краха Бирона.

Особняком стоит в романе Елизавета, чье решение о борьбе за трон далось ей после долгих мучительных размышлений, страхов, слез. С одной стороны, это «орлиная дочь» — умная, волевая, решительная, талантливая русская женщина — сочинительница и исполнительница

песен, добрая душа; с другой — неуверенная претендентка на трон, заевающая очередной заговор, окруженная авантюристами и интриганами — доктором Лестоком, французским посланником маркизом де ля-Шетарди, русскими, шведами. «Но что мне делать? — вопрошает она, — я — женщина!». Елизавета, жившая долгое время в отдалении от двора, кажется, уже смирилась со своим заурядным положением, влюблялась, старела, очень хотела выйти замуж за тех, кого искренне и беззаветно любила — за Шубина, сосланного Бироном в Сибирь под чужим именем, за Разумовского, с которым, кажется, тайно и обвенчалась после прихода к власти, уже в 1742 г.

В ответ на призывы своих сторонников к решительным действиям она отвечала: «А я ленива и уж не так молода». И этому приходится верить, как, видимо, нужно верить и тому, что в «орлиной дочери» вдруг пробудился могучий дух Петра, позвал ее вверх. Этот зов и возвышал, и пригибал ее. Она молится, рыдает. Зовущая ее власть ломает ей душу, вырывает из привычного обыкновенного, полусельского уклада жизни, бросает в гущу событий, предугадать которые невозможно. И Елизавета отваживается. Ее образ, пожалуй, самый жизненный в романе. Он соткан из реальных жизненных противоречий, он правдив. Здесь нет идеализации, как может показаться на первый взгляд, но есть понимание ее психологического склада, логики поступков.

Характерно, что у каждого из героев романа вообще своя логика мыслей и действий, которую передает Вс. Соловьев через внутренние монологи персонажей. Вспомним рассуждения фрейлины Юлии Менгден, неистово влюбившейся в фаворита своей подруги — регентши малолетнего императора Анны Леопольдовны Линара. Сколько в них страсти, одержимости, ненависти, вдруг прорвавшейся в этой всегда разумной, сдержанной, спокойной, красивой женщине.

Своя логика и у Бирона, своя — у Миниха. Столкновение этих логик и составляет ту удивительную, яркую картину противостояния, политических интересов, общественных и личных настроений, которая зачаровывает нас в романе Вс.С. Соловьева.

Нельзя не подчеркнуть и особенные художественные удачи писателя. Одна из них образ «больного» Остермана, для которого болезнь — один из тактических приемов в отчаянной борьбе за власть. В этом хилом, немощном теле живет нестигаемый дух политического гладиатора, смертельно разящего своих врагов. Именно он навел удар Миниха на Бирона, но промахнулся с Елизаветой,

недоучел скоротечность развития нового заговора, организованного на сей раз патриотически настроенными гвардейскими офицерами и направленного против «брауншвейгцев», против всего немецкого вообще. Миних, Остерман пали, и это было крушение их логик жизни в политической борьбе.

Другая несомненная удача — образ дочери Бирона Гедвиги. Кажется, все в дворце фаворита олицетворяло зло, зависть, ненависть — глупая, злобная, взбалмошная жена, ничтожный бездарный сын Петр, которого Бирон стремился женить на Елизавете Петровне для того, чтобы устранить опасную соперницу в борьбе за власть. Но, о чудо! В этом доме живет еще Гедвига — некрасивая, умная, честная, с трепетным сердцем, ранимой и в то же время твердой душой подвижницы. Именно она поддержала отца, когда его, сброшенного с невероятных высот власти, уничтожали физически и морально его противники.

Огромный документальный материал: эпистолярное наследие, тексты официальных рескриптов и манифестов, мемуарная литература — бросил Всеволод Соловьев на весы исторической правды в этом романе. Он создал картину, по которой можно с успехом постигать внутренние пружины дворцовых переворотов начала 40-х годов XVIII столетия.

Он, всей душой любящий Россию, ненавидевший ее внешних и внутренних врагов, дал в то же время, увы, неприглядную картину жизни ее высшего эшелона.

...Окруженная решительными, ликующими гвардейскими офицерами, солдатами-гренадерами, в полуобморочном состоянии двигалась Елизавета по ноябрьскому ночному Петербургу на дворец «брауншвейгцев». И у читателя нет никакой уверенности в том, что эта очередная политическая «затейка» что-либо изменит в жизни многострадальной страны.

* * *

Но подлинного расцвета историзм Вс.С. Соловьева достиг в его знаменитой «Хронике четырех поколений», своеобразной «пятилогии», охватывающей историю семьи дворянского рода Горбатовых с 80-х годов XVIII в. до пореформенной поры. «Хроника» состоит из книг: «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник», «Последние Горбатовы». Именно выход «Семьи Горбатовых», как стали называть в России «Хронику», принес писателю славу «русского Дюма».

Были годы, когда «Горбатовыми» зачитывалась вся Россия. И это не преувеличение. Сам писатель вспоминал позднее: «Когда я кончил “Последних Горбатовых”, некоторые из читателей посылали мне письма, спрашивая, в каком уезде теперь проживают мои герои...». Журнал «Нива», где печаталась «Хроника», был нарасхват. Продолжения, по свидетельству современников, ждали с захватывающим интересом и в столицах, и в читающей провинции, и среди элитарных слоев общества, и в среде образованных обывателей.

...Безмятежно, величаво, вольно начинается «Хроника четырех поколений» романом «Сергей Горбатов» — где-то около 1788 г. — в расцвет «века» Екатерины II. Вельможно раскинулась богатейшая усадьба Горбатовых, принадлежащих к старинному боярскому роду, чьи предки служили верой и правдой русским великим князьям, царям, императорам чуть ли не со времен Куликова поля. Огромные богатства, колоссальные земельные владения, тысячи душ крепостных крестьян, славные подвиги предков, благоволение царствующих особ числилось за семьей Горбатовых. Глава семейства Борис Григорьевич Горбатов — любящий и суровый муж и отец, строгий, справедливый хозяин, бесстрашный воин, верный слуга Отечества и государя, всесильный вельможа при дворах Елизаветы Петровны и Петра III — после дворцового переворота 1762 г., свергнувшего с престола законного государя и возведшего на русский трон под именем Екатерины II безвестную немку, удался вместе с семьей в свое поместье Горбатовское, оставив в Петербурге богатый пустующий дом и удивление света. Он выразил тем самым свое неодобрение заговорщикам.

Но сила имени Горбатовых, мощь фамилии были столь велики, что и новая власть с уважением отнеслась к добровольному изгнаннику. Его звали обратно, но тщетно. Так началась жизнь семьи Горбатовых вдали от шумного и суетливого Петербурга, вдали от света. Это была неторопливая, хорошо отлаженная, счастливая жизнь, жизнь среди прекрасной русской природы, среди верных и любящих людей — патриархальный мир идеализированной русской крепостной деревни конца XVIII в. — таким видится нам имение Горбатовское того времени.

И первые строки «Хроники» под стать этому безмятежному счастью и этому покою: молодой двадцатидвухлетний Сергей Горбатов, единственный сын Бориса Григорьевича, богатейший наследник отцова состояния и имени, скачет ярким солнечным осенним

утром 1788 г. в соседнее имение княгини Пересветовой на свидание с ее дочерью — прелестной сероглазой Татьяной Владимировной.

Кажется, ничто не предвещает трагического развития событий, ничто не говорит о потрясениях, которые испытает эта семья, про которую один из героев «Хроники», доверенное лицо Горбатовых, «судейский крючок», разночинец Кондрат Кузьмич Прыгунов скажет: «Несчастливая семья». Но сказано это будет уже почти через сто лет после того солнечного осеннего утра. И между этим утром и этими словами пролягут долгие десятилетия, в ходе которых будут проходить чередой поколение за поколением Горбатовых.

Но это роман не о несчастьях семьи, а об обычной русской жизни, в которую силой исторических обстоятельств была вовлечена эта семья, как и сотни, тысячи иных семей — и титулованных, высокопоставленных, и простых, обывательских, и семей самого низшего российского сословия — крепостных крестьян, дворовых людей.

Вс.С. Соловьев как бы утверждает: это лишь кажется, что богатство и власть делают человека счастливым. Нет. Человека делают счастливым его внутреннее состояние, его ощущения, а достижимо это по большей части в разумном труде, на лоне тихой русской природы. Недаром крушение человеческих судеб Горбатовых начинается тогда, когда они отрываются от своего родового гнезда, а равновесие, житейское счастье, радость обретают, вернувшись под куцу своей горбатовской усадьбы. Именно этот маленький уютный мир прочно защищает героев «Хроники» от бушующего внешнего мира, от его зол и невзгод, борьбы характеров и честолюбий.

Но не всем Горбатовым удастся найти здесь душевный приют и отдохновение, а лишь тем из них, кто по своему душевному складу, по склонности характера способен наслаждаться простыми, здоровыми житейскими радостями. Другим же уготовано судьбой мучиться, метаться до конца дней, попусту растрчивая свои душевные силы. И так длится из поколения в поколение: одни посвящают себя Молоху карьеры, славы, мирской суеты, другие ищут счастье в любви, глубоких раздумьях о жизни, чтении, воспитании детей, племянников, внуков. Два мира, два различных устремления, а жизнь лишь является могучим режиссером отдельных человеческих судеб. И каким режиссером!

Горбатовы оказываются при дворе Екатерины II, а позднее Павла I, они вступают в отношения с такими титанами системы, как светлейший князь Потемкин, канцлер граф Безбородко, послед-

ний фаворит Екатерины II Платон Зубов, фаворит Павла I граф Кутайсов, как набиравший силу еще при Павле I, но развернувшийся во всю свою карьерную мощь уже в александрово царствование Федор Ростопчин, и многими другими звездами первой величины на чиновном небосводе Российской империи.

Сергей Горбатов, молодой русский дипломат, проходит в Париже через горнило Французской революции. И не случайно действие «Хроники» начинается в ее преддверии — в 1788 г. Ее гром скоро уже загрохочет по Европе, и тысячи судеб, и среди них судьба молодого Сергея Горбатова, будут вовлечены в ее ужасный и притягательный водоворот.

А сын Сергея, юный Борис Горбатов, пройдя через пламя московского пожара 1812 г., будет опален и другим пламенем — декабристским движением и окажется вместе с женой в далекой сибирской ссылке.

Но самым мощным распорядителем горбатовских судеб является пореформенное время, наступающий капитализм — царство денежного мешка, царство молодых напористых дельцов, перед которыми склоняется гордая голова горбатовской фамилии. Ломаются старые, веками сложившиеся отношения, иные ценности властно вторгаются в старорусский быт, и Горбатовы, покорные этой исторической стихии, оказываются в водовороте общего нового течения жизни — то противостоя ему, то подчиняясь...

А пока же красивый юный всадник мчится навстречу своей любви, своему счастью. И вот это извечное противостояние светлого в жизни человека и неумолимого и необъяснимого рока, ломающего человеческую жизнь, проходит через всю «Хронику», формируя характеры, определяя судьбы, пробуя людей на прочность. В этом трагедийная сила «Хроники», ее мощное воздействие на читателей. И как первый удар драматического колокола, напоминающего о том, что жизнь соткана не только из радостей, любви и счастья, но и из неизбежных противоречий, превратностей, трагедий, становится нагоняющее счастливого всадника известие о скоропостижной смерти отца — главы династии Горбатовых.

Кончается юность, начинается новая взрослая жизнь. Сергей Горбатов вступает в нее уже сложившимся человеком, имеющим определенные жизненные, нравственные принципы, и главный — верность своей первой любви Татьяне Пересветовой, своей любящей матери — патриархальной помещице, доброй Марье Никитишне, своему милому Горбатовскому, родному дому. Если в облике старого Бориса

Горбатова видится нечто «троекуровское», то в облике его сына Сергея читается судьба Гринева из «Капитанской дочки». И время почти то же, и нравы схожи. Сколько таких чистых, нравственно цельных, благородных характеров воспитали российские поместья. И не эти ли люди со временем составили славу и честь России на всех поприсах, куда бросала их судьба. И не случайно, что из среды этих «богатырей, кованных из чистой стали» (А.И. Герцен) вышла позднее когорта декабристов, бросавших в лицо своему тюремщику Николаю I принципы, ради которых они шли на каторгу и на эшафот. Из такого материала скроен и молодой Горбатов. Воспитанный французом Рено, он зачитывается французскими просветителями, грезит о всеобщем человеческом счастье, верит в силу правды, и великие принципы разразившейся Французской революции — «свобода», «равенство» и «братство» — не являются абстракциями для этого молодого русского вельможи, они находят отзвук в его душе. С подобными идеалами он и является при дворе по вызову самой императрицы, не забывшей про славную горбатовскую фамилию.

Успех на первых порах сопутствует молодому Горбатову: он представлен самой Екатерине и очарован ею, он определен на службу по дипломатическому ведомству, которое возглавляет всемогущий граф Безбородко. Богатейший дом Сергея Горбатова становится средоточием великосветских раутов, где блистает и он сам, и высокородная петербургская молодежь. В этом доме появляется также молодой гвардейский офицер из мелкопоместных, красавец Платон Зубов, которому суждено будет скоро стать антиподом и ненавистником Сергея Горбатова.

Так начинается «Хроника», и очень скоро затягиваются ее тугие сюжетные узлы, продиктованные, кажется, самой жизнью.

Близкий родственник Горбатовых Лев Александрович Нарышкин, введший Сергея в высший круг петербургской знати, говорит ему: «Умение жить — это такая наука, которую проходят самоучкой». Конечно, Лев Александрович имел в виду ту жизнь, которой он жил сам, располагаясь рядом с тронем и которую предначертал для своего племянника. Но то была одна жизнь, а Сергей Горбатов жил совсем другой, внутренней жизнью, хотя и соблюдал внешние формы великосветской суеты. Но рано или поздно это противоречие должно было привести к катастрофе. Ее первые признаки Сергей стал ощущать, когда почувствовал, что двор отравляет его своим тлетворным ядом. И вершиной этой жизни, что медленно, но верно убивала его, стала сама Екатерина.

Образ Екатерины один из лучших в творчестве Вс.С. Соловьева. То было время, когда императрица была уже на склоне лет. Теперь она пожинала плоды своей бурной и кипучей деятельности. Она, наконец, достигла той степени превосходства над окружающими ее людьми, когда, в силу своего ума, могла оборачиваться к ним только положительными сторонами своей личности. Такой она запала в душу писателя, такой она предстала и перед Сергеем Горбатовым.

Расставшись с либеральными иллюзиями молодости, подавившая восстание Пугачева, понявшая революционную опасность творений французских просветителей, она, окруженная блестящими и талантливими помощниками, крепко держала в своих изящных руках руль управления дворянской Россией. «Честолюбивая и страстная душа», «светлая голова», «светлая улыбка, молодившая лицо» — такими словами характеризует Вс.С. Соловьев императрицу. В то же время он не может скрыть всей фальши окружающей ее обстановки, страх окружающих перед капризной волей Екатерины. Жертвой этого каприза становится и молодой Горбатов. Стареющая Екатерина явно увлечена молодым вельможей, он допущен, наряду с другими близкими людьми, в святая святых, в ее личные покои, императрица не может и дня обойтись без него, и, в конце концов, наступает кульминация их отношений. Екатерина вызывает Горбатова на откровенный разговор, и тот чистосердечно, не ведая всей опасности придворной ситуации, признается императрице в любви, но не к ней, а к далекой своей невесте — Тане Пересветовой, в верности ей. И сразу же круто меняется судьба Сергея. Его место рядом с Екатериной занимает Платон Зубов, который вскоре становится всесильным фаворитом императрицы. Своего кажущегося соперника он стремится отдалить от двора.

Вс.С. Соловьев мастерски показывает тлетворный дух, пустоту царскосельского дворца, его мелкие интриги, его противоборство с «Гатчиной» — двором цесаревича Павла Петровича, вражду матери и сына, Екатерины и Павла, истоки которой восходят к убийству отца Павла — Петра III, и которая умело прикрывается придворным этикетом.

Уже в первом романе «Хроники» писатель приступает к обрисовке образа Павла I, который также стал одной из его больших творческих удач.

Сергей Горбатов, поначалу близкий человек к Екатерине, в то же время все больше и больше подпадает под обаяние личности Пав-

ла. Он, в конце концов, становится и человеком, близким к Павлу, к его гатчинскому двору. В романе «Вольтерьянец», второй книге «Хроники», Вс.С. Соловьев вкладывает в уста поэта Гавриила Романовича Державина такую характеристику Павлу: «Он добр и благороден, у него великие и благие начинания, а всем — тягостно». В этом, наверное, весь Павел, как он выписан у Вс.С. Соловьева. Автор безусловно влюблен в Павла. На фоне лживой, лицемерной обстановки царскосельского дворца, где царит императрица, ставшая центром этой лжи, этих интриг, зависти, сплетен, быстро удающихся карьер и столь же быстротечных и непонятных опал, гатчинский двор удивляет и поражает своей простотой, безыскусностью, своей открытостью, хотя уже и в это время, задолго до воцарения Павла I, здесь чувствуется нервность его хозяина, неуравновешенность, желание добиться цели немедленно и любыми путями, какой-то догматизм, застылость форм. Возможно, эта противоречивость гатчинского двора определялась его настоящей блокадой со стороны Царского Села, со стороны Екатерины. Все близкие люди к Павлу, все его друзья сразу попадали на крючок придворной интриги в Царском Селе, становились там *persona non grata*.

Екатерина постоянно унижала и оскорбляла сына, она даже пыталась в династических интересах распорядиться судьбой юной Екатерины Павловны, дочери Павла, без ведома отца и матери. Екатерина не добилась цели, но исковеркала жизнь великой княжны, довела Павла до пароксизма.

Гатчина была изолирована, она жила своей призрачной жизнью, время здесь словно остановилось, и Павел душевно метался в этом заколдованном кругу, растрачивая попусту свои молодые силы, старея, гася прекрасные, но никому не нужные порывы.

И когда, наконец, он после смерти матери вступил на престол, это был уже совсем иной, чем в юности, человек. Принявшись очищать от скверны екатерининский «новый Вавилон», он действовал импульсивно, нервно, в нем стали все чаще и чаще проявляться черты самодурства и политиканства, и его самые добрые планы, стремления к справедливости, проводимые взбалмошными и крутыми мерами, встречали не поддержку, а недоумение и непонимание общества.

Вс.С. Соловьев очень тонко замечает, что внешне здесь все напоминало Петра I: Павел так же, как и его великий предок, за все брался сам, шел вопреки традиции, пытался сломать старый уклад и искоренить леность, взятки, подхалимаж, но не было в нем пет-

ровского характера, он смешивал «крупное» и «мелочное», да и петербургская верхушка, избалованная «веком Екатерины», была далека от тех первопроходцев, которые окружали Петра.

Одиночество, непонятость, открытая враждебность общества стали уделом Павла I при всех его благих порывах. И нам становятся понятны истоки общего недовольства его политикой и его конечное падение. Трагедия царственной личности прекрасно передана Вс.С. Соловьевым, так и оставшимся все же верным этому «непонятому рыцарю».

Дружба с цесаревичем не только не спасает Сергея Горбатова от опалы, но, видимо, ускоряет ее. И вот молодой дипломат получает ответственное назначение в Париж, в русское посольство при дворе Людовика XVI и Марии-Антуанетты. То была почетная ссылка, устроенная Екатериной, очевидно, не без влияния своего нового фаворита, завистника и ненавистника молодого вельможи.

Так начинается жизнь Сергея Горбатова в Париже, в эпицентре разгорающейся все ярче Французской революции. Там же оказывается и его бывший воспитатель Рено.

Как дипломат, допущенный в высшие сферы французской политики и представленный ко двору, Горбатов имел возможность общаться с высокими французскими сановниками. В то же время не связанный условностями этикета французской высшей знати, он мог бродить среди простонародья, бывать на заседаниях якобинского клуба, видеть революцию как из окон Версальского королевского дворца, так и со стороны революционных народных масс, так сказать, изнутри.

Это дает возможность писателю высказать свое видение Французской революции, которая резко отличается от того, что мы знали о ней в течение долгих десятилетий идеологизированного восприятия истории.

Собственно, взгляд Вс.С. Соловьева на Французскую революцию весьма близок восприятию этого этапа мировой истории всей русской либеральной мыслью. Вначале упоенное поклонение гуманистическим сочинениям французских просветителей — Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, затем первый восторг по поводу падения Бастилии и слома французского абсолютизма, а далее изумление и негодование в связи с дальнейшим развитием революции, ненависть к ней уже в ее якобинской ипостаси.

События «Хроники» разворачиваются уже в то время, когда первые восторги относительно событий во Франции миновали и

русские либералы, интеллигенты с тревогой и опаской наблюдали за дальнейшим развитием событий. И не случайно и Екатерина, и Павел пытали молодого вельможу о том, как он относится к событиям во Франции.

Сергей Горбатов, еще не прочувствовавший назревающих там перемен, не мог внятно сформулировать свои мысли, опираясь лишь на книжные знания трактатов просветителей. И лишь позднее здесь, на улицах Парижа, он четко вынес свой вердикт: народная революция, как он увидел ее, — это ужасно. Кстати, первым из русских интеллигентов-либералов, кто пришел к этой мысли, был писатель и историк Н.М. Карамзин, также ужаснувшийся в Париже тому, что собой представляла уже не книжная, а самая реальная революция. Эту же мысль проводит в «Хронике» и Вс.С. Соловьев.

Общую оценку революции автор дает словами Павла, напутствовавшего Сергея Горбатова: «Помни, что благо человечества не в насильственных действиях, не в разрушении существующего порядка, а единственно во внутренней борьбе человека с самим собою, со своими дурными наклонностями, дурными страстями. Правда и счастье не могут быть достигнуты преступными средствами: “всякая капля пролитой крови влечет за собой только неправду и горе”»²⁰.

И что же видит Горбатов в Париже? С одной стороны, агония блестящего Версальского двора, безвольный король, коррупция сановников, растаскивание государственных средств, вражда в высших слоях общества всех против всех, раскол высших сословий. Он видит также полную смену политических декораций: испуганную знать, закрытые наглухо окна богатых особняков, бегство высшего дворянства из страны. А с другой, все более и более разрастающуюся стихию улицы, стихию плебейства, которая заливает Париж, заливая Францию. «Бушует стихийная сила, разрушает все, что ей попадает под руку», — приходит к заключению Вс.С. Соловьев. Начинаются грабежи на улицах, толпы громят богатые дома; поскольку люди обращаются к политике и перестают работать, видя в этом свое истинное освобождение и высшее предназначение, то начинается голод. Там, где начинается народная революция, — выстраиваются очереди за хлебом.

Сергей Горбатов наблюдает штурм восставшим народом Версаля. Он видит «отрепье Парижа», когда «полупьяная, полуголодная, обливаемая дождем толпа теряла последние признаки своего человеческого достоинства — окончательно свирепела»²¹. Но писатель не просто осуждает народ за «отвратительное зверское насилие», он

пытается понять эту толпу. Характерны в этом смысле слова Рено, губернатора Горбатова: «Отчего народ груб, невежествен и беден? Оттого, что эти господа, это высшее сословие в течение столетий высасывали из него всю кровь, все силы»²².

И все же Вс.С. Соловьев осуждает революционное насилие, как жестокое и бессмысленное историческое действие. Устами Сергея Горбатова он выносит ему свой приговор: «Всякий дурной поступок, всякое преступление в самом себе носит свою кару». Так возторженный поклонник Вольтера и Дидро становится ярким противником революции в той форме, какую он увидел в Париже.

Но особенное осуждение Вс.С. Соловьева вызывают лидеры этой бедной, голодной, невежественной толпы, все эти «бездарности, оскорбленные в своем самолюбии», жалкие, закомплексованные люди, неудачливые адвокаты, несостоявшиеся журналисты — Демулен, Бриссо, Марат, все те, кто не нашел признание в старом обществе, но был понят и поднят на щит толпой. И даже Рено, этот наиболее последовательный вольнодумец, — не чета интеллигенту-вельможе Сергею Горбатову, и тот, наблюдая деятелей якобинского клуба, заключает — «маньяки, больные изверги».

Посещая якобинские собрания, участвуя в них на правах оппонента, слыша знаменитый якобинский лозунг: «кто не с нами, те против нас», многократно позднее повторенный многими революционными экстремистами в мире, в том числе и в России, Рено (а вместе с ним и Вс.С. Соловьев) приходит к выводу: «Это не сторонники и не представители народа — это первые и смертельные враги его». Якобинство во всех его проявлениях — это тупик общественного развития. И не это ли доказал ход истории и во Франции, и в других странах, когда, переходя к массовому террору, в том числе и против своих бывших союзников, да что союзников — против своих собственных товарищей, «левый марш» мировых революций ставил общество на грань цивилизационной катастрофы.

Эти оценки писателем Французской революции, дошедшие к нам от конца XIX в., заставляют еще раз задуматься над судьбами не только мировой революции, но и собственного Отечества, ставшего полигоном для политических испытаний, которые проводили в России на собственном народе некоторые «якобинцы» XX в.

Триумф и трагедия Французской революции сплетены с судьбой молодого русского дипломата, с судьбой его невесты Татьяны Пересветовой, которая, стремясь быть вместе с любимым человеком, также оказалась в Париже.

Приключения Сергея Горбатова в Париже, его участие в судьбах Версальского двора, личные метания, ошибки, увлечения и разочарования составляют причудливую сюжетную ткань первой книги серии. И через все эти превращения ее героя ощущается постоянная творческая доминанта Вс.С. Соловьева — решающее преимущество нравственных ценностей в жизни человека, возможность возрождения и очищения человеческой личности именно на этой основе, гибельность и обреченность зла, несправедливости, коварства, лжи, хотя автор и понимает закономерность и удивительное постоянство этих вечных «сопровождений» человеческой истории и человеческой личности.

Вторая книга «Хроники» «Вольтерьянец» по времени продолжает «Сергея Горбатова». Она посвящена возвращению Горбатова в Петербург в последние месяцы царствования Екатерины II.

Ужасен конец затянувшейся власти старой женщины. Зло, коррупция, вероломство, свившие гнездо во дворце, торжествуют. Апофеозом этого зла, его воплощенным символом становится молодой любовник императрицы Платон Зубов. Братья Зубовы практически захватывают Россию, рвут ее на части своими жадными руками. В опалу уходят прежние «екатерининские орлы», тяжела участь цесаревича Павла Петровича, обложенного в Гатчине, как в берлоге, клеветами Екатерины и ее фаворита. Зубов является не только злым гением России, но самым злобным и беспощадным врагом Горбатова. Вс.С. Соловьев как бы сталкивает в схватке вечное противоборство добра и зла, низости и благородства. Порой страницы, посвященные этой борьбе, под пером автора дышат истинным драматизмом.

О Зубове в нашей истории известно не так уж много, хотя он играл решающее значение во многих сферах жизни страны в середине 90-х годов XVIII в. Братья Зубовы стали и главной пружиной заговора против Павла I, его убийства и возведения на русский престол 11 марта 1801 г. Александра I. Тем более интересен образ Платона Зубова, как он дан у Вс.С. Соловьева. Писатель не отделяет Зубова от всей атмосферы дворцовой жизни, от всей жизни высших слоев русского общества. Возвышение Зубова, по мысли автора, стало падением России, полным разложением российской верхушки. Ничтожное общество, поклоняющееся ничтожеству, — таким выглядит Царское Село, державный Петербург в последние дни жизни великой Екатерины, превратившейся в старую больную женщину. Замечательна характеристика, данная Вс.С. Соловьевым Зубову:

«Он держит себя совершенно как глупый лакей, которого назвали барином». Его тщеславие, амбиции непомерны. Они губительны для общества, растлевают его. Им не может противостоять не только Сергей Горбатов, но и цесаревич Павел Петрович, который вынужден мириться с засильем зла и вероломства вблизи трона.

Читатели «Хроники» с увлечением и удивлением знакомятся с теми страницами романа, где разворачивается все искусство интриги Зубова против своих врагов. Автор показывает, насколько опасным бывает зло, если человек только ему посвящает свою жизнь, все силы своей души. Жертвой этих интриг становится Павел и его семья, они же наступают и на Сергея Горбатова. Восемь долгих лет держал Зубов Горбатова за границей, разлучил его с домом, с невестой, а после возвращения продолжал мстить ему, помня свою нищую юность в его вельможном доме. Горбатов арестован по клеветническому доносу, ему грозит Сибирь. Личная трагедия Сергея становится как бы кульминацией «трагедии России». «Долго жить в таком положении государство не может», — заключает Вс.С. Соловьев устами одного из своих героев. И действительно, наступает развязка. Екатерина умирает. Павел вступает на престол, и кажется, что жизнь и во дворце, и в стране станет иной. Но слишком много времени Павел провел в изоляции и унижении, слишком много было потрачено душевных усилий на мелочную борьбу; для великих дел не осталось уже ни времени, ни сил. Да и слишком запущенной оказалась болезнь общества в последние дни Екатерины. И хотя судьба Горбатова круто взмывает вверх, — мало что меняется в жизни страны. Напротив, желание Павла все изменить, все перестроить без соответствующей опоры в обществе и даже в своем ближайшем окружении, без ясного и продуманного плана и должной повседневной ровной энергии грозит России новыми потрясениями. Все добро, которое он обратил на Горбатова и его невесту, так и не стало прологом преображения России.

И вновь Вс.С. Соловьев уносит нас в Горбатовское, где свое подлинное счастье, вдали от света, стремятся обрести и в конце концов после долгой разлуки, общественных и личных потрясений находят Сергей и Татьяна.

А зло все-таки наказано, — Вс.С. Соловьев остается верен себе: ужасна судьба поверженного Зубова. Уже в момент смерти императрицы придворные отшатываются от него, как от «зачумленного». Он остается в полном одиночестве. Ему, убитому горем, рыдающему около тела Екатерины, никто не хочет даже подать стакана воды.

Проходит почти тридцать лет, и новое поколение Горбатовых вступает на общественную сцену России. 1824-й г. Поразительно это умение автора ставить своих героев в такие жизненные условия, которые совпадают с кануном критических событий в жизни России, в жизни Европы.

На этот раз два крупных общественных явления, две критических ситуации в жизни страны вторгаются в биографию второго поколения Горбатовых, детей Сергея Борисовича и Татьяны Владимировны, которые наконец-то соединили свои судьбы благодаря усилиям Павла I. Это нашествие Наполеона и движение декабристов.

Нет уже Павла, сошел со сцены и Зубов, отошли от активной деятельности и постарели бывшие соратники Екатерины. Наступает александрово время, и, пожалуй, самое примечательное событие этого времени, а возможно и всей первой половины XIX в. — нашествие Наполеона на Россию, пожар Москвы. Это первое событие проходит в третьей книге «Хроники» «Старый дом» как воспоминание сына Горбатовых Бориса о своей юности. Именно во время московского пожара в захваченной французами Москве юный Борис встречает свою суженую, еще девочку, сироту Нину Ламзину, влюбляется в нее, потом надолго теряет из вида. Так странно начинается этот «роман» почти детей, который затем вырастает в большое искреннее чувство уже взрослых людей, разгорающееся в канун другого значительного события в жизни России — восстания декабристов.

И то, и другое событие близко задевает семейство Горбатовых. Их первое поколение — Сергей и Татьяна по существу отходят в тень, мирно и счастливо старея в своем Горбатовском, а в их роскошном петербургском доме, «Старом доме», живут теперь Горбатовы второго поколения — Борис Сергеевич и Владимир Сергеевич.

Борис удивительно повторяет лучшие душевные черты отца и матери: он благороден, честен, жизнь его наполнена светлыми идеалами. Он возвращается в «Старый дом» после длительного путешествия по Европе. Другой сын Горбатовых Владимир являет собой полную противоположность Борису. Это сложившийся петербургский карьерист. Его дом — один из видных светских домов российской столицы. На балах в этом доме бывает даже его высочество великий князь Михаил Павлович, брат Александра I.

Уже первые описания облика двух молодых Горбатовых вселяют тревогу: не могут так спокойно сосуществовать столь разные натуры, не могут идти одним путем, и автор действительно разводит их по

жизни. Борис удивительно повторяет не только душевный склад отца, но и его нелегкую судьбу. Писатель как бы подчеркивает, сколь сложно, а порой и безнадежно в России, живя в высшем свете, исповедовать высокие человеческие чувства. Поиск правды и справедливости приводит Бориса к декабристам. Он бывает на их тайных собраниях, видит пылкого Рылеева, других горячих молодых людей, стремящихся сделать страну счастливой и освободить ее от скверны крепостного права и абсолютизма. Но Борис, как и отец, осторожен, он не приемлет насилия, сомневается в его всепобеждающей силе. Автор, полный либерального сочувствия идеалам декабристов, в то же время верен и себе, стороннику эволюционного развития истории.

Противостояние петербургского света — пустого, лживого, опасного, яркими представителями которого в романе являются не только Владимир, но и его жена Катрин, этот маленький злой дух семьи, мелочная, завистливая, мстительная женщина — и истинной человечности и благородства, носителями которых предстают Борис и его избранница Нина Ламзина, составляет едва ли не основной смысл этой части «Хроники». И снова на ее страницах сталкиваются добро и зло, справедливость и ложь, благородство и зависть. Образ Катрин, этой «дамы света», этой лживой маленькой «птички», проходит через всю книгу, как злой рок, преследующий благородных и честных героев. И именно от этой светской семьи приходит к Борису и Нине страшная опасность, которая приводит их к жизненной катастрофе: Борис проходит по делу декабристов и оказывается на читинской каторге, а верная Нина, как и некоторые жены декабристов, следует за ним.

И все-таки Вс.С. Соловьев верен себе. Его герои находят счастье и в Сибири. Это следует уже из той жизни, которой живут Горбатовы в следующей книге «Изгнанник». Если Катрин после гибели мужа в ходе подавления Венгерской революции все продолжает метаться в своих амбициях, великосветском угаре, по-прежнему портит жизнь окружающим ее людям, издевается над крепостными крестьянами и дворовыми людьми в одной из горбатовских деревенских усадеб, то Борис и Нина и в Сибири строят свой маленький храм благородства, гуманизма и чистоты, и вернувшийся с каторги Борис уже в 50-е годы, потеряв всех близких и став «стариком», «изгнанником», сохраняет душевную стойкость, веру в лучшие человеческие качества, по-прежнему остается тем настоящим Горбатовым, которые оказывали и оказывают огромное нравственное влияние на окружающий мир.

Помимо тем наполеоновского нашествия и декабризма, в романе «Старый дом» Вс.С. Соловьев разрабатывает через исторические персонажи еще одну важную тему второго десятилетия XIX в., которая волновала тогдашнее петербургское общество, — тему мистицизма.

Волею судеб Нина, невеста Бориса Горбатова, оказывается втянутой в одну из сильных петербургских сект — секту Татариновой. То было время повсеместного увлечения мистицизмом, пример чему подавал сам император Александр I, находившийся в глубоком душевном кризисе и обратившийся к религиозным исканиям. Были известны его тесные связи с некоторыми иностранными мистиками, его горячая дружба с фанатичным религиозным изувером архимандритом Новгородского Юрьевского монастыря Фотием.

Эту черту эпохи Вс.С. Соловьев прекрасно отразил через описание татаринского мистического кружка, происходивших там «откровений» и «пророчеств». Автор показывает, сколь серьезное воздействие на души людей имело сектанство подобного направления, сколь сильно оно калечило нравственный мир сектантов, управляли которыми вполне прагматические, хитрые, холодные и расчетливые люди.

Вводит читателя Вс.С. Соловьев и в Новгородский Юрьевский монастырь, знакомит с загадочной фигурой Фотия и его горячей последовательницей графиней Орловой-Чесменской, удостоившихся эпиграммы Пушкина. Про Фотия автор пишет коротко, но с большим отвращением: «хилый и грубый человек». Нина Ламзина, которую пытался втянуть в религиозно-мистические сети ее ближайший родственник князь Еспер, постепенно под влиянием Бориса освобождается от этого дурмана.

Мистическая тема была весьма заметной в творчестве Вс.С. Соловьева. В «Хронике» он еще раз, но уже в другом виде вернется к ней в заключительной книге «Последние Горбатовы», где представитель третьего поколения Горбатовых Николай Владимирович после душевной драмы, разлуки с любимой женщиной, женой своего брата Сергея, уезжает на Восток, в Индию, и возвращается оттуда полный чудесной силы, умеющий проникать в человеческие мысли, овладевший искусством гипноза, которое он использует в весьма прозаическом деле — в борьбе с высокопоставленным негодяем князем Янычевым.

Третье поколение Горбатовых, представленное в романе «Изгнанник», вступает на страницы «Хроники» в начале царство-

вания Александра II, в канун приступа к Великим реформам и, прежде всего, к отмене крепостного права в России. На протяжении существования горбатовского семейства обязательно в каждом его поколении находился горячий поборник освобождения крестьян, — несмотря на то, что сами Горбатовы были крупными землевладельцами и имели за собой тысячи крепостных душ. Эту линию в семье представлял сначала Сергей, потом Борис Сергеевич, а теперь его племянник Николай Владимирович Горбатов. Но была в семье и иная линия — ярых крепостников, консерваторов. Эти две линии, сшибаясь, борясь друг с другом, как бы отражают общее противостояние в России того времени либерального и консервативного подходов к крестьянской реформе.

Консервативное крепостническое начало ярко выражает все та же злая «птичка», демон семьи, постаревшая, но не сдавшая своих амбициозных позиций Катрин — Екатерина Михайловна, вдова Владимира Сергеевича Горбатова. Она приходит в ярость при одном упоминании о желании вернувшегося из ссылки Бориса освободить горбатовских крестьян. О крестьянах она говорит коротко, но достаточно ясно: «все эти хамы нас резать станут», и Катрин стремится запугать крестьян и дворовых, задавить их возможное сопротивление.

Сами же крепостные являются непременными участниками всех событий, происходящих в «Хронике». С одной стороны — это верная патриархальная опора хозяев. С другой — противостоящая им враждебная сила. Собственно, так и было в русской деревне XVIII—XIX вв. Так, рядом с Сергеем всю жизнь прошел его камердинер карлик Моисей Степанович, верный Моська, бывший рядом со своим баринном и в Париже, и при дворе Павла I, и в Горбатовском. Немало славных подвигов свершил бесстрашный и преданный карлик ради благополучия своего любимого Сереженьки. Рядом с Борисом Сергеевичем всю жизнь стоял столь же верный камердинер Степан. В этом же ряду мы видим управляющих, ключников, всех тех, кто любит своих добрых господ. Но в «Хронике» видна и другая крепостная деревня — те люди, которые распрямляются, начинают свободно дышать лишь тогда, когда господу покидают усадьбу. Это враждебная сила. Ярким символом их протеста становится дворовая девочка Груня, выменянная на обезьянку, поротая Катрин. Она в одиночку поднимается на борьбу с ненавистной хозяйкой и поджигает усадьбу. Пожар усадьбы Горбатовых показывает, какие общественные истоки рождали десятки,

сотни таких же пожаров, почему по всей России перед реформой пылали помещичьи усадьбы.

Сама реформа получает неоднозначные оценки в романе «Изгнанник». Участвующий в выработке подготовительных к реформе документов Николай Владимирович Горбатов так определяет их сущность: «Я боюсь, что эта прекрасная благородная реформа слишком дорого обойдется и нам, и народу...»²³ А верный слуга Бориса Сергеевича Степан философски изрекает: «А что многие пропадут — это верно»²⁴. Крестьянство, по Вс.С. Соловьеву, и рвется к воле, и боится ее, боится остаться один на один с суровой действительностью, выйти из-под опеки помещика, которая хоть и была суровой, но давала в трудные годы надежное прикрытие от невзгод. Такова была диалектика времени, о которой откровенно пишет Вс.С. Соловьев и которую долгие годы мы отказывались признавать.

Все личные коллизии семьи Горбатовых — любовная драма Николая и жены его брата Сергея — Наташи, всплывающие грехи молодости Катрин, появление в романе линии незаконнорожденного, потерянного, а теперь найденного Петруши Горбатова, обретенного под именем Мишеньки, распад семьи Николая и Сергея Горбатовых — проходят на фоне бурлящей крепостной деревни, на фоне пожарища семейной усадьбы.

Заключительная книга «Хроники» «Последние Горбатовы» — это время, близкое к жизни самого писателя, — 70-е годы XIX в., а точнее 1873 г.

Минуло всего двадцать лет с тех пор, как ушли из жизни Борис Сергеевич, Катрин. Подросли внуки Катрин и Владимира — Софья Сергеевна, Владимир Сергеевич, Мария Сергеевна. В «Старом доме» живет их дядя Николай Владимирович со своей супругой, живет замкнутой жизнью отшельника — для человека, постигшего тайны духовной жизни Востока, пресными представляются петербургские радости. Выросла поротая дворовая девочка Груня и превратилась в европейски известную красавицу актрису Аграфену Васильевну. И сколько еще изменилось за эти двадцать лет. Страна быстро меняет свой облик. Это было время, когда уже задымили трубами сормовские заводы, железнодорожные магистрали соединили русские города, по Волге пошли красавцы пароходы. В театрах шла «Гроза» Островского. Закачались древние конструкции старинных дворянских родов, их стали теснить новые люди — биржевые дельцы, предприниматели, финансисты. Хранительница родовой спеси Горбатовых, достойная наследница Катрин, ее внучка

Софи в бессильной ярости наблюдает, как эти новые, совершенно безвестные и нетитулованные люди смело шагают по жизни, устанавливают повсюду свои порядки, внедряют свои нравы. Но кое-кто из Горбатовых начинает приспособливаться и даже преуспевать в этой жизни.

Ломка былых представлений, наступление новой жизни и угасание жизни старой составляют лейтмотив последней книги «Хроники».

И все же — это прежняя горбатовская семья, ее прежние типы, которые несут на себе как бы фамильную печать уже в новых условиях жизни. Последний Горбатов Владимир Сергеевич незримо повторяет прежнюю благородную линию семьи. В нем сосредоточиваются, кажется, лучшие черты рода. Он напоминает по характеру, по своим взглядам на жизнь, по отношению к любимой женщине и Сергея, и Бориса Сергеевича. И это извечное горбатовское тепло благородство продолжает греть читателя со страниц «Хроники». И личная его судьба схожа с судьбой близких ему по духу старших родственников. Еще в юности он очаровывается маленькой Груней. Он и боготворит, и жалеет ее. И лишь через долгие годы разлуки встречаются молодой барин и бывшая крепостная. Он — наследник древнего горбатовского имени, она — вольная, красивая, всеми любимая актриса. Но прошлое не забыто. Трепетные детские и юношеские годы остаются с этими прекрасными и чистыми людьми. История их драматической любви повторяет в стиле «рондо» уже в новой жизни прежние любовные драмы Сергея и Татьяны, Бориса и Нины: уж так устроены эти Горбатовы — чтобы быть счастливыми, любящие люди должны пройти испытание временем, трудностями, преодолеть разные искусы.

Вс.С. Соловьев убедительно показывает, что и в новых, далеко не романтических условиях, когда бал правят не фамильные гербы, а чистоган, в жизни остается место для красивых и ярких чувств, для нравственной стойкости, человеческой преданности, точно так же, как и в прошлом, и на сибирской каторге Горбатовы сумели найти свое счастье. В этом весь Всеволод Сергеевич Соловьев.

Романы Вс.С. Соловьева, кроме того, что они прекрасно отражают эпоху и людей эпохи, кроме того, что они остросюжетны и постоянно держат читателя в напряжении, являются настоящим пиршеством быта — и быта императорских дворцов в Петербурге и Царском Селе, и королевского Версаля, и быта старого петербургского дома Горбатовых и двух горбатовских усадеб. С поразительным мастерством писатель изображает утро императрицы, прием-

ную спесивого вельможи Платона Зубова, рабочий день канцлера Безбородко, обед в Гатчине у Павла I, балы во дворце и домах вельмож, распорядок дня в Смольном институте благородных девиц, жизнь в Новгородском Юрьевском монастыре.

Можно без преувеличения сказать, что «Хроника» Соловьева — это настоящая энциклопедия русской жизни за сто лет ее существования, и каждая эпоха имеет свои характерные черты, и люди, эту жизнь составляющие, выписаны сочно и точно — от высокопоставленных вершителей судеб государства до камердинеров, ямщиков, крепостных крестьян и дворовых людей.

Апофеозом «Хроники» является возвращение последнего Горбатова — Владимира со своей женой Аграфеной Васильевной — Груней в Горбатовское. Бывшая крепостная девчонка становится владелицей фамильного дворянского имения. Снова Вс.С. Соловьев подводит нас к мысли о том, что счастье для этой семьи возможно лишь здесь, в Горбатовском, в тихой гавани после бурного плаванья по житейскому морю. Но не «самодержавным властителем» возвращается Владимир на родное пепелище, а «работником». Другая жизнь, другие нравы. Его ждет, как пишет Вс.С. Соловьев, «широкая, здоровая и разумная деятельность... Боярин Горбатов, сильный и могучий своими наследственными правами, своей властью, исчез навеки; но должны создаваться новые Горбатовы и должны они создавать себя уже не в силу каких-нибудь прав, а своей собственной неустанной работой, согласно с новыми условиями жизни»²⁵.

В этих заключительных словах «Хроники» весь неисправимый идеалист Вс.С. Соловьев, верящий в человеческое счастье, добро, достигнутые своими собственными руками, своим собственным трудом, чем он и дорог нам в наше многотрудное, зачастую бездуховное время.

Исторические повествования Вс.С. Соловьева возвращают нас к исторической правде, давно и прочно искаженной идеологическим видением истории. Научные исторические перья сегодня пытаются восстановить эту правду в изображении ключевых, поворотных событий родной истории, в понимании ключевых ее фигур. Движение есть, и об этом уже немало написано. Но ведь мир истории многогранен и многолик, и когда мы еще сумеем обрести все потерянное. Романы Вс.С. Соловьева помогают нам в этом обретении.

- ¹ Цит. по: *Быков П.В.* Всеволод Сергеевич Соловьев: его жизнь и творчество // *Соловьев В.С.* Полное собрание сочинений Всеволода Соловьева. — [Пг., 1917]. — [Кн. 1—2]. — С. 8.
- ² Цит. по: *Измайлов А.А. (Смоленский).* Всеволод Сергеевич Соловьев: очерк жизни и литературной деятельности // *Соловьев В.С.* [Сочинения]. — СПб., 1904. — [Т. 14]. — С. 161.
- ³ Там же.
- ⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — М., 1989. — Т. I. — С. 14—16.
- ⁵ С.-Петербургские ведомости. — 1901. — 12 апр.
- ⁶ *Измайлов А.А. (Смоленский).* Указ. соч. — С. 142—143.
- ⁷ Цит. по: Там же. — С. 143.
- ⁸ Цит. по: Там же. — С. 143—144.
- ⁹ *Думин С.В.* Другая Русь: (Великое княжество Литовское и русское) // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории России IX — начала XX века. — М., 1991; *Александров Д.Н.* Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XIII—XIV вв. и образование Литовского государства. — М., 1994; *Сахаров А.Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV — XVII век: от свершения ордынского ига до Северной войны. — М., 1999. — Гл. 1. — С. 83—88.
- ¹⁰ *Соловьев В.С.* Княжна Острожская // [Сочинения]. — СПб., 1903. — Т. 1, [кн. 1]. — С. 184.
- ¹¹ *Его же.* Жених царевны; Касимовская невеста: ист. романы. — М., 1994. — С. 22.
- ¹² *Коллинз Сэмюэл.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича, 1667 г. // Утверждение династии. — М., 1997. — С. 191—192.
- ¹³ Там же. — С. 219.
- ¹⁴ *Соловьев В.* Царское посольство; Царь-девица: ист. романы. — М., 1994. — С. 25.
- ¹⁵ Там же. — С. 28—29.
- ¹⁶ Там же. — С. 158.
- ¹⁷ *Hughes L.* Sophia, Regent of Russia, 1665—1704. — New Haven; London, 1990; *Богданов А.П.* : 1) Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты, 1613—1762. — М., 1997 ; 2) Премудрая царевна Софья // *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. — М., 1998.
- ¹⁸ *Богданов А.П.* Великих посольских дел обергегетель — князь Василий Голицын // *Богданов А.П.* Первые российские дипломаты: ист. портреты. — М., 1991. — С. 33—39; *Лавров А.С.* Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. — 1998. — № 5.
- ¹⁹ *Соловьев В.* Юный император; Капитан гренадерской роты: ист. романы. — М., 1994. — С. 54.
- ²⁰ *Его же.* Хроника четырех поколений. — М., 1994. — Т. 1: Сергей Горбатов; Вольтерьянец. — С. 178.
- ²¹ Там же. — С. 213—214, 215—216.
- ²² Там же. — С. 218.
- ²³ *Соловьев В.С.* [Сочинения]. — СПб., 1904. — [Т. 7]. — С. 60.
- ²⁴ Там же. — С. 259.
- ²⁵ Там же. — [Т. 8]. — С. 280—281.

М.Г. Вандалковская

И.А. Бунин и Вторая мировая война

Статья раскрывает отношение И.А. Бунина к фашизму, немецкой оккупации Франции, к Великой Отечественной войне, к большевистской России.

Ключевые слова: И.А. Бунин; Франция; Грасс; международные отношения; фашизм; Великая Отечественная война.

M.G. Vandalkovskaya

I.A. Bunin and World War II

The article reveals the position of I.A. Bunin to fascism and German occupation of France, the Great Patriotic War, the Bolshevik Russia.

Keywords: I.A. Bunin; France; Grasse; international relations; fascism; Great Patriotic War.

Тема Бунин и Вторая мировая война в комплексе многочисленных бунинских высказываний о ней не изучалась. Хотя, конечно, этой темы касались многие исследователи-литературоведы в работах, посвященных творчеству писателя.

Между тем, изучение отношения Бунина к войне дает материал для характеристики жизни военного времени, менталитета, сознания и самосознания эмиграции, а главное, существенно углубляет представления о внутреннем мире и нравственном облике замечательного русского писателя.

Бунин не был политиком в собственном смысле этого слова. Но он обладал высоким чувством гражданственности, был, по словам известного исследователя его творчества О.Н. Михайлова, государственным человеком.

Бунин глубоко осознавал свою нерасторжимую связь с Россией. В 1920 г. он покинул Россию не как эмигрант, а как беженец, стремясь избавиться от «злодеяний и мук» ненавистного ему советского режима.

В интервью, данном редакции газеты «Русские новости» в связи с его 75-летием, на вопрос «Какое из его произведений он считает наиболее удачным, отвечал, что все лучшее он написал в последние годы в эмиграции и ему не помешало отдаление от России. “Мы писатели, утверждал он, — носим Родину в себе”»¹. Его жизнь поэтому, особенно в грозные военные годы, была наполнена мыслями о России.

Основным источником, характеризующим отношение Бунина ко Второй мировой войне, является его Дневник.

Эдинбургская исследовательница творчества Бунина Милица Грин долгое время была хранительницей архива Буниных. Этот архив был завещан ей Л.Ф. Зуровым, публицистом, человеком особенно близким семье Буниных.

В «Новом журнале» М. Грин опубликовала Дневниковые записи Бунина. В 1977—1982 гг. под редакцией М. Грин во Франкфурте-на-Майне вышли из печати три тома издания «Устами Буниных», содержащие Дневники Бунина и Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, жены писателя.

Записи Бунина перемежаются записями Веры Николаевны, часто дополняя и разъясняя описанное Буниным.

В 2005 г. книги «Устами Буниных» были переизданы в России в двух томах. Впервые, таким образом, в России стало доступным это уникальное и чрезвычайно ценное издание.

Автор предисловия к этому изданию Ю. Мальцев справедливо отмечал, что М. Грин осуществила гигантский и «любовный» труд по подготовке трудно читаемых дневниковых записей Бунина. Вместе с тем он с сожалением отмечает проводимые в этом издании М. Грин неизбежные сокращения и отбор бунинских текстов, объясняемые трудным почерком Бунина и состоянием сохранности некоторых страниц Дневника.

Бунин вел Дневник почти каждодневно. Дневниковые записи военных лет различны по форме. Одни кратки и фрагментарны, другие содержат мнения и размышления Бунина. В Дневнике отразились не только любовь к России и Франции, но и широкий, общегуманитарный взгляд на мир и происходящие в нем перемены.

Ум и врожденная пронизательность талантливого писателя обусловили точность и многоплановость его наблюдений, умение увидеть и понять истоки и последствия происходящих событий, сосредоточить внимание на главных, определяющих время, фактах истории и современности.

Бунин пристально следил за ходом военных действий. В его обозрении были все направления борьбы с немецкими захватчиками. Бунина волновали обстановка во Франции, в Грасе, где он жил, международные события этих лет, англо-немецкая война и война в Африке и, конечно же, большая и близкая тема — борьба России с немецким нашествием.

20—30-е годы XX в. внесли в жизнь Бунина, по его словам, «неистребимое чувство утраты настоящей жизни» и постоянную тревогу за будущее.

Революцию и Советский строй он не принял. Большевизм вызывал у него ощущение «жуткости и бездонности». Большевистский социализм он считал «совершенно несвойственным» и противоречащим человеческой природе. Его угнетали разрушения и злодеяния новой власти, попрание традиционных ценностей, грубость и бездуховность.

У Буниных было ощущение, что «жизнь кончена, что они “очутились в плену чудовищ”, где нет больше ни истинной красоты, ни поэзии, ни добра, а только циническая подделка подо все это». Они понимали, что «духовные богатства... нельзя отнять, но можно ослабить с помощью голода, холода и истязаний»².

Россия всегда занимала главное место в творчестве Бунина. Он постоянно думал о ней, ощущал свою причастность к происходящему с Россией.

«Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видел, из-за чего же бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто»³. Но он любил старую, а не новую, большевистскую Россию. Для Бунина «старый мир, полный несказанной красоты и прелести уходит в лету». «Пропала Россия», — эти слова неоднократно повторяет Бунин. «Все как будто хоронил я всю прежнюю жизнь, Россию», — записывает он в Дневнике 6 мая 1921 г.⁴

Ощущение гибели России не покидало Бунина. Слова «погибель» и «конец» заполняли многие дневниковые записи 1920-х годов.

Вера Николаевна рассказывает об одном выразительном эпизоде, характеризующем состояние Бунина этого времени: после очередного посещения церкви он вышел, «сел без шапки на лестнице паперти и... окаменел, чувствуя отчаяние»⁵.

Бунин страдал от того, что рушилось русское государство, его устои и традиции, духовное наследство, «все богатство, завоеванное предками». Вера Николаевна передает слова Бунина: «Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь нет его. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. <...> “Мои предки Казань брали, русское государство созидали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы? Во мне отпрыгнулась кровь моих предков... и я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”»⁶. Он осуществил свое деятельное участие в антибольшевистской борьбе в Одессе, когда город заняла добровольческая армия. Бунин сотрудничал с ней, посещал все ее официальные собрания, читал антибольшевистскую лекцию под

названием «Великий дурман», отрицавшую идеологию коммунизма. В качестве соредатора академика Н.П. Кондакова он вошел в редакцию газеты «Южное слово», основанную добровольцами.

Вера Николаевна описывает в Дневнике: «Впервые Ян на службе. Ему нравится, что он ездит на машине с национальным флагом. За ним приезжает доброволец, очень милый с калмыцким лицом офицер. И к каждому слову: “Есть, ваше превосходительство”. Все эти дни Ян оживлен, возбужден и деятелен. То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно для нервов и для его души. Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто страдал, как он»⁷.

Здесь в Одессе Бунин продолжил написание своего Дневника «Окаянные дни», уникальный, талантливый и страстный монолог, гневно осуждающий революцию и Советскую Россию.

В январе 1920 г. Бунин покинул Россию. Вместе с Н.П. Кондаковым на французском корабле они отправились в Турцию, далее — в Болгарию, в Софию, в Белград и затем Бунин перебрался во Францию.

Начало Второй мировой войны, очевидно, не было полной неожиданностью для Бунина.

Приход к власти Гитлера в 1933 г. обсуждался в доме Буниных. При участии Ф.А. Степуна, И.И. Фондаминского велись «серьезные разговоры» на политические темы. От Степуна Бунины узнали, что Гитлер — оплот мелкой буржуазии и чиновников, ремесленников, «деклассированных элементов и людей свободных профессий, вроде массажистов». Степун говорил, что Гитлер человек глупый, но «даже за бритьем» думает только о своем. Фондаминский уверял, что в Германии хотят распространить власть до самого дна души, а если человек этому не поддается, ему говорят: «не существуй». Обсуждали вопрос о все распространяющемся антисемитизме, сравнивали обстановку в большевистской России и в Германии, применение формулы «Кто не с нами, тот против нас». Бунина особенно интересовал вопрос, кто может сопротивляться засилью свободного существования человека. Фондаминский высказывал мысль о том, что «свободы» в мире могут сохраниться, если Франция, Англия и Америка объединят свои усилия в противоборстве с фашизмом⁸.

1939-й г. Бунины, впрочем, как и вся русская эмиграция, жили, по словам Веры Николаевны, в «сильнейшем напряжении» и с

мыслью «война или мир?»⁹. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, — разразилась Вторая мировая война

Всю войну Бунины прожили в Грасе. Они обосновались на вилле «Жаннет» по Наполеоновской дороге, на высоком холме, куда Бунин добирался за полчаса. Все окна, вспоминала Вера Николаевна, были забиты или заклеены черной и синей бумагой. Грас был темен. Жили коммуной: Бунин, Вера Николаевна, писательница Г. Кузнецова, певица М. Степун, молодые писатели Д.В. Бахрах и Л.Ф. Зуров (близкий друг семьи и впоследствии многолетний хранитель дневников Буниных). Бунин шутливо называл их «своими замечательными нахлебниками». Жизнь в Грасе была трудной. Голод, холод, постоянная нужда в деньгах. «...Мы холодны, голодны и накануне полнейшей катастрофы в смысле нищеты, — писал он своему близкому другу М.А. Алданову, который уехал в США. — Живем мы все хуже и хуже, истинно на пище св. Антония, но и эта пища становится уже до смешного дорога. Кроме того пропадают от налогов»¹⁰. Война вносила в сознание непреодолимую тоску и боль за судьбу и Франции, и России. Усиливалось ощущение обреченности и безысходности.

В Грасе шла мобилизация. Вера Николаевна постоянно встречалась с будущими новобранцами. «Это нас всех объединило, — писала она в Дневнике, — ...французы ведут себя изумительно, достойны великого уважения их мужество, хладнокровие и выдержка»¹¹. Алданов, который постоянно заботился о семье Буниных (всю войну посылал продуктовые посылки и деньги), предлагал им эвакуироваться в Югославию. Но Бунин отверг это предложение. «Сердце разрывается при мысли оставить Францию, оставить близких друзей». Франция стала для него второй Родиной после 20 лет, прожитых в этой стране.

Жизненные трудности не могли, однако, побороть в Буinine творческого начала. Как и прежде, он постоянно много читал. Его любимые русские писатели Толстой, Чехов, Тургенев напоминали о России и давали ответы на мучившие его мысли.

В Грасе была написана книга «Темные аллеи», состоящая из тридцати восьми новелл, и все — о любви. Очевидно, это отвечало думам, связанным с его романом с Кузнецовой, и отвлекало от переживаний о войне.

В августе 1940-го г. Алданов вновь обратился к Бунину с предложением переехать в Америку. Туда уже перебрались известные публицисты и политические деятели Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк,

В.В. Руднев. «Итак, — замечал Бунин, — наш второй исход, вторая эмиграция»¹². Очевидно, что уехать из Франции Бунин не мог.

18 сентября 1939 г. Бунин записал в Дневнике, что советские войска перешли польскую границу. «Уверяют, что это только для защиты белорусов. О Польше стараюсь не думать, так ужасно»¹³.

1 сентября 1940 г. память вернула Бунина к событиям начала войны Германии с Польшей. «В прошлом году, — напишет он, — первое сентября было в пятницу. После завтрака все внезапно полетело к черту, — радио известило, что немцы ворвались в Польшу, и что завтра начнется всеобщая мобилизация»¹⁴.

3 декабря 1939 г. Вера Николаевна записывает: «Ян очень волнуется за Финляндию»¹⁵. 26 января/8 февраля 1940 г. почти дословно повторена эта запись.

Агрессия СССР против Финляндии осуждалась Буниным, как и всем западным общественным мнением.

Бунин подписал коллективный протест против вторжения советских войск в Финляндию, опубликованный в газете «Последние новости» (1939. — 31 дек.). Этот протест был подписан Н. Бердяевым, М. Алдановым, С. Рахманиновым, Н. Тэффи, Б. Зайцевым, А. Ремизовым, З. Гиппиус, Д. Мережковским и В. Сириным.

К марту 1940 г., когда советские войска прорвали «линию Маннергейма» и, понеся большие потери, продвинулись на 25—200 км вглубь Финляндии, начались переговоры о мире.

Бунина приводят «в ужас» переговоры о мире Сталина и финнов, их согласие, по словам Бунина, на «тяжкий и позорный мир», по которому, как известно, СССР получил весь Карельский перешеек с Выборгом и Выборгским заливом и другие территории, аренду на полуострове Ханко, где расположилась советская военно-морская база.

Чувство сожаления и неприятия вызывает у Бунина и введение Красной армии в Прибалтику (июнь 1940 г.) и то, что «Прибалтика стала советской»¹⁶. Исчезновение трех прибалтийских государств Бунин рассматривает как агрессивную акцию СССР.

В сентябре 1940 г. он вновь обращается к мыслям о Прибалтике. «Часто думаю, как незаметно прошло такое огромное событие — исчезновение целых трех государств — Литвы, Латвии, Эстонии! Давно ли я видел их со всей их национальной гордостью, их президентами, их “процветанием” и т.д.! Поиграли больше 20 лет во все это — и вот точно ничего этого никогда не было!»¹⁷.

«Ошеломляющей вестью» для Бунина являлись захват немцами Дании, Норвегии, оккупация Люксембурга, Голландии и Бельгии.

Бунину «тяжело» было читать газеты об этих «страшных завоеваниях». Усилились бомбардировки Лозанны и Базеля, участились тревоги в Грасе.

Бунин особенно переживал вторжение немцев во Францию, в которой он прожил уже 20 лет. Он пишет о тревоге, растерянности и нервности, которыми живет Франция, о постоянных алертах (тревогах), о гибели людей, расколе в общественном настроении Франции: защите ее независимости, с одной стороны, и с другой, — стремлении подчиниться Германии.

«Боже, спаси Францию», — записывает Вера Николаевна в Дневнике 14 июня в день захвата немцами Парижа¹⁸.

«Да, да, а прежней Франции, — которую я люблю, я знал 20 лет свободной, богатой, с Палатой и Президентом уже нет, — пишет Бунин. — То и дело мелькает это в голове и в сердце — с болью, страхом и удивлением; да как же это рушилось все в две недели. И немцы-хозяева в Париже»¹⁹.

«Чудовищное поражение Франции» Бунины воспринимают как «большое несчастье».

«Как-то на днях ахнул, вдруг подумав: в первый раз в жизни я живу в завоеванной стране»²⁰.

Бунин фиксирует в Дневнике некоторые факты в действиях правительства Петена: отставку его единомышленника Лавая, назначение адмирала Дарлана «наследником» Петена. «Почему адмирал, главнокомандующий французским флотом?» — иронично вопрошает Бунин. Очевидно, что флота, защищающего интересы Франции, под началом Петена существовать не может.

Французское радио, пишет Бунин 25/VIII.40 г., все чаще клонит к тому, что необходим блок Германии — Италии и Франции, поскольку «без канц[лера] Гитлера невозможно устройство новой Европы и прочного мира»²¹.

Представляет интерес дневниковая запись Бунина от 29/VIII.40 г., где он излагает свой разговор с Алдановым, который рассказывал ему о чтении сочинений де Голля, приговоренном французским прусским правительством к смертной казни. Бунин пишет о том, что Алданов «был соверш[енно] поражен как его литер[атурным] талантом, так и знанием Германии и предсказаниями насчет будущей войны Франции с Герм[анией]»²².

Позиция де Голля с его призывом бороться за «Величие Франции», осуждением предательства Петена и верой в победу России и союзнических сил, несомненно, импонировала Бунину.

Бунин пристально следил за ходом англо-германских военных действий, «все увеличивающейся дуэлью между Англией и Германией».

В течение второй половины 1940 г. он постоянно сообщал в Дневнике о налетах немцев на Лондон и англичан на Берлин и побережье Франции, захваченное немцами.

Воздушные тревоги, записывал Бунин, над Лондоном со стороны немцев длились иногда по 2—3 часа; «сброшено миллион пудов бомб, сотни убитых и раненых»; «дым от пожаров в Англии был виден с северных берегов Франции»; «...а англичане громят Берлин и сев[ерное] побережье Франции»²³.

В поле зрения Бунина международная обстановка, позиции различных европейских государств и их лидеров.

С начала войны Бунин постоянно следит за выступлениями в печати и по радио Черчилля и Рузвельта. Из их уст он черпает сведения о ходе военных действий, о людских потерях, о прогнозах на будущее, в известном смысле сверяет данные немецких и французских газет. Призывы Рузвельта и Черчилля к необходимости решительного противостояния Гитлеру вселяют в Бунина надежду на успех в борьбе с фашизмом.

С тревогой Бунин относится к складыванию фашистского блока. «Итальянские газеты негодуют, что газеты швейцарские непочтительны к фашизму, к Германии, к итало-немецкому союзу — тон угрожающий: эту моду требовать к себе почтения от всех стран и обуздывания свободы и печати ввела Германия»²⁴.

Бунин отмечает подобострастие Муссолини (к которому он относится неуважительно и насмешливо) к Гитлеру, присоединение к Германии Италии, Японии, Болгарии и Венгрии, прислужничество Гитлеру со стороны Румынии.

Он пишет об объявлении войны Греции, о вторжении немцев в Югославию, несмотря на заключение между Югославией и Германией пакта о ненападении и на заявление Рузвельта о поддержке этих стран. Соппротивление сербов, думает Бунин, «будет чудовищное. У них 7 границ и Побережье». И итоговая фраза: «Нет больше ни Югославии, ни Греции. Все погибло в один месяц»²⁵.

Озабоченность Бунина вызывали и положение в Африке, итальянский контроль над Средиземным морем. «Огромной вестью» он признавал поэтому взятие англичанами Адис-Абебы. Ему импонировали сообщения о военных неудачах итальянцев и в Европе, и в Африке²⁶.

«Вся Европа ввержена в смертоносные битвы, — пишет он в Дневнике 29 января 1941 г., — голод, холод, рабство, муки»²⁷.

И как бы противопоставляя политический мир природе, Бунин записывает: «Олеандры густо покрылись алыми цветами». Гармония и красота природы противопоставит у Бунина несовершенству, порокам и несчастьям человеческой жизни.

В марте 1941 г. для Бунина было очевидно, что Гитлер — хозяин Европы. Он размышлял о том, что будет в случае победы Германии «при той ненависти», которой одержимы к ней 13 стран (Бунин перечисляет их: Австрия, Чехия, Польша, Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Сербия, Греция, Румыния, Венгрия. — *М.В.*). Если же Германия проиграет затеянную ею битву, «то дальше и думать страшно за немецкий народ»²⁸. Эта мысль неоднократно будет звучать в его дневниковых записях.

Слушая радио, Бунин выразительно комментирует речь японского министра, который считает, что 41-й год будет самым трагическим для человечества, если для Японии, Италии и Германии «не будет возможности организовать мир ко всеобщему благополучию». «Последнее особенно замечательно», — иронично замечает он²⁹.

Первое упоминание о России в связи с войной относится к 21/VI.41 г. «Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию? <...> Фронт против России от Мурманска до Черного моря? <...> Для Германии или теперь или никогда — Россия бешено готовится»³⁰.

22/VI.41 г. в два часа дня Бунин записывает в Дневнике: «С новой страницы пишу продолжение этого дня — великое событие — Германия нынче утром объявила войну России — и финны и румыны уже “вторглись” в “пределы” ее. После завтрака... вдруг крик Зурова: “И[ван] А[лексеевич], Герм[ания] объявила войну России!” Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахр[ах]. Побежал в столовую к радио — да! Взволнованы мы ужасно. <...> Тихий, мутный день, вся долина в беловатом легком тумане. Да, теперь действительно так: или пан или пропал»³¹.

Вера Николаевна также с глубоким волнением передавала атмосферу этих первых дней войны с Россией: «Все дни как в лихорадке... Здешние русские люди резко разделяются на две половины»; «...Все время после 22/VI ощущение сильного волнения. Что будет с Россией?»³².

Бунин и Вера Николаевна принадлежали к той части эмиграции, которая, несмотря на свои антибольшевистские убеждения, глубоко переживала вторжение немцев в Россию.

Европейские газеты связывали наступление Германии на Россию с необходимостью сокрушить коммунизм в России и предотвратить распространение этой «смертельной опасности» на

«цивилизованный мир». Бунин комментировал это утверждение следующим образом: «Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма. Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!»³³.

Бунин, Вера Николаевна, Бахрах каждодневно слушали русское и немецкое радио. Но сообщения и немцев и русских о собственных и вражеских потерях представлялись Бунину далеко не всегда достоверными. Особую хвастливость Бунин отмечал в немецких сводках. «Газеты, радио — все брехня». Позднее он напишет, что радио не врет только одно: который час.

Недоверие к информации вызывало у Бунина раздражение и тревогу. «Противно, — пишет он 6/VII.41 г., — ничего не знаешь толком, как идет война в России»³⁴.

Он методично продолжал делать вырезки из газет, собирал вести с русских фронтов, отмечал на карте ход военных действий, стремясь достичь достоверной картины войны в России.

Июльское сообщение о том, что в Эстонии горят леса, подожженные русскими, напоминало Бунину «Окаянные дни» в Одессе, весну 1919 г. и большевиков³⁵. Бунин ассоциирует поджоги с «бесчинствами и злодеяниями» советских властей.

Дневник Бунина сдержанно и скупое сообщает о занятии немцами многих российских городов: Львова, Риги, Мурманска, Витебска, Херсона, Гомеля, Николаева.

Бунин отмечает и усиление бомбежек в Москве. «Война в России длится уже 62 день», — записывает он в Дневнике 22 августа 1941 г. Подобные записи о количестве дней, длящих войну в России, Бунин не раз приведет в своем Дневнике.

Бунина крайне беспокоит стремительное продвижение немецких войск вглубь России: сдача городов, выход немецких катеров у Азовского моря. «...Бесполезное дьявольское кровопролитие». «Взято то, взято другое. Но à quoi bon? Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!»³⁶.

Иногда, особенно после взятия немцами Орла, Бунину кажется, что немцы могут победить.

Октябрь 41-го года Бунин признавал «самыми страшными для России» днями. Идут ожесточенные бои, «немцы бросили, кажется, все, все свои силы»³⁷.

Опасения захвата немцами Москвы не покидали Бунина и ранее. «Как нарочно, — пишет он 22 августа 41 г., — перечи-

тываю 3-й т[ом] “В[ойны] и м[ира]”, — Бородино, оставление Москвы»³⁸.

Вера Николаевна так передает обстановку вечера 16 октября 1941 г., «самого страшного и решающего» для Москвы дня. «Вошел Ян ко мне. Слушали радио. Молчание. И вот взята Одесса, Калуга и Тверь. Помолчал, вышел. Через четверть часа я пошла к нему. Там, в полумраке сидел у него Леня, стоял Аля, он сам лежал. Из Одессы еще вчера вывозили войска. Взяли ее румыны и итальянцы. Она не сожжена»³⁹.

Возвращаясь к этим событиям в 1944 г., Вера Николаевна передает слова Бунина: «Все же, если бы немцы заняли Москву и Петербург, и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия, — я отказался бы. Я не мог бы видеть Москву под владычеством немцев, видеть как они там командуют. Я могу многое ненавидеть и в России, и в русском народе, но и многое любить, чтить ее святость. Но, чтобы иностранцы там командовали, — нет, этого не потерпел бы»⁴⁰.

«Пошел пятый месяц войны», и Бунина особенно тревожит, как долго может длиться эта «бессмысленная война».

Жизнь в Грасе в это время, впрочем, как и все военные годы, была для Буниных чрезвычайно трудной. «Тошнотворные супы» из репы, которые готовила Вера Николаевна, гороховые каши, мерзлая картошка, щи из капустных листьев, постоянные заботы о питании, отсутствие денег приводили в уныние.

«Душу терзали» мысли и чувства за судьбу и России, и Франции.

Оккупированная Франция глубоко удручала Бунина нищим и грустным существованием, холодом и голодом. С иронией он замечает: «Французское правительство обращается к стране с советом есть сыры, зелень и фрукты — в них есть все нужные витамины. Беда только в том, что сыров почти нет»⁴¹.

«Вчера в газетах, — пишет Бунин 11/XI—41 г. в Дневнике, — речь Гитлера. Говорил, что установит “новую Европу на тысячи лет”. В России уже снег и дожди»⁴².

До Граса доходили сведения о бесчинствах гитлеровцев в Париже, Нанте и Бордо, о расстрелах мирных жителей, о предательстве Петэна, этого, по определению Бунина, «несчастливого старика», призывавшего французов к мудрости и терпению, что было продиктовано его тесной связью с Герингом и жестким немецким ультиматумом⁴³. В эти последние месяцы 1941 г. Бунин бдительно следит и за ходом военных действий и на других фронтах. Он пи-

шет о больших боях в Африке, о войне, начатой японцами без ее объявления с Америкой, об объявлении войны Америке Германией и Италией.

Контрнаступление русской армии зимой 1941—42 г. после Московской битвы, занятие завоеванных немцами городов — Калуги, Белева, Керчи, Феодосии Бунин воспринимает с оптимизмом.

«Русские взяли назад Ефремов...» — пишет он о своем родном городе. «В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и наша мать!»⁴⁴

14 декабря 41 г. он записывает в Дневнике: «Прекрасный день, солнечный и теплый — как в России в начале сентября. <...> Русские бьют»⁴⁵. Бунин отмечает также и заявление Гитлера перед армией о том, что он откладывает наступление на Россию до весны. (Этот текст подчеркнут автором и свидетельствует, вероятно, о понимании Буниным признания неспособности немецкой армии к незамедлительным ответным действиям.)

«Немцы отступают (в России и в Африке), их бьют. <...> Что-то будет? Это главное, главное — судьба всего мира зависит от этого»⁴⁶.

Одновременно с этими событиями Бунин отмечает и поражение немцев на немецко-английском фронте, рассказывает о большом английском налете на заводы в предместье Парижа, где немцы делают танки.

Неукротимость Гитлера и немецкой армии, начавшей терпеть поражение, Бунин оценивает как «озверелость» людей, которые продолжают «свое дьявольское дело» — «убийства и разрушение всего, всего».

«И все это, — многократно повторяет Бунин, — началось по воле одного человека — разрушение жизни всего земного шара... которому не должно быть прощения до 77 колена»⁴⁷.

Угрозы немецкого радио о предстоящих наступлениях Бунин воспринимает с иронией, а сообщение о том, что Япония хочет полной изоляции Англии и Соединенных Штатов, сопровождает фразой: «Ни более, ни менее. Бедные! Сколько работы впереди! А ведь надо еще уничтожить Россию и Китай»⁴⁸.

В мае 1942 г. сильно осложнилось положение советских войск в Крыму, в районе Севастополя, особенно на Керченском полуострове. Бунин пишет о «чудовищных битвах из-за Керчи», о занятии немцами Севастополя, который им «дорого, верно, достался», о «страшных боях вокруг Харькова». Он упоминает и о «катастро-

фическом» положении маршала С.К. Тимошенко, руководящего Юго-Западным фронтом, в частности, обороной Харькова.

Одновременно Бунин фиксирует в Дневнике и неблагоприятные для России международные события: разгром англичан в Африке, продвижение немцев к Александрии, преимущество морских боев японцев с американцами, беспорядки в Индии с требованием ухода оттуда англичан.

Как и в первые месяцы войны, стремительного завоевания германской армией огромной территории России, Бунина продолжает волновать вопрос, на чьей стороне будет победа в войне.

«Если немцы не победят, полная гибель их. Если победят — как может существовать страна, ненавидимая почти всем миром? Но и в том, и в другом случае — что будет со страной, у которой погибло все самое сильное чуть ли не с 15 лет до 50! А уже погибли миллионы и еще погибнут»⁴⁹.

В июле 1942 г. Бунин провидит, что предстоящие два месяца будут «самыми роковыми для Европы», которые прояснят будущее.

Вместе с тем он не верит и не хочет верить в победу Германии. «Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не верится, что все пропало»⁵⁰.

Этим новым и провидческим стала Сталинградская битва (июль 1942 — февраль 1943 г.). Бунин внимательно и довольно подробно следил за ее ходом.

Запись от 16 сентября 1942 г.: «Немцы к Цар[ицыну] все “продвигаются” и все атаки русских неизменно “отбиты”». Он отмечает, что «день и ночь идут уже с полмесяца» отчаянные бои, очевидны «чудовищ[ные] потери у немцев». «Только сумасш[едший] кретин, — пишет он о Гитлере, — может думать, что он будет царствовать»⁵¹ над... 16 странами.

23 сентября 1942 г.: «И с Цар[ицыным] и с Кавказом немцы все-таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: “берем дом за домом...” Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве. И то хлеб»⁵². 14 октября 1942 г.: «Дела немецкие неважны. 76-ой день берут Царицын». Бунина «удивляет» ситуация, когда фельдмаршал Паулис вместе с 17 генералами сдались в плен, а в Берлине празднуют 10-летие власти Гитлера. 2 февраля 1943 г. Бунин записывает: «Царицын свободен вполне».

Ход военных действий и в России, и в Европе, освобождение российских городов по-прежнему в поле зрения Бунина. «Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?»⁵³

Он пишет о наступлении русских на Кубань, о взятии Орла, Рославля, Смоленска, Каменки, «гнусно называемой Днепродзержинском», Перекопа, Киева, Новгорода и других городов. «Радуясь, — пишет он, — после взятия советскими войсками Одессы, — как все перевернулось»⁵⁴.

Бунина воодушевляют успехи русских войск, но огорчает «тягучесть» войны, конца которой не видно. «Когда же, Господи, что-н[ибудь] решительное?» (17/1.44 г.)⁵⁵.

«Гигантским событием» Бунин справедливо считает отставку Муссолини, выход Италии из войны и объявление итальянским королем войны Германии⁵⁶, что означало разрушение немецко-фашистского военного блока. Позднее Бунин с облегчением напишет о том, что Румыния объявила войну Германии, арестован Антонеску, а Болгария просит мира.

Размышляя о войне, Бунин уже уверен, что Германия ее проиграла, и сожалеет, что вся Европа «разрушена чудовищно», «Г[ермания]... потеряла уже $\frac{3}{4}$ своего самого сильного населения». «А что ждет Болгарию, Венгрию, Румынию и несчастную Италию, зарезанную этим быком!»⁵⁷.

Тревога за Россию, постоянные думы о ней неизбежно рождали мысли о возможности вернуться на Родину: «Часто думаю о возвращении домой. Доживу ли? И что там встречу?» И следующая запись: «Все думаю, если бы дожить, попасть в Россию. А зачем? Старость уцелевших... кладбище всего, чем жил когда-то»⁵⁸. Это была тоска, ностальгия по России.

Дневниковая запись от 23 июля 1944 г. И, наконец, долгожданное событие. «Освобождена уже вся Россия! Совершенно истинно гигантское дело!»⁵⁹. «3 года т[ому] н[азад], — вспоминает он, — в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться “упал как молния в ночи” на Россию. Ах, не следовало бы!»⁶⁰.

А Грас все еще находится под фашистским владычеством, где с начала войны обосновались итальянцы. Большую озабоченность и жителей Граса, и у Буниных вызывает эвакуация итальянцев в связи с выходом Италии из войны и опасения, что его займут немцы. И, действительно, заняв Грас, немцы учредили там свои порядки: запрет выхода из дома после 11 часов вечера, на ночевки вне дома, предполагалось также ввести специальные пропуска для выезда из города. Против ворот Граса был выстроен блокгауз для пулемета. В доме у Буниных немцы захватили две комнаты на втором этаже.

«Нынче, — пишет Бунин 15 февраля 1944 г., — 1-й день полной нем[ецкой] оккупации...»⁶¹.

Опасность для Бунина усугублялась и тем, что недалеко от виллы помещался немецкий штаб, охраняемый автоматчиками, вооруженными ручными гранатами, а дом Бунина в Грасе во время войны часто посещали советские военнопленные. «В столовой, — вспоминал Зуров, — Иван Алексеевич с жадностью слушал их рассказы. Они делились с нами черным хлебом, пели, слушали радио»⁶². Об этом Бунин рассказывал в письме к Б.К. Зайцеву 23 ноября 1944 г.: «Когда Бог даст свидеться, расскажу о пленных — их у нас бывало в гостях немало (еще при немцах). Некоторые в некоторых отношениях были настолько очаровательны, что мы каждый раз целовались с ними как с родными, да они и сами говорили нам с Верой: “Папаша, мамаша, никогда вас не забудем. Вы как родные!” ... Они немало плясали, пели — “Москва, любимая, непобедимая”, о том как японец “ползет у границы родной”»⁶³.

Дневник этого времени фиксирует и военные действия в Европе, бомбежки Берлина, Франкфурта, продвижение союзников в Европе.

Высадка союзников возле Фрежюса внесла в настроение Буниных «неописуемое волнение».

«День 23-го [августа 44 г.] был удивительный: радио в 2 часа восторженно орало, что 50 тыс[яч] партизан вместе с населением Парижа взяли Париж. <...> На рассвете 24-го вошли в Грасс американцы. Необыкновенное утро! Свобода после стольких лет каторги! Днем ходил в город — ликование неописуемое. <...> В Париже опять были битвы, — наконец, совсем освобожден. Туда прибыл Де Голль»⁶⁴.

Вера Николаевна ярко описала «этот день свободы»: «Полное оживление. Все нарядные, у всех национальные ленточки, банты, пояса. Все рады. В мерии арестованные... Кто за немцев — окна выбиты... По радио слышали ликование в Париже, крики, марсельезу»⁶⁵.

Чрезвычайно выразительна одна из последних дневниковых записей Бунина от 23 февраля 1945 г.: «Пишу под радио из Москвы — под “советский” гимн. Только что говорили Лондон и Америка о нынешнем дне, как об историческом — “о последней битве с Германией”, о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помогите Бог!»⁶⁶

После окончания войны 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. были изданы указы Президиума Верховного совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Россией-

ской империи, а также лиц, утративших советское гражданство». Действие этих указов распространялось на жителей Маньчжурии, городов Шанхая и Тяньцзиня. Подобные указы были изданы 14 июня 1946 г. в отношении европейских стран — Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Бельгии и др.

Победоносное завершение войны Советским Союзом, освобождение от гнета фашизма европейских стран вызвали в эмигрантской диаспоре сложные и противоречивые чувства. Торжество и радость, связанные с избавлением от гитлеризма, сочетались с опасением усиления коммунистического влияния.

Вопрос о возвращении в Россию приобретал тревожный характер. «Везде волновались, — пишет в Дневнике 24 июня 1946 г. Вера Николаевна. — Во многих семьях произошел раскол. Одни хотели ехать, другие — оставаться»⁶⁷.

Следует отметить, что процесс возвращения на Родину для эмигрантов был долгим и уже с 20-х годов вызывал разногласия и споры.

Известен открытый призыв лидера партии народных социалистов, бывшего министра продовольствия Временного правительства А.В. Пешехонова не покидать Россию. Его брошюра «Почему я не эмигрировал?», написанная после высылки из России Пешехонова в 1923 г., содержала мысль о глубокой связи с Россией и невозможностью покинуть ее, несмотря на все «муки большевистского режима»⁶⁸.

Опубликование Указа вызвало оживленные дискуссии в эмигрантской среде.

Появились многочисленные отклики, многие из которых были опубликованы в «Русских новостях», в том числе и мнение Бунина. На вопрос сотрудника редакции: «Как Вы относитесь к Указу 14 июня, Иван Алексеевич?» — Бунин ответил, что «двух мнений об этом акте быть не может. Конечно, это очень значительное событие в жизни русской эмиграции и не только во Франции, но и в Югославии и Болгарии. Надо полагать, что эта великодушная мера советского правительства распространится и на эмигрантов, проживающих и в других странах»⁶⁹.

В 1920-е годы в Россию вернулись А.Н. Толстой, А.И. Куприн, Марина Цветаева, А.Н. Вертинский и др.

Советское правительство, осуществляя свою роль победившей державы, стремилось склонить эмигрантов, особенно известных и влиятельных, возвратиться в Россию. Среди них, несомненно,

одним из самых значительных был лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин.

Миссию вовлечения эмигрантов в орбиту советского мировосприятия, как главное постоянно действующее лицо, осуществлял прежде всего посол СССР во Франции А.Е. Богомолов. Он руководил собраниями, в которых разъяснялась сущность Указа. На одном из собраний, проводимых Богомоловым с эмигрантами, присутствовал Л. Зуров, который, по словам Веры Николаевны «хорошо рассказал, представил как говорил Богомолов. Его скороговорку, повторение фраз». Она воспринимала это мероприятие «очень тяжело. Безотраднo. Бессмысленно»⁷⁰.

21 июля 1946 г. Бунин посетил второе подобное собрание, где после официальной части со своими стихами военных лет выступили И. Эренбург и К. Симонов, с которым здесь познакомился Бунин. Известно также, что Бунин посетил Богомолова по его приглашению, и у них состоялась беседа, содержание которой достоверно неизвестно, но, очевидно, что речь шла о возвращении Бунина на Родину.

Дневник Буниных рассказывает и об известной поездке К. Симонова с женой В. Серовой в 1946 г. в Париж с целью уговорить эмигрантов, и особенно Бунина, возвратиться на Родину.

Веру Николаевну, по ее словам, «пугало симоновское благополучие» и то, что он «был полон собой»; воспринимала его, естественно, как «сильного защитника» советского режима, которому «нет времени думать о тех, кого гонят».

Симонов и Серова удостоили семью Буниных своим посещением. «Третьего дня, — писала Вера Николаевна 15 августа 1946 г. — был у нас московский ужин: водка, селедка, килька, икра, семга, масло, белый и черный хлеб — все прислано на авионе по просьбе Симонова. <...> Она (В. Серова. — *М.В.*) говорила, что здесь все хуже, чем в России. Отрицала, что были аресты перед войной. <...> Рассказывала о Вале Катаеве. Он иногда запивает на 3 дня. <...> Я думаю он несколько иначе все воспринимает, чем они, вот и тянет забыться»⁷¹.

Очевидно устойчивость Бунина в отказе возвращаться в СССР побудила переговорщиков предложить ему ознакомительную поездку. По свидетельству Веры Николаевны, Бунину предлагали «Полет в Москву туда и обратно на две недели с обратной визой»⁷², но он отказался.

Общение Бунина с представителями Советской власти, попытка издания сочинений Бунина в СССР, предпринятая без согла-

сия с ним, выход Бунина из состава Союза русских писателей после того, как из него были исключены лица, принявшие советское гражданство, вызвали разные толки в эмиграции.

Появились обвинения Бунина в непоследовательности, прислужничестве Советам и даже в предательстве.

Антибунинскую кампанию возглавила М.С. Цетлин, с ее мужем, М.О. Цетлиным, Бунина связывала многолетняя дружба. В 1920-е годы Цетлины помогали Буниным перебраться из Белграда в Париж и на какое-то время поселили их в своем доме. М.С. Цетлин обвиняла Бунина в единении с теми, кто принял Советскую власть, и объявляла о своем разрыве с ним.

Бунин был изумлен и поражен этим письмом, которое было предано гласности, и той несправедливостью, с которой его обвиняли.

В ответном письме М. Цетлин Бунин писал о давнем распаде Союза, о политиканстве, царившем в его руководстве, о своем преклонном возрасте и трудностях жизни. «Я отверг все московские золотые горы, которые предлагали мне, — писал он, — взял десятилетний эмигрантский паспорт — и вот вдруг: “Вы с теми, кто взяли советские паспорта... Я порываю с вами всякие отношения...”»⁷³.

Вера Николаевна, которая раньше Бунина вышла из Союза, в подобном объяснительном письме Цетлин писала: «Мы живем, как жили. Ничего нового с нами не произошло. И как были эмигрантами, так и остались, ни на какие приманки никуда не пошли».

В приписке к этому письму, обращенной к своим давним друзьям Я.Б. и Л.А. Полонским, Вера Николаевна писала: «Союз неприемлем многим своим мягким отношением к коллаборантам, и, как пример, указываю, что на общем собрании секретарем был человек, носивший четыре года гитлеровскую форму»⁷⁴.

Некоторый диссонанс в отношениях с Буниным возник и у Алданова. Участие Бунина в переговорах с представителями СССР он назвал политическим актом. «Я солгал бы Вам... — писал он Бунину 5 января 1946 г., — если б я сказал, что Ваш визит здесь не вызвал раздражения. <...> Мое личное мнение? Если Вы действительно решили ехать в Россию, то Вы были правы... В противном же случае, я не понимаю, зачем Вы поехали к послу?»⁷⁵ «Визиту моему придано до смешного большое значение, — отвечал Бунин Алданову, — был приглашен, отказаться не мог, поехал, никаких целей не преследовал, вернулся через час домой — и все... Ехать “домой” не собирался и не собираюсь»⁷⁶.

Вера Николаевна подытоживала эту тему: «О возвращении нашем в Россию не могло быть никаких переговоров, так как мы ни в коем случае туда и не думали ехать. Были предложения, уговоры, на которые даже серьезно не отвечали, так они были нелепы при отношении к большевикам, какое и было и есть у Яна. Если с кем и разговаривал, то по двум причинам — как бы добиться аннулирования издания, и, конечно, из интереса чисто писательского — что это за люди»⁷⁷.

Современники Бунина и многие отечественные авторы подерживали по разным идеологическим мотивам тезис о полевении Бунина. Для общей массы эмиграции, действительно, характерны были брожение, раскол: кто-то вернулся в Россию. Но далеко не все из вернувшихся обрели достойное житье и не были арестованы.

Но Бунин не принадлежал к этому общему потоку. Весь строй его мыслей, многолетнее устойчивое неприятие советского режима, свойственная ему независимость суждений не дают оснований думать о его полевении. Правдоподобнее принять на веру объяснение всему этому самого Бунина и Веры Николаевны. Вступая в контакты с представителями советской страны, он руководствовался стремлением глубже понять победившую в войне Советскую Россию, ее устои, сознание и мировосприятие русских людей. Немаловажным являлся и писательский интерес, о чем писала Вера Николаевна.

К Бунину нельзя было подходить с обычными мерками. К тому же важно помнить, что этические проблемы всегда занимали Бунина. Нравственный критерий для него всегда являлся определяющим. Его настораживали и беспокоили перегибы в ходе событий и в поведении людей, проявления антигуманной направленности.

Именно поэтому он не терпел ни немецкого, ни русского хвастовства, всякое идеологическое давление, попрание человеческих прав и свобод, его угнетала всякая зависимость личности от чьих бы то ни было влияний, ущемление свободного человеческого выбора во всех сферах его деятельности. Бунин нетерпимо относился и к поведению эмигрантов, которые в связи с победой в войне становились «красней красного»: «у одних был страх, у других холопство, у третьих стадность»⁷⁸.

Бунин обладал высоким чувством гуманности. Он задумывался о мстительном желании многих немцев, «чтобы от Германии не осталось камня на камне». Для него было «непостижимым», как можно было желать гибели своему отечеству⁷⁹.

Тревожил Бунина и предстоящий Нюрнбергский процесс. Он признавал привлеченных к этому процессу людей «чудовищно

преступными и достойными виселицами», и «все-таки, — пишет он, — душа не принимает того, что... будет сделано людьми»⁸⁰. Это было проявлением высокого христианского гуманизма.

Унося с собой Россию, Бунин уносил и моральные ценности, завещанные предками.

¹ Русские новости. — Париж, 1945. — № 9. — С. 5.

² Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 2 т. / под ред. М. Грин. — М.: Посев, 2005. — Т. 1. — С. 196.

³ Цитирую по: Михайлов О.Н. Бунин (1870—1953) // Литература русского зарубежья, 1920—1940. — М., 1993. — С. 87.

⁴ Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 2 т. / под ред. М. Грин. — М.: Посев, 2005. — Т. 2. — С. 33.

⁵ Там же. — Т. 1. — С. 196.

⁶ Там же. — С. 179—180.

⁷ Там же. — С. 261.

⁸ Там же. — Т. 2. — С. 230—231.

⁹ Там же. — С. 263.

¹⁰ Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1983. — № 150. — С. 160, 163.

¹¹ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 264.

¹² Там же. — С. 290.

¹³ Там же. — С. 266.

¹⁴ Там же. — С. 292.

¹⁵ Там же. — С. 268—270.

¹⁶ Там же. — С. 267.

¹⁷ Там же. — С. 293.

¹⁸ Там же. — С. 281.

¹⁹ Там же. — С. 289.

²⁰ Там же. — С. 291.

²¹ Там же. — С. 290.

²² Там же. — С. 294—296.

²³ Там же. — С. 292—294.

²⁴ Там же. — С. 289, 307.

²⁵ Там же. — С. 311—313.

²⁶ Там же. — С. 310—312.

²⁷ Там же. — С. 303.

²⁸ Там же. — С. 308, 312—313.

²⁹ Там же. — С. 302.

³⁰ Там же. — С. 316.

³¹ Там же. — С. 317.

³² Там же. — С. 318.

³³ Там же. — С. 319.

³⁴ Там же. — С. 322.

³⁵ Там же. — С. 320.

³⁶ Там же. — С. 325, 329, 336.

³⁷ Там же. — С. 332.

³⁸ Там же. — С. 327.

³⁹ Там же. — С. 332.

- ⁴⁰ Там же. — С. 376.
- ⁴¹ Там же. — С. 296.
- ⁴² Там же. — С. 335.
- ⁴³ Там же. — С. 347—348.
- ⁴⁴ Там же. — С. 337.
- ⁴⁵ Там же. — С. 338.
- ⁴⁶ Там же. — С. 341, 343—344.
- ⁴⁷ Там же. — С. 343.
- ⁴⁸ Там же. — С. 345.
- ⁴⁹ Там же. — С. 350.
- ⁵⁰ Там же. — С. 351.
- ⁵¹ Там же. — С. 352—353.
- ⁵² Там же. — С. 354.
- ⁵³ Там же. — С. 358.
- ⁵⁴ Там же. — С. 360, 362—366, 373.
- ⁵⁵ Там же. — С. 368.
- ⁵⁶ Там же. — С. 361, 364.
- ⁵⁷ Там же. — С. 368.
- ⁵⁸ Там же. — С. 359, 369.
- ⁵⁹ Там же. — С. 374.
- ⁶⁰ Там же. — С. 372.
- ⁶¹ Там же. — С. 370.
- ⁶² *Бабореко А./К.].* Бунин: жизнеописание. — Изд. 2-е. — М., 2009. — С. 352—353. — (Жизнь замечательных людей: сер. биографий; вып. 1403 (1203)).
- ⁶³ Там же. — С. 253.
- ⁶⁴ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 375.
- ⁶⁵ Там же. — С. 376.
- ⁶⁶ Там же. — С. 381.
- ⁶⁷ Там же. — С. 385.
- ⁶⁸ *Пешихонов А.В.* Почему я не эмигрировал. — Берлин: Обелиск, 1923. — С. 11.
- ⁶⁹ Русские новости. — 1946. — 28 июня (№ 59); *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из Парижского союза писателей // Литературное наследство. — М., 1973. — Т. 84: Иван Бунин, кн. 2: Статьи, воспоминания о Бунине. — С. 398—408.
- ⁷⁰ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 385.
- ⁷¹ Там же. — С. 386.
- ⁷² Там же. — С. 384.
- ⁷³ Цит. по: *Дубовиков А.Н.* Указ. соч. — С. 403—404.
- ⁷⁴ Там же. — С. 405—406.
- ⁷⁵ Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1983. — № 152. — С. 154.
- ⁷⁶ Там же. — С. 155.
- ⁷⁷ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 401.
- ⁷⁸ Там же. — С. 379.
- ⁷⁹ Там же. — С. 381.
- ⁸⁰ Там же. — С. 386—387.

Ю.Н. Емельянов
Писатель-историк
Алексей Николаевич Толстой

Статья посвящена становлению и развитию А.Н. Толстого как исторического романиста и драматурга. Автором введен в научный оборот новый архивный и документальный материал.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; П.Е. Щеголев; Петр I; Иван Грозный.

Y.N. Emelyanov
Writer-historian. Alexey Tolstoy

The article is devoted to formation and development of A.N. Tolstoy as a historical novelist and playwright. The new archive and documentary material is introduced into scientific use.

Keywords: A.N. Tolstoy; P.E. Shchegolev; Peter I; Ivan the Terrible.

Имя Алексея Николаевича Толстого (1882—1945), выдающегося писателя, драматурга, публициста, поэта, киносценариста, пользуется широкой популярностью. Он до сих пор является одним из наиболее читаемых авторов. Особое место в его творчестве занимают произведения, посвященные историческому прошлому нашей страны.

Толстому был свойственен повышенный интерес к истории, к историческим образам и темам. Он умел «заражаться» далеким прошлым, чувствовал время, стремился уловить «связь времен». Толстой, несомненно, обладал ощущением связи настоящего с прошлым, предвидением будущего.

Сам писатель утверждал, что оформление замысла исторического романа возникает лишь тогда, когда художник действительно чувствует необходимость познать настоящее, осмысливая опыт поколений: «Исторический роман не пишется объективно. Каждый художник, обращая свой взгляд в прошлое, берет и находит в нем лишь то, что его волнует, при помощи чего он может лучше понять свое время»¹.

В этой связи внимание писателя, по его собственным словам, обращено к наиболее значимым эпохам отечественной истории: «Четыре эпохи влекут меня к изображению: эпоха Ивана Грозного и Петра, война 1918—1920 гг. и наша, сегодняшняя»². Толстой — русский патриот-националист, ему присуще великодержавное мышление, что так ярко проявилось в его исторических рома-

нах и пьесах. Он сумел осуществить свой замысел, создав роман «Петр I», диологию об Иване Грозном.

Интерес Толстого к истории, и, прежде всего, к русской, начал определяться рано, еще в России до эмиграции, а затем и в эмиграции. Понятно и объяснимо его стремление в отдаленном времени отечественной истории, особенно в момент острых политических и социальных подвижек, найти ответы на жгучие вопросы современности. В романе «Сестры» Толстой, описывая предоктябрьские дни 1917 г., заставляет своих героев задумываться о происходящем и о возможных перспективах. Так, Телегин, зачитав Даше несколько страниц о «Смутном времени» из «Истории России» С.М. Соловьева, в заключение говорит жене: «Ты видишь, и теперь не пропадем. Великая Россия пропала! А вот внуки... Уезд от нас останется, — и оттуда пойдет русская земля!».

В поисках ответа писатель обращается к переломным моментам русской истории — эпохе Ивана Грозного, Смуте начала XVII в., петровскому времени. В первых сочинениях периода эмиграции Толстой пытается найти «разгадку» русского характера, который, по его словам, определил своеобразие русской национальной истории. Русский народ, во времена тяжелых испытаний, всегда был в состоянии выявить свою силу и жизнеспособность.

Ставя проблему «писатель-историк», важно определить понимание Толстым исторических событий, насколько писатель четко следует исторической правде, где домысливает, что иногда вполне допустимо, как признается сам писатель, при написании исторического романа. Публикации последних лет дают возможность более широко развернуть эту тему. Это связано, прежде всего, со знакомством с эмигрантской литературой, дневниками — воспоминаниями Р. Гуля, Н. Берберовой, Ф. Степуна, А. Бахраха, Ю. Анненкова, В. Ходасевича и многих других, что дало возможность более трезво и беспристрастно оценить личность и творчество Алексея Толстого. Следует иметь в виду, что многие оценки авторов этого ряда объясняются политическими обстоятельствами тех лет.

Вполне естественно, что Толстой вначале обратился к XVII в., этому смутному, «бунташному веку». Он пишет «Повесть смутного времени: (из рукописной книги князя Туреева)» (первоначально она называлась «Краткое жизнеописание блаженного Нифонта»)³, где в неторопливом повествовании о страшных событиях Смутного времени описаны страдания и лишения русского люда, его мытар-

ства. Знакомство с историческими трудами, как, например, книги Г.В. Есипова и Н.Я. Новомбергского⁴, углубило этот интерес.

Уже в этом, по сути, первом своем историческом сочинении, Толстой демонстрирует широкую осведомленность с историческими и фольклорными источниками. Описания многих, если не всех событий Смутного времени заимствованы у С.М. Соловьева («История России с древнейших времен», том VIII, глава 2; том IX, глава 1). Впервые в ткань повести легли народные песни и сказания о Гришке Отрепьеве, а также «прелестные письма», своеобразная форма агитации и пропаганды тех лет. Автором были обработаны подлинные скоморошьи вирши XVII в., которые произносит поп Наум перед царем Алексеем Михайловичем и его приближенными. Эти материалы обнаружены писателем в «Росписи о приданом» у И.Е. Забелина⁵.

Обнаруживается и непосредственная связь некоторых персонажей повести с документальными материалами, отложившимися в книге Н.Я. Новомбергского. Речь идет о центральной фигуре повести — «лихом человеке», попе Науме, впоследствии переписанного в инока Нифонта. Сведения о нем привнесены из одного розыскного дела — «Дела о старце Нифонте». Наум представлен как широкая русская натура. Это народный бунтарь, который в годину страшных потрясений прибегает то к одному, то к другому претенденту на власть, которых в то время было предостаточно.

В центре повествования реальная картина тяжелого экономического состояния Руси начала XVII в. Это, прежде всего, страшные неурожаи 1601 и 1603 гг., когда, по свидетельству современников, «трупы поездах»: Толстой не называет конкретных дат, но говорит именно об этом: «Был в те времена великий голод по всей земле. Три лета земля не родила. Скот весь съели. Пашню не пахали и не сеяли».

Толстой знает исторический материал, о чем свидетельствует приводимое им замечание, что «в Москве царь Борис даром раздавал хлеб». Да, все так. Но патриарх Иов в то же время начал продавать хлеб по спекулятивным ценам и результат станет обратным, как скажет Пушкин устами Годунова в драме «Борис Годунов»: «клянут на площадях имя Бориса». Толстой пишет, что в Москве «кричали на торгу воровские слова про царя Бориса», а его Наум прямо говорит, что «быть нам под Годуновым нельзя». Только в минуту отчаяния, от полной безысходности можно бросить такие слова: «Мы русские люди, все проклятые. У нас дна нет». (На царском обеде Наум был опознан, взят под стражу и сослан в Преображен-

скую пустынь, где принял постриг под именем Нифонта.) Бесспорно, это характеристика писателем состояния России начала XX в.

Толстой приводит в хронологической последовательности все события Смуты: и осада Троицы Лисовским в 1608—1609 гг., и посольство М.Г. Салтыкова в Польшу с приглашением Владислава, сына польского короля Сигизмунда III, на московский престол, и разгром войска Дмитрия Шуйского в июне 1610 г. под Клушиным, что и решило судьбу династии, — в июле того же года был низложен царь Василий Иванович Шуйский. Здесь и вступление поляков, под предводительством С. Жолкевского, в Москву, и формирование в Нижнем Новгороде Второго ополчения и, наконец, освобождение разоренной и разграбленной Москвы. Очень красочно описан у Толстого приезд в Москву нового царя, Михаила Федоровича Романова. «Дул ветер, летели мокрые птицы. По черной, топкой дороге ехал возок. Тянули его две пары разнопегих лошадок в веревочной сбруе... В окошечко из возка на косматый, драный, угрюмый народ глядел худенький отрок с опухшими глазками. Боязно было принимать венец Михаилу Романову, тяжело, уныло». Таков был конец Смуты, когда царский возок тянули «разнопегие лошади» в «веревочной сбруе». Художественно ситуация явно гиперболизирована. Основная мысль писателя — человечество спасет только любовь друг к другу. В конце повести люди идут к инок Нифонту (Науму), чтобы у него, познавшего нечеловеческую муку страданий, поучиться добру и милосердию.

Повесть была встречена положительными отзывами. Так, А.М. Горький ставил эту повесть выше исторических романов М. Алданова, Д. Мережковского, С. Минцлова, о чем он писал в мае 1927 г. писателю А. Чапыгину: «...маленькая вещь Ал. Толстого содержит в себе больше искусства и исторической правды, чем все три романиста, названные выше»⁶. Кроме этого, Горький рекомендовал швейцарскому издателю Э. Ронигеру издать эту повесть, которая написана «с изумительной силой проникновения в психологию эпохи»⁷.

Все четче стал проявляться интерес к петровскому времени. Эта работа была длительной и протекала на протяжении большого отрезка творческого и жизненного пути писателя, им написан целый ряд небольших рассказов и повестей и даже одна пьеса, что и привело его в конце концов к созданию капитального, эпического романа «Петр I». Интерес Толстого к этой теме был вполне объясним. Он стремился исторически осмыслить эпоху, отмеченную большими социальными и политическим катаклизмами, становлением

русского абсолютизма с позиций современной ему революционной действительности, приведшей к ликвидации в стране монархического строя.

В апреле 1918 г. был написан рассказ «Первые террористы»⁸. В какой-то степени это еще робкая попытка отработать подлинный архивный материал, подойти к изображению заинтересовавшей его эпохи. По сюжету рассказа садовник Ганка Рябишин донес на своего помещика Акима Тельного и его брата Василия, которые замыслили «недоброе дело» — «извести царя путем волшебного приговора». Все четверо были взяты в Преображенский приказ, где следствие велось со всей тщательностью. Как показало следствие, «злодейский умысел» против государя явился плодом больного воображения несчастной женщины Федорки Нефедьевой. Тем не менее, братья были приговорены к повешению. Следствие сочло «за недостойные слова» приговорить Федорку к ссылке в монастырь «на год или пока она в уме своем исправится». Ганка был освобожден.

Как рассказывал А.Н. Толстой, в поисках соответствующих материалов ему помог известный московский историк и литературовед В.В. Каллаш, обратив его внимание на уже упомянутую книгу Новомбергского «Слово и дело», где собраны материалы следственных дел Преображенского приказа. Знакомясь с этой книгой, Толстой заинтересовался «Сыском о волшебном письме». Ситуация, описанная в документе, в тексте рассказа подверглась некоторой авторской корректировке. Так, в сысчной записи извечником выступает не Ганка Рябишин (в «Сыске» Ганка Лебедев), а сошедшая с ума жена садовника Федоски Нефедьева — Федорка (в «Сыске» Федосья).

Толстым был освоен и литературно обработан открытый им в пыточных записях русский язык, по его собственному признанию, «увидел, почувствовал — осязал русский язык». И далее: «Дьяки и подьячие Московской Руси искусно записывали показания, их задачей было сжать и точно, сохраняя все особенности речи пытаемого, передать его рассказ... В судебных (пыточных) актах — язык дела, там не гнушались “подлой” речью, там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь»⁹. Рассыпанные в книге Новомбергского пословицы, поговорки, меткие образные выражения писатель, зачастую без изменений, переносит в свое повествование.

В дневниковой записи от 14 июля 1919 г. Толстой пишет о том, что его внимание привлекла раскольничья легенда, согласно которой «будет лихое время, прольется много крови. Через семь лет кончится. Будет новая Россия, новый царь. Царь будет пожизнен-

ны...». Эта запись вошла в рассказ «Первые террористы»¹⁰. Сходные рассуждения содержатся также и в речах старца Варлаама в рассказе «День Петра».

Впоследствии Толстой, по-видимому, забыл об этом рассказе. Говоря о своих ранних произведениях на данную тему, он нигде о нем не упоминает. Рассказ был обнаружен и введен в научный оборот 11 лет спустя после смерти автора. На газетной вырезке, хранящейся в собрании жены писателя Лидии Ильиничны Толстой, заголовок зачеркнут и сверху рукой самого писателя написано: «Средство, как государя извести». Вероятно, Толстой предполагал при обработке рассказа дать ему это название. Однако до 1957 г. этот рассказ не переиздавался¹¹.

Увлеченный открытыми сокровищами, Толстой пишет рассказ «Наваждение»¹². Он был «потрясен легкостью, с какою язык укладывался в кристаллические формы»¹³. В этом рассказе Толстой дал зарисовку петровской эпохи главным образом в бытовом плане. Здесь еще нет Петра, но события связаны с ним.

Фабула рассказа заимствована из «Дела об иеромонахе Севского монастыря Никаноре, присланном из Монастырского в Преображенский приказ, вследствие объявления им за собою государева дела». Описываемые события относятся к 1707—1708 гг. Допрос велся князем-кесарем Ф.Ю. Ромодановским, наиболее доверенным лицом Петра I. Монах рассказал о своем путешествии на Украину, на богомолье, во время которого он был принят, вместе со старцем Трифилием, Василием Кочубеем, который был им назван гетманом. На самом деле Кочубей с 1687 г. был генеральным писарем. Перед их уходом Кочубей дал старцу поручение доставить в Москву известие о готовящейся измене И. Мазепы, который «хочет государю нашему изменить, отложиться к ляхам и пленить Украину и государевы города». Заодно Кочубей и его жена Любовь сообщили о том, что Мазепа незаконно хочет взять в жены их дочь Матрену, которая к тому же является его крестной дочерью. Колдовством он завлек Матрену к себе, и теперь «незаконно» живет с ней, «порченой», о чем Никанор и Трифилий поведали при сыске. Последний якобы присутствовал при казни Кочубея, после свершения которой мимо него проехал «худой, носатый старик в белом кафтане, лицо землистое, глаза наполовину закрытые, на шапке дрожит, сверкает алмазное перо». Проехал и «вином от него сильно запахло». Все эти обстоятельные показания и были взяты Толстым из упомянутого дела в книге Н.Я. Новомбергского. Образ, конеч-

но, не из симпатичных, к тому же художественно домысленный Толстым. Бесспорно одно, Мазепе в 1708 г., в момент казни Кочубея, было уже 64 года и выглядел он, конечно, стариком. Трифилий также сообщает следствию, что Матрену в ту же ночь казаки задушили в обозе попонами.

Толстой отступает от исторического документа, художественно домысливая сюжет. Так, под его пером старец Трифилий превращается в молодого послушника, встреча которого с Матреной (Марией), дочерью Кочубея, привела к обоюдной любви, что является несомненным плодом творческой фантазии Толстого. Здесь писатель не пытается останавливаться на значимых событиях эпохи, ограничив себя лишь повествованием о любовных переживаниях героев. Но Толстому бесспорно удалась разработка историко-бытового фона и, прежде всего, колорита языка. Несомненно и другое — повесть перекликается с определенными мотивами поэмы А.С. Пушкина «Полтава» («Донос на гетмана злодея царю Петру от Кочубея»), где главная героиня носит имя Мария и ее образ имеет иную трактовку, нежели у Толстого¹⁴.

Следующим шагом в овладении петровской тематикой стала повесть «День Петра»¹⁵, над которой Толстой работал в 1918 г. В освоении эпохи первой четверти XVIII в. автором использованы мемуарные свидетельства той поры, как например, секретаря австрийского посольства в России Иоанна-Георга Корба, дневник голштинца Фридриха-Вильгельма Берхольца, относящийся к последним годам царствования Петра I, и записки морского командора, датского посланника в России Юста Юля¹⁶. Им также привлечены дела из уже упоминавшихся книг Г.В. Есипова и Н.Я. Новомбергского.

В этой повести царь Петр выведен как активное действующее лицо в период строительства Петербурга, новой столицы России. Все повествование ведется на фоне каждодневной занятости русского царя: покончить с «воровскими» счетами князя Меншикова», написать в Москву его величеству князю-кесарю Ромодановскому, чтобы гнал из Орла, Тулы и Галича «в Питербурх плотников и дроворубов», «понеже прибывшие в феврале людишки все перемерли. И гнать паче всего молодых. Чтобы на живот и ноги не ссылались, не мерзли напрасно». Кроме этого, «надо ехать на новую верфь, где закладывается двухпалубный линейный корабль... походить по постройкам, по набережным»... и так каждый день. А вечером — ассамблея по царскому приказу, где всем велено быть, «скакать под музыку вольно, пить и курить табак, а буди кто не

явится», как обычно, — «царский гнев лютый». После обеда следует заехать в Тайную канцелярию, где государево дело ведет Петр Андреевич Толстой. На данный момент там ведется дело о крестьянине князя Голицына Антоне Аристове, объявившего за собой государево «слово и дело». В центре событий огромное и страшное дело «о проповеднике-антихристе», монаха Варлаама, по которому было привлечено 98 человек. Монах Варлаам обличал деяния Петра, разорительным бременем лежавшие на плечах трудового народа. «От поборов и податей разорились... Государь де свои земли разорил и выпустошил», — строки, непосредственно взятые Толстым из показаний Варлаама.

В повести возникает образ царя-«антихриста», деяния которого страшны и непонятны, реформатора, жаждущего лишь своей неограниченной властью перевернуть жизнь народа и самой страны. «Что была Россия ему, царю, хозяину, загоревшемуся досадой и ревностью: как это — двор его и скот, батраки и все хозяйство хуже... соседского?». И в результате: «сейчас же... все перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надеть всем голландский кафтан, поумнеть, думать начать по-иному». При малейшем сопротивлении: «...лишь заикнулись только, что, мол, не голландцы мы, а русские, избыли, мол, и хозарское иго, и половецкое, и татарское, не раз кровью и боками своими восстанавливали родную землю, не можем голландцами быть, смилуйся, — куда тут! Разъярилась царская душа на такую непробудность, и полетели стрелецкие головы». На краю земли строили царский город, в болотах, у самой «немецкины». Народ не знал и не понимал, кому нужен этот город. Страшные казни «грозили каждому, кто хоть тайно, кто наедине или во хмелю задумался бы: к добру ли ведет нас царь, не напрасны ли все эти муки, не приведут ли они к мукам злейшим на многие сотни лет?». Жертвы колоссальные, но Толстой, тем не менее, приходит к выводу: «Царь Петр, сидя на пустошах и болотах, одной своей страшной волей укреплял государство, перекраивал землю». Значит, все эти жертвы принесены ради национальных, государственных задач, но какую ценою. «Пустели города и села; разбежался народ на Дон, на Волгу, в Брянские, Муромские, Пермские леса. <...> Позарастали бурьяном поля, дичало, пустело крестьянство, грабили воеводы и комиссары. <...> ...робостью и ужасом охвачено было все государство». Да, многое тогда делалось с размаха, «все перевернуть, перекроить», примеры подобного были налицо и в послеоктябрьские дни, времени написания повести.

На всем протяжении творческого процесса постижения личности царя писатель постоянно делает упор на одиночестве государя. Даже в момент написания романа «Петр I» Толстой, внося определенную корректировку в характеристику царя, вновь говорит о его одиночестве. Царь-одиночка, а где же тогда «птенцы гнезда Петрова»?

Осмысливая события тех давних лет, их историческую потребность и необходимость, Толстой вынужден признать, что «бремя этого дня и всех дней прошедших и будущих свинцовой тягой легло на плечи ему, взявшему непосильную человеку тяжесть: одного за всех». Здесь уже очевидная симпатия писателя, объективно оценившего усилия царя. Противоречивость оценок современности с очевидностью наложила отпечаток на оценки Толстым русского исторического прошлого, в котором он искал ответы на свои современные вопросы и сомнения.

Тем не менее, сама личность царя-реформатора в описании Толстого не внушает симпатии. В последующих редакциях повести автор несколько смягчил отрицательные оценки личности Петра.

В эпохе петровских преобразований, как и в других «трагических и творческих эпохах», к которым обращался писатель, он искал, находил и обобщал завязки коренных узлов русской истории. Но в деятельности Петра и его личности Толстому на первых порах виделись лишь мрачные картины тех лет, нарушение мира и несомненной обреченности. В рассказах «Наваждение», «Первые террористы» и «День Петра» с очевидностью превалируют мрачные трагические предчувствия. «День Петра» содержал противоречивую, но страстно отрицательную характеристику деятельности русского царя, повернувшего страну в сторону западноевропейского развития ценой невероятных мучений народа. Можно с уверенностью говорить о том, что в характеристике Петра I Толстой идет в русле славянофильской традиции, трактовавшей царя как разрушителя национальной самобытности русской жизни, русского исторического процесса.

Круто закручивая сюжет, Толстой не всегда был внимателен к исторической конкретике, хронологии фактов. Так, описывая ассамблею, он говорит о присутствии на оной Франца Лефорта, «дебашана* французского». Данное определение принадлежит канцлеру Б.И. Куракину (1676—1741), дипломату, ближайшему сподвижнику Петра, оно и почерпнуто Толстым из сочинения по-

* Дебашан — сводник (*фр.*).

следнего¹⁷. Дело в том, что к описываемым событиям строительства Петербурга Лефорт уже не мог быть причастным, он умер в 1699 г. Еще надо было взять в апреле 1703 г. шведскую крепость Ниеншанц, расположенную в устье Невы, и на ее месте заложить Петропавловскую крепость, а затем и строить новую столицу, о чем и идет речь в рассказе.

В этой связи возникает законный вопрос — а в какой степени писатель-романист может позволить себе свободное изложение исторических фактов. Очередной пример, когда писатель описывает инцидент, связанный с репликой Волкова, что ему «царь — не указка», на что мгновенноотреагировал Меншиков: «спознаться бы ему с заплечными мастерами в приказе Тайных дел...». На самом деле приказ Тайных дел прекратил существование со смертью царя Алексея Михайловича в 1676 г. Можно сказать, что это малозначительная деталь, но она есть как исторический факт. В дальнейшем, как мы увидим, Толстой довольно свободно тасовал как исторические события, так и реальных деятелей.

На этот рассказ последовала резкая оценка академика С.В. Платонова. Он отметил, что беллетристика последних лет полностью пренебрегла достижениями отечественной исторической науки, когда прежний образ Петра — преобразователя превратился в «грубую, пасквильную карикатуру», представлен «грязным и больным пьяницей, лишенным здравого смысла и чуждым всяких приличий»¹⁸. Эти характеристики русского царя и императора в своей основе сохранены Толстым и в романе, достаточно вспомнить реакцию немецких принцесс-курфюрстин, о чем речь пойдет ниже.

Платонов¹⁹ касается попутно двух несоответствий в рассказе: получив известие о стрелецком бунте, Петр «прискакал» не из *Голландии*, как у Толстого, а из *Вены*, что Петр в Преображенском приказе «вершил» суд над руководителями бунта, то есть вел «дознание», но отнюдь не участвовал лично в казнях на Красной площади, что впоследствии так красочно описано в романе «Петр I».

Петру I Толстой посвящает рассказ «Марта Рабе» и пьесе «На дыбе». Этот рассказ (1929 г.) по сути дела один из эскизов будущего грандиозного замысла и по своему содержанию перекликается с содержанием 2-й сцены пьесы «На дыбе», где Марта Рабе, жена шведского кирасира Иоганна Рабе, будущая императрица Екатерина I, появляется в покоях Меншикова в преддверии визита Петра I, что затем так ярко прописано в киносценарии фильма «Петр I». В рассказе Толстой склонен обрисовать сближение царя с

Мартой как итог преднамеренной интриги Меншикова — «подсунуть» Петру свою любовницу, а не как настойчивое желание самого Петра. В рассказе и в фильме эта сцена заканчивается пощечиной Екатерины Меншикову, что изъято в романе.

В этом повествовании есть и определенные натяжки. Так, Меншиков говорит Марте, что он посадит ее на цепь в подвале, если она не подчинится его приказу, на что та спокойно отвечает, что иного приказа и нельзя ожидать от бывшего «пирожника». В это время Марта еще не могла знать всех особенностей извилистого жизненного пути временщика. Толстой позже разовьет этот сюжет более обстоятельно в романе и очень умело, мастерски сконструированной им ситуации в киносценарии фильма «Петр Первый», когда в момент празднования победы в Северной войне, в момент всеобщего ликования, Меншиков берет у прохожего торговца лоток с пирогами и начинает, на этот раз бесплатно, раздавать пироги всем, в том числе Петру и Екатерине. Как не вспомнить слова А.С. Пушкина: «Мой дед не торговал блинами».

«Петр I (На дыбе)»

Это самое первое драматическое произведение А.Н. Толстого, посвященное петровской теме, является одним из промежуточных этапов работы над романом «Петр I». Автор писал пьесу в самом конце 1928 — начале 1929 г., опубликовав два отрывка из нее: картина 5 («Палата на московском дворе Ивана Лопухина») и картина 8 («На царицынской мызе (Близ Петербурга)»²⁰. Трагедии «Петр I» писатель дал характерное второе название «На дыбе», в ней более развернуты некоторые мотивы рассказа «День Петра».

В работе над пьесой, а затем и над романом, Толстым использованы различные материалы, в их числе: «Деяния Петра Великого» Ивана Голикова, «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, «История России» (тома XIII—XV) С.М. Соловьева, «История Санкт-Петербурга» П.Н. Петрова²¹, «Собрание разных записок и сочинений о жизни и деятельности императора Петра Великого», составленное Ф.О. Туманским²², «Письма и бумаги Петра Великого», «Гистория Свейской войны», составленная при Петре I и изданная князем М.М. Шербатывым под заглавием «Журнал или Поденная записка ... государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира ...»²³,

подлинные документы из «Дела царевича Алексея», «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», «Записки» Ивана Неплюева²⁴, «Дневник» П.А. Толстого²⁵ (своего пращура) и др.

Им также были изучены раскольничьи дела XVIII в. Овладев этим материалом, Толстой готов был приступить к реализации замысла — написанию пьесы.

В пьесе более развернуто представлена картина времени Петра I, его личная характеристика по сравнению с рассказом «День Петра», значительно расширен круг изображаемых писателем лиц, обрисовано ближайшее окружение царя, введен ряд новых событий — столкновение с сыном, царевичем Алексеем, развернута фабула первого знакомства царя и будущей императрицы Екатерины I (что первоначально было намечено в рассказе «Марта Рабе»). Толстой пытался раскрыть историческую прогрессивность реформ Петра, но по-прежнему эпоха и личность царя даются в мрачных тонах. Писатель продолжал сурово осуждать своего героя и проводит мысль об ограниченности преобразовательных реформ. Толстой всерьез задумывается — а может, и правы те, кто писал, что Петр «ученик Немецкой слободы, что он находился в противоречии со своей страной, со своим народом, что совершенно стоял изолированно». Все больше акцентируется внимание на трагическом одиночестве царя, и как итог, все чаще звучит мотив заговоров, измен. «Двадцать лет стену головой пробиваю... Двадцать лет... Гора на плечах... Я — сына убил, для кого сие? Миллионы народу я перевел... Много крови пролил. Для кого сие? Что делать? Ум гаснет...». Не многие были в состоянии проникнуться пониманием идей Петра, в том числе и родной сын Алексей, сознательно идущий против начинаний своего отца. Эту драматическую тему Толстой считал центром событий в своей трагедии, но более обстоятельно он развернет ее в последующих редакциях пьесы, и особенно в киносценарии «Петр I». Позже Толстой писал, что в пьесе «На дыбе» он еще «не совсем освободился от некоторых “традиционных” тенденций в обрисовке эпохи»²⁶.

Тон всему повествованию задает уже первая картина пьесы — казнь стрельцов на Красной площади, раздаются крики и вопли казнимых и наказываемых. По-кладбищенски звонят колокола, бьют барабаны. За что же казнят своих, русских? На этот невысказанный вопрос собравшегося люда отвечает поп Филька: «А за то, что царь немцев полюбил... Он да князь Ромодановский хотят корень русский извести. Побывал царь в Голландии. Попригля-

делся — бойко заморские купчишки торгуют, всякому мастерству горазды... И с нас теперь хочет кожу содрать, чтобы бойчее стали. А нам это зачем?.. Жить нам тихо, стародавним обычаем, как отцы и деды жили... Веру блюсти, душу спасать... А нам кораблей не строить... Нам эти корабли поперек горла воткнулись...»

Здесь же на Красной площади Петр пытается объяснить смысл своей жестокости: пролитая кровь должна образумить тех, кто пытается сопротивляться его деяниям. Верный сподвижник Александр Данилович Меншиков строго предупреждает собравшихся бояр, что в ответ на упорство царь готов всю землю «на дыбы поднять».

Образ русского царя в пьесе довольно противоречив. С одной стороны, это крупный государственный деятель, заботившийся о благе своего отечества, с другой — это самодержец, деспот, которого ненавидит народ. Еще Пушкин, в своих подготовительных текстах к «Истории Петра Великого», обратил внимание на двойственность «деяний» Петра, отмечая разницу между государственными учреждениями царя и временными его указами: «Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны, и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, вторые вырвались у *нетерпеливого*, самовластного помещика»²⁷. Нельзя не согласиться с выводом советских исследователей, что в обрисовке Петра и эпохи Толстой следовал традиции, намеченной А.С. Пушкиным в его «Арапе Петра Великого» и, прежде всего, в «Истории Петра Великого».

Трагедия построена на исторически-ложном конфликте между царем-преобразователем и отсталым народом, которому автор отказывает в ведущей роли в борьбе за национальную независимость. Для драматурга путеводной была мысль, высказанная Посошковым, что «монарх на гору... сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут». В пьесе эти слова произносит глава Преображенского приказа князь Ф.Ю. Ромодановский. В состоянии ли *один* поднять ту махину, которая представляла собой Московская Русь того времени? Позже, отрицательно оценивая первый вариант пьесы, Толстой признавался, что он находился под влиянием Мережковского — «попахивал Мережковским», и вся пьеса была «сверху и донизу насыщена пессимизмом»²⁸. Как видим, для писателя еще не сложился в полной мере образ его героя, историческое значение его реформ, что так полно будет развито уже в романе и киносценарии.

Первый вариант пьесы Толстой читал незадолго до нового, 1928-го г. ведущим актерам Художественного театра И.М. Москвину, В.И. Качалову и Л.М. Леонидову, которые холодно приняли пьесу, и автор передал ее в МХТ-2, где и состоялась премьера 23 февраля 1930 г. Кроме этого, Толстой передал текст пьесы для публикации в журнале «Красная новь». Пьеса была встречена яростной критикой со стороны РАППа. Сам Толстой позже писал, что пьеса была встречена РАППом в штыки, и «ее спас товарищ Сталин, тогда еще, в 1929 г., давший правильную историческую установку петровской эпохе»²⁹. Подлинная реакция Сталина нам, тем не менее, неизвестна³⁰.

В 1934—1935 гг. Толстой создает вторую³¹ редакцию пьесы «Петр I», в которой, по его словам, события излагаются «в ином, чисто реалистическом, стиле, по-новому даются характеры действующих лиц» и «прежде всего фигура самого Петра. Теперь это человек реального действия. <...> Очертания характеров действующих лиц даются не в словах, а в поведении»³².

Изменения коснулись прежде всего подхода к решению проблемы народа и личности в истории. Если в первом варианте пьесы народ был представлен лишь как тормоз исторического развития, то теперь он стал силой, активным участником преобразования страны.

На передний план драматургом была также выдвинута проблема героической борьбы русского народа за независимость своей страны, ее целостность. Акценты с очевидностью сместились. Теперь Петр уже не является героем-одиночкой, который в своих дерзаниях опередил время. Сейчас это огромная фигура, которую и выдвинула эпоха. В результате этих смещений понятий и представлений снята очевидная трагедийность пьесы.

Замысел народной драмы потребовал показа тех социальных групп, на которые и опирался Петр в противостоянии боярству. Подчеркнув обреченность реакции, Толстой сознательно сузил круг приверженце царевича Алексея.

Третью³³ редакцию пьесы Толстой писал во время работы над киносценарием фильма «Петр I», что и привело к неминуемому совпадению многих картин и эпизодов. Из сценария автор, например, перенес в пьесу сцену разговора Алексея с его возлюбленной Ефросинией в неаполитанском замке «Сент-Эльмо». Подобные же совпадения и с текстом речи Петра в Сенате, решением сцены Полтавской битвы.

В третьей редакции более выпукло показана патриотическая устремленность царя, его несомненный полководческий дар. Автор полностью освобождает личность Петра от темных и непривлекательных черт характера, что было присуще первым опытам по освоению петровской темы. Впервые прозвучал, что ранее отсутствовало, факт иностранного вмешательства во внутренние дела России.

Но были и потери в третьей редакции. Так, если во втором варианте присутствовала тема народных выступлений, то сейчас она была полностью изъята. Так же невинтно она прозвучала и в киносценарии. Были изъяты сцены казни стрельцов на Красной площади, бунт на канатной мануфактуре купца Жигулина, покушение на Петра на набережной Невы. В киносценарии появился лишь бунт на уральском заводе Демидова.

Пострадал и образ народного борца Феды Умойся Грязью. Во втором варианте он был представлен как вожак недовольных, что, кстати, прозвучало и в киносценарии, то сейчас он всего лишь солдат Преображенского полка.

В третьем варианте также более ярко проявилась тенденция к идеализации некоторых образов и, прежде всего, самого Петра, Меншикова, Екатерины I.

10 ноября 1938 г. в Ленинградском академическом театре драмы имени А.С. Пушкина (бывший Александринский) состоялась премьера третьей редакции пьесы «Петр I», в которой главные роли исполняли Н.К. Черкасов (Петр), В.В. Меркурьев (Меншиков), Н.Н. Бромлей (Екатерина). Пьеса была встречена положительными отзывами прессы и затем с успехом шла во многих театрах СССР, вплоть до Грозного. Готовя пьесу к постановке в московском Малом театре, Толстой написал новые сцены. Замысел постановки не удалось осуществить, а новый текст пропал, его не удалось обнаружить даже в архиве Толстого. Также не была осуществлена постановка четвертого варианта пьесы на сцене театра Моссовета.

«Петр I». Роман

Роман впервые был напечатан в журнале «Новый мир»³⁴, неоднократно выходил отдельным изданием и публиковался в собраниях сочинений Толстого. Некоторые современные критики считают — по захватывающему мастерству повествования роман

Толстого, бесспорно, не имеет себе соперников, исключая, может быть, только «Тихий Дон» Шолохова. По своему художественному блеску, по писательскому мастерству, по яркости и выразительности языка роман принадлежит к выдающимся произведениям советской литературы, став в первые ряды советской исторической прозы³⁵. Историческая схема истории России, расцвеченная богатыми красками, рассказана талантливым рассказчиком. История выдвинута на передний план. Автору присущи могучее воображение, острый взгляд, замечательный язык, что создало зрительное богатство. Современная критика отмечает, что это и придало роману убедительность и достоверность, что роман «*пышет* талантли-востью». В романе философия истории выражена в конкретных исторических образах, а не в отвлеченных категориях³⁶.

К написанию романа Толстой приступил в начале февраля 1929 г. Петровская тема давно была в задумках писателя. Писатель позднее писал, оценивая эти опыты: «В самом начале Февральской революции я обратился к теме Петра Великого. Должно быть, скорее инстинктом художника, чем сознательно, я искал в этой теме разгадки русского народа и русской государственности»³⁷. Он писал: «Наверно, что я избрал эту тему для проекции современности. Меня увлекло ощущение полноты “непричесанной” и творческой силы той жизни, когда с особенной яркостью раскрывался русский характер». Цель романа — воссоздать время, в котором представлен важнейший «узел русской жизни»³⁸.

Писатель неоднократно говорил о том, как долго не складывался в его сознании с полной отчетливостью образ русского царя: «На Петра я “нацеливался” давно. Я видел все пятна на его камзоле, я слышал его голос, но Петр оставался для меня загадкой в историческом тумане... Работа над “Петром” для меня прежде всего — вхождение в историю через современность, воспринимаемую марксистски. Это — переработка своего художественного мироощущения». История, по его словам, стала раскрывать «нетронутые богатства»³⁹. В романе история открылась не только в оценке личности царя, но и эпохе, в новаторском решении соотношения проблемы личности и народа, что меняло самый угол зрения Толстого не только на эпоху, но и на сущность исторического дела Петра. Художественный историзм Толстого формировался как постижение действительности через историю и современность.

В конспекте одного из своих выступления по поводу написания романа Толстой записывает: «Первое десятилетие XVIII века явля-

ет собой удивительную картину взрыва творческих сил, энергии, предприимчивости. Трещит и рушится старый мир. Европа, ждавшая совсем не того, в изумлении и страхе глядит на возникающую Россию... Несмотря на различие целей, эпоха Петра и наша эпоха перекликаются именно каким-то буйством сил, взрывами человеческой энергии и волей, направленной на освобождение от иноземной зависимости»⁴⁰.

Задумав роман о Петре, его эпохе, Толстой по сути дела пишет и биографию своего героя, история и биография выступают союзниками. Это не просто воссоздание биографии выдающегося политического деятеля в контексте развернутого полотна всей русской жизни — полотна последовательной ломки старых привычек и обычаев. История самого Петра и его ближайших помощников являются сюжетной линией. Толстой сумел показать, что жизнь отдельных личностей помогала глубже и полнее уяснить смысл и ход исторических событий. Историк, прежде всего, заинтересован в том, чтобы понять, как происходят те или иные перемены. В результате, биограф и историк сходятся в признании, что каждая личность является источником все новых и новых действий, которые невозможно предсказать.

Историческая судьба главного героя определила композицию романа. Роман состоит из трех книг, включающие 17 глав. Хронологически в нем охватываются события русской истории с 1682 по 1704 г., когда русские войска взяли Нарву. Писатель задумывал довести повествование до Полтавской битвы 1709 г., но не успел. В первом томе автор повествует о детстве и юности царя. Здесь и события мая 1682 г., когда решалась судьба трона, неудачные походы в Крым князя Василия Голицына и правление Софьи (до 1689 г.), Великое посольство в Европу с целью создания антитурецкой коалиции. Но европейские события изменили ее цели и направленность, с очевидностью стали вырисовываться контуры возможной антишведской коалиции, что и привело впоследствии к затяжной Северной войне 1700—1721 гг., за возвращение «дедовских вотчин». Сцены стрелецкого бунта и последующая казнь стрельцов на Красной площади. Перед автором явно стояла картина Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни», композиционные детали которой нашли свое воплощение в романе. Во втором томе освещается первый этап Северной войны и основание Санкт-Петербурга. В третьем томе большую завершенность приобретает личность царя-реформатора, личная судьба которого крепко спаяна с исторической

судьбой страны. Историческая конкретика и обстоятельства формируют те качества характера, которые помогают Петру разбудить Россию от вековой спячки, вывести ее на новый этап развития.

Это было время сверхнапряженного внутреннего движения, колоссальных сдвигов внутри самого русского общества. Творческое воображение автора воссоздает яркие картины истории тех лет. Этот период также густо насыщен лицами, как реальными, так и вымышленными. К числу первых относится круг молодого царя — его мать, царица Наталья Кирилловна из рода Нарышкиных, вторая жена царя Алексея Михайловича, противостоящая многочисленная родня первой жены Милославские во главе с царевной Софьей, Александр Меншиков, шотландский дворянин, эмигрант Патрик Гордон, выходец из Швейцарии Франц Лефорт и юная Анна Монс* (и ее место при молодом царе).

Толстой прекрасно знал весь сопутствующий материал. Так, он вскользь замечает, что Анне Монс во владение были переданы поместья. На самом деле, речь может идти о селе Дудино (Волосово-Дудино) Дудинской волости, которое в 1708 г., после отставки фаворитки, отошло к казне.

Писатель также вскользь упоминает младшего брата Анны Монс Виллиама (1688—1724), жизнь и судьба которого переплелась с жизнью Петра I. Он служил в русской армии, в 1708—1709 гг. Участвовал в сражениях при Лесной и Полтаве. Затем был адъютантом при Петре I. Камергер, был душою придворного общества, что способствовало его сближению с императрицей Екатериной I, а затем и к их семилетнему адюльтеру. Гнев обманутого монарха был страшен. Виллиаму отрубили голову. Сохранилось предание, что царь приказал заспиртовать голову казненного и поместить ее в назидание в спальне императрицы. Но, к удивлению монарха, императрица реагировала индифферентно. Здесь просматривается очевидное знакомство с работами М.И. Семевского⁴¹.

Несколько раз Толстой останавливается и на личности их отца — Иоганна-Георга Монса (умер 1698, Москва, Немецкая слобода, Кукуй). В 1651—1659 гг. жил и трудился в Петербурге. В Немецкой слободе содержал аустерию (пивное заведение), мельницу и ювелирную лавку. Выходец из Вестфалии, он перед смертью, как пишет Толстой, вспоминал «родную Тюрингию».

Ко второй группе относятся представители раскольников и различных социальных слоев, в числе которых и купец Иван Бровкин, явно любимый персонаж Толстого. Некоторые исследователи, современники писателя, склонны были считать, что выдвигание на передний план этого героя говорит о том, что Толстой находился под влиянием концепции торгового капитала М.Н. Покровского. Это явно надуманное утверждение. Сам Толстой к этой концепции относился иронически, и даже издевательски. Так, в рассказе «Гобелен Марии-Антуанетты» экскурсовод оценивает этот шедевр как «образец продукта крепостного производства», относящийся «к самому началу борьбы между земледельческим капиталом и капиталом торгово-промышленным»⁴².

Владение широким кругом литературы и источников дало Толстому возможность ввести в свое повествование галерею совершенно новых лиц, которые, как правило, не были до этого объектом внимания не только историков-профессионалов, но и писателей-романистов. Внимание Толстого привлекли «Записки... о Московии 1689 года» Невилля де ла Фуа⁴³. Знакомство с этим источником позволило Толстому не только расширить круг лиц, но и ввести в оборот новые темы, которые опять-таки не привлекали внимания отечественных и, прежде всего, советских историков. Речь идет о встрече французского посла с князем Василием Васильевичем Голицыным (1643—1714), первым лицом при царевне Софье, фактическим руководителем внутренней и внешней политики Русского государства. Он был сторонником сближения со странами Западной Европы, покровительствовал иностранцам, побывавшим в России, подтверждением чего и явилась его аудиенция французскому представителю.

Глазами Невилля де ла Фуа дан прежде всего облик самого князя В.В. Голицына, человека умного и образованного, о чем и свидетельствуют его замыслы, изложенные им в сочинении «О гражданском житии или поправлении всех дел, яже надлежит общему народу...». Проблема реформирования всего русского уклада осознала некоторыми государственными «мужами» того времени и, в частности, князем В.В. Голицыным. Толстой показывает, что Голицын выступил с проектом, в котором были определенная система и план: ввести в стране полную свободу совести и веры, оживить торговлю, для чего необходимо освоить новые торговые пути, заменить натуральное хозяйство денежным, реорганизовать почту, создать регулярную армию, отменить крепостное право, как это не

покажется странным и неожиданным, освободить крестьян с землей, которую они обрабатывают и «сделать их богатыми», колонизовать незаселенные русские земли. и др. Таким образом, это проект охватывал все стороны московского бытия.

Гость был восхищен мыслями и наблюдениями князя: «Господин канцлер, — воскликнул де Невилль, — история не знает примеров, чтобы правитель замышлял столь великие и решительные планы». Как мы знаем, на первых порах такого плана у Петра не было. Но очевидно одно: органичность петровских реформ XVIII в. обуславливается их глубокой связью с предшествовавшими процессами XVII в. Здесь Толстой нарушил историческую традицию, когда только одному Петру приписывались осознание и необходимость реформ, а его противники изображались как представители застоя и реакции. Князь Голицын явно должен был быть в числе сторонников Петра. Но слабость воли, нерешительность, близость к Софье приводят его в противоположный лагерь. Да, Василий Голицын оказался в стане противников молодого царя, но особого противостояния он не проявлял. Окружение Софьи в лице Шакловитого и Сильвестра Медведева не сумело склонить князя к решительным действиям, который, в свою очередь, пытался примирить стороны, о чем свидетельствует приводимая Толстым переписка Василия Голицына со своим двоюродным братом. «С верным человеком тайно пересылал в Троицу к брату Борису письма по-латыни, где просил не начинать военных действий против Москвы, излагал различные способы примирить Софью с Петром». Он случайно стал противником Петра. Между прочим, князь Борис Алексеевич Голицын (1654—1714), двоюродный брат В.В. Голицына, дядька-воспитатель Петра I, также отличался образованностью, как и его брат, знал латинский и польский языки. Удивительное совпадение — они оба умерли в один год. Толстой попутно замечает, что патриарх Иоаким не любил Бориса Голицына «за латынь» и «за любовь к иноземщине».

Некоторые исследователи и, прежде всего, историки-эмигранты, писали о проникновении «католически настроенной мысли» в книги духовного содержания. Здесь и «Венец Веры» Симеона Полоцкого, и сочинения просветителя Сильвестра Медведева, несомненно налет «латинства» на той же царевне Софье, на братьях Голицыных, на сочинениях Стефана Яворского — в 1700—1721 гг. Яворский был блюстителем патриаршего престола и противником Петра I.

Развивая этот сюжет, Толстой ставит проблему проникновения в Россию западного влияния. Так, он подчеркивает, что беседа

князя и посла велась на латинском языке (Голицын также владел и польским языком), что князь был одет во французское «платье», что на столе лежали «свитки, тетради, латинские книги», чертежи и т.д. Толстой упоминает, что князь «читал по-латыни Плутарха». Ранее он замечает, что умирающий царь Федор Алексеевич в беспмятстве «произносил по латыни вирши», и лекарю «почудился в царском шепоте стихи Овидия». Известно, что воспитателем детей Алексея Михайловича был Симеон Полоцкий, белорус, церковный и общественный деятель, просветитель. Софья, несомненно, была видным деятелем своего времени. Можно предполагать, что, в дальнейшем, если бы события развивались в ином направлении, она могла бы подойти к необходимости реформ, что привело бы к решительному сдвигу в военном и техническом оснащении дворянской державы, как это смог увидеть Петр. Интересно в этой связи наблюдение Зинаиды Шаховской, писательницы и публицистки русского зарубежья, что проникновение на Русь культуры Запада шло не через «пьяный Кукуй», а в XVII в., при царе Алексее Михайловиче, из «гуманистического Средиземноморья». Можно с уверенностью предположить, что намечающийся реформизм круга Софьи и ее окружения был бы более спокойным, близким к позициям западного шляхетства. Но Петр «с варварством боролся варварским способом», и это так.

В пятой главе третьей книги Толстой приводит фрагмент сочинения Симеона Полоцкого, когда царевна Наталья Алексеевна (1673—1716), младшая сестра царя, читает якобы ею сочиненную пьесу: «На горе превеликой живут боги блаженны...» и т.д. Здесь очевидное знакомство Толстого не только с произведениями Симеона Полоцкого, но и с трудом историка русской литературы и археографа И.А. Шляпкина «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (СПб., 1898). В романе есть и еще хронологическая неувязка. Наталья Алексеевна уверяет, что она «на пять лет только моложе... брата Петруши»⁴⁴. На самом деле она родилась через год после рождения Петра: он — в 1672 г., она — в 1673 г.

Роман Толстого не лишен некоторых отступлений от исторической правды. Одно из них, когда автор касается весьма деликатной сцены: в гневе Софья кричит, что Петр является сыном патриарха Никона, а не Алексея Михайловича: «Весело царица (Наталья Кирилловна. — *Ред.*) век прожила и с покойным батюшкой и с Никоном-патриархом немало шуток было шучено ... Мы-то знаем... Братец Петруша — прямо — притча, чудо какое-то — и лицом и

повадкой на отца не похож». Документальных подтверждений этой версии-сплетни не было, да и быть не могло. Для этого следует обратиться к сопоставлению следующих исторических фактов. Никон был отправлен в ссылку в декабре 1666 г., Алексей Михайлович в январе 1671 г. женился на 17-летней Наталье Кирилловне, Петр родился 30 мая 1672 г. Понятно, что никаких «шуток» Наталья Кирилловна Нарышкина «шутить» с бывшим патриархом не имела возможности, а потому все это — несомненная клевета на молодую царицу и на самого Петра. Толстой, тем не менее, и в дальнейшем придерживался этой клеветы. Так, в разговоре с поэтом Ильей Сельвинским Толстой сказал: «Петр — настоящий мужик. Ведь он был незаконным сыном патриарха Никона, а тот-то уж подлинный мужик»⁴⁵. Писатель был убежден в этой версии, о чем он и поведал еще раз в беседе с коллективом редакции журнала «Смена»: «Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона». Основанием для подобного суждения он ссылается на маску Петра I, снятую в 1718 г. с царя художником и скульптором Бартоломео Растрелли. По мнению Толстого, в маске «есть черты сходства с портретом Никона». Этого мнения придерживался и Александр Бенуа, обнаруживший эту «злосчастную» маску в сокровищах Эрмитажа. Но портретное сходство — доказательство весьма сомнительное, ибо мы не располагаем свидетельствами, в какой мере портрет Никона кисти неизвестного художника соответствовал оригиналу. Никакими другими свидетельствами, подтверждающими «догадку» Толстого, историческая наука не располагает, да и не может, как мы видим, располагать. В пользу отцовства Алексея Михайловича говорит и факт болезни, присущей семейству Романовых (водянка). Известно, что и Петр страдал от болезни почек, унаследованной им от деда и отца, от этой болезни скончался и его сводный брат, царь Федор Алексеевич.

При создании образа царицы Натальи Кирилловны Толстой заимствовал свидетельства опять же князя Б.И. Куракина. Наталья Кирилловна Нарышкина (1651—1694), вторая супруга царя Алексея Михайловича, по замечанию Куракина, «была править не капабель*, ума малого». Толстой это свидетельство привлекает для сцены попыток царицы вникнуть в арифметические уроки своего сына. По описанию современников, была живой, высокой и стройной красивой женщиной, с изяществом в манерах, с приятным и звон-

* Не капабель — не способна (*фр.*).

ким голосом, черными глазами навывкате, с удовольствием посещала театральные спектакли в Коломенском и Кремле, специально для молодой царицы организованные царем, любовь к театру, бесспорно, передалась ее дочери, царевне Наталье Алексеевне.

Толстой бегло дает и облик царевны Софьи на основании имеющихся портретных данных. Софья (1657—1704), шестой ребенок в семье царя Алексея Михайловича, была полной, невысокого роста, с большой головой, отличалась умом (Толстой пишет: Софья «открыла умные глаза»), энергией и властолюбием, что особенно подчеркивает автор.

Многое дали Толстому материалы дневников сподвижника Петра I Патрика Гордона⁴⁶ и уже упоминавшегося И.-Г. Корба при описании стрелецких бунтов 1682 и 1698 гг.

Гордон Патрик (1635—1699), шотландец, сторонник Стюартов и казненного в 1649 г. во время английской революции короля Карла I. В 1661 г. он прибыл в Россию, участвовал в подавлении московского «медного бунта» 1662 г., в Крымских походах 1687 и 1689 гг. князя В.В. Голицына и в Азовских походах 1695 и 1696 гг. Петра I, а также подавил стрелецкое восстание 1698 г.

О стрелецком восстании 1698 г. и роли Гордона и боярина А.С. Шеина в его подавлении подробно свидетельствовал Иоанн-Георг Корб, секретарь «цезарского», австрийского посла Игнатия Гвариента. Из свидетельств последнего Толстым дословно взяты также описания кровавой казни стрельцов. Толстой особенно подчеркивал то обстоятельство, что Корб «своими глазами видел казни стрельцов» и особо отмечал спокойное состояние несчастных, на лицах которых «не было заметно ни печали, ни ужаса предстоящей смерти. Я не считаю мужеством подобное бесчувствие, оно проистекало у них не от твердости духа, а единственно от того, что, вспоминая о жестоких истязаниях, они уже не дорожили собой, — жизнь им опротивела...». Корб говорит: «Мне рассказывали, что царь в этот день жаловался генералу Гордону на упорство стрельцов, даже под топором не желающих сознавать своей вины. Действительно русские чрезвычайно упрямы...». Этот факт отражен в романе.

Корб также сообщает о беседе с полковником Блюмбергом, обсуждая жестокость казни женщины на Руси, убившей мужа. Вмешавшийся в разговор царь заявил, что ему известно, как одна женщина по такому случаю была приговорена к закапыванию в землю по горло и умерла через 12 дней «с голоду». Корб также сообщает,

что царь ходил к месту казни. Уходя, царь приказал сторожу убить страдалицу (глава V). В романе этот краткий протокольный эпизод вырос до большого трагического обобщения — тяжелой участи русской женщины того времени.

В этот факт следовало бы также ввести существенный корректив — именно Софье принадлежала инициатива ликвидации этого зверского закона, чего Толстой явно не знал.

Очень красочно описывает Толстой свадебный обряд Петра и Евдокии Лопухиной, привлекая для этого свидетельства Корба: «Поверх лежал пучок березовых хворостин — розги». Лопухин, отец невесты, поясняет: «Ты, дочь моя, знала отцовскую плеть, передаю тебя мужу, ныне не я за ослушанье — бить тебя будет муж сей плетью...». Для Толстого-бытописателя это свидетельство было находкой, но оно не подтверждается источниками. Об обычае передавать розги и плеть зятю сообщают лишь иностранные авторы, побывавшие в Московском государстве. Ни один из источников отечественного происхождения ни этого времени, ни более раннего («Чин свадебный» середины XVI в.) не подтверждают существования подобного обычая. И.Н. Болтин, историк второй половины XVIII в., подвергнувший тщательному разбору сочинение французского просветителя и врача Н.-Г. Леклерка, наполненное клеветническими измышлениями в адрес русского народа и его обычаев, также отвергал существование этого обычая.

Между прочим, описывая спальню новобрачных Толстой полностью заимствовал эти подробности из книги писателя Д.Л. Мордовцева «Державный плотник»: «В простенках — тегеранские ковры... В углах воткнуто четыре стрелы, на каждой повешено по сорок соболей и калач» и т.д.

Толстой иногда приводит факты, которые не являются исторически достоверными. Так, говоря о готовящемся отъезде Великого посольства, писатель утверждает, что оно было неожиданно отложено раскрытием «заговора среди донских казаков». На самом деле, заговор Цыклера — Соковнина ориентировался не на казаков, а на стрельцов, находившихся в Москве.

Автор детально следовал за наблюдениями академика М.М. Богословского, что позже отложилось в пятитомнике последнего⁴⁷. Именно в материалах Богословского писатель нашел упоминание о золотой карете малолетнего Петра, подаренной ему отцом, царем Алексеем Михайловичем. В романе эта карета фигурирует как подарок Петра своему любимцу Францу Лефорту.

Толстым при написании первой главы были основательно протудированы страницы «Истории Петра Великого» Н.Г. Устрялова⁴⁸. Он прослеживает этапы борьбы молодого царя с Софьей (главы II и III второго тома), первый Азовский поход 1695 г. (глава IX), стрелецкий бунт 1698 г. (глава VI третьего тома), а также некоторые моменты Северной войны: штурм Нотебурга, осада Дерпта (Юрьева) и Нарвы (главы VII, XI, XII четвертого тома). Многие разъяснили писателю и разработки соответствующих эпизодов его романа (как, например, главы IV, VI, VII первого тома книги Устрялова, а также главы IV и VI третьего тома).

Интерес Толстого к труду Устрялова объясняется тем, что последним был использован колоссальный документальный материал, среди которого много впервые опубликованных архивных источников, приводимых историком как в основном тексте своего труда, так и в специальных разделах приложений, которые иногда печатались в виде отдельных томов. Подлинные документы эпохи Петра, непосредственные свидетельства современников широко использовались Толстым.

Страницы романа, посвященные истории дипломатических отношений России на рубеже XVII—XVIII вв. изобилуют сведениями, почерпнутыми писателем из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева и «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Это, прежде всего, переговоры князя В.В. Голицына с украинским гетманом Иваном Самойловичем и избрание нового гетмана Мазепы, подготовка Петра к войне со шведами, переговоры дьяка Посольского приказа Прокофия Возницына с Турцией на Карловицком конгрессе в 1699 г., миссия Емельяна Украинцева в Турцию и подписание в июле 1700 г. Константинопольского мира, визиты лифляндского барона Иоганна-Рейнгольда Паткуля (с 1702 г. на русской службе, врага Карла XII) и саксонского генерала Карловича в Москву и их переговоры на предмет создания антишведской коалиции и как итог — заключение тайного договора с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II. Заверения Петра, накануне Северной войны, шведскому резиденту Книпперкرونу о добрососедских отношениях со Швецией, также были подсказаны соответствующими страницами «Истории России» (XIV том) Соловьева. В романе эти заверения вложены в обращение Возницына к шведам: «прежние мирные договоры со Швецией царь Петр подтверждает *своей душой*» и «вдругорядь целовать евангелие не станет, ибо однажды он уже присягал отцу ны-

нешнего короля». В свою очередь, Карл должен целовать евангелие, ибо царю Петру он не присягал. «Такова государская воля, и она послам объявлена и изменена не будет».

Позаимствовал Толстой у Соловьева и обстоятельные описания первоначальных этапов преобразовательных реформ — учреждение Бурмистерской палаты в 1699 г., начало нового летоисчисления, указ о торговле «кумпаниями», меры борьбы Петра со злоупотреблениями сибирских воевод и т.д.

Большой интерес представляют страницы романа, посвященные встрече Петра I во время Великого посольства с Софией⁴⁹, супругой ганноверского курфюрста Эрнста-Августа (при дворе которого жил философ Г.-В. Лейбниц) и ее дочерью Софией-Шарлоттой (1668—1705), ставшей в 1701 г. прусской королевой (ее внуком был Фридрих II). Это были высокообразованные дамы, достаточно сказать, что София-Шарлотта открыла в Берлине Академию наук. Описание этой встречи взято Толстым из переписки матери и дочери друг с другом и Лейбницем⁵⁰. Их наблюдения над юным царем, его поведением и манерой говорить были ярко представлены на страницах романа. Толстой пишет, что дамы были в восторге и прощали своему венценосному гостю «и грязные ногти и то, что он вытирал руки о скатерть, чавкал громко». Все это не вымыслы Толстого, они, по сути, дословно взяты из переписки. Так, София писала о своем первом впечатлении о Петре: «Царь очень высокого роста, лицо его очень красиво, он очень строен. Но, наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы... Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы». В другом письме курфюрстина-мать заметила: «Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума». Курфюрстину-дочь поразили судороги, изменившие лицо царя, когда тот говорил о кровавых казнях в России: «Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать как дома». Она также отметила, что царь во время обеда не умеет пользоваться салфеткой. Все эти сведения имеются и в романе, в авторском предисловии писателя.

Следует заметить, что эпизод «с курфюрстимами» вообще строится Толстым в соответствии с подлинными фактами, почерпнутыми из статейных списков Посольского приказа. Так, в частности, в одном из списков приводится упоминание, что царю не понравилась итальянская музыка, у Толстого «они играли мягко, тягуче», и он велел «позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы». Этого беглого замечания оказалось Толстому достаточно, чтобы создать красочную, исторически характерную картину, заканчивающую все описание вечера в замке курфюрстин: «под средневековыми сводами отродясь не раздавалось такой дьявольской музыки». И в заключение — «всыпали поту немкам».

Попутно, без каких-либо комментариев, Толстой в свите курфюрстин упоминает Карла Людвига, курфюрста Пфальцского (в романе — Цельского), брата Софии, дядю Софии-Шарлотты. Автор дает мимоходный портрет — «сухой старик, с испанской, каких теперь уже не носили, седой бородкой и закрученными усами волокиты и дуэлиста». Характеристика четкая, ибо Толстой великолепно знал европейскую историю и весь изобразительный ряд эпохи. София-Шарлотта представила также Петру I своего брата, будущего английского короля Георга I. Это был «вялый, узолицый юноша в черном бархате».

«Записки» Якоба Номена⁵¹ повествуют о пребывании Петра в Голландии. Толстым заимствован из них ряд эпизодов и, прежде всего, в Саардаме, где царь, инкогнито, работал на Ист-Индской верфи (глава седьмая первой книги романа). Дело в том, что одним из директоров компании был Николай Витзен, амстердамский бургомистр, бывавший в России и знавший русский язык, он оказывал Петру всевозможное посредничество.

Мимо внимания Толстого не проходит ни один факт, на первый взгляд являющийся незначительным. Так, он описывает эпизод, когда царь шел по улице и ел сливы, которые только что купил. За ним увязалась толпа уличных мальчишек, потребовавших слив. Когда стало ясно, что требователей намного больше, чем слив в шляпе, царь отказался отдать оставшееся, что вызвало злобу мальчишек, и они стали бросать в Петра разный мусор, а один запустил ему в спину камень. Разозленный Петр закричал: «Что у вас — бургомистров нет, — смотреть за порядком!». Оказывается, бургомистр был и порядок на будущее был обеспечен. В руках Толстого оказалось распоряжение последнего, явно навеянное описанным эпизодом: «Бургомистры, узнав с прискорбием, что дерзкие мальчишки

осмелились бросать камнями и разной дрянью в некоторых *знатных особ иностранцев* (курсив наш. — Ю.Е.), строжайше запрещают это всем и каждому под угрозой наибольшего наказания, которое установлено»⁵². Намек очевиден.

Внимание Толстого привлек эпизод военной хитрости, «машкерадного боя» под Нарвой 9 июня 1704 г. в «Книге Марсовой...»⁵³. В этой книге были собраны старинные карты, даны отдельные сражения, гравюры, на одной из которых, в частности, был изображен Нотебург с подробной фортификационной обрисовкой крепости. Более обстоятельно об этом Петр пишет в своем послании Ромодановскому: «Sir! Извещаю Ваше Величество, что у нас под Нарвою учинилось удивительное дело, — как умных дураки обманули... У шведов перед очами гора гордости стояла, через которую не увидели нашего подлога... Об сем машкерадном бое, где было нами побито и взято плен треть нарвского гарнизона, услышите от очевидца оного, от гвардии поручика Ягужинского, он скоро у вас будет...». В романе творцом этого «машкерادا» выведен Меншиков.

Ряд моментов биографии Екатерины I были почерпнутыми Толстым из записок графа Г.-Ф. Бассевича, президента Тайного совета герцогства Шлезвиг-Голштинского, ганноверского резидента в России Х.-В. Вебера, и Н.-П. Вильбоа, француза на русской службе, контр-адмирала⁵⁴, а также сообщения из сборника «Осмнадцатый век»⁵⁵.

Обширная литература была привлечена Толстым при написании эпизодов о раскольничестве⁵⁶ и, прежде всего, «Житие» протопопа Аввакума.

Работая над источникам, следуя достоверным историческим фактам, Толстой мастерски конструирует образы вымышленных им персонажей. Это относится к истории молодого дворянина Василия Волкова и, в частности, к его участию в делах царя в момент борьбы последнего с царевной Софьей. Так, Волков был послан из Преображенского в Москву с целью «выведать» намерения заговорщиков. Волков был схвачен и по приказу Софьи должен быть казнен, но был отпущен стрельцами. В этом эпизоде сплелись судьбы двух реальных героев. Действительно, из Преображенского был послан Плещеев, спальник Петра I. Угрозу казни переживал уже другой человек, им был полковник Нечаев, приехавший некоторое время спустя в Кремль, к Софье, от Петра. Впоследствии Волков, ставший доверенным лицом в окружении Петра, приезжает в Амстердам, где, согласно замечанию Толстого, ведет днев-

ник, записывая в него все увиденное. Основанием для развития этого сюжета послужили подлинные записи, сохранившиеся от той эпохи, «Журнала путешествия» неизвестного русского дворянина, опубликованные в «Русской старине» за 1879-й год⁵⁷.

При написании этих глав Толстой активно использует записки государственного деятеля того времени Ивана Афанасьевича Желябужского (1638 — после 1709). В своих записках⁵⁸ за 1682—1709 г. он говорит о талантливом механике-самоучке кузнеце Жемове, который пытался построить воздухоплавательную машину «со слюдяными крыльями». У Толстого этот сюжет получил художественное развитие. Жемов был жестоко наказан боярином Иваном Борисовичем Троекуровом, после чего бежал и пристал к разбойничьей шайке Овдокима.

Толстой несомненно заимствовал у этого автора легенду о «мздоимстве» князя В.В. Голицына, который, во время первого Азовского похода в 1687 г., будто бы получил от крымского хана две бочки золотых монет, оказавшихся всего лишь позолоченными. Слух об этом будто бы ходил по Москве, хотя никаких документальных подтверждений не имеется. Тем не менее, Толстой этот факт творчески переработал: по наущению Мазепы был оклеветан украинский гетман Иван Самойлович Самойлович (ум. 1690), якобы по приказу которого казаки подожгли степь. В итоге — гетман был арестован, на его место тут же был посажен Мазепа, «и в тот же день в шатер к князю Голицыну четыре казака принесли черный от земли бочонок с золотом».

Не мог Толстой пройти мимо такого знакового сюжета, как «хованщина». Иван Андреевич Хованский происходил из древнего рода Гедиминовичей, кичился своим происхождением. По характеру был заносчив и жесток. Будучи противником Нарышкиных, побуждал стрельцов к мятежу и после майских событий 1682 г. стал начальником Стрелецкого приказа. Его покровительство стрельцам и даже староверам не могло не встревожить власти. Желябужский сообщает факт о якобы намерении князя Хованского расправиться с Софьей, Иваном и Петром на основании анонимного доноса от 2 сентября 1682 г. По мнению историков, этот донос был инспирирован Милославскими с целью обвинить Хованского в заговоре. Толстой заимствует этот сюжет: «И тогда же родилась у самых отчаянных решение: отрубить самую голову, убить обоих царей и Софью». Клевета сработала, и с «хованщиной» было покончено, о характере которой Толстой, между прочим, говорит глухо.

Переработка подлинного исторического документа — «Духовной» патриарха Иоакима от 1699 г., позволила Толстому создать развернутый сюжет выступления патриарха перед царем и боярами с требованием сжечь «еретика» Квирина Кульмана, немецкого мистика, писателя и поэта. В деяниях и проповедях Кульмана церковные власти усмотрели попытку организации политического заговора, за что он и его единомышленник Нодерман были сожжены в срубе, у Толстого — на площади.

Свидетельства царского токаря Андрея Нартова дали писателю возможность создать картину посещения царем кремлевских кладовых, потайные сокровища которых были переданы Петру на перевооружение армии, в котором она так нуждалась после неудачи под Нарвой⁵⁹. Петр, обращаясь к пришедшему князю-кесарю Ромодановскому, говорил о том, что денег и артиллерии нет, войско не имеет необходимого, что делать? Выход один: «убавить в монастырях сокровища в золоте и серебре и натиснуть из него деньги». Ромодановский возразил: «Сие дело щекотно, должно придумать иное». В романе: «Монастырской казны трогать сейчас нельзя... <...> Не тот час... Сегодня — опасно...». Затем Нартов рассказывает, как князь-кесарь привез Петра в Кремль в тайную кладовую, где его царское величество «к несказанному удивлению... увидел груды серебряной и позолоченной посуды и збури, мелких серебряных денег и голландских ефимков». Толстой в своем повествовании почти следует за Нартовым, но еще более расцвечивает свой рассказ: «На полках вдоль стен стояли чеканные, развилыстые енды — времен Ивана Грозного и Бориса Годунова; итальянские кубки на высоких ножках; серебряные лохани для мытья царских рук во время больших выходов; два льва из серебра с золотыми гривами и зубами слоновой кости; стопки золотых тарелок; поломанные серебряные панидикадила; большой павлин литого золота, с изумрудными глазами, — это был один из двух павлинов, стоявших некогда с боков трона византийских императоров, механика его была сломана. На нижних полках лежали кожаные мешки, у которых через истлевшие швы высыпались голландские ефимки. Под лавками лежали груды соболей, прочей мягкой рухляди, бархата и шелков...». Затем Толстой почти дословно поведал тайну этих сокровищ со слов Ромодановского: «Родитель твой, Алексей Михайлович, в разные времена отъезжал в походы, и мне по доверенности отдавал на сохранение лишние деньги и сокровища. При конце жизни родитель твой, призвав меня, завещал, чтоб никому

из наследников не отдавать сего, разве воспоследует государству крайняя нужда при войне...».

Запись в книге Желябужского: «письмо явилось... от присыльщика» — позволила писателю создать сюжет инициативы Алексея Александровича Курбатова (?—1721) продавать для увеличения доходов казны гербовую, «орленую бумагу»: «для всех крепостей, для челобитных — бумагу с гербом, от копейки до десяти рублей. <...> Денег нет воевать? Они — вот они — денежки!». Указом от 23 января 1699 г., по предложению Курбатова, была введена в России продажа гербовой бумаги. Позже Курбатов был назначен обер-инспектором ратушского правления.

Многое было взято Толстым при характеристике особо доверенных лиц при Софье — Шакловитого и Сильвестра Медведева. Благодаря покровительству царевны молодой энергичный красавец подьячий Федор Леонтьевич Шакловитый быстро поднялся до чинов думного дворянина и окольного. Его участие в государственных делах стало особенно заметным в последние годы правления Софьи. У Толстого — «бледный горбоносый человек с красивыми усиками... Умное его лицо было хмуро». После отстранения Софьи Шакловитый был казнен, «отрубили голову». Толстым были основательно проштудированы «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках»⁶⁰.

Та же судьба постигла и Сильвестра Медведева (1641—1691), который позже «был схвачен дорогобужским воеводой», его «страшно пытали и обезглавили». Он был духовником Софьи, что и предредило его конец. С другой стороны, он был незаурядной личностью: публицист, поэт, историк, автор нескольких богословских сочинений. В 1665—1668 гг. учился в школе Симеона Полоцкого (ученицей которого, кстати, была и Софья) и в 1674 г. принял монашество. В 1682 г. организовал школу при Заиконоспасском монастыре. В 1685 г. выступил с проектом учреждения в Москве университета, ибо необходимо «свет наук явити». В 1689 г. был схвачен, лишен иноческого звания, обвинен в намерении убить патриарха, чтобы занять его место, явно надуманное обвинение. Как видим, Софью окружал круг грамотных, если не сказать, «ученых мужей», весьма далеких от «Кукуйских» друзей Петра.

Толстой, знакомясь с материалами эпохи, не пропускает ни одной детали, которая колоритно описывает быт. При чтении книги М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России» его внимание привлек факт — в Москве есть лишь одна «уборщица волос»,

то есть парикмахерша, а посему, «некоторых убирала за трое суток. Боярышни за три дня до выезда сидя спали, чтобы убору не испортить». У Толстого, Александра Волкова по этому поводу говорит: «С куафер* чистое наказание: на всю Москву один. На масленой дамы по неделе дожидались, а которые загодя-то причесанные — так и спали на стуле...».

Знакомство Толстого с книгой М.И. Семевского⁶¹ позволило автору нарисовать яркие картины «всешутейших соборов» Петра.

Вся переписка Петра I приводится писателем из «Писем и бумаг императора Петра Великого». В этом смысле интерес представляет донесение царю из Стамбула дьяка Емельяна Украинцева, посланного в Турцию для подписания мира. Толстой познакомился с текстом этого документа из архива Посольского приказа; сократив некоторые излишние подробности, он сохранил суть документа, посчитав в то же время оставить наиболее живое и даже комическое. Это касается походов в Константинополе капитана Памбурга, устроившего на Босфоре канонаду из пушек корабля «Крепость». Украинцев сообщал, что «от той стрельбы учинился по всему Царьграду ропот», что султан «испужался и выбежал из спальни в чем был», а «две брюхатые султанши из верхнего серая младенцев загодя выкинули».

Толстой использовал сведения, взятые из книги Андрея Артамоновича Матвеева (1666—1728), русского дипломата, долгое время представлявшего интересы России в Голландии и Париже⁶². Толстой сообщает факты биографии Матвеева, что его отец, Артамон Сергеевич Матвеев, будучи в оппозиции к Милославским, действительно в 1676 г. был сослан в Пустозерский острог вместе с сыном. Оба они смогли вернуться в Москву лишь в 1682 г. после смерти царя Федора Алексеевича, и отец был приближен ко двору. Но в мае этого же года А.С. Матвеев был убит во время выступления стрельцов. У Толстого — сын «боярина Матвеева, убитого на Красном крыльце». А.А. Матвеев вошел в круг Петра I, ему царь и доверил вести важные дипломатические переговоры в преддверии Северной войны, а также закупки на Западе оружия. Так, в Льеже «им закуплено было пятнадцать тысяч новейших ружей, скорострельные пушки, подзорные трубки, страусовые перья для офицерских шляп». Сам Толстой по этому поводу записывает следующее: «Весною семьсот второго года в Архангельск прибыли на

* Куафер — парикмахер (фр.).

корабле десять шлюзных мастеров, нанятых в Голландии Андреем Артамоновичем Матвеевым за большое жалованье (по семнадцати рублей двадцати копеек в месяц, на государевых кормах)». Действительные факты и цифры, взятые из донесений Матвеева. Эти сведения нашли свое отражение и в описании нравов французского двора, театра в Версале, о чем в романе говорит царевна Наталья Алексеевна, сестра царя.

Внимание Матвеева к политической ситуации в Европе привели к тому, что по его рекомендации в Амстердаме был назначен российским консулом Яган Фанденбург (Johannes van den Burg[h]; 1663—1731). В его обязанности входило обеспечение русского дипломатического ведомства в Петербурге европейскими газетами и, прежде всего, голландскими. Кроме того, два раза в неделю он обязан был присылать письменные обзоры публикаций западноевропейской прессы. Фанденбург (в современной русской транскрипции — Иоганн ван ден Бург) пунктуально выполнял свои обязанности, чего нельзя сказать про русскую сторону, регулярно задерживавшей оплату труда, а то и вообще забывавшей о своем долге⁶³.

Роман заканчивается взятием Нарвы летом 1704 г. Последние строки повествуют о встрече Петра с комендантом города Горном, когда царь гневно отчитывает пленника за упрямство, за нежелание сдать крепость, что привело к многочисленным жертвам с двух сторон. При описании этой сцены Толстой следует записям Устрялова, который приводит свидетельства как отечественных, так и иностранных источников⁶⁴. Так, в частности, он принимает на веру замечание шведского историка Густава Адлерфельда о том, что царь дал Горну пощечину. Толстой отбросил это утверждение, как недостоверное. Геннинг Рудольф Горн Рантциен (1664—1728) вернулся в Швецию из русского плена в 1715 г. В романе его жена, графиня Шперлинг, обращается к мужу, называя его Карлом.

Писатель сумел оценить историческое место Петра Первого, правдиво изобразить масштабы его деятельности, дать художественное исследование целой эпохи. Из множества эпизодов складывается достоверный художественный мир, в центре которого царь-преобразователь и его деятельность. Противоречивый образ государя становится связующим звеном всех событий и человеческих судеб в романе.

Публикация первых глав романа была встречена в СССР положительными отзывами. Так, Б.Л. Пастернак в письме к Р.Н. Ломоносовой от 4 декабря 1929 г. писал: «Я в восхищении от толстовско-

го «Петра» и с нетерпением жду его продолжения»⁶⁵. А.М. Горький в одном из своих писем отмечал, что данная «Книга — надолго».

Положительно был оценен роман и в эмигрантской среде. Иванов-Разумник, при общей отрицательной оценке творчества А.Н. Толстого, отзывался о романе как «о настоящем художественном произведении»⁶⁶. И.А. Бунин, находившийся с Толстым, мягко говоря, не в приятельских отношениях, с восторгом принял роман. Как вспоминал известный литературный критик Александр Бахрах: «Бунин не очень-то оценил “Хождение по мукам”, чертыхался по поводу последней части тетралогии (“Хлеб”), но зато “Петром Первым” восторгался неподдельно. “До чего хорошо, — говаривал он с некоторым удивлением, — ведь сколько документов пришлось изучить, сколько архивов перерыть”»⁶⁷. Ф.Ф. Степун, при прочтении романа, заметил, что, «несмотря на правильные возражения академика Платонова», роман «все же замечательная вещь»⁶⁸.

Это, несомненно, первый в советской литературе подлинно исторический роман, значительное произведение нашей литературы, вершина творчества Толстого романиста. В 1941 г. писателю за роман «Петр I» была присуждена Сталинская премия.

В заключение следует обратить внимание на утверждение отечественных и зарубежных исследователей и критиков, что роман был написан в угоду Сталину, «по спецзаказу свыше». Полагаем, что это не так. Достаточно сказать, что к теме «Петра» Толстой шел давно, с 1918 г. До написания романа Толстым было написано несколько исторических повестей, осуществлена четырехкратная редакция пьесы «Петр I». Шел процесс исторического постижения темы, когда до «сталинизма» было еще далеко. Сам Толстой позже с иронией отвечал на упреки в апологии сталинизма. При встрече в 1937 г. в Париже с художником Ю.П. Анненковым Толстой с неприкрытым раздражением говорил: «Пока я писал его (роман. — *Ю.Е.*), видишь ли, “отец народов” пересмотрел историю России. Петр Великий стал без моего ведома “пролетарским царем” и прототипом нашего Иосифа!..»⁶⁹.

«Петр I». Киносценарий

К написанию киносценария Толстой приступил в 1933 г. при полном владении темой и осмыслением замысла. Уже на этом этапе Толстой, в соавторстве с В.М. Петровым, будущим режиссером фильма, публикует отдельные фрагменты киносценария⁷⁰.

В беседе с сотрудниками «Литературной газеты» Толстой говорил о работе над сценарием. Автор и режиссер фильма были категорически против изображать Петра как «вихляющегося» и «истеричного», что шло вразрез с общим замыслом — «показать прогрессивное значение петровской эпохи для дальнейшего развития русской истории», нельзя «умалывать значение личности человека, возвысившегося над своей эпохой». С этим связана и другая цель фильма — показать «мощь великого русского народа... непоборимость его созидательного духа»⁷¹.

Работа, начатая в 1933 г., завершилась в 1935 г., когда был готов сценарий первой серии. Затем замысел расширился до необходимости создания второй серии. Повествование начинается с показа поражения русских войск под Нарвой в ноябре 1700 г. и заканчивается подписанием Ништадтского мира в 1721 г. В киносценарии и фильме возникли новые темы, которые Толстой не успел завершить в своем неоконченном романе — дана широкомасштабная картина Полтавской битвы, дело царевича Алексея. Время потребовало более тщательного подхода к обрисовке личности первого российского императора, отказа от прежних стереотипов, что было свойственно ранним работам писателя в освоении им петровской темы. На этот раз была представлена более углубленная характеристика Петра (не без его идеализации), усилена тема борьбы Петра за русскую государственность. Из первоначального варианта сценария опущены сцены измены Екатерины I с Виллимом Монсом, самосожжение раскольников и «всешутейший собор».

О работе над киносценарием сам Толстой неоднократно выступал в печати, опять же с режиссером Вл. Петровым: «Петр Первый в кино» (Известия. — 1935. — 11 апр. (№ 87)): «Фильм о великом русском народе: к киносъемкам второй серии кинофильма “Петр I”» (Советское искусство. — 1938. — 26 марта (№ 39)). Фильм снимался на киностудии «Ленфильм». Первая серия вышла на экран в 1937 г., вторая — в 1938 г. Это был монументальный исторический фильм, удостоенный в 1941 г. Сталинской премии СССР, высшей премии Международной выставки в Париже в 1937 г. В фильме воссоздана галерея исторических портретов, раскрыто многообразие человеческих характеров. В фильме снялись выдающиеся советские актеры: Николай Симонов (Петр), Михаил Жаров (Меншиков), Алла Тарасова (Екатерина I), Михаил Тарханов (фельдмаршал Борис Шереметев), Владимир Гардин (Петр Толстой), Эдгар Гаррик (Карл XII), Николай Черкасов (Алексей), Ирина Зарубина (Евфросиния) и др.

«Иван Грозный». Драматическая повесть в двух частях (Ч. 1. «Орел и орлица». Ч. 2. «Трудные годы»)

Параллельно с интенсивной работой над романом «Петр I», Толстой все более пристально стал присматриваться к эпохе и личности Ивана Грозного, о чем сообщал В.Д. Бонч-Бруевич А.М. Горькому 31 января 1935 г.: «Алексей Николаевич... очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты — и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать»⁷².

В декабре 1940 г. Толстой заключил договор с Комитетом по делам искусств при СНК СССР на написание пьесы «Иван Грозный», которую он должен был представить в сентябре будущего года. Начавшаяся Великая Отечественная война внесла вынужденный корректив в планы писателя, и к написанию первой части пьесы Толстой приступил только в октябре 1941 г. и закончил в феврале 1942 г. Работа над второй частью, начатая в январе — феврале 1943 г., была закончена уже в апреле того же года. В процессе работы Толстой опубликовал отрывок из первой части в газете «Литература и искусство» (1942. — 21 марта). В этом же году в издательстве «Искусство» пьеса была опубликована целиком, публикация ее была встречена положительными рецензиями, отмечавшими огромный *идейно-художественный смысл* произведения⁷³.

Замысел этой части дилогии был, по словам Толстого, его ответом «на унижения, которым немцы подвергли мою родину». Это заставило его «вызвать из небытия к жизни великую страстную русскую душу — Ивана Грозного», чтобы вооружить свою «расширенную совесть»⁷⁴. Следует заметить, что это выражение использовано Толстым и в пьесе, в обращении Ивана Грозного к боярам: «Расширела совесть моя». В 1944 и 1945 гг. в Малом театре была осуществлена постановка двух частей пьесы, отмеченная положительными рецензиями⁷⁵. В 1946 г. пьеса была поставлена во МХАТ'е. Но этой постановке фатально не повезло — на генеральной репетиции, за несколько дней до премьеры, умер на сцене, в гриме и царском облачении Н.П. Хмелев, исполнитель заглавной роли.

Одновременно в Алма-Ате, в эвакуации, С.М. Эйзенштейн снимал свой легендарный фильм «Иван Грозный», также претерпевший осложнения, когда идея трагической расплаты в борьбе за власть была подвергнута резкой критике. В результате вторая серия филь-

ма, законченная в 1946 г., на экраны была выпущена лишь в 1958 г.⁷⁶ Первая же серия в 1946 г. была удостоена Сталинской премии.

Пьеса создавалась в то время, когда в отечественной историографии и культуре отчетливо проявился интерес к этой теме, с ярко выраженной тенденцией идеализации личности и деятельности Ивана Грозного, чем отмечены труды историков Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина, И.И. Смирнова и др. В художественной литературе эта апология получила наиболее яркое воплощение в романе В.И. Костылева «Иван Грозный» (1942). Одновременно в 1944 г. была опубликована 5-актная драма В.А. Соловьева «Великий государь». Автор стремился изобразить Ивана IV прогрессивным историческим деятелем, но рисует его одиночкой. Образ царя лишен многогранности, он раскрывается в многоречивых риторических выступлениях, мало связанных с развитием действия. Политическая борьба между защитниками старых феодальных отношений и сторонниками централизованного государства подменена дворцовой борьбой. Толстой встал на сторону историков, утверждавших прогрессивное значение деятельности Ивана IV, но это отнюдь не означало принятие им целиком чьей-либо готовой исторической концепции.

Публикация романа В.И. Костылева положила начало полемике между автором романа и историком С.П. Бородиным⁷⁷. В эту полемику намеревался вступить и академик Степан Борисович Веселовский (1872—1952), авторитет в области социально-экономической и политической истории России времени Ивана IV. Им был подготовлен в августе 1943 г. текст рецензии, который был опубликован лишь через 34 года⁷⁸. Критическая направленность рецензии, бесспорно, не способствовала тому, что она в то время могла бы быть опубликована.

Подобная судьба была уготована и другой рецензии Веселовского, на этот раз в адрес Алексея Толстого и его пьесы «Иван Грозный»⁷⁹. Основанием для написания рецензии явилось обсуждение текста пьесы в Институте истории АН СССР в Ташкенте, где институт находился в эвакуации. В том и другом случае Веселовский отмечал недопустимое, с точки зрения историка, вольное обращение Толстого с фактами и судьбами героев того времени.

Итак, по порядку. Толстого привлекали как время царствования Ивана IV, так и личность самого царя, в котором автор видел «патриота» и «борца» за национальные интересы. Для автора время правления Ивана Грозного — это «эпоха русского ренессанса, ко-

торая, так же, как эпоха Петра Великого, отразила огромный подъем творческих сил русского народа». В статье «Стыд хуже смерти» Толстой писал, что будет справедливо считать Ивана Грозного «создателем русского государства», несмотря на то, что Ливонская война 1558—1583 гг. «многолетняя и победная вначале», «окончилась военной неудачей», пробиться к морю не удалось. Но русское государство уже было создано, и «широко раскинулось до Каспия и до Байкала», и русская земля «стала единой и отечество единым»⁸⁰.

К написанию пьесы Толстой приступил как всегда основательно. Образ царя создавался на основе подлинных исторических документов. Не может не поразить использованный им круг источников и исследований, привлеченных писателем в работе над темой: «История Государства Российского» (тома VIII и IX) Н.М. Карамзина, «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева (том VI), «Боярская Дума древней Руси» В.О. Ключевского, новейшие исследования Р.Ю. Виппера⁸¹, С.В. Бахрушина⁸², С.Ф. Платонова⁸³, П.А. Садикова⁸⁴, И.И. Полосина⁸⁵. При освещении истории и хода Ливонской войны им детально изучена монография Г. Форстена⁸⁶.

Особую значимость имели привлеченные им первоисточники — летописные тексты, «Степенная книга», «Казанский Летописец», «Псковский Летописец», «Повесть о походе Ивана Грозного на Новгород», «Повесть» князя И.М. Катырева-Ростовского, «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, «Домострой» Сильвестра (духовника Ивана Грозного), «Послания» Ивана Пересветова и сочинение Ермолая-Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие». Детальное знакомство с сочинениями этих двух авторов проявляется в почти дословном обращении Ивана Грозного к Воротынскому в пьесе. Внимание Толстого привлекли и свидетельства иностранных авторов — «Сказания» Альберта Шлихтинга, немца-опричника Генриха фон Штадена «О Москве Ивана Грозного», «Послание» Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе, извлеченные Ю.В. Готье из шведских архивов, «О государстве Русском» англичанина Джильса Флетчера⁸⁷.

При характеристике личности самого царя писатель использовал сведения из «Переписки Грозного с Курбским», «Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь» (1573 г.), Послания Ивана Грозного Яну Ходкевичу и шведскому королю Иоганну III, духовное завещание царя 1572 г., Письмо к воеводе-опричнику Василию Грязному, плененному татарами. Толстой еще

в 1938 г. заинтересовался этим сюжетом при посещении в Бахчисарае ханского дворца. При ознакомлении там с представленными ему материалами о дипломатических отношениях Ивана IV с Крымским ханством, его внимание привлекли сведения о пребывании в крымском плену опричника Василия Грязного и выкупе его Борисом Годуновым. Этот материал нашел свое отражение в пьесе.

Толстым был также привлечен и более поздний материал, как например, сочинение «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви»⁸⁸ и др.

Бесспорно, Толстой охватил и круг литературных произведений на эту тему — К.Ф. Рылеев (дума «Курбский»), И.И. Лажечников (трагедия «Опричник»), М.Ю. Лермонтов («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»), А.К. Толстой (роман «Князь Серебряный», трагедия «Смерть Иоанна Грозного»), Л.А. Мей (драма «Псковитянка»), А.Н. Островский (драма «Василиса Мелентьева») и др.

Хронологически события в пьесе охватывают период с 1553 по 1571 г. Это сверхнапряженный момент в истории царствования Ивана IV. Первая дата связана с тяжелой болезнью царя, когда серьезно встал вопрос о наследнике, а бояре отказывались целовать крест сыну Ивана. Боярская оппозиция открыто заявила о своем неприятии политического курса царя. Вторая дата — 1571 г., разгар Ливонской войны, набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву. В этот отрезок времени вклиниваются события напряженной внутренней и внешней политики царя — начало Ливонской войны (1558), первые победы и первые неудачи, измена князя Курбского (1564), казни 1563 и 1569 гг., разгром Новгорода и т.д. Главная задача Толстого — показать боярство как крупную реакционную силу, которая пыталась парализовать начинания Ивана Грозного.

Владея фактическим материалом, Толстой, тем не менее, допускает излишнюю вольность в трактовке исторических событий и реальных лиц того времени, зачастую попадая в неприятные обстоятельства, допуская непозволительные хронологические сдвиги. Так, уже в первой сцене пьесы, отнесенной к 1553 г., говорится о смерти первой жены царя Анастасии, которая на самом деле умерла в 1560 г. Кроме того, обстоятельства смерти царицы Анастасии автором полностью вымышлены, факт ее отравления находится под большим сомнением. (Между прочим, эту версию озвучил в своем фильме и Сергей Эйзенштейн.)

К 1566 г. Толстой относит помолвку датского принца Магнуса с Евфимией Владимировной Старицкой, дочерью Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата Ивана. Этого не могло быть по той простой причине, что Ливонское герцогство было образовано Иваном IV в 1570 г., на престол которого и был приглашен Магнус, брат датского короля. Этим шагом Иван добился того, что Дания вышла из антироссийской коалиции. Чтобы закрепить это положение, Иван Грозный и предложил в жены принцу свою родственницу. Все это, тем не менее, не помешало Магнусу в 1578 г. изменить царю и перейти на сторону польского короля Стефана Батория. Таким образом, это событие относится к 1570 г., то есть намного позже, чем утверждается в пьесе. Не могли присутствовать на этой помолвке отец и бабка невесты, Ефросиния Старицкая (Хованская), ибо оба они были убиты в 1569 г., то есть за год до создания Ливонского герцогства.

Не могли присутствовать на помолвке и некоторые бояре, выведенные в дилогии. Князь Дмитрий Телепнев был убит около 1563 г. В этом же году был казнен и князь Федор Репнин за отказ быть скоморохом на пиру у Ивана Грозного. В 1569 г. загадочной смертью погиб и Федор Басманов. В этом же году умерла Мария Темрюковна, вторая жена царя, которая также не могла присутствовать на этом рауте. Плененный магистр Ливонского ордена Фюрстенберг умер в тюрьме в 1565 г., а потому также не мог присутствовать на помолвке. Кроме того, его статус пленника совершенно исключал эту ситуацию.

В этой же сцене упоминается Варфоломеевская ночь, которая, как известно, имела место в 1572 г. Касимовский царевич Симеон Бекбулатович был провозглашен московским правителем в 1574 г., в то время как Толстой относит это событие ко времени учреждения опричнины (1565). Во второй части пьесы «Трудные годы» Толстой к 1566 г. относит визит в Москву литовского посла Воропая с извещением о смерти короля Сигизмунда II. Воропай имел также тайное предписание от литовской знати о приглашении на престол московского царя или его сына. Но это все имело место лишь в 1572 г., когда в Польско-Литовском государстве наступило бескорольевье. Не могли присутствовать на этих переговорах ни боярин Иван Федоров, убитый самим царем в 1568 г., ни думный дьяк Иван Висковатый (Висковатов), казненный в 1570 г. Новгородский Пимен — *митрополит*, а не *архиепископ*, как в пьесе, умер в тюрьме в 1570 г. Ганс Шлитте был отправлен в немецкие города в 1548 г., а

не в 1566-м. Говоря о земском соборе 1566 г., Толстой говорит, что он проходил в Александровской слободе, на самом же деле — в Москве.

Полностью вымышлена автором история любви царя и Анны Вяземской, совершенно не совпадают с летописными свидетельствами обстоятельства бегства князя Андрея Курбского в Литву в 1564 г. Рисуя поход на Полоцк в 1563 г., Толстой следует летописи, где сообщается, что царь допустил к своему шатру воеводу Двойну и королевских дворян⁸⁹. Однако в числе участников похода летопись называет князя Курбского и Владимира Старицкого, а Толстой вместо оных вводит Малюту Скуратова и Василия Грязного.

Возникает законный вопрос — а как подобное могло произойти? Это можно объяснить и усталостью писателя, и отсутствием в эвакуации необходимых для справок материалов, и, несомненно, начавшейся тяжелой болезнью. Витиеватые, но не убедительные соображения, продиктованные установками сегодняшнего дня, приводит С.О. Шмидт, публикатор и комментатор выступления С.Б. Веселовского: «Не хотел ли Толстой... как и все интеллигентные люди той поры, тяготящиеся сталинско-бериевскими приемами управления и сдерживания общественного мнения, показать, с одной стороны, что писателя-фаворита за произведение на заказанную тему не посмеют (зная это) укорить в печати за отступление от исторической истины, а с другой — выявить и уровень требований к истории, и знание этой истории Сталиным и его окружением и вызвать ассоциации у читателя?»⁹⁰ На наш взгляд более объективную оценку дает С.Б. Веселовский, который первопричину видит в отсутствии *фабулы*, как обязательного и непререкаемого стержня истинного художественного произведения, что и привело к тому, что в пьесе Толстого есть ряд сцен, которые связаны между собой только личностью царя. Подобный подход исключил историческую конкретику, последовательность реальных событий.

Высоко профессиональный уровень рецензии академика С.Б. Веселовского со всей очевидностью вступает в конфликт с мнением А.В. Луначарского, провозгласившего еще в 1920-е годы иные принципы подхода при написании исторических пьес. Луначарский считал, что историческая драма — это не научный комментарий к событиям эпохи. Драматург имеет полное право на хронологические сдвиги и смещение фактов во имя более четкого выявления главной линии, что для создания «законченного театрального произведения необходима глубоко идущая переработка событий»⁹¹.

Комментаторы собрания сочинений Толстого констатируют, что писатель «чутко прислушивался к мнению советской общест-венности»⁹². Данное утверждение не соответствует истине. По сви-детельству того же Веселовского, Толстой на замечания историков при обсуждении пьесы в Институте истории АН СССР о невоз-можности пользоваться столь свободно историческими именами, ответил: «а не все ли вам равно?»⁹³.

Толстой был противником исторического «натурализма», боль-шое значение придавал творческой фантазии, считая неотъемле-мым правом художника «передвигать исторические даты, распо-лагать их в зависимости от идейного замысла всего произведения». Он был противником произвольного обращения со всеми датами, делая исключение лишь относительно дат, не являющихся узловы-ми в истории, «обусловленными логикой исторических событий, диалектикой истории». В то же время художественный вымысел не должен противоречить исторической истине, оставаясь вымыс-лом, он должен «казаться историческим фактом»⁹⁴. Как видим, его пьеса, в своей основе, не соответствует им же провозглашенным принципам.

Одновременно пьеса обсуждалась 15 июня 1944 г. и на секции художественного исторического жанра Союза советских писате-лей, где она получила высокую оценку. Были отмечены отдельные художественные просчеты, но они рассматривались как частности, не влияющие на общую положительную оценку⁹⁵. Другие рецен-зенты справедливо отмечали неправдоподобие сценической ситуа-ции и отдельных черт образа царя (его жестокость, особенности конфликта с боярством и т.д.)⁹⁶.

Пьеса была закончена 16 апреля 1943 г. Была поставлена точ-ка и в намерении писать третью часть. Своими соображениями на этот счет Толстой поделился с известным драматургом Б.С. Рома-шовым: «Третью часть писать не буду. Это такой мрак, крушение всех его (Ивана IV. — Ю.Е.) надежд, писать нельзя в такое время. Не подниму. После войны как-нибудь»⁹⁷.

Несмотря на очевидные высокие художественные достижения, диологию нельзя считать крупным успехом писателя, так как ее по-знавательную ценность снижают допущенные неточности, нару-шения исторической правды. Этой позиции придерживался и ли-тературный критик Г. Ленобль, который писал, «что при наличии значительных художественных достоинств диалогия не стала таким народным произведением, как первоклассный роман о Петре, по-

лучивший всеобщее признание и положивший начало новому этапу в развитии жанра советского исторического романа»⁹⁸.

Толстой неоднократно обращался к исторической тематике, что нашло свое отражение еще в двух произведениях.

В рассказе «Гобелен Марии-Антуанетты»⁹⁹ речь идет о гобелене французской королевы, позже подаренном французским правительством русской императрице Александре Федоровне. Гобелен находился в Александровском дворце в Царском Селе и был сделан с портрета работы художницы Луизы Виже-Лебрен. Толстой почему-то авторство гобелена приписывает Франсуа Буше. Комментаторы собрания сочинений Толстого объясняют это обстоятельство стремлением писателя показать, что сочиненная им история не имеет отношения к определенному гобелену¹⁰⁰. В центре повествования мистическая связь судеб двух женщин-правительниц.

В повести «Граф Калиостро» (Берлин, 1922) интересное сочетание фактического и нереального, опирающееся на фабулу исторических и мемуарных источников. Герой, граф Калиостро, уроженец Сицилии, известный авантюрист и гипнотизер XVIII в., выдававший себя за мага и волшебника, Джузеппе Бальзамо. Во время своих турне по Европе, он сближается с европейскими масонами. В 1780 г. прибыл в Петербург под именем Феникс, где ему оказал покровительство всемогущий Григорий Потемкин. Толстой развивает вымышленную историю о посещении графом усадьбы дворянина Федяшева, которому он и демонстрирует свои «волшебные» фокусы. Основным материалом для характеристики Калиостро были почерпнуты Толстым из некоторых исторических публикаций¹⁰¹. Позже, повесть легла в основу фильма Марка Захарова «Формула любви» (сценарий Г. Горина; 1984), в которой прослеживаются перипетии рассказа Толстого.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением современных исследователей, что «наше искусство, то и дело, правда, без ссылок, чем-то пользуется, что-то находит для себя». У Толстого, например, «позаимствовано... и, увы, не лучшим образом» — из «Нечистой силы» и «Заговора императрицы» в современных вариациях литературы и кинематографа. Так, в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (реж. А. Митта; 1976) варьируется эпизод пьесы и фильма «Петр I», рассказов «Марта Рабе» и «День Петра». Исторический рассказ «Диспут» (1980) поэта Сергея Наровчатого написан о продиктованной временем полемике Ивана Грозного. В повести В. Тендрякова «Шестьдесят свечей» тема школьного сочинения

«Иван Грозный» служит поводом для размышлений о человеческой совести и неотделимом от нее сознании гражданского долга.

В планах писателя значилось намерение написать исторический роман «Падение Рима», в чем горячо был поддержан Максимом Горьким: «Роман о падении Рима — это большое дело, — это должен быть роман в европейском масштабе, и, пожалуй, Вы один из современных писателей в силу его поднять. Одобряю и благословляю»¹⁰².

Толстой — драматург

А.Н. Толстому посвящена богатая литература, раскрывающая стороны его жизни и творчества. Следует отметить, что в последнее время наблюдается определенное внимание современных театров к драматургическому наследию Толстого¹⁰³.

Особо необходимо остановиться на написании Толстым, иногда в соавторстве, исторических пьес. Общее число его пьес достигает 42 наименований, из них 8 — на исторические сюжеты.

Перед революцией Толстой пишет пьесу «Дантон», посвященную событиям Великой французской революции, которая впервые была опубликована в Одессе в 1919 г. Интересна история создания пьесы «Смерть Дантона». В декабре 1917 г. московский театр Корша предложил Толстому, по его собственному признанию, «приспособить для постановки» романтическую трагедию немецкого писателя, драматурга и политического деятеля XIX в. Георга Бюхнера «Смерть Дантона». (Его перу принадлежит и широко известный роман «Воцтек».) Вначале автор с сомнением отнесся к этому предложению. Он намеревался «скомпоновать из имеющегося материала пьесу, возможную для постановки, и лишь осветить ее *современностью* (курсив наш. — Ю.Е.)». Но задача оказалась невозможной. Автор был вынужден оставить Бюхнера и обратиться к историческим материалам той эпохи, и к своим собственным «наблюдениям и переживаниям» «*нашей революции*»¹⁰⁴. Сам Толстой, не приняв Октябрьской революции, сделал попытку средствами искусства опровергнуть саму идею революционного переустройства общества, то есть создать своеобразную проекцию на современность. Толстой пытался определить свое понимание русской революции, закономерен ли революционный террор? Автор отошел от замысла Бюхнера показать народ как движущую силу революции. В изложении же Толстого вся сложность поли-

тической обстановки французской революции тех лет свелась к борьбе за власть, ко всеобщему страху. Если у Бюхнера конфликт Робеспьера и Дантона — это столкновение двух отношений к революции, то у Толстого Робеспьер это носитель идеи, что порок должен быть наказан, а добродетель может существовать лишь при помощи террора. Идейный центр пьесы составила запись (1918 г.) в записной книжке писателя: «Самая жестокая и кровавая власть была тогда, когда во главе правительства стояли писатели, философы и журналисты»¹⁰⁵. Эта мысль применительно к Великой французской революции чрезвычайно занимала писателя. Главный герой трагедии — Жорж-Жак Дантон, бывший адвокат, затем видный деятель Французской революции, был в центре деятельности Конвента и якобинского клуба. У Толстого прав Дантон, который убежден, что революция уже закончилась и наступила пора борьбы за власть. Рисуя положение народных масс, их колебания в симпатиях и настроениях, Толстой приходит к выводу о ненужности и бессмысленности кровопролития, отрицает какое-либо насилие над личностью, что революция никогда не может дать народу ничего, кроме крови и насилия. Пьеса наполнена философскими спорами, политической риторикой. Пьеса приобрела ярко выраженный антиреволюционный характер, что и решило ее недолгую сценическую жизнь. Премьера спектакля состоялась 9 октября 1918 г., но затем распоряжением Луначарского и Наркомпроса постановка была запрещена. Как писал впоследствии Толстой: «Ну а в провинции мы распоясались и в последнем акте поставили на сцену гильотину»¹⁰⁶.

В 1919 г. им была написана пьеса «Любовь — книга золотая», опубликованная в 1922 г. (Москва — Берлин). Это своеобразный анекдот, стилизованный под XVIII в. Обыгрывается любовная интрига — история взаимоотношений императрицы Екатерины II и молодого офицера Завалишина. Действие происходит в усадьбе, в глухом захолустье в 1787 г. Непосредственным толчком к написанию пьесы послужила одноименная книга Глеба Громова¹⁰⁷, изданная в столице в 1798 г.¹⁰⁸

Комедию нельзя назвать в полном смысле исторической, это скорее попытка в художественных образах воссоздать век Екатерины. Пьеса впервые была поставлена в 1922 г. на сцене Рижского театра и в Париже. В 1936 г. автор заново отредактировал текст, где была усилена критика в адрес русской императрицы и пьеса с успехом ставилась и в Советской России (МХТ-2).

Победа Октябрьской революции определила естественный интерес к изучению прошлого, к истории столь недавнего «былого». Эта проблема становилась на очередь дня и как агитационно-пропагандистская, и как исследовательская.

В области художественной литературы также наблюдался повышенный интерес к исторической тематике. 1920-е годы отмечены небывалым всплеском исторических пьес, в которых на передний план выдвигалась, как правило, дворцовая хроника, с ее интригами и похождениями. Подлинная история страны оставалась вне поля зрения авторов этих художественных произведений. Наступила пора более детального изучения эпохи и вскрытия глубоких классовых движущих сил.

Время диктовало необходимость осмысления исторической действительности. Намечался поворот к освещению конкретных фактов, к изучению причин исторических событий, и раскрытию психологических мотивов действий отдельных личностей.

Толстой вернулся из эмиграции на родину в 1923 г. и тут же начал складываться творческий союз историка Щеголева и писателя Толстого. Вскоре они выступили со своим первым совместным драматургическим опытом, пьесой «Заговор императрицы». В 1924 г. ими был опубликован фрагмент будущей пьесы¹⁰⁹. Полностью она была издана впервые в 1925 г. в Берлине и в 1926 г. в Ленинграде. Выбор темы не был случайным и продиктован требованиями дня, ибо еще были сильны надежды белой эмиграции на реставрацию дома Романовых.

Коротко об авторах. Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) известный историк русского освободительного движения и литературовед-пушкинист, издатель и редактор (совместно с В.Я. Богучарским и В.Л. Бурцевым) широко известных журналов «Былое» (1906—1907, 1917—1926) и «Минувшие годы» (1908). Особое место в его творческой биографии 1920-х годов занимает работа по созданию исторических пьес, киносценариев и даже одного оперного либретто. В большей части она проходила в тесном сотрудничестве с А.Н. Толстым, который уже имел в своем творческом багаже опыт обращения к исторической тематике (пьесы «Дантон» и «Любовь — книга золотая»). Сам Толстой считал себя драматургом, неоднократно выступая в печати с пространными рассуждениями о «секретах» театра. Как признавался сам писатель: «конечно, я — прозаик. Но люблю, очень люблю театр. Книга — это часто мертвое. Где, что, как откликнется — не знаю. А театр — это жизнь, немедленная реакция, живой контакт со зрителем»¹¹⁰.

К своему соавтору писатель относился с пиететом, писал секретарь писателя Ю.А. Крестинский, считая его «проницательным и дальновидным, точным и неожиданным в человеческих характеристиках. Он был одним из главной стаи русских, чьи имена переключаются в отдаленных туманах нашей культуры... В своей памяти он носил всю историю русской революции»¹¹¹.

А.Н. Толстой так сформулировал свой подход к освещению темы: «революцию одним “нутром” не понять и не охватить. Время начать изучать революцию — художнику стать историком и мыслителем. Задача огромная ... на ней много народа сорвется, быть может, но другой задачи у нас и быть не может, когда перед глазами, перед лицом — громада Революции, застилающая небо»¹¹².

С подобным же обоснованием выступил и П.Е. Щеголев. Историческая пьеса, писал он, является исторической потому, что «исторической в полном смысле этого слова стала эпоха, отделенная от нас всего несколькими годами, но какими голами!», когда «произошло такое решительное крушение старого режима... что мы уже чувствуем возможность объективного, беспристрастного подхода к той действительности». И далее: «Историческая обоснованность — вот что главным образом делает пьесу исторической»¹¹³.

К этому времени у Щеголева имелись известные наработки по теме. Щеголев был блестящим знатоком архивных материалов. Будучи членом учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений бывшей царской администрации, он издал в 1924—1927 гг. семь томов материалов этой комиссии. Павел Елисеевич явился для Толстого именно тем человеком, который помог ему сориентироваться в теме, подготовил его к работе с подлинными историческими источниками. Сам Щеголев на основе этих материалов опубликовал статью «Царские сановники перед следствием в 1917 году»¹¹⁴.

В 1917 г., в издательском товариществе «Задруга» была издана книга Сергея Труфанова, бывшего иеромонаха Илиодора, «Святой черт». Автор, лично знавший Распутина, рисует страшные картины разврата, изуверства и фанатизма, которыми был поражен царский двор. Позже Щеголевым же (под псевдонимом *П. Павлов*), в соавторстве с И.Я. Кобецким (под псевдонимом *К. Бецкий*) была издана книга «Русский Рокамболь: (приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова)»¹¹⁵.

По свидетельству Щеголева, «опубликованные и неопубликованные материалы дали так много для пьесы, что нам почти не

пришлось прибегать к выдумке»¹¹⁶. Щеголев, бесспорно, во многом содействовал росту Толстого как исторического писателя. В работе над источниками авторам удалось достигнуть удивительного единства документальной и художественной правды. План произведения, его содержание были составлены совместно.

В одном из интервью Щеголев свидетельствует, что «пьеса — сплошь историческая. Мы не допускаем никакой карикатуры, никакой пародии. Эпоха рисуется в строго реальных тонах. Детали и подробности, которые зрителю могут показаться вымышленными, на деле являются историческими фактами... На 60% действующие лица говорят естественными словами, словами их мемуаров, писем и других документов (так, например, Александра Федоровна говорит словами ее писем к Николаю II»¹¹⁷.

«Заговору императрицы» свойственны напряженность конфликта, наличие ярких сценических образов-персонажей, индивидуализированный язык действующих лиц — все это в художественном отношении и ставит пьесу выше произведений «дворцовой интриги».

В пьесе предпринята попытка осветить недавнее российское прошлое, точнее, последние дни Российской империи, последнего самодержца Николае II, его дворцовое окружение. В прологе пьесы Толстой писал, что в центре повествования «кучка изуверов и авантюристов»: фрейлина Вырубова, Григорий Распутин, министр внутренних дел Протопопов, министр юстиции Добровольский, «аферист» князь Андроников, «журналист-охранник» Манасевич-Мануйлов, «ювелир» Симанович, императрица Александра Федоровна и т.д. «Подобная система царской власти позволила этим людям взять вожжи управления империей. Они сажали на посты нужных им министров... Они деятельно вмешивались в дела Ставки верховного главнокомандующего... Они сносились с агентами германской контрразведки. Они выписывали колдунов и хиромантов». Атмосфера тех лет обрисована Толстым также в первом томе его трилогии «Хождение по мукам». В пьесе авторы проводят идею о внушении Распутиным императрице Александре Федоровне стать Екатериной II и отстранить от престола мужа. Для авторов не имеет существенного значения идея заговора — был ли он в действительности. Основной конфликт строится на борьбе двух исторических сил — самодержавие и революция.

Пьеса имела ошеломляющий успех. Советская печать оценила ее как «революционную хронику», «политическую сатиру», отме-

чала большое агитационное значение, социальную заостренность, точность и верность идейной направленности — что и дает возможность рекомендовать пьесу «рабочему зрителю»¹¹⁸. Бесспорно, широкая популярность пьесы объяснялась не только ее идейно-политической направленностью, но и серьезным художественным осмыслением материала. Этим объясняется и обширная репертуарность пьесы в 1925—1926 гг. Пьеса обошла чуть ли не все сцены Советского Союза. Только в Москве и Ленинграде шла на шести сценах одновременно, причем в Большом драматическом театре Ленинграда она прошла 173 раза. Артист Н.Ф. Монахов, блистательно исполнивший роль Распутина, отмечал, что работа над пьесой «Заговор императрицы» шла «при постоянной помощи и консультации со стороны авторов». Ее успех был столь оглушительным, что, опять же по свидетельству Монахова, с 12 марта 1925 г., со дня премьеры, «и до конца сезона ничего, кроме «Заговора» не играли»¹¹⁹. Актриса И.В. Комаровская, исполнявшая роль императрицы Александры Федоровны, в своих воспоминаниях делает весьма существенное замечание: «...этот спектакль сильно поддержал бюджет театра»¹²⁰. К этой пьесе обращались театры и в 1960-е годы. К 50-летию Октябрьской революции театр имени Н.В. Гоголя (ныне Гоголь-центр) поставил «Заговор императрицы», где роль Распутина с успехом исполнял народный артист СССР Борис Чирков¹²¹.

Пьеса ставилась и за рубежом. В 1927 г. на сцене берлинского театра Эрвина Пискатора она шла под названием «Распутин, Романовы, война и восставший против них народ». На генеральной репетиции пьесы присутствовал А.В. Луначарский, отметивший «динамику и революционность постановки»¹²².

Некоторым современникам, тем не менее, не понравились ни пьеса, ни ее автор. Так, находящийся в эмиграции М.А. Алданов, писал, что Толстой, перебравшийся к большевикам, «занялся изготовлением макулатуры, вроде “Заговора императрицы”»¹²³. «Театральная халтура», — вторил ему Иванов-Разумник¹²⁴.

Большинство советских критиков, отмечая аншлаговость пьесы, в то же время считали ее слабой в художественном отношении, склонны были видеть в просчетах пьесы факт влияния Щеголева, который якобы до известной степени ограничивал Толстого-драматурга, а потому пьесы, написанные в соавторстве, слабее созданных им самостоятельно¹²⁵. Эти критики не приняли во внимание свидетельства самого Толстого, что пьесу написал именно он.

Современные исследователи, оценивая пьесу как «не лучшую», считают ее, тем не менее, «известной» пьесой Толстого, посвященной последним дням империи. Признавая этот факт, писатель Варламов все же считает, что в романе «Хождение по мукам» это был более или менее объективный взгляд на историю, в то время как в пьесе объективность отсутствует, и склонен солидаризироваться с мнением И.А. Бунина, что все «ужасно по низости, пошлости»¹²⁶.

Варламов допускает известную натяжку, продиктованную, к сожалению, сегодняшними оценками в освещении нашего советского прошлого. Он пишет, что Толстой, пытаясь опереться на новые идеологические установки, своему творению предпосылает пролог, написанный в «марксистском духе», что должно снять какие-либо подозрения в авторской позиции писателя. В чем же был усмотрен, по мнению критика, «марксизм» Толстого? А в том, что он вывел в прологе, по словам самого писателя, «кучку изуверов и авантюристов», во главе с самой императрицей, женой Николая II, о чем сказано выше. Непонятно, как этот упрек может считаться доказательством принадлежности Толстого к марксизму. Одновременно критик объявляет «марксистом» и П.Е. Щеголева, соавтора Толстого, что не соответствует действительности, о чем свидетельствуют его труды и определенная аполитичность взглядов¹²⁷. Явно надуманное обвинение. «Кучку изуверов» явили обществу свидетельства того же Александра Блока¹²⁸. Мы видим, что ни Толстой, ни Щеголев не погрешили против истины, ими представлены подлинные исторические документы, а посему все выше предъявленные претензии к соавторам являются надуманными.

Успех пьесы «Заговор императрицы» был столь очевидным, что обоим авторам предложили написать киносценарий на этой основе. В ходе работы над сценарием авторы перенесли центр тяжести на личность Распутина, а отсюда и изменение его названия — «Заговор Распутина». В 1926 г. сценарий фильма был готов, определен его постановочный состав, но работа над ним в силу ряда причин не была доведена до конца¹²⁹.

Следует заметить, что интерес Толстого к последним дням царизма, «распутинщине», был не случайным. Так, уже летом 1917 г. он выступил с пьесой «Изгнание блудного сына», второй вариант ранее написанной пьесы «Горький цвет», где в образе старца Акилы публика без труда разглядела портрет Распутина.

Пьеса успеха не имела. В 1935 г. писатель представил третью редакцию, под заглавием «Акила», а в 1940 г. — четвертый вариант под названием «Мракобесы».

Творческое содружество было продолжено, и в 1926 г. Щеголевым и Толстым была написана новая пьеса — «Азеф», «интеллектуальным творцом» которой, по справедливому замечанию прессы, был именно П.Е. Щеголев¹³⁰.

Евно Азеф — одна из самых таинственных фигур «русского освободительного движения». Полицейский агент и революционер одновременно. Человек, готовивший теракты, и сам же их предотвращавший. Свое понимание задач пьесы Щеголев, в частности, и видел в том, чтобы обрисовать «злодея», не собираясь показывать ни революции, ни исторической хроники. Сюжет нового произведения предполагалось развивать в плане «социального детектива», что ставило перед авторами задачу создания интриги, напряженного действия, резких характеристик и т.п., а отсюда и все внимание на «фигуру злодея и на игре страстей». Подобной позиции придерживался и Толстой. По его словам, он «сознательно дал место субъективному, личному освещению». Никакого приписываемого Азефу «рыцарства, никакой силы», на передний план выдвигается «его лицемерие, лживость, трусость»¹³¹.

Отсутствие «социального анализа» как неперемennого качества исторической пьесы во многом предопределило неудачу нового замысла. Произошел очевидный перекоc — образ предателя заслонил эпоху, вне поля зрения авторов осталась сама партия социалистов-революционеров и ее место в общей революционной борьбе России. Критика оценила пьесу как неудачную, так как она оказалась лишенной какой-либо политической цели. Критика обвиняла, на этот раз одного Щеголева, в «вакханалии исторических несообразностей», расценив все это как «заговор против исторической правды»¹³². Пьеса была поставлена в театре Корша, где эпизодическую роль шпика Девяткина сыграл сам Толстой. Варлам Шаламов вспоминал: «достать билеты на представление, где актерствовал Толстой, не было, конечно, возможности»¹³³.

В то же время А.В. Луначарский в ответе на вопрос «Вечерней Москвы»: «Какие исторические пьесы нам нужны?» — ответил: «Я не видел большинства исторических пьес. Из тех, что видел, наиболее интересным сценически мне показался “Азеф” А. Толстого и П. Щеголева»¹³⁴.

Совместная работа Щеголева и Толстого в области историко-революционной драматургии вылилась также в написание в конце 1925 г. драматической поэмы «Полина Гебль» («Декабристы»), приуроченной к 100-й годовщине восстания декабристов¹³⁵. Этой

дате был посвящен целый ряд произведений, свидетельствующих о стремлении и литераторов, и историков осмыслить движение декабристов с позиций революционной эпохи. Именно в это время появляется повесть Ю.Тынянова «Кюхля», на сценах театров шли пьесы М. Яхонтова «Декабристы» и Н. Венкстерн «В 1825 году». В 1925 г. на сцене Большого театра была поставлена опера композитора В. Золотарева «Декабристы».

В основу пьесы-поэмы были положены подлинные исторические события, повествующие о драматической судьбе двух любящих друг друга людей — Ивана Александровича Анненкова (1802—1878) и французской модистки, дочери генерала, погибшего в 1809 г. в Испании, Жанетты Поль (урожденная Гебль; 1800—1876). Анненков был поручиком л.-гв. Кавалергардского полка, с 1824 г. член петербургской ячейки Южного общества, принимал участие в деятельности Северного общества и в акции 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Верховным уголовным судом над декабристами был приговорен к ссылке на каторгу, откуда в 1836 г. был переведен на поселение. Полина (Прасковья) Гебль ходатайствовала перед императором Николаем I о разрешении выйти замуж за Анненкова и последовать за ним в Сибирь, чего она и добилась. Подробности всей этой истории взяты из книги «Записки жены декабриста П.Е. Анненковой» ([Пг., 1915]), изданной к тому же П.Е. Щеголевым. Личная драма Анненкова и Полины Гебль превалировала над историческими событиями, когда само восстание казалось лишь фоном романтической любви. Эти недостатки были свойственны и сценарию (написанного на этот раз одним Щеголевым на основе поэмы) будущего фильма «Декабристы», выпущенного в прокате 1927 г. Попутно следует отметить одну любопытную деталь: роль Полины Гебль в фильме играла ее внучка — Барбара фон Анненкова¹³⁶. Данный сюжет оказался востребованным и в наши дни, когда режиссер Владимир Мотыль поставил в 1975 г. фильм «Звезда пленительного счастья», посвященный подвигу жен декабристов, в том числе, и Полине Гебль.

Поэма «Полина Гебль» мыслилась как музыкальная драма, что нашло свое отражение в ее стилистике. Позже оба автора вернулись к совместной работе над данной темой, над оперным либретто на музыку Ю.А. Шапорина. Опера была задумана (совместно с композитором) еще в 1923 г.¹³⁷, и вскоре уже был готов первый вариант либретто, окончательно отшлифованный к концу 1920-х годов. Но в 1934 г. композитор отказался от работы над этим либретто, так как его не

устраивала композиция произведения, когда на первом плане были лишь взаимоотношения двух молодых людей, а главные герои 1825 г. мыслились как бы за сценой. Композитор видел свою задачу в ином: масштаб темы, по его мнению, требовала и масштабного осуществления, не камерности, а эпопеи как «Борис Годунов» М.П. Мусоргского. Это противоречие было подмечено критикой уже на первом прослушивании двух картин оперы¹³⁸. Композитор возвратился к работе над оперой много позже, когда не было в живых ни Толстого, ни Щеголева, и автором нового либретто выступил известный советский поэт Всеволод Рождественский. В центре новой редакции оперы оказалась опять-таки любовь, только на этот раз Елены и Щепина-Ростовского, определенный парафраз истории любви Ивана Анненкова и Полины Гебль. Таким образом, то, на чем в свое время настаивали Толстой и Щеголев, оказалось реализованным в другое время.

В заключение нельзя не обратить внимания на один «черный» эпизод в истории этого творческого содружества историка и писателя: их участие в составлении и публикации подложного «Дневника Вырубовой»¹³⁹.

В момент работы над пьесой «Заговор императрицы» Толстой выступил в печати со своим видением образа Вырубовой, дав ему довольно нелюбезную характеристику¹⁴⁰.

Щеголевым, как обычно, была подобрана груда материала о Распутине и Анне Вырубовой, фрейлине последней русской императрицы. Этот материал высвечивал живые подробности, детали быта, даже слухи, которые носились тогда повсюду, — все это не могло не взбудоражить творческого порыва обоих авторов. Их не остановило даже то обстоятельство, что сама А.А. Вырубова уже в 1923 г. сумела опубликовать в Берлине свои воспоминания «Страницы из моей жизни».

«Дневник» был почти сразу же разоблачен как очевидный подлог¹⁴¹, альманах «Минувшие дни» был закрыт.

Современные исследователи этой проблемы почему-то главным «виновником» этой фальсификации считают только Щеголева, мотивируя это тем, что «перо фальсификатора находилось в руках историка-профессионала, не только прекрасно ориентированного в фактах и исторических источниках... но и владевшего соответствующими профессиональными навыками. Уже первые критические выступления указывали на... П.Е. Щеголева». В конце-концов критик был вынужден признать, что «в этом трудно усомниться и сейчас, хотя документальных подтверждений этой догадки до сих пор обнаружить не удалось»¹⁴².

Таковы основные вехи и итоги творческого содружества двух замечательных представителей русской культуры — историка Павла Елисеевича Щеголева и видного русского и советского писателя Алексея Николаевича Толстого.

В 1931 г. Толстой, в соавторстве с П.С. Сухотиным, поэтом, беллетристом и драматургом, пишет пьесу «Это будет». В основе пьесы — Омский переворот Колчака в ноябре 1918 г. и завершение эпопеи опять же в ноябре 1919 г., то есть Сибирская колчаковщина. Авторы первоначально публикуют повесть «Записки Мосолова»¹⁴³, а в 1931 г. саму пьесу, уже под названием — «Это будет». Главное действующее лицо — Мстислав Мосолов-Дмитриев, адъютант Колчака, на самом же деле — человек, преданный революции и действующий в тесном контакте с большевистским подпольем. Пьеса никогда не ставилась на сцене.

Толстого начинает интересовать ленинская тема, и он пишет пьесу «Путь к победе», которая и была поставлена в 1938 г. в театре Вахтангова, но успеха не имела.

Одновременно Толстой начинает работу, совместно с будущим академиком И.И. Минцем, над киносценарием, посвященном Георгию Константиновичу (Серго) Орджоникидзе и годам Гражданской войны на Кавказе. Сценарий был готов, но фильм не был поставлен, что, несомненно, объяснялось обстоятельствами смерти Орджоникидзе в 1937 г.

Вклад Толстого в художественное осмысление отдаленных исторических эпох нашей отечественной истории, несомненно, велик. Некоторые его произведения (роман «Хлеб», дилогия «Иван Грозный» и пьеса «Путь к победе») оценивались критически. Но эта критика была не столько литературоведческой, сколько идеологической — за переделку в угоду режиму, за откровенную конъюнктуру, за научную наивность. Некоторые исследователи в этой связи считают возможным рассматривать и роман «Петр I» как произведение, продиктованное велением времени, апологией сталинизма, что является, на наш взгляд, неоправданной натяжкой. В то же время не все в его толковании может быть принято, с некоторыми высказываниями можно не согласиться, но требовать от писателя, даже такого масштаба, как Толстой, всего и вся невозможно. Необходимо учитывать, что многое в его соображениях следует рассматривать с учетом требований исторической конкретики того времени, а посему нельзя предъявлять требования в свете сегодняшних открытых истин.

- ¹ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. — М.: Гослитиздат, 1949. — Т. 13. — С. 511.
- ² *Его же.* Мой путь // Там же. — М.: Гослитиздат, 1951. — Т. 1. — С. 88. Эта краткая автобиография была написана по просьбе отдела кадров АН СССР и впервые опубликована в журнале «Новый мир» (1943. — № 1, январь).
- ³ См.: Эпопея: журн. — Берлин: Геликон. 1922. — № 2.
- ⁴ См.: *Есинов Г./В.Я.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиновым. — СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861. — [Т. 1]. — [4], 656 с.; *Новомбергский Н./Я.Я.* Слово и дело государевы: процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. — Томск: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. — Т. 2: Материалы. — [2], 234 с. — (Известия Имп. Томского университета; кн. 35).
- ⁵ См.: *Забелин И./Е.Я.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. — 3-е изд. с доп. — М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895. — Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. — Гл. 5.
- ⁶ *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 30. — С. 25.
- ⁷ См.: А.Н. Толстой: материалы и исследования. — М.: Наука, 1985. — С. 154.
- ⁸ См.: Вечерняя жизнь. — 1918. — 16 апр. (№ 22).
- ⁹ А.Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 411.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Об этом см.: Творчество А.Н. Толстого: сб. ст. — М., 1957. — С. 217—222.
- ¹² См.: *Толстой А.Н.* Навождение: рассказы 1917—1918 гг. — [Одесса]: Южно-Рус. о-во печатного дела, 1919. — [6], 166, [1] с. Первоначальное название «Лунный свет»; перепечатывался во всех последующих изданиях писателя именно под заглавием «Наваждение».
- ¹³ См.: *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — Т. 13. — С. 567—568.
- ¹⁴ Известно, что свою поэму «Полтава» А.С. Пушкин посвятил М.Н. Раевской-Волконской, у которой также была большая разница в летах с мужем, С.Г. Волконским, в 17 лет. Не является ли это обстоятельство определенной перекличкой поэмы и реальных лиц?
- ¹⁵ Впервые опубли.: Скрижаль / [ред. Д. Марьянов]. — [Пг.: тип. «Дом печати»], 1918. — Сб. 1. — 219 с. Выходила отдельными изданиями и включалась во все издания произведений Толстого.
- ¹⁶ *Корб И.-Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / пер. и примеч. А.И. Малеина: с прил. 19 рис. на отд. л. и указателей. — СПб.: А.С. Суворин, 1906. — [2], XII, [8], 322 с., 19 л. ил.; *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, 1721—1725 / пер. с нем. И.Ф. Аммона. — Новое изд., с доп. примеч. — М.: Унив. тип., 1902—1903. — Ч. [1]—4. Загл. в 3—4 ч. доп. словами: ...веденный им в России в царствование Петра Великого; *Юль Юст.* Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709—1711). Извлек из Копенгагенск. гос. архива и перевел с датск. Ю.Н. Щербачев. Примеч. заимствованы у Г.Л. Грове. — М.: Унив. тип., 1899 [обл. 1900]. — [2], X, 599 с., 1 л. ил.
- ¹⁷ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче, 1682—1694. Сочинение князя Б.И. Куракина: [собственноручная рукопись князя Бориса Ивановича Куракина в архиве кн. Ф.А. Куракина в с. Надеждине, Гага—Париж, 1723—1727] // Архив князя Ф.А. Куракина. — СПб., 1890. — Кн. 1: Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина (1676—1727). — С. 39—78.
- ¹⁸ *Платонов С.Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. — Л.: Время, 1926. — С. 3—9.
- ¹⁹ Внимание академика С.Ф. Платонова к творчеству Толстого вскоре получило неожиданное продолжение, когда он находился под следствием в 1930 г., о чем и рассказал впоследствии литературовед, критик Иванов-Разумник. Следователь Лазарь Коган предложил Платонову экземпляр только что вышедшей пер-

- вой части романа «Петр I», с которым последний еще не успел ознакомиться. Следователь попросил подследственного дать свое заключение «с исторической точки зрения». Итог — Платонов «нашел до тысячи мелких и крупных ошибок против исторической истины». Критик, правда, при этом замечает, что «конечно, роман — не историческое исследование, но все же факт характерный». Об этом эпизоде поведал тот же Лазарь Коган своему новому подследственному Иванову-Разумнику. Следователь был расстрелян в 1937 г., а с ним пропали и следы рукописи Платонова. См.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 69—70.
- ²⁰ См.: *Толстой А.* Сцены из трагедии «Петр I» // *Красная новь*. — 1929. — № 1, январь. С. 32—46; опублик. полностью: *Толстой А.Н.* На дыбе (Петр I): пьеса в 12 картинах // *Собр. соч.* — М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. — Т. 14.
- ²¹ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до ведения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях, 1703—1782. — СПб.: тип. Глазунова, 1884. — XXIII, 848, 243 с.
- ²² *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго. Изданные трудами и иждивением Феодора Туманскаго. — Во граде св. Петра: Печ. у Шнора, 1788—1788. — 8°. — Ч. 1—10.
- ²³ Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. : Намечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленых собственною рукою его императорскаго величества. — Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1770—1772. — 4°. — Ч. 1. — 1770. — [7], 460 с.; Ч. 1. — 1770. [7], 460 с.
- ²⁴ *Неплюев И.И.* Записки, 1693—1773. — Новое полн. изд., с примеч. — СПб.: А.С. Суворин, 1893. — 197 с.
- ²⁵ *Толстой П.А.* Путешествие стольника П.А. Толстого // *Русский архив*. — 1888. — [Т.] 2. — С. 161—204; [Т.] 3. — С. 321—368; [Т.] 4. — С. 505—552; [Т.] 5. — С. 5—62; [Т.] 6. — С. 113—156; [Т.] 7. — С. 225—264; [Т.] 8. — С. 369—400.
- ²⁶ *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 87.
- ²⁷ *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1960. — Т. 9. — С. 413.
- ²⁸ *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 575.
- ²⁹ Там же. — С. 87.
- ³⁰ Иванов-Разумник, говоря о положительном отношении Сталина к пьесе, ссылается на слова руководителя МХАТа-2 И.Н. Берсенева: «Прекрасная пьеса. Жаль только, что Петр выведен недостаточно героически». См.: *Иванов-Разумник*. Указ. соч. — С. 70—74. В.П. Крымов (1878—1968) — известный писатель и журналист русского зарубежья, один из немногих близких друзей писателя, свидетельствовал в своих воспоминаниях: «Толстого долго травили, пока не вмешался в дело “хозяин”, то есть Сталин. Травля сразу прекратилась и больше никто его не трогал, а даже наоборот, выдвигали» (*Крымов В. А.Н.* Толстой без ретуши // *Мосты: лит.-худож. и обществ.-полит. альманах*. — München, 1961. — № 7. — С. 370).
- ³¹ *Новый мир*. — 1935. — № 1.
- ³² *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1960. — Т. 9. — С. 769.
- ³³ Опублик.: *Молодая гвардия*. — 1938. — № 3.
- ³⁴ См.: *Новый мир*. — 1929. — № 7—11; 1930. — № 2—8, 11, 12; 1933. — № 1—4; 1944. — № 3, 6—9; 1945. — № 1.
- ³⁵ См., напр.: *Серов С.* О романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // *Толстой А.Н.* Петр Первый. — М.: Худож. лит., 1985. — С. 5—24; *Щербина В.* А.Н. Толстой // *Толстой А.Н.* Петр Первый. Кн. вторая и третья. — М.: Моск. рабочий, 1980. —

- С. 375—414; *Петров С.М.* Русский советский исторический роман. — М.: Современник, 1980. — 416 с.; и др.
- ³⁶ *Рассадин С.* Советская литература: побежденные победители: почти учебник. — М.: Новая газета; СПб.: ИНАПРЕСС, 2006. — С. 137.
- ³⁷ *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 7. — С. 838.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. — С. 638.
- ⁴⁰ *Толстой А.Н.* Полн. соч. соч. — [М.], 1946. — Т. 9. — С. 785.
- ⁴¹ *Семевский М.И.* Семейство Монсов, 1688—1724: очерк из русской истории М.И. Семевского. — СПб.: тип Э. Праца, 1862. — [4], 204 с. — Отг. из журн. «Время», 1862, № 2—6. 2-е изд.: *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, 1692—1724. — Изд. 2-е, пересмотр. и доп. — СПб.: ред. журн. «Рус. старина», 1884. — IV, 344, XII с., 7 л. ил. — (М.И. Семевский. Очерки и рассказы из рус. истории XVIII в.; в. 3).
- ⁴² *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1958. — Т. 4. — С. 179.
- ⁴³ Невилль Фуа де ла (1649—1706) — французский посол, прибывший в Россию с секретной миссией. Эти записки были впервые изданы в Париже в 1698 г., а в 1891 г. опубликованы в русском переводе А.И. Браудо в журнале «Русская старина». См.: *Neuvill Foy de la.* Relation curieuse, et nouvelle de Moscovie. Contenant, l'état présent de cet Empire. Les expéditions des Muscovites en Crimée, en 1689. Les causes des dernières Révolutions. Leurs Mœurs & leur Religion. Le Récit d'un Voyage de Spatarus, par terre à la Chine. — Paris: Chez P. Aubouyn & Ch. Clouzier, 1698. — 230 p.; *Невилль де ла.* Записки де-ла Невилля о Московии, 1689 г. / пер. с фр. [и предисл.] А.И. Браудо // Русская старина. — 1891. — Сент. — С. 419—450; Ноябрь. — С. 241—281.
- ⁴⁴ *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 40 т. — Т. 7. — С. 788.
- ⁴⁵ См.: Воспоминания об А.Н. Толстом. — 2-е изд., доп. — М.: Сов. писатель, 1982. — С. 448.
- ⁴⁶ [*Майков П.М.* Предисловие к публикации «Дневник Патрика Гордона»] // Русская старина. — 1916. — Янв. — С. 129—139; *Гордон П.* : 1) Дневник Патрика Гордона / [сообщил П.М. Майков] // Там же. — Февр. — Май; Дек.; 2) Дневная записка генерала Патрика Гордона / [сообщил П.М. Майков] // Там же. — 1917. — Февр. — Июль—сент.; 1918. — Март—июнь — Окт.—дек.
- ⁴⁷ См.: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. — [М.]: Соцэкгиз, 1941—1948. — Т. 1—5.
- ⁴⁸ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. — СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е.и. вел. Канцелярии, 1858—1863. — Т. 1—4, 5 кн.; 1859. — Т. 6.
- ⁴⁹ София Ганноверская (1630—1714) — принцесса пфальцкая, курфюрстина (затем герцогиня) Брауншвейг-Люнебурга. Благодаря акту о престолонаследии являлась наследницей британского престола. Ее сын, Георг-Людовиг, курфюрст Брауншвейг-Люнебурга, стал королем Великобритании Георгом I (1660—1727) (с 1714). Последовавшая за этим личная уния между Великобританией и Ганновером длилась 123 года, вплоть до восшествия на престол королевы Виктории в 1837 г.
- ⁵⁰ Позже эта переписка была издана Отто Клопом. См.: *Leibnitz G.W.* Die Werke von Leibnitz gemäss seinem handschriftlichen Nachlasse in der Königlichen Bibliothek zu Hannover: Durch diu Munificenz ... des Königs von Hannover ermöglichte Ausgabe von O. Kloppe. Reihe I. — Hannover: S.n., 1864—1884. — 11 Bde.
- ⁵¹ *Номен Я.-К.* Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/1698 гг. и 1716/17 гг. / пер., введ. и примеч. В. Кордта. — Киев: [тип. С.В. Кульженко], 1904. — [4], 97 с.
- ⁵² Цит. по: *Павленко Н.И.* Петр Первый. — М.: Мол. гвардия, 1975. — С. 59. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 14 (1555)).

- ⁵³ Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски его королевского величества швейцарского. С первого Санктпетербургского 1713 года издания вторым тиснением напечатанная. — В Санктпетербурге: При морском шляхетском кадетском Корпусе, 1766. — [2], 193 с., 23 л. пл., 2 л. пояснений пл., 4°.
- ⁵⁴ См.: *Бассевич Г.-Ф.* Записки о России при Петре Великом, извлеченныя из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе голштинскаго герцога Карла Фридриха, женившегося на дочери Петра Великаго Анне Петровне / пер. с фр. И.Ф. Аммона. — М.: тип. Грачева и К°, 1866. — [2] с., 186 стб. — На 1-й с. обл. загл.: Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени Петра Великаго (1713—1725); [*Вебер Х.Ф.*]. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. — 1872. — [Вып.] 6. — Стб. 1057—1168; [Вып.] 7. — Стб. 1334—1457; [Вып.] 9. — Стб. 1613—1704; *Вильбоа Н.-П.* : 1) Краткий очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // Русский вестник. — 1842. — Т. 6, № 2. — С. 141—173 ; 2) Записки Вильбоа, современника Петра Великаго: материалы для русской истории / пересказ Г. Благосветлова // Общезанимательный вестник. — 1858. — Т. 2, № 4. — С. 186—194.
- ⁵⁵ *Андреев В.В.* Екатерина Первая // Осмнадцатый век: ист. сборник, издаваемый П. Бартеневым (издателем «Русского Архива»). — М.: тип. Т. Рис, 1869. — Кн. 3. — С. 1—26.
- ⁵⁶ См.: *Щанов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: опыт ист. исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. — Казань: И. Дубровин, 1859. — [4], 547 с.; *Есупов Г.* Указ. соч.
- ⁵⁷ Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг. веденный состоявшем при великом государе посольстве русском, к владетелям разных стран / [сообщение с примечаниями И.Ф. Горбунова] // Русская старина. — 1879. — Т. 25, май. — С. 101—132.
- ⁵⁸ *Желябужский И.А.* Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. — СПб.: тип. Имп. Рос. акад. наук, 1840. — [4], IV, 314, [31] с.
- ⁵⁹ *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом: [достопамятные повествования и речи Петра Великаго] / [обработ. и доп. А.А. Нартов; ред., вступ. ст. и примеч.] Л.Н. Майкова — СПб.: тип. Акад. наук, 1891. — XX, 138 с. — (Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук; Т. 52, № 8).
- ⁶⁰ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. — СПб.: Археогр. комис., 1884—1893. — 4 т.). Между прочим, Шакловитый стал основателем рода Шегловитых, последний представитель которого Иван Григорьевич Шегловитов (1861—1918), министр юстиции при Николае II, был расстрелян по распоряжению ВЧК.
- ⁶¹ См.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист, 1682—1725. Изд. 4-е // *Семевский М.И.* Слово и дело! 1700—1725. — Изд. 3-е, вновь пересмотр. — СПб.: тип. В.С. Балашева; ред. журн. «Рус. старина», 1885. — С. 279—338.
- ⁶² См.: Архив, или статейный список, московского посольства, бывшаго во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). — Л., 1972. — С. 31—236.
- ⁶³ См.: *Майер И., Шамин С.М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. — 2011. — № 5. — С. 95, 107.

- ⁶⁴ См.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. — СПб.: [тип. II отделения СЕИВ канцелярии], 1863. — Т. 4: Битва под Нарвою и начало побед, ч. 1. — С. 313—314.
- ⁶⁵ См.: «Неоценимый подарок»: переписка Пастернаков и Ломоносовых, 1925—1970 // *Минувшее: ист. альманах.* — М.: СПб., 1994. — [Т.] 16. — С. 165. Раиса Николаевна Ломоносова (1888—1973) — жена известного железнодорожного специалиста, с 1922 г. жила в Берлине, где создала Бюро для ознакомления западного читателя с новинками советской литературы.
- ⁶⁶ *Иванов-Разумник.* Указ. соч. — С. 69.
- ⁶⁷ *Бахрах А.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. — М., 2005. — С. 156.
- ⁶⁸ *Степун Ф.Ф.* Бывшее и несбывшееся. — М., 1998. — С. 229.
- ⁶⁹ *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. — М., 1991. — Т. 2. — С. 128—129.
- ⁷⁰ Фрагменты киносценария: 1) «Казнь Алексея» (Литературная газета. — 1933. — 10 июня (№ 32); 2) «Измена Алексея» (Литературный Ленинград. — 1933. — 14 июня (№ 32)); 3) «Петр Первый: отрывок из сценария» (Резец: двухнедельный лит.-худож. журн. — Л., 1935. — № 12); 4) «Петр Первый: киносценарий» ([М.]: Кинофотоиздат, 1935. — 128 с. — (Драматургия кино)); 5) «Постройка форта в Кронштадте» (Вечерняя Москва. — 1937. — 19 июля); 6) «Петр Первый: сценарий 2-й серии фильма «Петр I»» (Молодая гвардия. — 1937. — № 8). Опубл. полностью: *Толстой А., Петров В., Лещенко Н.* Петр Первый: киносценарий. — М.: Госкиноиздат, 1938. — 172 с.
- ⁷¹ *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 10 т. — Т. 1. — С. 349—350.
- ⁷² *Его же.* Собр. соч. — Т. 9. — С. 788.
- ⁷³ См.: Октябрь. — 1943. — № 11/12; Большевик. — 1944. — № 10/11.
- ⁷⁴ *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 88.
- ⁷⁵ См.: Правда. — 1945. — 30 мая (№ 129); Известия. — 1945. — 30 мая (№ 125); Литературная газета. — 1946. — 3 авг. (№ 32).
- ⁷⁶ Об этом см.: *Черкасов Н.К.* Записки советского актера. — М.: Искусство, 1953. — 392 с.
- ⁷⁷ См.: *Бородин С.* // Литература и искусство. — 1943. — № 30; *Костылев В.* // Октябрь. — 1943. — № 8/9. — С. 261—263.
- ⁷⁸ Об этом см.: *Зимин А.А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки, 1971: историогр. ежегодник. — М., 1973. — С. 351—376.
- ⁷⁹ См.: Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого / предисл. С.О. Шмидта; подгот. к печ. К.А. Аверьянов // Археологический ежегодник за 1988 год. — М., 1989. — С. 296—313.
- ⁸⁰ *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — М.: Гослитиздат, 1953. — Т. 15. — С. 373.
- ⁸¹ *Виннер Р.Ю.* Иван Грозный. — [М.]: Дельфин, 1922. — 16 с.
- ⁸² *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. — М.: ОГИЗ гос. изд-во полит. литературы, 1942. — 73, [3] с.
- ⁸³ *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. — Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1923. — 160 с. — (Образы человечества)
- ⁸⁴ *Садиков П.А.* : 1) Из истории опричнины // Исторический архив. — М.; Л., 1940. — Т. 3. — С. 111—330; 2) Царь и опричник: (Иван Грозный и Василий Грязной и их переписка 1574—1576) // Века. — Пг., 1922. — Ч. 1. — С. 73—78.
- ⁸⁵ *Полосин И.И.* Западная Европа и Московия в XVI в. // *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: записки немца опричника. — М., 1925. — С. 9—13.
- ⁸⁶ См.: *Форстен Г.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). — СПб.: тип. В.С. Балашева и К^о, 1893. — Т. 1: Борьба из-за Ливонии. — XV, 717 с.

- ⁸⁷ См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. — 63 с.; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца опричника / пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. — [Л.]: М. и С. Сабашниковы, 1925. — 183 с.; Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / пер. и вступ.ст. М. Рогинского под ред. Ю.В. Готье // Русский исторический журнал. — 1922. — Кн. 8. — С. 8—59; Флетчер Дж. О государстве русском. — СПб.: Суворин, 1905. — XXII, 138 с.
- ⁸⁸ См.: Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви: ист. очерк и Жития сих подвижников благочестия / Покровского и Василия Блаженного, в Москве, собора ключарь священник Иоанн Ковалевский. — М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1895. — 276 с.
- ⁸⁹ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 357.
- ⁹⁰ Археографический ежегодник за 1988 год. — С. 302.
- ⁹¹ Рабочий и театр. — 1926. — № 14 (81). — С. 7.
- ⁹² Толстой А.Н. Собр. соч. — Т. 9. — С. 780.
- ⁹³ Археографический ежегодник за 1988 год. — С. 306.
- ⁹⁴ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. — Т. 13. — С. 593.
- ⁹⁵ Титкина Т.С. Об исторической правде в диалогии А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. / ЛГУ. Сер. филол. — 1959. — № 275, вып. 53. — С. 61.
- ⁹⁶ Веселовский Т.Т. Диалогия А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. — 1958. — Т. 184, вып. 6.
- ⁹⁷ Ромашов Б. Драматург и театр: статьи, выступления, очерки. — М.: Искусство, 1953. — С. 464.
- ⁹⁸ Ленобль Г. Исторические деятели и народная правда // Литературная газета. — 1956. — № 93.
- ⁹⁹ Рассказ впервые опубликован: Женский журнал. — 1928. — № 7, 8. Цит.: Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1959. — Т. 4. — С. 166—179.
- ¹⁰⁰ См.: Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. — Т. 4. — С. 821.
- ¹⁰¹ См.: Зотов В.[Р.] Калиостро, его жизнь и пребывание в России // Русская старина. — 1875. — Т. 12, январь. — С. 50—83; Карнович Е. Калиостро в С.-Петербурге // Древняя и новая Россия. — 1875. — № 12. — С. 184—200.
- ¹⁰² Воспоминания об А.Н. Толстом. — Изд. 2-е, доп. — С. 119.
- ¹⁰³ См.: Бороздина П.А. А.Н. Толстой и театр. — 2-е изд. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. — 205 с.; Зверева Л.И. А.Н. Толстой — мастер исторической драматургии. — Львов: Вища школа: Изд-во при Львов. ун-те, 1982. — 159 с.; а также упоминавшиеся выше статьи Т.Т. Веселовского и Т.С. Титкиной.
- ¹⁰⁴ Толстой А.Н. Смерть Дантона. — Берлин, 1923. — С. 2.
- ¹⁰⁵ См.: А.Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 358.
- ¹⁰⁶ См.: Толстая Е. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917—1923). — М., Изд-во РГГУ, 2006. — 685 с.
- ¹⁰⁷ Громов Гл. Любовь книжка золотая. — СПб.: в тип. при Губ. правлении, 1798. — [2], IV, [9], 292 с.
- ¹⁰⁸ См.: Мамаев Г.А. Из творческого наследия комедии А.Н. Толстого «Любовь — книга золотая» // Русская литература. — 1967. — № 2. — С. 143—144.
- ¹⁰⁹ Жизнь искусства. — 1924. — № 53. — С. 11—13.
- ¹¹⁰ Черный М. Встречи с Алексеем Толстым // Вопросы литературы. — 1967. — № 2. — С. 143.
- ¹¹¹ Цит.: Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой. Жизнь и творчество: (краткий очерк). — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 158.
- ¹¹² Толстой А.Н. Полн. собр. соч. — Т. 13. — С. 206.
- ¹¹³ Жизнь искусства. — 1924. — № 53. — С. 11.
- ¹¹⁴ См.: Вечерняя Москва. — 1927. — 15 марта.

- ¹¹⁵ *Бецкий К., Павлов П.* Русский Рокамболь: (приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова). — Л.: Былое, 1925. — 240 с. — (Царская Россия). 2-е изд.: Л.: Прибой, 1927. — 110 с.
- ¹¹⁶ Жизнь искусства. — 1924. — № 53. — С. 11.
- ¹¹⁷ Красная газета. — Петроград, 1924. — 29 дек. (№ 314). Веч. вып.
- ¹¹⁸ Жизнь искусства. — 1925. — № 12. — С. 6.
- ¹¹⁹ *Монахов Н.Ф.* Повесть о жизни. — Л.: Большой драмат. театр, 1936. — С. 212.
- ¹²⁰ *Комаровская Н.В.* Виденное и пережитое: из воспоминаний актрисы. — Л.; М.: Искусство, 1965. — С. 198.
- ¹²¹ См.: *Смысловский Влад.* Мемуары артиста. Гл 59. URL: www.proza.ru/2011/09/03/2019 (дата обращения: 20.02.2018).
- ¹²² *Луначарский А.В.* Революция и искусство: в ответ на ст. «Искусство и революция» Н.Г. Смирнова // Собр. соч. — М., 1965. — Т. 7. — С. 479.
- ¹²³ Своими путями. — Прага, 1925. — № 8—9, Авг. — окт. — С. 1.
- ¹²⁴ *Иванов-Разумник.* Указ. соч. — С. 59.
- ¹²⁵ *Крестинский Ю.А.* Указ. соч. — С. 160.
- ¹²⁶ Цит.: *Варламов А.* Алексей Толстой. — М.: Мол. гвардия, 2008. — С. 341. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1211 (1011)).
- ¹²⁷ Об этом см.: *Емельянов Ю.Н.* П.Е. Щеголев — историк русского революционно-го движения. — М.: Наука, 1990. — 255, [2] с.
- ¹²⁸ См.: *Блок А.А.* Последние дни старого режима // Былое. — Пг., 1910 (1920). — № 15. С. 3—50; переизд.: *Блок А.* Последние дни императорской власти. По неизд. документам сост. А. Блок. — Пб.: Алконост, 1921. — 168 с.
- ¹²⁹ К этой идее обратились на Мосфильме в 1956 г. Было решено, что фильм будет ставить Анатолий Эфрос, но руководство студии наложило *вето* на этот замысел и определился замысел будущего фильма Э. Климова «Агония», осуществление которого претерпевало также существенные трудности.
- ¹³⁰ [*Павлов-Сильванский Н.Н.*] Азеф в изображении Щеголева // Каторга и ссылка. — 1926. — № 5. — С. 24. — Подп.: Историк.
- ¹³¹ Азеф. Статьи Павла Щеголева, Ал. Толстого, А.Н. Лаврентьева, Вл.Ал. Шуко: [к постановке новой пьесы А. Толстого, П. Щеголева]. — Л.: Academia, 1926. — С. 14.
- ¹³² [*Павлов-Сильванский Н.П.*] Указ. соч. — С. 25.
- ¹³³ Цит.: *Варламов А.* Указ. соч. — С. 343, 573.
- ¹³⁴ Вечерняя Москва. — 1926. — 13 февр.
- ¹³⁵ *Толстой А.* Полина Гебль (Декабристы): драматическая поэма // Новая Россия. — СПб., 1926. — № 1, Янв. — С. 25—58. Перепечат.: *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. 11. — С. 505—542.
- ¹³⁶ *Ивановский А.В.* Воспоминания кинорежиссера. — М.: Искусство, 1967. — С. 61.
- ¹³⁷ *Толстой А.Н.* Начало жизни // Нева. — 1971. — № 7. — С. 123—124.
- ¹³⁸ Жизнь искусства. — 1926. — № 2 (1081), 12 янв. — С. 10.
- ¹³⁹ См.: Минувшие дни: иллюстрир. ист. альманах: прил. к веч. вып. «Красной газеты». — Л., 1927. — 1 (Дек.) — С. 5—76; Л., 1928. — 2 (Янв.). — С. 73—108; 3 (Февр.). — С. 89—120; 4. — С. 87—124.
- ¹⁴⁰ Красная газета. — 1926. — № 57. Веч. вып.
- ¹⁴¹ См.: *Горин П.О.* Об одной вылазке бульварщины // Правда. — 1928. — 11 марта; Вечерняя Москва. — 1928. — 13 марта; *Сергеев А.А.* Об одной литературной подделке: (Дневник А.А. Вырубовой) // Историк-марксист. — 1928. — № 8. — С. 160—172.
- ¹⁴² *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио: подлог письменных источников по рос. истории в XX в. — М.: РОССПЭН. 2001. — [Гл.]: Литературное изнасилование А.А. Вырубовой. — С. 48.
- ¹⁴³ Красная новь. 1931. № 5—8. В № 8 имеется примечание: «Конец первой части», но продолжения не последовало.

Н.Ф. Бугай

Репрессированные граждане России: художественный образ и исторические реалии

В статье рассмотрен вклад историков и литераторов в изучение проблемы принудительных переселений этнических общностей на территории Союза ССР в 1930—1940-е годы. Через архивные документы, индивидуальное восприятие действительности историками, поэтами и писателями прослеживается не только процесс депортации, но, главное, — отражение этой стороны жизни советских людей в общественном сознании, отношение к подобным акциям и их оценка. Показана роль историков и писателей в формировании самосознания и национального сознания граждан в условиях экстремальной обстановки в государстве, связанной с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: национальная политика; репрессии; национальная идентичность; национальные конфликты; депортация; этнические меньшинства; интеллигенция; история; художественная литература; Великая Отечественная война.

N.F. Bugay

Repressed Russian citizens: artistic image and historical realities

The article analyses the historians' and writers' and poets' contribution to researching the soviet citizenry deportation in the USSR in 1930—1940. On the basis of the archive documents they show not only the process of deportation, but represent the reflection of this phenomenon in the soviet people's mentality. There are also represented the soviet historians and writers' role in forming of national identity and self-consciousness under the extreme conditions of the Great Patriotic War.

Keywords: national policy; repressions; national identity; national conflicts; deportation; ethnic minorities; intellectuals; history; literature; Great Patriotic War.

Дальнейшая демократизация российского общества позволяет выявлять все новые стороны особенно острых проблем процесса выстраивания отношений в многонациональном государстве. Это не прихоть историков, обществоведов, это насущная потребность общества, желание и необходимость иметь ответы на волнующие вопросы, это стремление граждан знать историю своей страны, малой родины, знать о тех ее этнических общностях, гражданах, кто был подвергнут суровым испытаниям, как, например, депортация, что имело

тяжелые последствия в социальном и моральном плане, и сохранить их социальную память.

Депортация этнических общностей на территории Советского Союза в 1930—1950-е годы (около 3,5 млн. человек) была логическим продолжением отстроенной системы, выработанных государственным аппаратом технологий запугивания советских граждан, управления межэтническими отношениями.

Подобные жесткие меры со стороны правительства Советского Союза по отношению к народам своей страны наносили удар прежде всего по консолидации общества, его устоям. Снижался уровень взаимодействия по вектору «народы и власть». С деформациями шел процесс формирования самосознания, национального сознания. Подвергалась тяжким испытаниям дружба народов. Весьма пошатнулся авторитет власти, который держался в основном на штыках, приказе, грозном постановлении, указе, даже окрике.

Отступали на задний план конституционные нормы выстраивания жизни в многонациональном сообществе, что не могло не расшатывать скрепы государства. Весьма ущемленной была государственная идеология и, как ее составляющая, государственная национальная политика.

В сложившихся условиях шатким было положение интеллигенции, в первую очередь творческой, — ее призвание и заключалось в том, чтобы защищать и отстаивать идеи партии и правительства в то сложное для государства время. Конечно, эти идеи должны были соответствовать настроениям в обществе, интересам народов, населяющих государство.

Вне сомнения, непоследовательность мер со стороны советского правительства в 1920—1950-е годы, в том числе, связанных с депортацией народов, нанесли урон государственной политике в целом, не говоря уже о таком факторе развития общества, как национальный.

Сразу после установления советской власти акты принудительных переселений, высылки были совершены по отношению к казачеству (особенно преуспели в этом в Терском, Кубанском и Донском казачьих войсках). Через некоторое время такие же меры были предприняты в отношении «социально чуждых элементов», тех граждан, кто не стремился к объединению в колхозы, затем последовала расправа с военными...

Репрессии, затронувшие партийные, государственные, военные и хозяйственные кадры, повсеместно привели к деформации

общественного сознания. Изменялась его социальная основа, поощрялось двурушничество, осведомительство, доносы, угодничество. Пришли новые руководящие кадры, выступившие на страже сталинского тоталитарного режима — власти с иной технологией управления социальными процессами в обществе, далекой от провозглашенных принципов формирования демократического государства.

В связи с этим писатель Борис Пак в своем очерке «Потомки страны Белых аистов»* (Ташкент, 1990) писал:

Произвол недоверия шел из Кремля.
На соседа сосед доносил, как предатель.
От насилья и крови стонала земля.
Но судить продолжал всех сам «вождь-председатель!»¹

Эта проблема волновала и народного писателя Исмаила Семенова (Кабардино-Балкарская АССР). Затрагивая проявление жестокости власти, он писал: «...На каждом шагу доносчик сидит, Притаился и зорко за нами следит»².

Подобные действия со стороны правительства по-разному воспринимались гражданами страны, различными слоями общества. В этом плане не являлась исключением и интеллигенция, связанная с духовной сферой общества, с формированием самосознания граждан, их национального сознания.

Особое положение занимали репрессированные народы и отдельные граждане, которым подобной политикой был причинен моральный ущерб. Последствия его оказались гораздо ощутимее по сравнению с материальным фактором, положением репрессированных граждан в обществе. Их жизнь в условиях изгнания, вынужденного проживания вдали от исторической родины, в сложной обстановке, обусловленной как военным временем, так и действиями местных органов власти, теми жесткими формами и методами, которыми осуществлялось управление национальными процессами, определялась специальными постановлениями, указами, действием структур ОГПУ-НКВД СССР в 1920—1950-х годах.

Как справедливо замечает Ф.С. Эфендиев, «это не могло не повлиять на их (репрессированных граждан. — *Н.Б.*) мир культуры,

* Потомками страны Белых аистов издавна называют корейцев в древних летописных книгах Востока, поясняет Б. Пак название своего очерка.

то есть предметно развернутых человеческих способностей, определенной деятельности, на масштабы демографических изменений, на формирование самосознания, на процесс изменения национального сознания и нравственности людей»³.

В связи с этим нельзя не согласиться с известным исследователем драматургии В. Волькенштейном, призвавшим более глубоко постигать «технологии драмы», отмежевываясь от поверхностных оценок («сталинско-бериевский режим» и прочее)⁴.

Определенный интерес представляет также проблема места и роли национальной интеллигенции, в первую очередь творческой, особенно художников слова, прошедших испытания вместе со своими народами.

Так сложилось, что у писателей было больше возможностей обращаться к сложной социальной проблеме принудительного переселения по сравнению с историками, обществоведами. Что касается обществоведов, то они крайне редко обращались к этой теме, ставя своей конечной целью дать в самых общих чертах объяснение событий 1920—1940-х годов, связанных с переселением народов и отдельных групп населения, принадлежавших к разным этническим общностям. В архивохранилищах страны документы по этой теме длительное время находились под запретом, доступ к ним был закрыт.

Изучение этого сложного социального явления в государственной политике позволяет сделать вывод, что среди представителей разных направлений творческой интеллигенции (писатели — прозаики, поэты — и др.) не было единого мнения в оценках происходивших событий, возникавших трагических коллизий. При этом разноречивость во мнениях характерна для представителей творческой интеллигенции той или иной этнической общности, подвергшейся непосредственно репрессивному воздействию. Хотя в произведениях авторов, пишущих по данной проблеме, дается исчерпывающая характеристика этого периода в истории государства, своей республики, края, области, оценки действий государственного аппарата власти в отношении народов и граждан.

Ценно то, что именно творческой элитой общества во многом были определены и проблемы, малоизученные на тот период, ведь на изучение многих из них, как отмечалось, на длительное время было наложено «табу». Надо отметить, что историческая наука только в последнее десятилетие заметно продвинулась в их изучении.

Словом, попытки развернуть изучение проблемы во всем ее объеме не приветствовались. Да и как они могли приветствоваться.

Ведь тогда надо было в срочном порядке ставить вопрос о соотношении власти и жестоких и безнравственных методов ее завоевания и удержания. Как заметил по этому поводу болгарский драматург и литературный критик Орлин Стефанов, с «последующими возникающими уколами совести, раскаяния за тягчайшие преступления»⁵. А именно так это и было вследствие величайших трагедий подобного рода, имевших место в совершенно разные эпохи.

Не изучался вопрос о депортации народов, включая такие многочисленные, как русский, немецкий, калмыцкий, ингушский, чеченский, балкарский и другие. Не всегда были правильными, а иногда носили искаженный характер политические оценки этих процессов в жизни советских этнических общностей. Например, в постановлении ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» вопреки исторической правде утверждалось, что «чеченцы и ингуши являлись помехой для установления дружбы народов Северного Кавказа еще в годы борьбы за власть Советов»⁶.

Отдавая пальму первенства в постановке и продвижении изучения исследуемой темы представителям писательского фронта, в настоящей статье предпринята попытка рассмотреть существующие сегодня подходы в освещении темы в целом, выявить оценки тех событий, которые были даны литераторами, в том числе и моральному состоянию народов, граждан, подвергшихся со стороны режима власти разным притеснениям в условиях депортации. В этом плане важен и анализ мер, предпринимавшихся действовавшим тогда институтом спецкомендатур.

По нашему мнению, писатели и определили изначальные направления исследования этой сложной научной темы, стремясь к их правдивому художественному отображению. Этот вывод подтверждает проведенный частично анализ имеющегося, далеко не полного перечня прозаических и поэтических произведений, в которых в той или иной степени затрагивалась рассматриваемая тема, что, однако, позволяет представить события в целом.

Несомненно, прежде всего обращено внимание на то, как сам художник понимает эту проблему, каково его отношение к событиям, государству, власти, личности. Безусловно, мнения разнятся. В первую очередь это определяется национальной принадлежностью самого автора произведения, вместе с тем всех их объединяет стремление к объективному показу, точности воспроизведения исторического процесса, хотя для поэтических произ-

ведений характерным остается все-таки эмоциональный фактор, в основном демонстрация трудностей, переносимых репрессированными гражданами, что объяснимо и понятно.

Для авторов художественных произведений, кого непосредственно не затронули репрессии по национальным приказам, характерны все же более глубокие оценки событий, стремление к достоверности в их освещении, сопереживание, что также естественно и понятно, заслуживает признания, уважения и одобрения. Они пытаются создать национальные образы мира в годы вынужденной разлуки с отчим краем. Свое отношение, свою боль по родине, которую у них отняли, им приходилось во многом укрывать между строк своих произведений. Это, кстати, отмечают многие исследователи творчества прозаиков и поэтов, имеющих отношение к рассматриваемой теме⁷.

Правда, это вовсе не означает, что имеющиеся точки зрения на сей счет должны во всем совпадать. Все они имеют право на жизнь. Конечной же целью оценок, анализа является призыв не допускать в государственной политике регулирования процессов в обществе и особенно в сфере национальной политики отступлений от конституционных норм, не нарушать общепринятых правил строительства многонационального государства, нашедших отражение в Основном законе государства — Конституции Российской Федерации, не нарушать установленных норм и правил в отношениях между народами, населяющими страну.

Позиция в данном случае должна быть однозначной, базирующейся на принципах историзма, сбалансированной подачи материалов, учета интересов всех народов, подвергшихся репрессивным воздействиям, как и заинтересованности государства в стабилизации общества, сохранении целостности государства, обеспечении функционирования права в выстраивании общественных отношений.

Попыток обобщить эту сторону проблемы предпринималось мало, положение стало меняться к лучшему только в последние годы. Необходимо отметить трехтомник материалов под общим заглавием «Так это было», собранных и относительно систематизированных, с учетом исследовательских наработок литературоведческой и исторической наук литературоведом С.У. Алиевой⁸.

Основу сборника составили фрагменты из известных работ историков, отрывки из литературных произведений, выступлений партийных, государственных и общественных деятелей, извлече-

ния из государственных документов, воспоминаний. С.У. Алиева определяет принудительное переселение как меру, осуществляемую государственной властью по национальному признаку.

На наш взгляд, определение носит несколько искусственный характер. Все-таки, эта акция осуществлялась в государстве в 1930—1950-е годы, да и ранее, в большей мере по политическому признаку, с единственной целью удержать власть прежде всего в руках тех, кто ее осуществлял. Именно эту цель, по нашему мнению, преследовали в ту пору в своих планах, а также и в практических действиях и Иосиф Сталин, и его окружение.

Несомненно, оценка литературоведа С.У. Алиевой имеет право на жизнь, как и многие другие точки зрения по этому вопросу. Однако если по итогам переписи 1939 г. в Советском Союзе насчитывалось 64 этнические общности, из них выселению подверглись, в том или ином количестве, представители 61 этнической общности, включая и русскую, то «национальный признак» не играет существенной роли.

Таким образом, с легкой руки литературоведа С.У. Алиевой, стал дискутироваться вопрос «о депортациях по национальному признаку», без необходимого на то должного научного анализа, комментария, и подхваченный, уже с попыткой научных толкований, ученым-географом П. Поляном, затем политологом Л.Л. Хоперской, которая также полагает, что «репрессии проводились именно по этническому признаку». По мнению Л.Л. Хоперской, И. Сталин вынужден был «признать этническую субъектность, но обернул это признание против самих народов, попытавшись уничтожить их именно как субъектов»⁹. На уровне официальных документов утверждался принцип коллективной ответственности этнических групп, которые «навечно выселялись в Среднюю Азию и Казахстан». В научном плане вопрос можно оставить в числе дискуссионных.

Не мог обойти его стороной в своем научном проекте, выдвинутом на соискание ученой степени доктора исторических наук, историк Х.-М.А. Сабанчиев¹⁰. Он акцентировал на этом вопросе особое внимание посредством анализа работ своих предшественников. В этом конкретном случае, по моему мнению, более точными являются суждения, высказанные Т.М. Мухотровой¹¹. Х.-М.А. Сабанчиев также поддерживает эту точку зрения. И в данной ситуации он прав. Нет оснований с уверенностью констатировать, что «сам факт принадлежности к тому или иному народу является поводом для выселения». Как правило, этнический фактор

был подкреплен дополнительными критериями социального характера, которые по своему значению расценивались как опасные для государства тенденции или обстоятельства. Примером этому как раз и являются сведения, приводимые диссертантом о выселении раскулаченных в 1930-е годы. Среди кулаков были люди разных национальностей. К спорным можно отнести утверждение Т.М. Мухотровой о наличии «депортационной политики» в государстве. Депортации можно рассматривать только как механизм осуществления государственной национальной политики.

В ходе исследования Х.-М.А. Сабанчиев выявляет признаки и принципы репрессивных миграций, что очень важно для представления проблемы в целом. По нашему мнению, назван главный из них — «установка на отрыв масс людей от устоявшейся и привычной среды обитания». В науке он известен больше как принцип приверженности к историческому месту проживания. Историки свидетельствуют, что нарушение этого принципа со стороны режима власти всегда приводило к дестабилизации в обществе, фактически полному разрыву по вектору «народы и власть», нанесению ущерба сформировавшемуся национальному сознанию, патриотизму и т.д.

Однако вызывает недоумение другое утверждение литературоведа С.У. Алиевой, которая замечала, что согласно официальной (государственной) исторической концепции, которую поддерживал до 1991 г. доктор исторических наук Н.Ф. Бугай, все национальные депортации в СССР были «вынужденными», то есть обстоятельства якобы вынуждали Сталина совершать над этносами насилие.

Конечно, подобное утверждение литературоведа требует определенного разъяснения и трактовки. В первую очередь было бы уместным назвать документ, в котором зафиксирована названная государственная «историческая концепция». Очевидно, имея в виду эту «концепцию», исследователи до сих пор не могут объяснить причины разного отношения к этим, проводимым государством в период войны 1941—1945 гг. мерам¹².

Что касается термина «вынужденное переселение» в 1940-е годы, то автором (Н. Бугай) оно рассматривалось с позиции принудительно переселявшихся народов¹³, а не государства и лично И. Сталина. Да, народы, в том числе, и калмыки, и карачаевцы в 1943 г. не знали, что нависло над ними. Они явно не изъявляли желания к переселению... Поэтому с позиции этих народов сам процесс переселения носил действительно принудительный, вынужденный характер.

Как правильно замечает по этому поводу Ш.С. Сулейменова, «эта трудовая армия принесла бы гораздо больше пользы своим трудом на родной земле, в привычных условиях... Депортация принесла экономические потери не только выселенным народам, но и явилась причиной экономических потерь для страны в будущем»¹⁴.

В документах НКВД СССР той поры существовало понятие «переселение по государственному заданию». Наверно, С.У. Алиева знает, кем готовились планы для этого «государственного задания», разрабатывался механизм, подавались на места соответствующие указания по его исполнению.

Далее, если рассматривать позицию со стороны государства в этом вопросе, то ни о каком факторе вынужденности не может быть и речи, такая форма переселения граждан носила принудительный характер. С позиции И. Сталина, что предлагает С.У. Алиева, эта сторона Н. Бугаем не рассматривалась и не оценивалась. Пока еще никто не объяснил, какие обстоятельства, по замечанию С.У. Алиевой, «вынуждали И. Сталина (и его приспешников) совершать над этносами насилие». К сожалению, научного, аргументированного ответа на этот вопрос в сборнике «Как это было», составленном С.У. Алиевой, не содержится.

Надо признать, что тема, изучаемая в настоящей статье, в последнее время привлекает интерес исследователей. Об этом свидетельствует и появление первых диссертационных работ по рассматриваемой проблеме, в частности, диссертационный проект, выдвинутый на соискание ученой степени кандидата филологических наук литературоведа Б.А.-Ю. Берберова «Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии» (Нальчик, 2002).

Этот ряд продолжает и научный диссертационный проект М.Б. Отаровой «Художественное осмысление проблемы депортации: на материалах литературы народов Северного Кавказа и Калмыкии» (Нальчик, 2006). Безусловно, соискатель ученой степени не до конца использовал все имеющиеся возможности, а соответственно, и не представил широкого освещения этой сложной проблемы. Возникают вопросы и по содержанию отдельных положений, связанных с депортацией народов. В то же время М.Б. Отарова собрала большой информативный материал о литературе, в которой в той или иной степени затрагивается рассматриваемая тема.

В числе публикаций, несомненно, привлекает внимание книга трех профессоров Кабардино-Балкарского университета С. Эфендиева, И. Ахматова и Ж. Гузеева «Зорлукъ» («Реквием»), изданная в

Нальчике в 1996 г. на карачаево-малкарском языке. В последние годы к теме обращались многие прозаики и поэты, в том числе и Северного Кавказа, среди которых Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Сафар Макитов (поэма «Аул Сауту»), Саид Чахкиев (рассказ «Выйти замуж за огонь»), Ахмет Веджижев (рассказ «Орден»), Азамат Суюнчев (цикл стихов «Песни изгнания»), Юнус Каракетов (поэма «Огнем опаленное детство»), Иван Минтяк (поэма «Возвращение огня»), Али Хашагульгов, Сергей Бадмаев, Егор Буджалов, Джангр Наунов, Владимир Нуров, Эрдни Эльдашев, Алим Теппеев (пьеса «Тяжкий путь»), Раиса Дидигова («Баллада о выселении» (Назрань, 2000)) и другие.

Начиная со второй половины 1990-х годов появился ряд конкретных исследований, в которых показано, каким образом тема находит отражение в искусстве — художественном слове, музыке, живописи, показано также, как она интерпретируется в русской литературе, литературе народов Северного Кавказа и Калмыкии¹⁵.

Имеющиеся работы можно подразделить на две группы: книги, в которых авторами даны обобщающие оценки всем мерам по принудительным переселениям народов, и произведения, которые посвящены тому или иному народу, подвергнутому репрессивному воздействию со стороны режима власти. Все эти работы, несомненно, свидетельствуют о коренном изменении в изучении проблемы депортации, формировании совершенно нового политического мышления, национального сознания.

По нашему мнению, можно было бы выделить и творчество группы писателей, которые непосредственно принимали участие в политической жизни страны в период свершения этих антигуманных актов со стороны правительства над народами и своим вкладом стремились преуменьшить эти истязания. В числе их были и писатель Аджарской АССР Мухамед Ванлиши, и поэт Калмыцкой АССР Давид Кугульгинов и многие другие.

Как известно, 15 ноября 1944 г. три эшелона с 26 591 переселенцем были отправлены с территории Аджарской АССР на восток. За 10 дней из южных районов Грузии вывезли 91 095 человек. 31 января 1945 г. из Тбилиси ушел последний эшелон с оставшимися переселенцами (695 семей) для расселения в Узбекистане. Общая численность спецпереселенцев составила 94 995 человек¹⁶. Среди них было 8694 курда, 1385 хемшинов, а также военнослужащие из этнических меньшинств Грузии.

Одновременно были принудительно переселены и представители других народов — имеются сведения об отправке двух вагонов

с выселенными цыганами, тёрёкаме¹⁷, лазами. Правда, лазам «повезло» — благодаря письму, направленному членом правительства Аджарской АССР, писателем МУХАМЕДОМ ВАНЛИШИ, лазом по национальности, на имя Л. Берия*.

В нем он убедительно просил главу НКВД СССР учесть «исключительный патриотизм, проявленный со стороны лазов» в годы Великой Отечественной войны, их «величайшую роль в деле обороны Кавказа» и «вернуть лазов, выселенных ошибочно». Всем выселенным лазам (68 человек) было разрешено возвратиться в родные места.

События эти были свежи в памяти, когда в 1947 г. обратился к ним поэт Юрий Гусинский, написавший стихотворение «Чеченец», которое было опубликовано по известным причинам только в 1988 г. Правда, автор не дает оценок событиям, не предлагает выхода из создавшегося положения, однако повествует о душевных страданиях чеченцев на чужбине, в местах проживания в депортации (Кокчетавская область), о невозможности изменить эту обстановку.

<...>

Ни на что здесь права не имея, даже схоронить своих детей.
Станешь волком, на луну скулящим, если нет народа в настоящем,
И не угадать его в грядущем посреди чужих тебе степей...

Пахнут дымом, камнем и тоскою голубые сопки Кокчетава,
Бродит в них чеченец одинокий, словно опрокинутый во тьму,
У него папаха дышит горем, сердце горько жжет ему отрава,
У него в глазах другие горы — те, что больше не видать ему¹⁸.

К счастью, прогнозы Ю. Гусинского не оправдались. И чеченцы, и ингуши, и многие другие народы, подвергшиеся репрессиям в 1930—1940-х годах, возвратились в более позднее время к своим родным очагам и заново их отстроили, возродили в них новую жизнь.

Заметно изменилась ситуация в среде интеллигенции после ареста Наркома внутренних дел Л. Берии. Она могла смелее заявить о себе. Интересным в этой связи явилось письмо-обращение, направленное руководству страны писателем из Ингушетии Идрисом Базоркиным в конце 1953 г.

* См. Приложение документ № 1.

«Это письмо рассчитано на то, чтобы помочь партии и правительству увидеть какое предательство совершил Берия против политики СССР, Конституции Советского Союза, против внешних народов, ибо нам известно, что виновником нашего выселения был он...

Установившаяся традиция недоверия, пренебрежения, недружелюбия в отношении нас со стороны местных органов — все это не может быть изжито никакими актами частного восстановления наших прав или снятия ограничений без права возвращения домой. В этом случае нашему положению “переселенцев” только прибавилось бы слово “бывший”... Это совершенно ясно...

Неужели сейчас, когда ликвидируются последствия искривления линии партии, допущенные в области национальной политики, — на Украине, в отношении еврейского народа, когда грузины-переселенцы возвращаются к себе на родину ... правда о нас не должна восторжествовать?»¹⁹.

По возвращению на Северный Кавказ видение проблемы положения чеченцев и ингушей, отмены ограничений спецпоселения изложил в письме-обращении в ЦК КПСС от 21 июля 1954 г. писатель Магомед Мамакаев*. Привлекая внимание к судьбе народов своей республики, он с откровенной прямоотой написал, что, может быть, в выдвинутых обвинениях «и есть некоторая доля правды, но мыслимо ли обвинить в этом всех чеченцев и ингушей в целом?»²⁰.

Уже после возвращения чеченцев, ингушей на свою родину (вторая половина 1950-х годов), к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву обратился писатель А. Костерин, посетивший в 1957 г. вновь образованную Чечено-Ингушскую Республику²¹.

А. Костерин воочию увидел расхождение между решениями партии, советов и проведением национальной политики на местах. Писатель систематизировал ее недостатки в своем письме: неподготовленность русского населения к предстоящему возвращению чеченцев и ингушей в родные селения; отсутствие организационных мероприятий по встрече депортированных и разъяснительной работы среди чеченского и ингушского населения в местах их депортации; неурегулированность пограничных споров при восстановлении административно-территориальных границ, в том числе и на севере Дагестанской АССР; полное неумение использовать такую меру, как воссоздание Чечено-Ингушской АССР, в пропагандистских целях; невнимание партийных органов власти к этим сложным проблемам.

Писатель А. Костерин пришел к выводу, что «возвращающиеся чеченцы и ингуши у всякого человека вызывают чувство глубокого уважения», несмотря даже на то, что «в культурном росте за время

* См. Приложение документ № 2.

высылки чеченцы и ингуши деградировали». А по-другому в тех условиях и быть не могло: лишенные прав, чеченцы и ингуши, как и другие спецпереселенцы, продолжали подвергаться идеологической обработке утвердившейся сталинской тоталитарной системы по управлению национальными процессами.

Печален тот факт, как заметил А. Костерин, что в национальном сознании народов остается «потускневшая глубокая обида», это не могло не нанести ущерб в отношениях по вектору «народы — власть», формированию совершенно иного самосознания и национального сознания в условиях возвращения граждан на историческую родину.

О нанесенном ущербе культурным ценностям репрессированных народов говорили и другие писатели. По этому поводу советский поэт Мустай Карим сетовал: «К великому горю, по произволу отдельных личностей, такое случилось с некоторыми народами Северного Кавказа. Родина осталась без народа»²².

Произведения известного поэта и прозаика Республики Дагестан Расула Гамзатова содержат обобщающие оценки репрессивного воздействия. Следует сразу же отметить, что творчеству Р. Гамзатова свойственен двойственный подход в оценке этих акций со стороны государственной власти. В ранних работах он спокойно воспринимал проводимые меры по переселению своих северных соседей, в первую очередь это относилось к чеченцам. Во всяком случае, это было честное изложение проблемы автором, так, как он ее понимал. Но в современных условиях можно объяснить и причины подобного восприятия событий в тот сложный период истории Советского государства²³.

В последующем автор меняет свои оценки, особенно в конце 1950-х годов, когда занимался сбором материала для написания задуманной поэмы «Люди и тени». По нашему мнению, это был смелый шаг, по свежим следам дать исчерпывающие оценки И.В. Сталина, Л.П. Берия, А.Я. Вышинского, Г.Г. Ягоды, которые и возглавили осуществление национальной политики в государстве.

Что касается оценок событий 1943—1944 гг. Р. Гамзатовым в послевоенное время, то это объяснимо. Во время депортации народов Северного Кавказа, как и из других регионов СССР, средства массовой информации на значительной части территории страны зачастую отсутствовали, а если и были, то их работа строго контролировалась, информация была чрезмерно дозированной.

Газета «Правда» только единожды, в 1937 г., дала информацию о развитии шпионажа на территории Дальнего Востока в пользу од-

ной из империалистических стран, естественно, подразумевалась Япония. Базой для шпионажа рассматривались районы проживания советских корейцев, которые и были по этой причине превентивно обвинены и депортированы в конце 1937 г. в районы Казахстана, Средней Азии и отдельных областей на западе РСФСР.

Что касается Северного Кавказа, то уже в начале 1940-х годов он полнился слухами о возможности применения таких мер к народам региона. Эти меры стали предприниматься одна за другой в отношении советских немцев, которые были депортированы с территории Северного Кавказа и Закавказья, включая и Дагестанскую АССР. В 1943 г. новая волна слухов о переселениях прокатилась по всему Северному Кавказу. А завершился 1943-й г., как известно, депортацией около 70 тыс. карачаевцев, более 94 тыс. граждан калмыцкой национальности, а заодно с ними были «прихвачены» и представители других этнических общностей.

Расул Гамзатов описывает в книге «Мой Дагестан» спокойную обстановку в Грозном в 1942 г., где собралась молодежь всех кавказских народов. В составе делегации молодежи Дагестанской АССР был и поэт Расул Гамзатов. Тогда еще ничто не предвещало беды...

Привлекает стремление автора поэмы «Люди и тени» (1960—1962) разобраться в сущности проводимой государственной политики по отношению к народам Советского Союза и дать ответ на извечный вопрос: «кто виноват?»²⁴.

Сам поэт признает, что он оказался во власти магии пропаганды «великих свершений»:

Порой я время заключал в объятия,
Восторженным признанием почив,
И посылал не раз ему проклятья,
От собственного сердца отлучив²⁵.

Нашло свое подтверждение неписаное правило, согласно которому «жизнь расставляет все по местам». По прошествии времени Р. Гамзатов пересмотрел свои оценки и пришел к собственным выводам, базирующимся уже на накопленном жизненном опыте:

Добро и зло. И белый цвет и черный.
Когда был прав я, а когда не прав.
То возносил подобно выси горной,
То низвергал, лавиной снежной став.

Размышляя о вине тех, кто вершил государственную национальную политику этой эпохи, поэт замечает:

Не ты ли, мой Учитель,
Кремлевский житель, злая голова,
Доверия людского отравитель,
Поссоривший поступки и слова?

В этом же произведении мыслями он вновь возвращается к И. Сталину, смерть «вождя народов» побудила оценить прошедшую эпоху, оставившую немало горя, слез, страданий и печали.

Скончался вождь! Кто поведет державу?
За тридцать лет привыкли, видит Бог,
К его портретам, имени и нраву,
Похожему на вырванный клинок.

Затем Гамзатов обращается к тем, кто находился в изгнании из родных мест, кто оставался в тюрьмах.

И в тюрьмах, и в бараках закопченных,
Во глубине таежного кольца,
У многих коммунистов заключенных
От этой вести дрогнули сердца.

Известно, что каждое из обращений Л. Берия к И. Сталину заканчивалось фразой: «Жду Вашего указания!». Об этом свидетельствуют и многочисленные документы «Особой папки» И. Сталина, в которой сосредоточены основные материалы по депортации народов с 1920-х по начало 1950-х годов. Расул Гамзатов называет главных творцов этих дел и точно расставляет акценты.

И словно всё нашептывал им кто-то,
Что исподволь легли в основу зла
Ежова и Вышинского работа,
Меркулова и Берия дела²⁶.

Разобравшись досконально в гнусной направленности проводимой властью предрержащими политики, Р. Гамзатов, как горец, соблюдающий все традиции горцев, с гневом обращался к «вождю народов»:

Как ты, кавказец, мог нарушить клятву,
Которую в печали произнес?
Кровавую к чему затеял жатву?
Кому ты в жертву скошенных принес?²⁷

Как показывают исследования последних лет, таких «скошенных» с середины 1930-х годов оказалось более 3,5 млн. человек. Все они были в принудительном порядке депортированы в восточные районы Советского Союза. Конечно, эти сведения тогда не были известны советской общественности. Не могли ими оперировать и литераторы.

В своих произведениях, в частности, в книге «Мой Дагестан»²⁸, оценивая пьесу «Кипучие люди» не названного им драматурга, в стихотворении «Горцам, переселяющимся с гор», Расул Гамзатов выражает отношение к вопросу «о переселении на плоскость». С одной стороны, он обращается к горцам и призывает:

Горцы, покинув родные жилища,
Горскую честь захватите с собой —
Или навечно останетесь нищи,
Даже одаренные судьбой²⁹.

С другой стороны, переселение горского населения на плоскость поэт в целом воспринял положительно, там, на «плоскости», райские кущи. К сожалению, в действительности получилось не так, как предсказывал Р. Гамзатов, о чем свидетельствует сложное решение правительством Республики Дагестан и в начале XXI в. проблем лакцев, аварцев и других этнических общностей, в связи с расселением чеченцев-аккинцев после возвращения их из депортации. «Переселившимися на плоскость» были заняты именно их земли. Да и переселение, как теперь отмечается в исследованиях дагестанских авторов, было мало похоже на добровольное, не всеми воспринималось одинаково.

Тогда, в 1944 г., на территорию проживания чеченцев было переселено с гор 16 741 хозяйство (62 тыс. человек). В бывший Ауховский район переселились первоначально 2950 семей лакцев и аварцев, затем численность их возрастала. Начальник Переселенческого отдела при СНК Дагестанской АССР Ю. Аджиев докладывал, что с марта 1944 г. на территорию районов бывшей Чечено-Ингушской АССР было переселено в целом 17 740 хозяйство. Можно представить, какие были трудности по обустройству, а также различные социальные проблемы³⁰.

Возможен был и альтернативный путь — улучшение жизни в горах, создание нормальной инфраструктуры. Ведь существует множество государств, в том числе и в Европе, население которых проживает исключительно в горной местности. Советское государство имело в результате исключение из числа сельскохозяйственных угодий огромных земельных массивов, упадок животноводства (овцеводства, пчеловодства и т.д.).

Изучение материалов по проблеме принудительных переселений позволяет сделать вывод, что творческая элита общества, в том числе, бывших автономных республик, к народам которых применялись деструктивные меры, как никто понимала абсурдность подобных решений, в частности, о полной депортации народов. И не случайно именно писатели направляли письма «во власть», истолковывая принимаемые руководством страны решения. Осуществлялось это по-разному. Одни стремились взывать к чувствам (Мухамед Ванлиши и др.), другие призывали разобраться в случившемся, понять народ (Магомед Мамакаев и др.). В одном авторы писем в партийные и советские органы были едины, они руководствовались одним правилом — «так быть не должно».

В целом период 1920—1950-х годов истории советского государства хранит множество тайн. Проблема принудительных переселений (депортации) народов, когорт населения (по определению социологов), различных национальностей, по-прежнему была одной из таких тайн за семью печатями.

До середины 1930-х годов в Советском Союзе только казаков, в основном русских по национальности, из южных районов России было подвергнуто репрессиям более одного миллиона человек³¹. Из их числа на севере страны (Коми-Пермяцкий, Остяко-Вогульский и Ямальский округа) было образовано 650 казачьих населенных пунктов. В тот же период казаки-русские осваивали некоторые засушливые районы Дагестана, Калмыкии, свинцовые рудники Северной Осетии³².

В 1920—1930-х годах принудительному переселению было подвергнуто в целом около двух миллионов русских, причисленных к кулачеству. К концу 1940-х годов их оставалось на учете более 900 тыс. человек, а к середине 1950-х годов на спецпоселении находилось около 1,8 тыс. граждан русской национальности³³.

По данным созданного в марте 1944 г. в структуре НКВД Союза ССР Отдела спецпоселений, начиная с середины 1930-х и до конца 1940-х годов (в 1949 г. был произведен переучет спецпере-

селенцев) на территории Советского Союза среди претерпевших принудительное переселение было: 1 024 722 гражданина немецкой национальности («российские немцы»), около 609 тыс. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 92 тыс. калмыков, 962 тыс. бывших кулаков, в число которых входили в преобладающем количестве представители русской национальности, 194 тыс. крымских татар, около 40 тыс. греков, армян и болгар из Крыма, а также около 30 тыс. греков из районов Черноморского побережья Грузии и Краснодарского края, около 100 тыс. турок из Месхетии, курдов, хемшин, более 400 тыс. поляков, спецпереселенцев из Украинской и Белорусской ССР, около 230 тыс. литовцев, латышей, эстонцев, 12 тыс. финнов, 172 тыс. корейцев, 8 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев и представителей групп других этнических общностей³⁴.

Постепенно стали приоткрываться архивы, в которых хранились документы по исследуемой теме. На первых порах к ним проявляли интерес писатели. Ощущалась необходимость изменить ситуацию, сложившуюся в сфере межэтнических отношений в 1950-е годы. На государственном уровне эта попытка завершилась половинчатыми мерами, предпринятыми в период «хрущевской оттепели» в 1950-е годы.

Заявления, с которыми выступили КПСС и Правительство СССР на состоявшемся партийном форуме, давали надежду на возможность доступа к изучению проблемы. Однако реализовать это на практике также не удалось, хотя отдельные попытки и имели место.

«Забыть, забыть велят безмолвно, хотят в забвенье утопить живую боль», — писал тогда поэт Александр Твардовский. Обратился к этой проблеме и писатель А. Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАГ» (в наши дни книга неоднократно переиздавалась). Однако и он не смог объемно представить содержание национальных процессов, связанных с принудительными подвижками народов на территории Советского Союза, раскрыть подробно вопрос о спецпереселенцах и значившихся под грифом «прочие» контингентах населения, подвергшимся репрессивному воздействию со стороны власти.

Понимая важность фактора национальной психологии для многонационального сообщества, А. Солженицын обратился к этой сложной проблеме в своем произведении «Знают истину танки» (1989)³⁵, в котором затрагивает и национальную психологию кавказских горцев, отбывавших сроки в различных особых лагерях,

где находились представители многих национальностей Советского Союза.

Трагедия калмыков была особенно близка сердцам зарубежных соотечественников-калмыков, забивших сразу же тревогу во всех международных организациях. Как известно, одним из первых, кто заявил об этом с высокой трибуны знаменитой Бандунгской конференции стран Азии и Африки (Индонезия) весной 1955 г. стал американец калмыцкого происхождения Джаб Бурхинов, впоследствии видный общественный и политический деятель, борец за права человека, в том числе и калмыков, в международном масштабе.

В 1950—1960-х годах он проделал большую организаторскую работу, вовлекая в движение за права калмыцкого народа общественные организации многих государств (США, Индонезия, Пакистан, Цейлон, Индия и др.), такие международные организации, как ООН, Международный Красный Крест, а также политических, общественных и государственных деятелей многих стран мира.

Конечно, возвращение граждан из мест принудительного переселения во второй половине 1950-х годов, как следствие новой государственной национальной политики в Советском Союзе, обусловленной и смертью И. Сталина, и уходом с политической арены многих его сподвижников, а также теми новыми веяниями в политической и общественной жизни государства, — это не желание одной личности, это прежде всего стремление самих народов, подвергшихся репрессивному воздействию со стороны режима власти, изменить ситуацию. Жизнь выдвигала требования, которые бы соответствовали новому этапу развития государства и общества, сформировавшемуся национальному сознанию репрессированных граждан.

Поэтому, по нашему мнению, приписывать роль инициатора этих изменений одной личности, в частности, Н.С. Хрущеву, было бы грубейшей ошибкой. Политическая ситуация в государстве сложилась таким образом, что именно ему пришлось выступить с осуждением принудительного переселения народов на территории Союза ССР в 1930—1940-х годах³⁶.

Все последовательнее велась борьба репрессированных граждан за возвращение к родным очагам. Первые незначительные успехи вселяли уверенность в положительном ее исходе. Очевидной становилась этническая мобильность спецпереселенцев, их активное участие в общественной жизни, постепенное приобщение к обучению (школа, среднетехнические и высшие учебные заведения и др.), стремление к управлению государственными делами.

По имеющимся документальным данным, в марте 1957 г. около 6 тыс. калмыков, расселенных тогда в Алтайском крае, Новосибирской и Тюменской областях, высказали намерение «в случае снятия с них ограничения выехать в места прежнего жительства»³⁷. Подобные просьбы поступали от карачаевцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, болгар, греков, немцев, турок и азербайджанцев.

В связи с принятием Постановления Совета Министров СССР о снятии со спецпоселенцев некоторых ограничений возрос поток писем от спецпереселенцев. В Президиум Верховного Совета ССР во втором квартале 1954 г. поступало от спецпереселенцев ежемесячно 8000 писем, в третьем квартале того же года — 5500 писем ежемесячно. Только в октябре 1954 г. поступило 2900 писем и заявлений³⁸. За период с сентября 1957 по май 1967 г. от турок-месхетинцев и азербайджанцев поступило около 3,5 тыс. обращений³⁹.

Необходимо было принятие конкретных мер на государственном уровне. В противном случае это произошло бы спонтанно, с более сложными и зачастую необратимыми последствиями. Вероятно, в этом и состоит искусство регулирования национальными процессами, в противовес управлению ими, с применением, в том числе, и насильственных форм (депортация, принудительное переселение, отселение, составление списков городов с запрещением проживания, отсутствие паспортов у части населения страны, создание пограничных зон и т.д.). Все эти проблемы разрастались как снежный ком, порождая новые, вызывая социальную напряженность в обществе, тем самым сталкивая общество на тупиковый путь.

«Поэтому, — отметил в своем докладе секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин в феврале 1957 г., — переезд граждан указанных национальностей, изъявивших желание возвратиться в районы прежнего проживания, должен производиться организованно, небольшими группами, в определенные сроки, и в порядке очередности»⁴⁰.

Закономерно, что происходившее в 1930—1950-е годы получило отклик и у представителей творческой элиты репрессированных народов. Созданные ими художественные произведения призваны были воспитывать, даже в трудных условиях, любовь к Отечеству, к своей малой родине, нести понятия чести, достоинства, добра, высокую нравственность, хранить национальные традиции как составную часть национального сознания.

Удивительно точный образ был найден киргизским писателем Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день»⁴¹ для

художественного воплощения геополитической картины трагического перемещения безвинно наказанных и «поруганных» народов. Незамеченный литературной критикой глубокий по мысли рефрен: «А поезда в этих краях шли с Востока на Запад и с Запада на Восток» — прозвучал в романе более десятка раз⁴².

Автор подразумевал драматический исторический факт — принудительное переселение советских корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и республики Средней Азии, а также в отдельные области восточно-европейской части РСФСР в конце 1930-х годов. В общей сложности в этот период было транспортировано в указанные районы страны более 172 тыс. граждан корейской национальности. Как известно, потом масштабы принудительного переселения возрастали. В столь отдаленные места последовали и другие этнические общности. Мрачный «шлейф бед и страданий», по образному выражению Чингиза Айтматова, тянется и по сей день.

Абсолютно противоправной практикой назвал насильственное переселение народов в Союзе ССР в 1930—1950-х годах калмыцкий поэт, депутат Верховного Совета Союза ССР Давид Кутультинов. «А теперь я хочу назвать народы, — сказал он, выступая на заседании обеих палат Верховного Совета Союза ССР 14 ноября 1989 г., — которые по этому документу (Декларации о репрессированных народах. — *Н.Б.*) подлежали наказанию за самовольный выезд из мест поселения: чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки, немцы, турки, крымские татары, крымские армяне, крымские болгары, курды, хемшины...»⁴³. В своем обращении к депутатам Верховного Совета СССР поэт призывал решить эту набравшую проблему.

В это же время появилась повесть А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая...»⁴⁴, удостоенная Государственной премии СССР (1988 г.). Вряд ли можно согласиться с расставленными автором акцентами в отображении проблемы депортации в Союзе ССР, с его категоричными оценками сущности национальных процессов. Однако А. Приставкину удалось всесторонне передать ту эпоху, сложившуюся ситуацию на Северном Кавказе, в частности, в одной из его республик — Чечено-Ингушской АССР. Убедительно отражен процесс формирования самосознания и национального сознания у подростков, воздействие на этот процесс имевших место трагических событий, в которых ребята мало смыслили, но чутьем понимали всю суть совершающейся несправедливости (Коля, Алхузур и др.), изменение их психологии и самосознания.

В повести отчетливо просматривается и причина столь непонятного поведения многих людей, их крайней озлобленности: за оставленные чеченцами селения, за разрушенные дома, за поруганную честь предков. По этому поводу литературовед М.Б. Отарова пишет: «Ненависть, поселившаяся в душах тех и других, необъяснима. Она была как разновидность зла. Зло, нормативно-оценочная категория морального сознания, в предельно обобщенной форме в повести “Ночевала тучка золотая” обозначала нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей — в данном случае русских бойцов Красной Армии и чеченцев, спрятавшихся в горах от насильственного выселения»⁴⁵.

Психологическое состояние героев повести, их стремление найти виновных, наглядно демонстрирует ту роковую роль, которую сыграла депортация во взаимоотношениях русского и чеченского народов. Это выступает главным в повести А. Приставкина.

В то же время сложно согласиться с теми характеристиками, которые дает писатель представителям разных народов, создавая из них то отрицательных, то положительных героев. Как в те годы русским под прессом пропагандистской машины трудно было разобраться во всей сложности происходивших на их глазах событий, так и сегодня чеченцам по той же причине трудно найти ориентиры в своих действиях в событиях 1990-х годов. Национальная политика государства оборачивается национальной трагедией как в условиях 1930—1940-х годов, так и в условиях современной России — государства, избравшего путь развития на основе права.

Повесть А.И. Приставкина не может быть воспринята однозначно. Ее нравственную составляющую проанализировал Ф.С. Эфендиев⁴⁶. Эту сторону отметила в своей диссертации и литературовед М.Б. Отарова. По нашему мнению, Ф.С. Эфендиев четко подметил упущения автора в понимании национальной психологии при создании образов героев и в обосновании мотивов их действий. С Эфендиевым можно вполне солидаризироваться в оценке кульминационного эпизода повести, который вызвал взрыв эмоций в обществе, — сцены убийства взрослым чеченцем мальчика. Приставкин будто возвышает совершенную жестокость, возводя в оправдание месть за поруганную честь предков. Безусловно, автор не должен был изображать эту сцену подобным образом⁴⁷. Для писателя А.И. Приставкина также необходимо, как верно замечает Ф.С. Эфендиев, «правильно понимать и знать эту национальную жизнь, эту среду — духовный и нравственный мир чеченцев и ингушей».

Ф.С. Эфендиев убежден, что в такой ситуации горец «никогда не поступал жестоко по отношению к ребенку», пусть даже «это ребенок его заклятого врага»⁴⁸, и, по нашему мнению, он прав. Подкрепляя свое утверждение, Ф.С. Эфендиев добавляет, что «так, по крайней мере, было в быту и традициях чеченцев-горцев до середины 1990-х годов, когда началась в Чеченской Республике бессмысленная война, ожесточившая людей и привившая им разрушительные свойства психологического характера»⁴⁹. На это трудно что-либо возразить. Остается надежда на позитивные перемены в чеченском сообществе, на достижение мира и гражданского согласия.

Проблема наказания и поругания народов режимом И. Сталина заняла свое место в творчестве многих советских поэтов. Они также пытались найти ответ на вопрос, почему была допущена такая несправедливость по отношению ко многим народам страны, высказывали свое сопереживание. Поэт Станислав Куняев, оценивая проблему в целом, писал в стихотворении «Всесоюзная перепись» (1977):

Испокон ведется на Руси:
власть грешит, а каяться народу,
Потому, калмык, меня прости
За свою былую несвободу.
Лес рубили, сыпалась щепа,
Иссякал запас добра и сердца,
Потому горчит моя судьба
Горечью изгнанника чеченца.

Вопрос о принудительном переселении «сорён сарам», советских корейцев, обстоятельно изложил Степан Ким в своем повествовании «Исповедь сорён сарам — советского человека»⁵⁰. При этом автор, сопоставляя процессы, ставит в один ряд принудительное переселение корейцев в 1935 г. и в 1937 г. как явления, мало отличающиеся друг от друга по механизму исполнения. Автор вновь повторяет, что «ничем, никакими мотивами нельзя оправдать акт репрессии, совершенный по отношению к целому народу». Он убежден, что переселение корейцев в 1930-е годы разрушило естественно сложившуюся в Приморском крае территориальную общность корейцев-пришельцев.

В очерке другого писателя корейца Бориса Пака⁵¹ наряду с проблемой непосредственного переселения советских корейцев с Дальнего Востока, когда «каждой ночью “ежовцы” врываются в дома, шли аресты повальные; сеялось горе», поставлены еще неразрешен-

ные политические вопросы, в том числе, отсутствие у корейцев национального государственного объединения, что, по его мнению, выступало главной причиной разобщения советских корейцев. Нерешенность этой проблемы и превращала советских корейцев в бродячие семейно-бригадные группы гектарников — «конбодий». Б. Пак рассматривает такое явление, как открытую форму проявления национального недовольства, национальной неполноценности.

Сегодня такая постановка вопроса, несомненно, приобретает дискуссионный характер. В новой России его можно поставить несколько иначе, вряд ли целесообразно замыкаться российским корейцам в своих национальных квартирах. Корейцы, переселяясь на территорию России, получают неограниченные возможности обустройства в тех районах, где востребован их труд, богатый опыт организации производства.

Б. Пак показал, что именно трудолюбием корейцы завоевали авторитет среди местного населения (республики Средней Азии и Казахстан), искусно владели навыками возделывания риса, кукурузы, овощей и бобовых. Б. Пак пишет:

Позже немцев Поволжья свезли в Казахстан.
К нам же — крымских татар, турков-месхов, чеченцев.
Каждый крышу нашел здесь и личностью стал.
И никто здесь не стал иждивенцем⁵².

В новых условиях проживания идет формирование и новых отношений в обществе, с другими народами, изменяется национальное сознание корейцев, отмечаются все более позитивные оттенки.

Корейцев отличает стремление быть в рядах защитников Отечества. Некоторые из них, в том числе, и под русскими фамилиями, на фронтах Великой Отечественной войны проявляли примеры героической борьбы, как и в послевоенные годы на трудовом фронте⁵³. Известны имена 378 советских корейцев, участвовавших в Великой Отечественной войне, 195 из них не возвратились с полей сражений⁵⁴. Они воевали на всех фронтах войны.

Рассматриваемая нами проблема волновала многих писателей корейцев, в их числе известный писатель Анатолий Ким. Писатель, журналист Владимир Ким (Ёнг Тхек), обращаясь к своему сыну, определяет переселение корейцев с Дальнего Востока как водораздел в жизни своих родителей, пытается разобраться в их переживаниях, в том, как они должны были относиться к государству,

власти в этот период. «Представляешь, они воевали за Советскую власть, с энтузиазмом строили новую жизнь, а их огульно обвинили в неблагонадежности, как скот погрузили в “товарняки” и повезли на другой край страны»⁵⁵.

Сам Вл. Ким признается в любви к России. «Для меня и моего поколения», утверждает он, водоразделом «явился конец той самой советской власти, утрата идеалов и иллюзий, решение мучительного вопроса — оставаться на узбекской земле, где родился и рос, или уехать в Россию, чей язык и культура стали моим духовным “я”».

Растение, пересаженное в чужую почву, пишет далее Вл. Ким, мало изменяется, зато приобретает много совершенно новых качеств, практически необратимого характера. Поэтому для него невозможен переезд в Россию. Не видит он смысла и в переезде в Республику Корея. По этому поводу Вл. Ким замечает: «А между нами и соплеменниками из Кореи пролегает евроазиатский раздел. Поэтому даже если и сейчас земля предков распахнет двери для нас, я бы трижды подумал, прежде чем туда ехать». Это еще одна психологическая проблема репрессированных поколений корейцев, так долго и прочно коренящаяся в их сознании.

Литератор-исследователь Л.Б. Хван (Каракалпакстан) в одной из своих последних работ по проблеме репрессий советских корейцев анализирует отношение к ней писателей, в частности, творчество поэта Владимира Борисовича Ли⁵⁶. Его стихотворение «Канде идю» («Насильственная депортация») пронизано пронзительной грустью. Поэт будто вновь проходит скорбный путь своего народа, переживая разлуку с потерянной Родиной в жестоком XX веке.

Век двадцатый на костях,
Век жестокий.
Шпарит, шпарит товарняк
От востока.

Произведения В.Б. Ли достоверно, с исторической выверенностью, отражают повседневную реальность второй половины 1930-х годов, связанную с депортацией корейцев.

Что же душу горько ест,
Кровь не гонит?
Оторвали с разных мест
И — в вагоны.

Поэт пишет о народе, пережившем тяготы сталинских репрессий, но сохранившим большую тягу к жизни.

После переселения курдов в 1937 г. из Армянской ССР, в марте 1944 г. началось отселение курдов, как «взрывоопасного элемента», из столицы Грузии Тбилиси. В последующем такие акции в отношении курдов и других национальных меньшинств периодически повторялись по приказу И. Сталина. В очередной раз вопрос о курдах рассматривался в июле 1944 г. В середине ноября 1944 г. более 8,5 тыс. курдов были переселены на восток. Их постигла та же участь, что и другие народы, подвергшиеся репрессиям в первой половине 1940-х годов.

Эти процессы получили отражение в поэтическом цикле А. Бакши «Курдские песни». В песне «Сорок мужчин» описано столь мучительное для курдов время — 1937-й г., когда состоялось первое выселение курдов из Закавказья. И уже в местах новых поселений в одну ночь были арестованы и увезены 40 курдов-мужчин, их семьи остались без кормильцев.

Я бы давал отпор подлецам,
Если бы знал — это что-то изменит...

— в этих строках песни «Калинак» звучит безысходность жизненного тупика, не видится выход из сложившегося положения⁵⁷.

Исторической наукой обстоятельно изучаются вопросы принудительного переселения и обустройства жизни советских немцев в 1940-е годы⁵⁸. Накануне Великой Отечественной войны, а также в начале войны последовали принудительные переселения немцев в отдаленные места, главным образом, в Казахстан и республики Средней Азии. Как известно, к числу превентивно обвиненного населения было отнесено поголовно все население Республики Немцев Поволжья (более 440 тыс. человек). В 1940—1941 гг. последовали по этому же пути и немцы, которые проживали дисперсно на территории восточно-европейской части РСФСР.

В творчестве немцев писателей России значимое место занимает художественное осмысление жизни советских немцев в трудный для них период и их расселение на территории Сибири и Дальнего Востока. Обращение к этой теме имеет важное политическое значение для консолидации усилий по возрождению края, обеспечению стабильного поступательного развития регионов страны.

Безусловно, силовой подход в решении судьбы функционировавшей на территории Советского Союза немецкой государ-

ственности не мог благотворно сказаться и на судьбе немецкой общности в целом (численность немцев, по данным источников, составляла 1 427 232 человека)⁵⁹. Принудительное переселение повлекло многочисленные жертвы, страдания и лишения, был нанесен сокрушительный удар прежде всего по национальному сознанию советских немцев, понятия «авторитет государства», «авторитет власти» были размыты.

Более 300 тыс. человек пополнили созданные в годы Великой Отечественной войны трудовые армии, колонны и батальоны. Многие из них принимали участие в возведении индустриальных объектов в Сибири и на Дальнем Востоке, их руками построены Челябинский тракторный завод, другие мощные промышленные предприятия.

К началу 1944 г. в рабочих колоннах числились около 222 тыс. немцев-трудармейцев, из них 101 тыс. человек в это время трудилась на стройках НКВД СССР (наряду с немцами в трудармию были мобилизованы финны, румыны, итальянцы — граждане СССР титульных наций противника, из их числа 220 тыс. также были заняты на стройках НКВД СССР, 18 тыс. человек проходило по другим наркоматам)⁶⁰. В 1948 г. лагеря для «трудмобилизованных» были расформированы, а бывшие узники были поставлены на специальный учет.

В годы Великой Отечественной войны советские немцы с оружием в руках сражались против общего врага — фашизма. Эти эпизоды истории советских немцев достойны того, чтобы быть освещенными в новых исследованиях, проводимых писателями, историками⁶¹.

В «Особых папках» Сталина о судьбе немцев в Советском Союзе сосредоточен значительный корпус документов и материалов начиная от первых переселений (10 тыс. человек) с территории Украины (постановление СНК СССР № 76-120 под грифом «совершенно секретно» от 28 апреля 1936 г.)⁶² и до 1970-х годов, когда было положено начало последовательному движению за восстановление исторической справедливости в отношении этой этнической общности.

Для писателей российских немцев все еще не изжито чувство обиды, обделенности, хотя надо отметить, что значительная часть авторов полагает важным уделять внимание формированию национального сознания немцев в разные периоды жизни России. По заключению многих обществоведов, от того, в каком русле будет развиваться этот процесс, зависит будущее российских немцев, состояние их духа, жизненный настрой.

С большим публицистическим накалом писателем ГЕРХАРДОМ Вольгером написаны очерки о репрессированных немцах. В очерке «Три круга Дантова ада»⁶³ (1990) автор сосредоточивает внимание в основном на показе жизни немцев-трудармейцев, занятых в трудовых колоннах на ведущих стройках социалистической экономики. Основываясь отчасти на архивных материалах, воспоминаниях, он воссоздает картины сложных условий трудовой деятельности и быта немцев. Большое внимание уделено анализу деформации национального сознания советских немцев, предпринята попытка раскрыть причины явления, описаны различные манипуляции, проводимые НКВД СССР в отношении этого народа.

Жестки строки
О мире жестоком,
Ощетинены
Лагерной прозой.
<...>
С тех смертельных времен
И поныне сердце
В незаживающих ранах,

— писала поэт, искусствовед Нора ПФЕФФЕР⁶⁴.

Несмотря на невыносимо тяжелые бытовые условия, изнурительный труд, уносивший одна за другой жизни немцев-трудармейцев, они находили в себе волю бороться за жизнь.

Но мы не будем горевать,
Зима не может быть вечной.
Когда-нибудь мы с радостью скажем:
«Здравствуй, милая родина!»

— приводит эти строки немецкой антифашистской песни «Болотные солдаты» в своих воспоминаниях «Отверженные» Фридрих КРЮГЕР⁶⁵.

Немецкие писатели, как никто, внимательны к сохранению родного языка, хотя сегодня эта проблема находится, в принципе, в дискуссионном поле. Вряд ли можно найти конкретного виновника сложившегося положения с изучением немецкого языка и знания его российскими немцами. Судя по всему, негативную роль, как правильно заметил Ф.С. Эфендиев, сыграла прежде всего бесконечная миграция, постоянное сужение исконного этнического пространства немногочисленных народов.

Можно принять особо обостренное отношение российских немцев к имеющимся реалиям, обусловленное, в том числе, и процессом реабилитации немцев, отсутствием специального закона о реабилитации как возможности самоутверждения этнической общности. Судя по всему, в этом и состоит суть национальной государственной политики, согласно которой регулирование национальных процессов возможно только при строгом учете психологических особенностей каждой этнической общности. Тем не менее в действительности этого не наблюдается.

Большинство авторов из российских немцев, как и зарубежных ученых, политиков, писателей, сходятся в том, что «утрата многими российскими немцами родного языка не была результатом их готовности легко отречься от своей национальной культуры или, тем более, отказаться от своей национальной принадлежности»⁶⁶.

По мнению доктора Кристофа Бергнера, уполномоченного правительства Германии по делам поздних переселенцев национальных меньшинств, такое положение — результат сталинской политики репрессий, и поэтому неразделимо связано с последствиями войны. Образно эта проблема нашла отражение в творчестве российско-немецкой поэтессы Эрны Гуммель. В ее стихотворении «Родной язык» есть такие строки:

Из-за тебя потерян дом родной.
Из-за тебя унижена судьбой...
И пусть с тобой
втапывали в пыль, —
Лишь ты мне вновь давал надежд и сил⁶⁷.

Разумеется, Э. Гуммель точно обрисовала судьбу немецкого языка, но, все-таки, по нашему мнению, акценты расставлены не совсем верно. Переселение российских немцев в первой половине 1940-х годов, их превентивное обвинение осуществлялось не по причине немецкого языка как такового, а по политическим соображениям, в русле той национальной политики, которая проводилась в Советском Союзе, и не только по отношению к советским немцам, что было обусловлено прежде всего войной с Германией.

В нынешних условиях, с учетом имеющих место миграционных процессов и наблюдающимся оттоком немецкого населения в Германию, именно незнание родного языка (по разным причинам) становится основным препятствием для переселения в Гер-

манию — историческую родину чисто условно, так как, надо заметить, последние 3—4 поколения российских немцев родились именно в России. И в данном случае вряд ли можно возразить против вывода доктора Кристофера Бергнера, что «российские немцы — это гораздо больше общность судьбы, чем языковая общность»⁶⁸.

По нашему мнению, это этническая общность, в которой сплавлены две культуры, немецкая и русская, это духовное богатство, религиозные нравственные ценности, культурные традиции, прочные семейные устои, нормы хозяйственной этики.

Кстати, что касается знания немецкого языка, то имелась неограниченная свобода для его изучения в значительной части школ Советского Союза, в университетах, педагогических и технических вузах как иностранного языка. Подавление или запреты изучения языка не имело места. И в современных условиях изучение немецкого языка также свободно путем преподавания его в общеобразовательных учреждениях, факультативно, на курсах иностранных языков и т.д. Главное, по нашему мнению, заключается в том, чтобы ощущалась потребность в практическом применении самого языка.

Безусловно, принудительные переселения, мобилизация в трудовые колонны, мобилизационно-репрессивные методы воздействия на граждан, подвергшихся притеснениям, не могли не отразиться на их самосознании и национальном сознании. Итогом этого явился имевший место в конце 1980-х — в 1990-е годы отток немцев в Германию. Но спокойна ли там душа бывшего советского немца? Очевидно, нет, отношение самих немцев к России неоднозначно. Поэт Анатолий Майер в своем стихотворении «Проснись Россия!» писал:

Открыты двери, снят засов
И все, что было, страшной сказкой
Они у дальних берегов
Не Волги-матушки, а Рейна
Передают по поколениям
Слезами горькими без слов.
Проснись, Россия!⁶⁹

Однако это настолько сложная проблема, что поддается она рассмотрению только в условиях индивидуального подхода.

Дестабилизация в немецком сообществе в целом в 1940-е годы, да и в позднее время показана в стихотворении члена делегации сербов из Германии, принимавшей участие в заседании международного «круглого стола» (2007), Бенно БУДАРА «Разные люди в нашем городе»:

— Что с нами будет? —
Вопрошает первый.
Бессонно ищет выхода второй —
Сдирая кожу, обжигая пальцы.
А третий покоряется всему.
Четвертый взял себе жену чужую,
А пятый стал святым уже при жизни,
Шестой давно не верит ничему,
И в том числе седьмому, что на сцене.
Зол на весь свет и нетерпим восьмой,
Но благодушен искони девятый.
Десятый знает все и обо всем,
Чужие мысли вдалбливая детям.
Одиннадцатый умер на бегу,
Еще от слез не высохла могила,
Но родился двенадцатый на свет.
Какие гены нашего народа
Нести ему во тьме грядущих лет?⁷⁰

Б. Будар сумел передать общее состояние немцев в то тяжелое время. Вероятно, оно было свойственно и для немцев в самой Германии 1940—1950-х годов. Думается, в этом плане мало чем отличалось и положение советских немцев. Несомненно, путем рассеяния в принудительном порядке советским немцам был нанесен моральный ущерб, оказались разорванными семьи, бесконечные возрастные трудовые мобилизации подрывали здоровье этнической общности, делали ее легко уязвимой. Глубокий след на сознании советских немцев оставили и последствия войны с Германией, агрессивность со стороны других народов, поиск виновного и др.

Этими мотивами пронизано и творчество российской немецкой поэтессы Валентины Вильмс (г. Оренбург). В своих стихах она с горечью вспоминает об утраченной немцами родине на Волге. 250 лет их прадеды, деды, отцы преобразовывали этот не очень-то благодатный край и сделали его показательным в России. В творчестве В. Вильмс звучит скорбь по тем немцам, которые, преодолевая огромные трудности жизнеобустройства, принудительных переселений остались навсегда в новых местах поселения.

Разрушено всё, чем мы жили,
Куда возвращались в мечтах.
От Острова Детства остались
Одни отголоски во снах⁷¹.

Поэтесса пишет о современном положении в районах исторического проживания немцев на Волге, пытается осмыслить причины оттока немецкого населения из современной России в Германию.

Мой народ терпеливый
Без объявленных войн
Покидает Отчизну
И бросает свой дом...⁷²

В стихотворении «К лучу на зыбкой грани...» В. Вильмс призывает свой народ собраться с силами смотреть в будущее, строить планы, создавать такое государство, в котором все народы будут жить в согласии:

Боли, горести и беды
Пусть останутся за дверью.

Наряду с другими этническими меньшинствами, проживающими в Советском Союзе, подверглись депортации и притеснениям финны-ингерманландцы. В сводках НКВД СССР они значились в графе «Прочие», однако это не облегчило их судьбу и социальное положение. Перед войной действовало правило — «очистить пограничные зоны Советского Союза от инациональных представителей», к числу которых были причислены и финны-ингерманландцы. (Ранее в западных районах Союза ССР принудительным переселениям по этому обязательному решению были подвергнуты частично поляки, русины, украинцы, евреи.)

23 июня 1940 г. нарком Л. Берия издал приказ о принудительном переселении в пятидневный срок (между 5 и 10 июля) из Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей, среди них были не только финны, шведы и норвежцы (2540 семей, 6973 человек, переселили в Карело-Финскую АССР), но и китайцы, немцы, поляки, греки, корейцы (всего 675 семей, 1743 человек). Их направляли на Алтай.

Тема принудительных переселений финнов-ингерманландцев отражена в поэзии Тойво Ряннеля. Горечью утраты своей родины пронизаны следующие строки:

Запреты всюду, сыски, выдворенья
И некому подать уже руки...

Безысходным было положение ингерманландцев в начале войны. В 1942 г. были принудительно переселены в Сибирь около 21 тыс. человек из Ленинграда и Ленинградской области — региона проживания ингерманландских финнов. Оставляя родные места, люди пребывали в тревоге за свою судьбу, за судьбу своих детей.

Так что же будет, Ленинград мой милый,
Когда ты станешь мне родным?!
Или ты весь растолкан по могилам
И места нет сынам твоим живым?⁷³

Значительная часть финнов были размещены в верховьях сибирской реки Лена, как назначенном конечном пункте расселения принудительно выселенных финнов-ингерманландцев, а также частично в других районах Восточной Сибири⁷⁴. Перестал существовать и Куйвазовский финский национальный район.

В памяти ингерманландцев остались те трагические в истории народа дни. Но несмотря ни на что люди всех национальностей ценят дружбу и с теплотой вспоминают о ней. Эти мотивы характерны для творчества современных поэтов. В их произведениях соседствуют грусть, скорбь, дружба и уважение. РОБЕРТ ЛЕЙНОНЕН в стихотворении «Березнево» пишет о том времени:

...Так вместе пахали,
Косили и жали.
Наш финский крестьянин.
И с ним россиянин...
И вдруг налетела чумная мора.
Хватала за горло, ссылала без срока.
И Киско, и Кэмпи, и Пекка Ильин,
Андрей Совалайнен —
потомственный финн —
Куда-то, за что-то исчезли навек...⁷⁵

Тяжелой судьбе около 70 тыс. принудительно переселенных карачаевцев посвятил А. АКБАЕВ свою поэму «Элия», отразив в поэтической форме все этапы депортации карачаевского народа и жизнь его в Средней Азии.

А лихое, крутое время
Добавляло и добавляло бесконечной горечи капли,
Бесконечно переполняя
Этой горечью чашу жизни⁷⁶.

Тема любви к отчему краю, к своему родному аулу объединила творчество А. Суюнчева (о нем мы рассказывали ранее), Ф. Байрамуковой (поэма-баллада «Подвенечная шаль»), Сослана Байчорова (стихотворение «Мамалыга»).

Довольно обстоятельно отражена в художественной литературе проблема принудительного переселения калмыков и последствий этой акции, правда, эти произведения были опубликованы уже после возвращения калмыков в места своего прежнего проживания.

Правдиво освещен ход переселения калмыков из Калмыцкой АССР в Сибирь, суровую «таежную республику», где «куда ни посмотришь, — вековая стоит тайга», в записанных А. Балакаевым народных песнях и сказаниях (песня «Суровый декабрь»).

В документах НКВД СССР даже его руководством признавалось, что принудительное переселение калмыков, жителей степей, было нарушением «общих правил», выработанных самим наркоматом. А ведь эти правила дополнялись и указаниями местных властей. Все это усугубляло жизнь калмыков в Сибири.

Лес дремучий, непроходимый, —
В снег проваливаешься по грудь,
А калмыки — на лесоповале,
Горемычный у ссыльных путь⁷⁷.
(*Двадцать восьмое декабря*)

Об адаптации калмыков к новым условиям жизни повествуют и другие сказания, записанные А. Балакаевым, в частности, «Суровый декабрь», «О жизни в Сибири». Отношение самих калмыков к тому, что с ними произошло, не было однозначным. Одни на первых порах восприняли акцию по переселению как стремление И. Сталина спасти калмыцкий народ от уничтожения фашистской Германией, другие — мучительно, с болью в сердце, переживали эту меру:

Если встретятся два калмыка —
Разговор о доме идет.
.....
.....
Когда думаю я о родине,
Разрывается печень моя⁷⁸.
(*Суровый декабрь*)

Повествование о калмыках существенно дополняет и автобиографическая повесть О. Волкова «Погружение во тьму»⁷⁹. В ней, в част-

ности, идет речь о калмычке, последней, кто остался в живых из всех переселенцев-калмыков в поселке Ярцево Туруханского района, о тяжелой доле, выпавшей на плечи калмыков. Автор повести не был осведомлен о том, что калмыки проживали не только в Ярцево, где, вероятно, и ему самому довелось быть в начале 1950-х годов.

По данным НКВД СССР, в Туруханском районе было расселено 1860 калмыков⁸⁰. Управление НКВД по Красноярскому краю, его районные органы, в ведении которых находились спецпереселенцы, допускали нарушения по использованию трудовых ресурсов, в том числе и калмыков. Не имея на то разрешения, перебрасывали спецпереселенцев на разные участки работы. Так, Туруханское районное отделение НКВД, о котором упоминает О. Волков, направило всех граждан калмыцкой национальности, занятых на предприятиях рыбной промышленности, на сельхозработы и лесозаготовку.

По этому факту наркому рыбной промышленности СССР А.А. Ишкову пришлось обратиться в НКВД СССР. После чего заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышевым были даны указания «прекратить мобилизации спецпереселенцев, ранее мобилизованных вернуть на работу в рыбную промышленность»⁸¹. Однако документы об исполнении этого указания отсутствуют. Как и повсюду, здесь спецпереселенцы нуждались в существенном улучшении бытовых условий, обеспечении продовольствием, обувью, спецодеждой. Об этом, как и о других фактах произвола, пишет О. Волков.

Поэма СЕМЕНА Липкина «Ты виноват» воссоздает картину депортации калмыков. Через судьбы героев поэмы — бойца калмыка Церена Пюрвеева, участника Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., семьи профсоюзного деятеля республики Т. Бимбаевой С. Липкин показал судьбу калмыков, подвергшихся репрессиям накануне 1944 г., и отправление их под конвоем в Сибирь. Поэт подробно характеризует события тех дней и дает им свою оценку.

С. Липкин показывает, насколько сильной была раздвоенность сознания самого общества. Однако в железнодорожном вагоне, в котором отправляли калмыков в столь отдаленные места, все они были уравнинены в правах. Поэт обращается к технику-интенданту, одному из героев поэмы:

Видишь ты эту теплушку?
Слышишь ты эти крики?
Останови состав с высланным племенем:
Поголовная смерть одного,

Даже малого поколения
Есть бесславный конец всего человечества!
Останови, состав, останови!⁸²

Возможно, руководство республики и знало о предстоящей акции по отношению к калмыкам, однако для простого люда это было полной неожиданностью. Во многих населенных пунктах отсутствовало даже радио. «Мы ничего не знаем, ни о чем не догадываемся, что случилось в толк не возьмем, — рассказывала Ботха Содыковна Шоваева. — Ясный день на дворе, а людей силком из домов выгоняют — побыстрей, побыстрей... Вот такие времена были: ничего не знали, только верили в справедливость, в родину, в Сталина...»⁸³.

Финалом этой эпопеи была не остановка состава, а принудительное переселение всего калмыцкого народа в Казахстан и Сибирь. С. Липкину, по нашему мнению, удалось довольно четко расставить политические акценты, передать дух того времени. Поэт был вправе поставить вопрос: почему такое случилось? что могло предвещать беду? Были ли основания у калмыков для беспокойства по этому поводу? Ведь в отношении калмыков Сталин проявлял особую заботу. Еще в апреле 1923 г. он заявил, что «стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины»⁸⁴.

И. Сталин еще тогда отчетливо представлял влияние российской действительности на пробуждающиеся народы Востока, в том числе и калмыков, и не случайно призывал «не предпринимать ничего такого, что могло бы, хотя бы отдаленно умалить значение каждой отдельной, самой маленькой народности на восточных окраинах»⁸⁵.

Но очень скоро эти, как многие другие его утверждения станут пустым звуком, а проводимая в государстве национальная политика приобретет черты «видимого интернационализма». Административно-командный стиль управления национальными процессами будет жестким, основанным на беспрекословном и бескомпромиссном подчинении.

Для понимания того, как шел процесс формирования национального сознания калмыков и его трансформация в новой обстановке, очень важны записи воспоминаний калмыков, принудительно переселенных с территории республики, выполненные Э. Шамаковой⁸⁶. Уже в пути следования ничего не подозревавшие спецпереселенцы почувствовали на себе, как относятся к «врагам

народа»: «Это клеймо впервые обожгло». В Сибири, в частности, в Ханты-Мансийске, калмыки встретили таких же переселенцев из кулацких семей, которым раньше, чем им самим, пришлось выживать в еще более трудных условиях, что сближало их, рождало понимание. Эту мысль подчеркивал в своем стихотворении «От правды я не отрекался» (1956 г.) поэт Калмыкии Давид Кугультинов. Он писал:

Я знал, что мой народ в лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Средь лучших русских, среди щедрейших в мире,
Деливших с нами и судьбу, и хлеб⁸⁷.

В преодолении тягот судьбы важную роль играла вера в будущее. Она помогала и спасала. Были калмыки, которые вселяли такую веру. «Для калмыков настанут лучшие времена, мы вернемся в родные степи», — говорили они. На основе этого формировалось и новое самосознание, а также национальное сознание калмыков.

Стихотворение Д. Кугультинова «От правды я не отрекался» можно назвать вершиной поэтического творчества в освещении столь сложной темы принудительного переселения народов. Поэт разделяет горе, переживает со своим народом непредвиденную разлуку со своей родиной.

Кугультинов — один из тех поэтов, кто в стихах смело «судил жестокий произвол», что по тем временам было жесткой альтернативой проводимой тоталитарным режимом власти политике. Естественно, никто не отрицал необходимости борьбы против бандитизма в тылу Красной армии в период войны 1941—1945 гг., в том числе и на территории Калмыцкой АССР и других регионов Северного Кавказа⁸⁸, однако отрицали и восставали против того, что весь народ может быть виновным, может быть полностью поруганным.

В то время гнев несправедливый, дикий
Нас подавил... И свет для нас потух.
И даже слово самое — «калмыки» —
Произносить боялись люди вслух⁸⁹.

Д. Кугультинов, как представитель национальной калмыцкой элиты, понимал, настолько важно, чтобы в этих трудных условиях его народ не потерял веру, прежде всего, в себя, в свои силы:

Тогда, слезами рифмы закрепляя,
Я для друзей писал, я утешал
Тех, кто был изгнан из родного края...
Я говорил им: прекратится шквал...⁹⁰

Несомненно, только благодаря большому жизненному опыту Д. Кугультинов мог предвидеть будущее, он верил:

...Исчезнет всё, что наши души гложет...
<...>
Весь наш народ калмыцкий возвратится
К могилам предков, к дорогой земле...⁹¹

Д. Кугультинов открыто называл виновников, свершивших глумление не только над калмыцким народом, но и другими народами страны, и утверждал:

Я был душой с народом, втайне веря, —
Как весь хороший, честный мой народ, —
Что к подлым слугам кровожадных Берий
Расплата — рано ль, поздно — а придет!⁹²

Тяжелая судьба выпала на долю самого поэта, когда «из-за стихов, по их живому следу» к нему «ворвался ветер ледяной», пришлось трудиться «близ океана в стуже ледовитой», провести там «десять бесконечных лет».

Замечу, что многие поэты тот период в истории своих народов характеризуют как «ледяной», терзающий народ, принесший много горя и страданий. У кабардинской поэтессы Инны Кашежевой есть такие строки: «Ледником меж горами та зима протекла...». Речь идет о зиме 1944 г., когда были оторваны от родных очагов балкарцы (Кабардино-Балкарская АССР), так же как и некоторые представители кабардинского народа (более 2 тыс. человек)⁹³.

Публиковать что-либо по проблеме принудительных переселений чеченцев и ингушей было очень сложно. Зачастую запрещалось даже упоминать народы, подвергшиеся репрессиям. Так, в подготовленной специалистами-филологами и опубликованной в 1953 г. в издательстве Академии наук СССР монографии «Бацбийский язык» понятия «чеченский язык» и «ингушский язык» были заменены другими — «восточновайнахский язык» и «западновайнахский язык»*.

* Вайнахи — собирательное имя чеченцев и ингушей.

Нет упоминаний о языках репрессированных сталинским режимом народов и в статье «Языки народов СССР» в Большой советской энциклопедии⁹⁴.

Самым кощунственным в этих акциях было то, что уничтожались духовные ценности народов. Автор-составитель книги «Живая память: о жертвах сталинских репрессий». Д. Ходжаев подробно осветил эти действия органов государственной власти на территории Чечено-Ингушской АССР⁹⁵.

В ходе депортации были изъяты древние рукописи, религиозно-философские трактаты, арабоязычные труды по математике, астрономии, медицине, исторические хадисы, древние предания чеченцев и ингушей на арабском и чеченском (арабской графики) языках, светская художественная литература. Уничтожались все эпиграфические памятники на территории бывшей республики. Духовному наследию народов был нанесен огромный ущерб, уничтожалась всякая память об этих народах. Все это было направлено на то, чтобы оторвать народы от своих корней, лишить культуры, родных языков.

Об этих тяжелых временах повествуют Саид Чахкиев (рассказ «Выйти замуж за огонь»), роман «Золотые столбы»), Аза Базоркина (воспоминания «Терпение»), Ахмет Веджижев (рассказ «Орден»), Дж. Умалатов (воспоминания «Я помню...»), Магомед Мусаев (очерк «Судьбы народные») и другие. Продолжают этот ряд роман Магомеда Сулаева «Выселение» и повесть Зиявди Абдуллаева «Всполохи». В этих произведениях затронута не только тема пережитого их народами, но звучит тема нравственного и национального прозрения.

Авторы этих произведений едины во мнении: народы не могут быть виновны за творившуюся политику, как не виновны в этом старики и дети.

В своих произведениях писатели поднимают такие проблемы, как принудительная демобилизация с фронта солдат, принадлежащих к народам, подвергшимся репрессиям, возвращение из мест принудительных переселений и трудности обустройства на местах прежнего проживания, сопровождаемые спорами о территориальном размежевании, взаимоотношения между представителями разных национальностей.

В основу Вайнахской повести «Возвращение огня» Ивана Минтяка легли личные переживания поэта, связанные с принудительным переселением народов Северного Кавказа в 1940-х годах:

Спецпогрузка шла...
В тот же год от очагов и прахов,
Выполняя Сталина приказ,
Увозили не одних вайнахов,
А почти весь Северный Кавказ⁹⁶.

И. Минтяк впервые обратился к проблеме насильственно возвращаемых с фронта солдат, показывая такое же незащищенное положение защитников родины на фронтах Великой Отечественной войны.

Парадокс наяву — вчера защитник родины, героически сражавшийся в бою, а сегодня на основании приказа ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г.⁹⁷ — «чуждый» элемент, «враг народа». Возмущением полны строки из поэмы «Завещание» балкарского поэта Кайсына Кулиева:

Вы слышите ли нас? А мы на фронте!
Ужель для вас погибшие не в счет?
Прочь! наших бедных матерей не троньте!
Куда увозите вы наш народ?⁹⁸

Такое положение не укладывалось в сознании вчерашнего красноармейца, советского офицера.

Акции по принудительному переселению народов не могли не содействовать развитию определенного консерватизма, корпоративного сознания, хотя с этой точкой зрения многие не согласны. Возможно, что эти именно факторы способствовали сохранению названных этнических общностей в условиях депортации.

Безусловно, была заметно ослаблена социальная натурализация репрессированных граждан, что касается их этнической мобилизации, то об этом и говорить не приходилось, так как вряд ли можно было это осуществить в условиях режимного функционирования спецкомендатур, регламентировавших повседневную жизнь спецпереселенцев. Положение спецпереселенца (условия проживания, трудовая занятость, удовлетворение культурных запросов, реализация социальной политики и т.д.) не могло способствовать нормальному развитию личности, независимо от принадлежности к той или иной национальности.

Рассматриваемой теме посвятил свое творчество прозаик ингуш Хажбикар Боков, автор романа «Преодоление», повести «Под гневом верховным», эссе «Эхо невозвратного прошлого», коротких рассказов. Героями его произведений выступают сыны чеченского и ингушского народов — народов, подвергшихся изгнанию из земли предков и за тринадцать лет ссылки испытавших и унижения, и

притеснения. Читатель знакомится не только с событиями, связанными с депортацией чеченцев и ингушей, но и перипетиями их возвращения на историческую родину с авторской оценкой этих событий, его выводами, подкрепленными богатым жизненным опытом.

На убедительных примерах, приводя веские аргументы, писатель раскрывает проблему ценности личности, утверждая, что ее формирование невозможно без таких категорий, как национальное сознание и самосознание. Их развитие основано на просвещении народа и горячей привязанности к родине. С этой позиции Х. Боков рассматривает положение чеченцев и ингушей в системе межэтнических отношений Северного Кавказа и страны.

В повествовании «Слово о вайнахах (взгляд изнутри)» Х. Боков пытается раскрыть характер той жестокой несправедливости, которая была проявлена по отношению к вайнахам — поголовному выселению из родных мест и приданию им статуса «спецпереселенцев».

В противовес этим жестким мерам писатель приводит интересные примеры из жизни вайнахских народов, показывает процесс формирования их сознания и национального самосознания под влиянием различных событий, сопряженного со стремлением вайнахов к защите родины, жизни в мире и взаимопонимании с другими народами.

В качестве иллюстративного материала Х. Боков использует содержательные сказания, сложенные самими вайнахами, в которых выражено отношение к тому, что случилось с ними. В этом плане показателен сказ, сложенный после возвращения чеченцев и ингушей на свою историческую родину.

Чтим Торко⁹⁹ мы заветное слово:
Разве в несчастье народ виноват?
Будем верны духу братства святого,
С верою в дружбу вернемся назад¹⁰⁰.

Эти слова — лейтмотив крепнущей жизненной силы народов. Это историческая реальность 1960—1980-х годов. Побеждающая сила жизни требовала новых усилий по преодолению ошибок прошлого, сотворенных, по замечанию писателя, «злыми нежитями».

Снова вайнахи собрались семьей,
В братстве святом без обид и оков.
Зажили славно, срастаясь с землею,
Политой кровью и потом отцов¹⁰¹.

Произведения Х. Бокова, хотя в них и присутствует определенная идеализация, призывают к миру и добру, взвешенному подходу к решению острых проблем межэтнических отношений в государстве, имя которому Россия.

Бывший председатель деятелей Ассоциации эстрадного искусства СССР, танцор с мировым именем чеченец Махмуд Эсамбаев вспоминал: «...Каждый месяц пятого числа я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что чеченец по национальности, что я на месте, не сбежал. Такая процедура казалась мне унижительной»¹⁰².

В своем выступлении 16 марта 1995 г. на заседании Общественного Совета при Председателе Правительства Российской Федерации по вопросам урегулирования ситуации в Чеченской Республике, возвращаясь памятью в прошлое, М. Эсамбаев сказал: «...Мне было 16 лет, я был мальчик и не понимал той трагедии.

Я не могу сказать о том, что, если нас выслал И. Сталин, то это означает, что грузинский народ плохой. Я не могу сказать сегодня и о том, что, если бы мне дали в руки пулемет, и оказался бы я в разрушенном Грозном, то куда бы я стрелял: вправо или влево. Не могу ответить: это мои, и то мои...»¹⁰³. Это яркий пример тому, что депортация не могла не повлиять на формирование совершенно особенного типа национального сознания, и прежде всего по вектору — «народы и власть».

Роман народного писателя Ингушетии Ахмеда Бокова «Узкие ворота» посвящен трагическим событиям в жизни ингушской общности. По мнению литературоведа Х.М. Мартазановой, в романе нашла отражение «высшая форма трагедии, связанная с потерей родины и угрозой насильственной смерти родного народа»¹⁰⁴.

Роман автобиографичен — А. Боков пережил все ужасы депортации и показал изнутри механизм перемалывания людских судеб. Писателем предпринята попытка художественного осмысления процесса подготовки на государственном уровне депортации чеченцев и ингушей. И автор романа, и литературовед М.Х. Мартазанова определяют этот исторический период как «сталинско-бериевский режим», оставляя за рамками этого определения ту когорту деятелей, кто «лепил» в карательных органах эту политику. Они по-прежнему являются неприкосновенной кастой.

Описывая режим спецпоселений, писатель нашел тот художественный образ, что дал название всему произведению, — «Узкие ворота»: «...вход в места спецпоселений был широким, хотя счастье

выйти через “узкие ворота” выпадало не каждому». Здесь, в местах обязательного поселения, по мнению Х.М. Мартазановой, тоталитарный режим обрел возможность «сломать человека, лишить памяти, подавить его волю». Внимание историка останавливают те части романа, в которых содержится фактический материал о применении труда спецпереселенцев чеченцев и ингушей на строительстве Усть-Каменогорской ГЭС.

Следует отметить, что многим чеченским и ингушским деятелям культуры пришлось находиться на спецпоселении, что на первых порах не могло не оказать влияние на их творчество. Только в Казахстане находились Х.С. Осьмиев, Х.Д. Ошаев, Б.С. Саидов, М. Сальмурзаев, М. Хашагульгов, А.-Х.Х. Хамидов, М.А. Сулаев, С.И. Чахкиев, А.Ш. Мамакаев, Зинаида Чумакова (З.С. Джебраилова), Я.И. Хасбулатов, М. Завриев и многие другие¹⁰⁵. Тема депортации чеченцев и ингушей была основной в творчестве многих из них.

Что касается проблемы освещения в литературе принудительного переселения и возвращения в места прежнего проживания балкарцев, то в первом ряду должны быть названы лирические стихотворения народного балкарского поэта Кязима Мечиева¹⁰⁶. Поэма «Многострадальный мой народ» написана им в условиях принудительного переселения еще в 1944 г. К. Мечиев постоянно призывал к миру, даже в трудных условиях бытия, что звучало набатом. Строки эти бессмертны, они как предостережение последующим поколениям не допускать подобных ошибок в отношении народов, личности.

Вслушайтесь и правильно поймите
Вы слова печальные мои:
Ненависти в сердце не берите,
Гиблой избежите колеи¹⁰⁷.

Поэт пытался найти причину случившемуся и в то же время нацеливал свой народ не на озлоблении в дальнейшем, а на надежде, вере.

Не озлобляйтесь на страну, страна здесь ни при чем,
Что на чужбине, вдалеке от родины живем!
Нам стойкими пристало быть — прошу тебя, пойми,
<...>
Что и в несчастье надо быть достойными людьми.
(Завещание)

Это была своеобразная стратегия формирования мировоззрения народа, восприятия того мира, в котором он очутился. Все это, несомненно, обусловило особенности мышления, мировоззрения и культурного поведения человека в экстремальной ситуации¹⁰⁸.

К. Мечиев призывал депортированный балкарский народ преодолеть беду:

Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут¹⁰⁹.

И в другом своем стихотворении «Выдержать!» К. Мечиев, обращаясь к балкарцам в изгнании, вновь призывал:

Вы ненависти в сердце не копите.
<...>
Не обезумьте, к вам взываю, братья!¹¹⁰

Поэт вселял веру в своих соотечественниках. Полагаясь на свой жизненный опыт, он не единожды говорил: «Вы вернетесь, верьте мне». В этом был уверен и другой балкарский поэт, Кайсын Кулиев, написавший в поэме «Завещание» (1944):

Теперь я не глазами — сердцем зорок,
Я вижу, что вернетесь вы домой¹¹¹.

Кязим Мечиев проявлял беспокойство о духовно-нравственном состоянии народа в такой трагической ситуации. В своем стихотворении «Будем надеяться мы сегодня» писал:

Выселение — тяжкое дело,
А мы испытали это вновь,
Умение трагедию выдержать — тоже дело,
Не выдержим — позор¹¹².

Исследователь Е.А. Жабоева, изучая творчество К. Мечиева, весьма тонко подметила, что «для него поистине было свойственным видеть понятие “теперь” — не значит страдать, а значит чувствовать пульс жизни, видеть перспективы именно в терпении, видеть и познавать жизнь в ее многообразии, воспринимать ее реалии как есть»¹¹³. Именно к этому он призывал балкарский народ, будучи в условиях принудительного переселения.

Жизнь поэта Кязима Мечиева — образец стойкости и мужества. Она воспета писателем Алимом Теппеевым в трагедии «Тяжкий путь», где изображены многие стороны жизни балкарцев в изгнании. Умер поэт в возрасте 86 лет в Казахстане в 1945 г. от голода.

Лирику Танзили Зумакуловой (Кабардино-Балкарская Республика) отличает активная жизненная позиция. Для поэтессы, как писали издатели, представляя ее стихотворный сборник «Весна в горах», «все, что касается земли, людей... родное, кровное, главное». То, что связано с принудительным переселением балкарцев в 1944 г., Т. Зумакулова не называет прямо. Восприятие этих трагических событий передано через ее внутреннее состояние, душевные переживания. Это ее личный жизненный опыт, ее стремление, несмотря на сложную ситуацию, занять достойное место в жизни, содействовать своими усилиями обретению ее соплеменниками достойного места в содружестве народов страны (стихотворения «Киргизия», «В родном ауле»).

Как известно, условия проживания спецпереселенцев были трудными — находились ли они в Казахстане или в республиках Средней Азии. Важную роль играла поддержка тех народов, которые принимали переселенных граждан.

Поэтесса выражает Киргизии благодарность балкарского народа за радушие киргизов, за их понимание и сочувствие:

Ты приняла меня, как мать,
И на груди своей согрела,
Когда еще я отличать беды от счастья не умела.

В стихах и поэмах Т. Зумакуловой нет надрывности, наличествует спокойный тон, склонность к анализу. Это случилось с нею, с ее народом, и необходимо принять судьбу как она есть, жизнь продолжается... С чувством глубокой признательности она вспоминает о жизни в Киргизии:

В твоих селеньях в горький час
Людей я хоронила близких
И девочкой пускалась в пляс
На свадьбах и пирах киргизских¹¹⁴.

На начало 1950-х годов в Киргизской ССР, по приблизительным данным, проживали 81 121 принудительно переселенных граждан,

из них немцы — 10 046 человек, карачаевцы — 14 518 человек, чеченцы — 39 663 человека, ингуши — 1389 человек, балкарцы — 9009 человек, другие — 424 человека (кумыки, езиды, кабардинцы, аварцы, голландцы (7 человек), лазы (35 человек), осетины (9 человек), даргинцы (9 человек), тавлины (6 человек), ногайцы (5 человек), абхазы (3 человека), сваны (2 человека), адыгейцы (1 человек), черкесы (1 человек)), крымские татары (238 человек), греки (12 человек), болгары (1 человек), турки (1623 человека), курды (1533 человека), хемшины (488 человек), другие (1700 человек)¹¹⁵.

Граждане многих национальностей, познавая киргизскую культуру, принимали новые реалии, трудились, преумножая экономический потенциал Киргизии, совершенствуя свое духовное развитие через постижение культуры как киргизского, так и других народов, населяющих ее.

Тогда на земле Киргизии в новых условиях шел процесс адаптации культур, действительно формировалось самосознание и национальное сознание новых поколений не только балкарцев, но и многих представителей других этнических общностей, претерпевших последствия переселений. Подчеркивая это, Танзиля Зумакулова пишет:

Киргизия, земля моя,
Ты приняла меня, как дочку.
Здесь первый сноп связала я
И первую сложила строчку¹¹⁶.

Анализ произведений поэтессы Т. Зумакуловой с использованием альтернативного метода исследования (И. Смелзер) позволяет сделать и альтернативный вывод, в противовес тому сложившемуся стереотипу, согласно которому якобы духовное развитие балкарского народа отстало на десятилетия. Исследователи в своих работах, касаясь этого периода в жизни репрессированных народов, показывают, что на самом деле положение было иным, хотя никто не умаляет всех трудностей, лишений и душевных переживаний.

Насильственное переселение народа (без добровольного волеизъявления) в значительной мере обострило чувство приверженности к исторической родине у каждого из репрессированных граждан, включая балкарцев. Каждый, кто вернулся из мест депортации, испытывает притяжение отчего дома, места, где он появился на свет. Об этом поэтесса в своей спокойной манере напишет в стихотворении «В родном ауле»:

Край мой, я не пропала без вести,
Привела меня старая связь
К серым глыбам, торчащим на месте
Старой сакли, где я родилась.

Поэтесса призывает помнить всегда свой отчий дом, быть ему преданным, любить свою большую и малую родину:

Вот наш двор, сохранившийся мало.
Все черно, лишь по-прежнему бел
Камень тот, на котором, бывало,
Старый дед мой все лето сидел...

И все же воспоминания не должны заслонять будущее:

Но не время считать мне потери,
Жизнь идет и на склоне крутом
Раскрывает мне окна и двери
Новый, пахнувший краскою дом.

<...>

Что найду я, что вновь я утрачу,
Предсказать, угадать не берусь,
Я не знаю — от радости ль плачу
Или, может, сквозь слезы смеюсь¹¹⁷.

Т. Зумакулова подводит черту под ушедшей прежней жизнью, призывает своих соплеменников посмотреть на новое время другими глазами. Уважая прошлое, надо идти, продвигаться вперед, надо любить, растить детей, *думать о будущем*.

Весьма многогранна в отношении темы принудительного переселения поэтическая философия балкарского поэта, старшего лейтенанта в годы Великой Отечественной войны, сотрудника армейской газеты Кайсына Кулиева. Анализ его творчества показывает, что поэт в своих произведениях, возможно, с учетом тех идеологических установок, которыми обуславливалась жизнь советских народов в то время, только намеками мог обозначать эту сложную проблему в истории своего народа, осуществляя это искусно, умело и крайне осторожно, преследуя в данном случае цель — не навредить себе, своему народу.

В своей книге-обращении под лаконичным названием «Говорю людям» в стихотворении «Два письма в Киев», посвященному Миколе и Нине Бажан, а также Марии Гавриловне Соссюре, жене

поэта Владимира Соссюры, К. Кулиев не мог обойти и эту тему, напоминая:

Долго после войны мы не виделись
Потому, что беда неожиданная
В эти годы постигла меня...¹¹⁸

Тяжелой была судьба балкарской творческой интеллигенции. В числе принудительно переселенных оказались и народный поэт Кязим Мечиев, и Танзиля Зумакулова, и Кайсын Кулиев, и многие начинающие поэты. Жестокая судьба не была к ним благосклонна, но никогда не теряли они уверенности в жизни, в том, что наступят те времена, когда можно будет свободно излагать свои мысли и отношение к случившемуся с их народами.

Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу,

— пишет Кулиев в цикле стихов «Половецкая луна» в первой половине 1980-х годов, когда уже можно было давать оценку событиям прошлого, делать выводы. Поэт не был жесток в отношении не только к своим давним предкам, но и к тому, что произошло с его народом и с ним в 1940-е годы, когда почти 40 тысяч балкарцев были принудительно переселены в столь отдаленные места.

Поэта беспокоит моральное состояние своих соотечественников, зависящее от здоровья души человека, его самосознания, положения в обществе, стремления обрести вновь свою историческую родину. Этим проникнуты его стихотворения «Говорю луне», «Родной язык», «Рисунок к заглавию», «Ночью, когда шел снег», «Говорю дождю», «Печаль знакомого колодца», поэма «Завещание» (была опубликована только в 1990-е годы), а также поэма «Раненый камень»¹¹⁹, написанная автором спустя шесть лет после возвращения со спецпоселения (1964).

По мнению литературоведов, занимающихся творчеством поэта, К. Кулиев был в числе первых, кто поднял на щит тему принудительного переселения, призывал к осознанию оценки этих действий, соблюдению при этом норм морали, к заботе о сознании граждан. «Поэтическая сверхзадача Кулиева, — пишет в связи с этим Б.А. Берберов, — обратить самосознание человека на высоту этических идеалов в момент, когда “история вышла из берегов”»¹²⁰.

Как известно, во второй половине 1940-х годов Кайсын был исключен из Союза писателей и не мог печатать свои стихи, прозу. Только после реабилитации «поруганных» народов он смог полностью возвратиться к своему ремеслу. В июне 1957 г. он встречается после долгой разлуки с писателем Алимом Кешоковым, с которым породнила его война — их полк сражался под Сталинградом. Было о чем вспомнить фронтовым друзьям. Эта встреча нашла отражение в стихотворении «Разговор с родной землей»:

Я долго носил твою боль в своем сердце
И счастлив, что кончилось время невзгод...

Это была реабилитация и всего народа, к которому принадлежал Кайсын Кулиев, и окончание незаслуженных личных мтарств писателя, истинного знатока жизни своего народа.

В связи с рассматриваемой проблемой возникает большое желание возвратиться к работам великого старца Кязима Мечиева, его призыву, прозвучавшему еще в середине 1940-х годов, но актуальному и по сей день:

Я стар и мне не вернуться,
А вы вернетесь, верьте мне.
Берегите веру и душу,
Чтобы было с чем возвращаться и для чего возвращаться.
Не таите злобу,
Нет в ней смысла.
Оставляю вам завещание:
Спасение — в единении и надежде¹²¹.

(Перевод Владимира Лукьяева)

Надо напомнить, что принудительно переселяемые народы утеряли и свою государственность. Она была ликвидирована. Не стало балкарского народа на Северном Кавказе, не стало и проблемы? Однако известная формула не сработала. Проблем у репрессированных народов стало больше. Последовал душевный надлом, ничем необъяснимый. Особенно это сказалось на тех, кто защищал Отчизну на фронтах и был демобилизован в разгар наступлений Красной Армии все дальше на Запад, на логово фашизма (таких среди репрессированных было более 20 тыс. человек).

Несмотря на проявленную к ним несправедливость, все народы встали на защиту Союза ССР, считая Союз своим Отечеством.

Греки, корейцы, курды и др. осаждали военкоматы, желая идти на фронт добровольцами, многие из них спустя некоторое время были репрессированы.

Фактически все писатели, соприкасавшиеся с этой сложной проблемой, с осуждением относились к тем, кто творил эти дела. Выразил свое отношение к этому и кабардинский поэт Адам Шогенцуков. Он сам был подвергнут притеснениям по причине национальности. Сотрудники НКВД долго выясняли «не крымский татарин ли он?». Тогда, в Крыму все завершилось благополучно... «Впервые тогда, — пишет А. Шогенцуков, — я подумал о своей национальной принадлежности. Подумал с горестью также о других людях, вся вина которых заключалась лишь только в том, что они представляют определенную национальность. А откуда у меня могла быть уверенность, что такая же участь не постигнет моих соплеменников»¹²².

Только в 2005 г. российская историография впервые пополнилась обобщающим научным исследованием, подготовленным учеными Москвы и республик Северного Кавказа. Оно посвящено специально проблеме участия представителей репрессированных народов в Великой Отечественной войне¹²³. Были выявлены количественные характеристики этих процессов, а также показаны судьбы отдельных граждан — воинов, представителей народов, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны режима власти.

Правда, до выхода в свет этого издания авторы немногочисленных опубликованных научных трудов по данной проблеме занимались в основном выяснением количественных характеристик описываемых событий времен войны. Возможность для подробного изучения этой темы у них отсутствовала¹²⁴. Теперь уже известно, что, по данным проведенного в 1949 г. НКВД СССР учета репрессированных граждан, численность спецпереселенцев, ранее служивших в Красной Армии, составляла: офицеры — 8343 человека, сержанты — 28 001 человек, рядовой состав — 173 201 человек, всего — 209 545 человек¹²⁵.

Приведем лишь некоторые данные, свидетельствующие об участии представителей репрессированных народов в борьбе против фашизма. После принудительной демобилизации из Красной Армии (1943—1944 гг.) среди подвергнутых репрессиям значилось в числе возвращенных в 1944—1945 гг. 156 843 демобилизованных военных, в числе их 5943 офицера, 20 209 сержантов, 130 691 рядовой солдат. Однако возвращение военных с фронтов продолжалось. Это была трагедия для всех военных, представлявших

репрессированные народы, и в сознании каждого человека она отражалась по-разному.

Если анализировать этот вопрос с позиции национального состава, то это распределение выглядело следующим образом: российские немцы (принудительно выселенные) — 33 615 человек, чеченцы — 8894 человека, ингуши — 4248 человек, крымские татары — 8895 человек, турки-месхетинцы — 2517 человек, балкарцы — 1045 человек, карачаевцы — 2543 человека, калмыки — 6148 человек, поляки — 926 человек, греки — 569 человек и др. Все они рассматривались как враги народа. Среди спецпоселенцев было инвалидов-участников войны и награжденных орденами и медалями: немцы — 15 160 и 14 960, крымские татары — 5700 и 2120, калмыки — 1900 и 14 960, чеченцы — 2880 и 4455, ингуши — 1085 и 1869, карачаевцы — 702 и 631, балкарцы — 221 и 142¹²⁶.

Следует заметить, что и среди офицеров, командовавших воинскими подразделениями, имелось немало тех, кто понимал нелепость принятого решения о принудительной демобилизации представителей репрессированных народов из рядов Красной Армии. Директива об увольнении их в запас не выполнялась по нескольку месяцев¹²⁷.

Острой в этом плане оставалась ситуация на Северном Кавказе. Особенно трудно протекали процессы призыва в Красную Армию. Это особая тема исторической науки, которая еще ждет своих исследователей. Ее изучение позволит во многом восстановить те процессы, которые имели место в республиках и краях региона. Так, в Чечено-Ингушской АССР к середине марта 1943 г. было мобилизовано 4208 человек, однако на фронт отправлены были из этой группы призывников только 1850 человек¹²⁸.

Как отмечают многие исследователи этой проблемы, например, в Чечено-Ингушской АССР значительная часть призванных в армию мужчин накануне войны ушли с оружием в горы и образовали мятежные отряды во главе с партийными руководителями и работниками НКВД. Мобилизация на территории республики, естественно, была прекращена. Не случаен и тот факт, что среди выселенных чеченцев было более 1 тыс. членов ВКП (б), 900 комсомольцев, сотни офицеров Красной Армии.

Такая ситуация не могла не оказать заметное влияние на формирование самосознания и национального сознания — важной составляющей развития общества. Национальное сознание, состояние которого в значительной мере воздействовало и на взаимоотношения по вектору «народы и власть», на изменение отношения к самим

понятиям «государство», «власть», а также к атрибутам (символам) государства, на отношения между народами, заметно трансформировалось в сторону формирования негативных моментов.

Последствия притеснений со стороны властных структур терпели все народы. Недостаточно осознаны эти акции и в отношении русского народа. «Эти действия, а также “философский пароход”, репрессии, — не тридцатых, а двадцатых годов, — нанесли серьезные удары русскому национальному самосознанию, делу патриотического воспитания, или точнее, патриотического мировосприятия, свойственного русскому человеку», — пишет историк А.В. Никонов¹²⁹.

Привлекает внимание историко-публицистическое повествование балкарского прозаика Владимира Лукьяева, в котором показаны трудности транспортировки переселявшихся балкарцев, адаптации их в новых районах проживания¹³⁰. Лишения, как замечает автор, были обусловлены в первую очередь войной. Однако и в этой обстановке предпринимались различные меры, чтобы облегчить положение народов, когорт населения, подвергшихся «наказанию» и прибывших в новые места для проживания. Автор поднимает и такую важную проблему, как человеческий фактор, выразившийся в сочувствии и бескорыстной помощи представителей местных русской, казахской и других национальностей.

Ценность работы В. Лукьяева в ее богатой информативности. Автор приводит важные сведения о демографической ситуации балкарского народа в 1940—1950-е годы, показывает ее динамику.

Частично вопрос о депортации балкарского народа, о национальных процессах в Кабардино-Балкарии в 1940—1950-е годы рассмотрела и исследователь Ф. Урусбиева¹³¹. Правда, автор утверждает, что принудительное переселение балкарцев в 1944 г. якобы «сократило их численность почти втрое». Это не соответствует истинному положению дел.

В ряде случаев следует приветствовать и обращение прозаиков к другим, не менее важным, но слабо изученным сторонам проблемы: какое влияние оказало переселение балкарцев, других групп населения на развитие экономики, культуры как северокавказского региона в целом, так и его отдельных национально-государственных образований.

Проведение таких мер в условиях войны с фашизмом отвлекало от нужд государства и его обороны значительные людские ресурсы, военную силу, технику, транспортные средства передвижения. В

срочном порядке надо было «сооружать» контролирующий режимный аппарат — спецкомендатуры.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в периодической печати появились статьи писателей по данной проблеме, выполненные в историко-публицистическом ключе. Их содержание также проливает определенный свет на суть национальных процессов в Кабардино-Балкарской АССР в 1920—1950-е годы, хотя они, конечно, далеко не решали столь сложную проблему¹³². Примером такой публикации, по нашему мнению, является статья «Единая республика — единая судьба» балкарского писателя Жагафара Токумаева¹³³.

В своей работе писатель анализирует проблему единения народа в одной многонациональной республике, показывает эволюцию важных сторон жизни многонационального сообщества, призывает воспрепятствовать всеми путями возникающим межнациональным раздорам, отстаивать целостность своей республики. В этом случае автор считает важным умело использовать и распорядиться тем наследством, которое досталось каждому народу от его предков — честь, достоинство, мирный нрав, рассудительность, доброжелательность и благородство, помнить о той дружбе и помощи, которая была проявлена возвратившимся из депортации балкарцам. Писатель призывает к миру и созидательному труду, защищая согласие, законность и правопорядок.

Писатель Зейтун Толгуров в романе «Голубой тыпчак» (Нальчик: Эльбрус, 2003) раскрывает истинное положение дел в балкарских аулах в годы Великой Отечественной войны («сильных мужчин в ауле не оставалось, — одни были на фронте, другие в лесу, — кто партизанил, кто бандитствовал», с. 73). Пишет он об участии балкарцев в борьбе с фашистами на фронтах войны, о том, как тяжело устанавливались отношения между красноармейцами и местным населением. Автором через диалоги героев романа раскрыты позиции офицеров и красноармейцев по отношению к населению, о возвращении солдат с фронта по разным причинам, проявленном ими патриотизме и гражданском долге в тылу (Индрис Алашев и др.).

З. Толгуров через будни трудной жизни балкарцев в тот сложный период делает неоспоримый вывод, что «целый народ был перемолот этой беспощадной государственной молотилкой» (из беседы героев романа Кравцова, Халимат и Крыма), «все люди были разбросаны, разлучены» (с. 316). Особо значительным представляется вывод автора — люди даже в беде должны идти навстречу друг другу, должны помогать друг другу, быть милосердными.

...Крым. С ним связана судьба крымских татар, греков, болгар, армян, евреев, советских немцев, караимов, крымчаков и многих других этнических общностей (более 230 тыс. человек), подвергшихся депортации в первой половине 1940-х годов. Многие стороны этого периода в истории названных народов осветил писатель Эмиль Амит (Амитов) в своих воспоминаниях «Никто не забыт, ничто не забыто...»¹³⁴, заслуживающих пристального внимания, помогающих разобраться во многих событиях прошлого, в том числе и в изучаемом вопросе, рассмотреть некоторые спорные, дискуссионные стороны.

Э. Амит уделяет больше внимание своему народу — крымским татарам. Он пытается разобраться в причинах событий в Крыму в годы Великой Отечественной войны, определить роль и место интеллигенции — ученых, писателей, в первую очередь из крымских татар. Тем самым он преподает урок современности, отвечая на вопрос о месте идеологии в обществе в целом, а также, каким образом можно манипулировать самосознанием граждан, как и национальным сознанием, формирующим отношения между людьми той или иной национальности, — пренебрежением истории того или иного народа, открытым ее забвением.

Писатель, в том числе и на многих примерах из собственной жизни в условиях принудительного переселения, а также из жизни других представителей крымских татар, передает трагизм положения и порой кажущуюся безысходность. Свои переживания Э. Амит выразил в стихотворении «Моему деду», Пишет он и о том, как постепенно менялось отношение к крымским татарам со стороны узбеков. Им приведены многочисленные примеры поистине героической борьбы крымских татар в годы Великой Отечественной войны, одновременно упомянута им и обратная сторона вопроса в условиях Крымской АССР.

Публикуемые материалы, в том числе архивные, свидетельствуют о том, что во многом общественное мнение о крымских татарах формировалось по указанию сверху, с учетом требований проводимой национальной политики, в угоду тем, кто управлял национальными процессами в государстве. По этой причине крымским татарам пришлось продолжительное время оставаться в местах принудительного переселения, трудным для них оказался и процесс возвращения к прежним местам проживания — в Крым.

Несомненно, подобными действиями национальному сознанию крымских татар, как и других переселяемых с ними в прину-

дительном порядке народов, наносился огромный ущерб. К этому добавилось и забвение истории этих народов, и замена названий сел, деревень, и преодоление искусственно создаваемых трудностей возвращения в 1980—1990-х годах.

Для изучения в своем повествовании Э. Амит определяет в числе приоритетных сложные вопросы проблемы. В их числе: роль личности в истории, возможность осуществления альтернативной политики в тоталитарном обществе, отношение к представителям репрессированных народов, участвовавшим в ожесточенной борьбе с фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., о политиках, их конкретной деятельности по исправлению ошибок прошлого, об осуждении идеологии и практики сталинизма.

По мнению автора, во все времена особая роль в этом плане принадлежала писателям, деятелям культуры и искусства, в том числе выходцам из крымских татар. В освещении проблем переселения и реабилитации народов Крыма автор делит писателей, творческую интеллигенцию на две группы. К одной из них принадлежит он сам, а также писатели А. Приставкин, А. Костерин, А. Твардовский, К. Кулиев, а к другой он причисляет И. Козлова («В крымском подполье»), А. Первенцева («Честь смолоду»), И. Вергасова, П. Павленко («Счастье»), представителей киноискусства — Б. Ниеберидзе, С. Дудка, О. Туманов и др. Вряд ли целесообразно подобное деление. Любая точка зрения, в том числе и высказанная писателями, имеет право на жизнь и быть как ошибочной, так и содержать долю правды, раскрывать сложность положения, обогащать знания.

Э. Амит констатирует, что на протяжении 12 лет (до апреля 1956 г.) «умер каждый третий из 400 тыс. депортированных крымских татар»¹³⁵. Это не совсем верное утверждение, о чем свидетельствуют сведения, приведенные в других публикациях. Так, Т. Пулатов¹³⁶ в очерке «Всем миром — помочь братьям!» сообщает, что перед самой войной в Крыму вместе с русскими, украинцами, армянами, болгарами, греками проживали почти четверть миллиона крымских татар. Т. Пулатов близок в воссоздании действительного положения дел. По данным Всесоюзной переписи населения 1937 г., в Крымской АССР проживало 206 045 граждан крымской татарской национальности¹³⁷.

Касаясь таких сложных вопросов, как выступление местного населения на стороне фашистского режима в годы войны, роли партизанского движения на территории Крыма, Э. Амит бросает упрек тем историкам, кто не удосужился заглянуть в документы Научного архива Института истории СССР АН СССР (сейчас

Институт российской истории РАН), в котором содержатся, по его сведениям, документальные данные, в частности, о том, что в добровольческих отрядах в Крыму в 1942—1943 гг. насчитывалось около 30 тыс. добровольцев¹³⁸. Им также перечисляются национальности, представители которых входили в эти отряды. Однако автор не указывает, что в том же самом архиве отложились и другие документы, которые также свидетельствуют о конкретной коллаборационистской позиции немалой части крымских татар в отношении фашистского режима¹³⁹.

В этих же архивных документах содержатся сведения о крымском партизанском движении. Констатируется, что в начале 1944 г. среди 3783 крымских партизан полуострова крымских татар осталось около 600 человек (16%), а на конец третьего этапа развития партизанского движения (апрель 1944 г.) татар было 391 человек¹⁴⁰.

Болью и страданиями за пережитое наполнены произведения поэтессы Лили Буджуровой. Ее стихотворение «Разговор с сыном» обобщает события того трудного для крымских татар времени. Эта же тема в центре внимания автора в стихотворениях «Говори», «Как пахнет Родина», «Мы ждали этот час» и других¹⁴¹.

Т. Пулатов подчеркивает значение роли писателей, представителей другой творческой интеллигенции в сохранении культуры народов вообще, и репрессированных, в частности, их самобытности, традиций, что весьма важно для формирования самосознания и национального сознания, упрочения в нем таких понятий, как честь, достоинство, любовь к своему народу, родине, патриотизм.

Более 50 тыс. греков (по другим данным — более 80 тыс.), а заодно с ними болгары и армяне были выселены на Восток с территории Крыма и Черноморского побережья Кавказа. В своем произведении «Детство» (1976) поэт Михаил Синельников писал:

Мерно куркульские мельницы мелют.
Греков и курдов с корейцами селят,
Семечками плюют.

Немцы, чеченцы, баптисты, «субботники»,
Спецпоселенцы, бандеровцы, льготники,
Спившиеся скрипачи...¹⁴²

Проникновенно по своему содержанию творчество писателя грека Георгия Левентиса (Левентова), прошедшего муки ГУЛАГовского ада. Он был арестован в 1935 г. и сослан из села Большой

Янисоль в ГУЛАГ по одной причине — он грек. Образованный человек, знающий цену жизни, семьянин, учитель истории и словесности, он с горечью переживал арест. В своем стихотворении «Родной мой Янисоль» он писал о действиях НКВД:

Я — схваченный ежовой рукавицей.
На каторгу в Сибирь был сослан на пять лет.
За то, что лишь любил Элладу
И повидаться с ней в душе хранил обет¹⁴³.

Г. Левентис только благодаря своему мужеству, выносливости, способности верить в будущее, отбыл срок «наказания», возвратился на Украину¹⁴⁴, затем переехал в Грецию и далее — в Австралию.

Но я хочу забыть минувшие страдания
И всем простить обиды прошлых лет.
Счастливым видеть Янисоль — мое желанье.
Живу надеждой видеть твой расцвет¹⁴⁵.

Привлекает искреннее отношение писателя к русскому народу, который, по его мнению, незаконно обвиняется во всех грехах, исполняя волю тоталитарных режимов власти, находясь в сети манипулянтской политики Сталина. На обвинения, звучавшие из уст украинских националистов в адрес русских («вы научили русских грамоте, принесли христианство, а они за это ссылали вас в Сибирь»), Г. Левентис замечает: «Русский народ сам был жертвой сталинской диктатуры... русские, как и другие приемники этой европейской (греческой. — *Н.Б.*) цивилизации внесли заметный вклад в ее развитие и подняли до нынешнего уровня»¹⁴⁶. Именно в сочетании культур народов и их взаимодействии, верном их восприятии может формироваться самосознание и национальное сознание граждан страны, делать его единым, так понимал эту проблему писатель Г. Левентис.

Столь сложной проблемы касался и А. Коцонис в своей, как он сам ее называет, «почти документальной повести» «Болеро»¹⁴⁷. К какому-либо из народов претензий нет. Он обвиняет тех, кто формировал национальную политику в те суровые 1930—1940-е годы, в том числе по отношению к этническим меньшинствам (греки, корейцы, курды, болгары, армяне и др.), определял этнические общности как «текучие национальности», а значит, иными, не имевшими четко выраженной классовой структуры, территории. Одним словом, И. Сталин совместно со своим приближенным окружением создал на территории страны в разных направлениях «плывущий мир»¹⁴⁸.

Обвинения А.Н. Коцониса выдвинуты против тех, кто свободно использовал по отношению к этническим меньшинствам Союза ССР антиконституционные манипуляции. Автор призывает к оценке всех сторон тех событий во имя того, чтобы это не повторилось в будущем.

Следует отметить, что в 1990-е годы наблюдался значительный отток греков из России. В последующем в связи с урегулированием многих вопросов в миграционном потоке, решением некоторых социальных проблем отток греков несколько уменьшился. В стихотворении «Вместо гимна» Николая Патулиди читаем следующие строки:

Отеческих пенатов сладок дым,
Но быть важней на свете Человеком...
Какой бы ни звучал над нами гимн —
Понтийский грек был, есть и будет греком!¹⁴⁹

После переселения народов Крыма, как известно, следовали в места депортации народы Закавказья. Самая многочисленная группа из них — турки-месхетинцы (более 95 тыс. человек) последовали по тем же маршрутам в республики Средней Азии. 14 ноября 1944 г. стал для многих турок-месхетинцев, курдов, хемшилов, лазов, цыган трагическим днем.

Первым о месхетинских турках написал Чингиз Айтматов, затем — Александр Солженицын, а с началом движения за возвращение турок на свою родину число публикаций росло. Важную роль приобретали воспоминания самих участников событий. Народный поэт Муссадин Демитрадзе написал много стихов об этом периоде жизни своего народа.

Безвинный, безоружный мой народ
Чужим, сиротским стал,
Безвестным для родины своей,

— писал автор в 1990 г. в своем стихотворении «Прощание с родиной»¹⁵⁰. Тема нашла подробное отражение в песнях-плачах «О родине», «Память о Кавказе», «Плач» и других. Долгим был путь к реабилитации народов, подвергшихся репрессиям в Закавказье. Многие из них ждут ответа на вопрос «где их родина?» и по сей день. Одни из турок-месхетинцев остались в России, другие обрели родину на просторах Соединенных Штатов Америки, третьи — в республиках Средней Азии¹⁵¹.

Почти обо всех и сразу поведал в своем рассказе «Орленок» (1990) писатель Леонид Шорохов. Описанные им события в Средней Азии относятся к середине 1950-х годов. Они связаны в основном с депортированными народами, а район их проживания писатель образно называет «вавилонским смешением языков». В его рассказе нашлось место и для советских корейцев, и поляков, и немцев, и евреев. Образно осветил автор и формы выживания каждого из депортированных народов в этот период, на фоне тех великих достижений, которыми прославлялась держава. «Корейцы, зашибив кое-какую денгу, ударились в картеж. Евреи предпочитали не высовываться, поддерживали друг друга на плаву, учили детей на врачей, учителей, инженеров. Татары строили теплицы, сажали сады». Автор делает свой вывод: «Вглядываюсь — и вижу нищих, грабящих нищих, униженных, мучающих униженных, угнетенных, топчущих угнетенных»¹⁵².

Начиная со второй половины 1980-х годов — в начале XXI в. сказали свое слово и дали собственную оценку всем этим деяниям и историки. Появились исследования, специально посвященные народам, подвергшимся репрессиям, и эти исследования базировались не на эмоциях, не на лично пережитом, а на массиве документов. В числе этих этнических общностей значатся корейцы¹⁵³, поляки¹⁵⁴, немцы¹⁵⁵, иранцы¹⁵⁶, русские, карачаевцы¹⁵⁷, калмыки¹⁵⁸, чеченцы и ингуши¹⁵⁹, балкарцы и кабардинцы¹⁶⁰, болгары, греки¹⁶¹ и армяне, крымские татары¹⁶², турки-месхетинцы, курды, хемшилы¹⁶³, финны-ингерманландцы¹⁶⁴, представители других народов, составляющие в целом более 60 названий.

Творческий союз литераторов и историков, проведение совместных научно-практических конференций, многочисленных заседаний «круглых столов» по этой проблеме позволило заметно продвинуть изучение такой сложной, ранее закрытой темы, как депортации и реабилитация народов в России, пополнить наши познания по ней.

Разумеется, в этих условиях нельзя не отметить тенденцию фиксировать в массовом сознании репрессированных народов и когорт населения, принадлежащих к различным национальностям, злую память, негативную память.

Возникает новая задача — «пробудить новую память и обеспечить ее доступ к сознанию людей»¹⁶⁵, заявил Р. Абдулатипов, тогда министр национальной политики Российской Федерации, выступая на межнациональном совещании, проходившем в Эссентуках (Ставропольский край) в конце января 1999 г.

Развитие событий в России в 1990-е годы свидетельствует о том, что опыт принудительных переселений трагичен. О нем надо знать, но еще труднее, учитывая этот негативный опыт, выработать четкий механизм реализации мер реабилитации народов, устранения ошибок. В этой ситуации политика государства должна быть последовательной и преследовать цель ослабить проблему, сделать ее не такой жгучей.

Надо полагать, что главная роль здесь должна принадлежать коллективному разуму литераторов, юристов, психологов, историков — разработчикам более совершенного международного права, эффективных нормативных актов по этой, приобретшей в последние годы международный характер проблеме.

Вряд ли можно полностью удовлетворить претензии подвергшихся репрессиям и особенно в обществе со слабой экономикой, с множеством нерешенных проблем. Поэтому было бы более целесообразно не связывать факт покаяния государства (декларации, заявления в адрес репрессированных) с социальным аспектом, включающим урегулирование предъявляемых счетов, отстаивание исключительной правоты и другие компоненты.

Краткий анализ исследований литературоведов, историков, социологов показывает, что за истекшее время подготовлена мощная научная база столь сложной проблемы. Итоги этих исследований, несомненно, будут использованы последующими поколениями ученых в своих научных разработках, практиками сферы межэтнических отношений, отвечающих за реализацию мер, выдвигаемых самой жизнью, содействовать тому, чтобы в обществе создавались условия для комфортного проживания народов, сообщества, свободного от межнациональных конфликтов в многонациональном государстве. А в условиях строительства нового государства без предъявлений бесконечных требований одного народа к другому. Эту задачу надо решать на демократических началах, сохраняя целостность своей страны, защищая ее интересы и удовлетворяя свои насущные потребности. По-другому быть не должно. В противном случае будет так, как эту ситуацию образно отразил советский писатель А. Твардовский в своей поэме «По праву памяти»:

Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий
И не видать еще конца¹⁶⁶.

В 1990-е годы — начале XXI в. были приняты Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», последовали указы Президента Российской Федерации о реабилитации отдельных из репрессированных ранее народов, соответствующие им нормативно-правовые акты.

Действительно, началось всё сначала...

Однако решение этих задач требует не только огромных усилий самого общества, но и продолжительного времени. Задача формирования самосознания граждан, их национального сознания, в том числе и подвергшихся ранее репрессивным воздействиям со стороны государства, остается по-прежнему актуальной задачей в российском обществе.

- ¹ Цит. по: Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 1. — С. 48.
- ² Цит. по: *Кучинаев М.* История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века: в 2 кн. — Нальчик, 2006. — Кн. 2. — С. 355.
- ³ *Эфендиев Ф.С.* Этнокультура и национальное самосознание. — Нальчик: Эль-Фа, 1999.
- ⁴ *Волькенштейн В.М.* Драматургия. — 3, испр. изд. — М.; Л.: Искусство, 1937. — С. 7—8.
- ⁵ *Стефанов О.* Мотивы совести и власти в произведениях Пушкина, Софокла и Шекспира // Toronto Slavic Quarterly. — Toronto, 2007. — No. 20. — P. 2.
- ⁶ Об опере «Великая дружба» В. Мурадели: постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 года. — М., 1952. — С. 25. См. также: О партийной советской печати: сб. документов. — М., 1964. — С. 590—595.
- ⁷ См., например: *Бирюкова С.К., Хайруллин Р.З.* Постигание старшеклассниками национальных картин мира при изучении литературы народов России // Известия Академии педагогических и социальных наук. — М.; Воронеж, 2004. — Вып. 8: Педагогика в этнокультурных традициях народа. — С. 312—329; и др.
- ⁸ Так это было: национальные репрессии в СССР: в 3 т.: [Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия / сост., ред., авт. предисл., послесл., примеч. и комментариев С.У. Алиева]. — М.: Инсан, 1993. — Т. 1: Корейцы. Курды. Немцы. Карачаевцы и прочие советские народы. — 337 с.; Т. 2: Карачаевцы. Калмыки. Ингуши. Чеченцы. Балкарцы и прочие советские народы. — 336 с.; Т. 3: Балкарцы. Крымские татары. Греки. Месхетинские турки и прочие советские народы. — 352 с.
- ⁹ *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъективности. — Ростов н/Д, 1997. — С. 52.
- ¹⁰ *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа, 1940-е — начало XXI в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — Ростов н/Д, 2007.
- ¹¹ *Мухомрова Т.М.* Особенности депортационной политики советского государства // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Нальчик, 2005. — Вып. 10. — С. 46—48; *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарский народ в ссылке (1944—1956) // История многовекового

содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. — Нальчик, 2007. — Ч. 3, гл. 5, § 1. — С. 407—408.

¹² Отсюда и существование различных точек зрения начиная с 1950-х годов в отношении процессов, связанных с принудительными переселениями в Союзе ССР, оценки проводимой политики. Они не были идентичными. См., например: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении, 1941—1945 гг. — Новосибирск, 2003; и др. Автор считает, что положение народов, подвергнутых репрессивным воздействиям со стороны административно-правового режима, предполагало некоторое ограничение их прав (главным образом свободы передвижения за пределы территории расселения), но они не лишались права на жизнь, права голоса (участвовали в выборах Верховного Совета СССР в 1946 г.) и т.д. Кстати, об этом же повествует и один из авторов книги «История многовекового содружества», добавляя все новые факты о положении спецпереселенцев, оценках их труда и т.д. См.: *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарский народ в ссылке (1944—1956). — С. 407—408. Если наблюдалось «потепление между народами, перераставшее в дружбу» (с. 408), то о какой же ассимиляции (с. 404) может идти речь.

Более того, Л.П. Белковец придерживается той точки зрения, согласно которой и депортации, и режим спецпоселения не являются «тягчайшим преступлением сталинского тоталитаризма», которое и за рубежом, и у нас (в России. — *Н.Б.*) квалифицируется как преступление геноцида и др.

Задача органов НКВД-МВД СССР, по мнению Л.П. Белковец, была прозрачной, они «следили за умонастроениями спецпоселенцев и выкорчевывали из их среды антисоветские настроения» (письмо Л.П. Белковец в адрес Президента Российской Федерации В.В. Путина от 17 марта 2005 г. Опубл.: *Бугай Н.Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан (XX в. — XXI в.). — М., 2012. — С. 12; *Белковец Л.П.* Указ соч. — С. 9—10). Безусловно, и подобная точка зрения имеет право на жизнь, и может служить основой для дискуссии между историками, литературоведами и правоведами.

Нельзя не согласиться с точкой зрения на другой аспект этой проблемы, которой придерживается профессор Л.П. Белковец. Она замечает, что все процессы, связанные с реабилитацией народов, расценивались в 1990-е годы «как лучшее завоевание демократии». И далее автор пишет: «Считаю, что и не депортация, и спецпоселение, за которые советская власть уже давно, еще в 1960—1970-е годы, попросила прощения у народов, которые их пережили, а именно неверная, политически ангажированная оценка этих явлений явилась причиной многих обострений в постперестроечной России».

¹³ Балкарский поэт Кязим Мечиев в стихотворении «Многострадальный мой народ» (Казахстан, 1944) писал:

Главный так решил. В чужие дали
Повелел переселить народ.

(Перевод с балкарского Михаила Синельникова)

Цит. по: Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 2. — С. 270.

¹⁴ *Сулейменова Ш.С.* Самоопределение народов Северного Кавказа в процессе трансформаций российской государственности: историко-политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. — М., 2011. — С. 189.

¹⁵ См., например: «А из наших глаз капала кровь»: народные песни-плачи / ред. Х. Джаубаев. — Черкесск, 1991; Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации. — Элиста, 1993; Сюргун = Изгнание: балкарские писатели о геноциде / сост. Ф.Я. Теплеева, А.М. Теппеев. — Нальчик, 1994. Балкар.; *Хаджиева Т.* Словесные памятники выселения. — Нальчик, 1997; Депортация карачаевцев: документы рассказыва-

- ют / сост., авт. предисл., вступ. ст. и заключения Р.С. Тебуев. — Черкесск, 1997; Час испытаний: депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: (документы и материалы) / [сост. Б. Зумакулов, А.Х. Каров, С.Н. Буртуганов]. — Нальчик, 2001; *Абазов А.Ч.* Политическая репрессия и ее отражение в кабардинской драматургии и поэзии 30-х годов XX века (на примере судьбы Абазова Даниила) // Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения К.Ш. Кулиева (23—24 октября 2002 г.). — Нальчик, 2002. — С. 55—58; *Берберов Б.А.* Депортация как антропологическая проблема в поэзии Кайсына Кулиева // Там же. — С. 97—101; и др.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-9479. — Оп. 1. — Д. 241. — Л. 39.
- ¹⁷ На этом же основании месхетинские турки рассматривают как бывших курдов живущих среди них тёрёкамэ (*terekeme, täräkämä*) — полностью тюркоязычную группу, ведущую, как считается, в большей степени полукочевой, пастушеский образ жизни, но никакого отношения к курдам в действительности не имеющую.
- ¹⁸ *Гусинский Ю.* Чеченец: (стихотворение) // Новый мир. — 1988. — № 11. — С. 133.
- ¹⁹ Цит. по: Ингуши: Депортация. Возвращение. Реабилитация, 1944—2004: Документы. Материалы. Комментарии / авт.-сост. Я.С. Патиев. — Магас, 2004. — С. 310.
- ²⁰ См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). — Ф. 5. — Оп. 17. — Д. 18. — Л. 68—78.
- ²¹ Письмо писателя А. Костерина опубликовано в книге: Живая память: о жертвах сталинских репрессий / авт.-сост. Д. Ходжаев. — Грозный, 1991. — С. 70—75.
- ²² *Карим М.* Избранные произведения: в 2 т. — Уфа, 1969. — Т. 2. — С. 414.
- ²³ Вряд ли Расулу Гамзатову были известны, например, такие недоступные долгие годы документы ГКО СССР, как Постановление «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» от 22 октября 1941 г. № ГКО-827 под грифом «совершенно секретно». На основании его уже к концу 1941 г. с территории Дагестанской АССР были депортированы 4000 немцев, из Чечено-Ингушской АССР — 574 немца. Они переселялись в Казахстан. (См.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: документы, факты, комментарии. — М.: Капь, 1994. — С. 32—33). Или, например, о том, что в сентябре 1939 г. Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей согласно решений Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г.». Всего подлежали выселению в Северный Казахстан 2081 ираноподданный, в том числе из Дагестанской АССР 99 иранцев (см.: URL: <http://police-club.ru/index.php?s=9be82ccd724f9c7ed0911ca4b957dda3&showtopic=6672&st=255>).
- ²⁴ Как писал по этому поводу грек А.Н. Коцонис, народ которого подвергался репрессиям:
 Кто виноват? — вопрос извечно трудный.
 Для жертвы и виновника ее, лишь потому, что каждый человек подспудно
 И жертва сам, и сам — палач ее.
 См.: *Коцонис А.* Влюбленный в Грецию, я сердце ей оставил... — М., 2003. — С. 72.
- ²⁵ *Гамзатов Р.* Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Сов. писатель, 2003. — Т. 5: Поэмы. — С. 356—357.
- ²⁶ Там же. — С. 381. См. также: *Его же.* Восстановить правду истории // Дагестанская правда. — 1989. — 19 мая; и др.
- ²⁷ Образно об этом повествовал балкарский поэт Сафар Макитов в поэме «Аул Сауту»:
 Кому — медаль, кому — высокий чин
 За разоренный край давал им Сталин...
 А ветер плакал средь седых вершин,
 Средь праха, запустенья и развалин...

- Цит. по: *Айшаев О.О.* Геноцид мирных жителей балкарских сел в ноябре — декабре 1942 года. — Нальчик, 2007. — С. 13.
- ²⁸ См.: *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. — М.: Мол. гвардия, 1968. — С. 86.
- ²⁹ *Гамзатов Р.* Горцам, переселяющимся с гор // *Гамзатов Р.* Избранное: в 2 т. стихотворения и поэмы, 1943—1963. — М., 1964. — Т. 1. — С. 186—187.
- ³⁰ См. подробнее: *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Северного Кавказа: проблемы административно-территориального устройства // *Народы России: проблемы депортации и реабилитации.* — Майкоп: Меоты, 1997. — С. 51—75; *Шахбанова М.М.* Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев). — Махачкала, 2006; и др.
- ³¹ См.: Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. — Краснодар, 1993. — С. 125.
- ³² Русские на Северном Кавказе, 20—30-е годы: сб. документов и материалов / сост. А.М. Гонов. — Нальчик, 1995. — С. 284.
- ³³ См.: *Бугай Н.Ф.* Все началось с русских // *Обозреватель.* — М., 1994. — № 1 (35); Не предать забвению: Книга Памяти жертв политических репрессий. — Псков, 1998. — Т. 6; и др.
- ³⁴ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: документы, факты, комментарии. — С. 169; *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). — М., 1998. — С. 111; и др.
- ³⁵ *Солженицын А.* Знают истину танки: киносценарий // *Дружба народов.* — 1989. — № 11. — С. 70—132.
- ³⁶ См.: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС т. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях». Примечания к докладу // *Неделя.* — 1989. — № 16. — С. 11; О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // *Известия ЦК КПСС.* — М., 1989. — № 3. — С. 128—170.
- ³⁷ «По решению Правительства Союза СССР...»: документы, факты, комментарии. — Нальчик, 2003. — С. 732; и др.
- ³⁸ ГА РФ. — Ф. Р-7523. — Оп. 85 с. — Д. 352. — Л. 90.
- ³⁹ См.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). — М.: Инсан, 1998. — С. 314.
- ⁴⁰ Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5—12 февраля). Стенографический отчет. — М.: Издание Верховного Совета СССР, 1957. — С. 576—579.
- ⁴¹ Впервые роман «И долше века длится день» Ч. Айтматова был опубликован в журнале «Новый мир» (1980. — № 11. — С. 3—185). Позже издавался под названием «Буранный полустанок».
- ⁴² См. подробнее: *Губогло М.Н.* Энергия памяти: о роли творческой интеллигенции в восстановлении ист. памяти. — М., 1992. — С. 39—40.
- ⁴³ См.: *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. — М., 1993. — С. 14. Мерам принудительных переселений народов Северного Кавказа уделяет внимание В.Д. Пюрвеев. Автор дает им глобальную оценку, рассматривая эти акции как «идеологическая катастрофа», «апокалипсис национальной истории», «метаисторическая трагедия» для этнических общностей Советского Союза. См.: *Пюрвеев В.Д.* Литературный процесс и художественные поиски в калмыцкой литературе XX века // *Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы Междунар. науч. конф., [г. Элиста, 13—18 сент. 2009 г.].* — Элиста, 2009. — С. 140.
- ⁴⁴ Впервые повесть была опубликована в журнале «Знамя» (1987. — № 3—4).
- ⁴⁵ *Отарова М.Б.* Художественное осмысление проблемы депортации: на материалах литератур Северного Кавказа и Калмыкии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. — Нальчик, 2006. — С. 8.

- ⁴⁶ *Эфендиев Ф.С.* Национальное возрождение и национальная идея. — Нальчик: КБГУ, 1998. — 329 с.
- ⁴⁷ Там же. — С. 46.
- ⁴⁸ Там же. М.Б. Отарова в данном случае полагает, что Ф.С. Эфендиев «не совсем прав. А. Приставкин воспитывался в детстве в колонии, художественное осмысление в его повести напрямую связано с его детскими впечатлениями». (См.: *Отарова М.Б.* Указ. соч. — С. 10).
- ⁴⁹ *Эфендиев Ф.С.* Национальное возрождение и национальная идея. — С. 46.
- ⁵⁰ См.: *Ким С.* Исповедь сорён сарам — советского человека // Дружба народов. — 1989. — № 4. — С. 49—61. Следует отметить, что среди деятелей литературы и искусства репрессиям подверглись семь писателей: Цой Хорим, Тё Мен Хи, О Чан Хван, Ли Хо Ён, О Сон Мук (Михаил Петрович), Ким Ин Себ, Цай Ён. Известного журналиста, педагога, поэта, редактора Цоя Хорима арестовывали трижды. Тё Мен Хи (1891—1938) — основоположник литературы советских корейцев, автор многих пьес. Расстрелян в Хабаровске. Эта же участь постигла художников-корейцев Т.И. Кан, В.И. Магай, С.Ф. Ким, А.Г. Пак и других. (Материал собран и систематизирован Ж.Г. Сон. См.: *Сон Ж.Г.* Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР, 1920—1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2009. — С. 238—239).
- ⁵¹ *Пак Б.* Потомки страны Белых аистов (Ташкент, 1990) // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 1 — С. 47—57.
- ⁵² Там же. — С. 49.
- ⁵³ См. подробнее: *Бугай Н.Ф., Цой В., Сон Ж.Г.* Корейцы Союза ССР-России на фронтах войны // Они сражались за Родину: представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. — М., 2005. — С. 172—190.
- ⁵⁴ См.: *Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 2011.
- ⁵⁵ *Ким В. (Ёнг Тхек).* Ушедшие вдале. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 1.
- ⁵⁶ *Хван Л.Б.* Корейцы Каракалпакстана: сотворение судьбы. Уроки доброты и братства. — Нукус: Билим, 2007. — С. 65—67.
- ⁵⁷ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 1. — С. 121. Подстрочный перевод с курдского Назима Надирова. См. также: Там же. — С. 111—121.
- ⁵⁸ *Киколенко О.А.* Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. — М., 1994; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы рос.-герм. науч. конф. (Анапа, 22—26 сент. 1994 г.). — М., 1995; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину. «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995; *Малиновский Л.В.* История немцев России. — Барнаул, б.г. (1996); *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. — М., 1996; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы); Наказанный народ; Репрессии против российских немцев. — М., 1999; *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941—1945). — 2-е изд. — М., 2000; *Брюхнова Е.А.* Российские немцы в государственной политике России: ист.-политол. анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2002; Немцы: 250 лет в России: в 2 т. / Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф, Т.С. Иларионова, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. — М., 2012. — Т. 1. — 351 с.; Т. 2: Документальная история. — 453 с.
- ⁵⁹ «По решению Правительства Союза ССР ...». — Нальчик, 2003. — С. 246.
- ⁶⁰ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы). — М., 1998; *Бугай Н.Ф.* Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории. — М., 1994. — С. 84—89; и др.

- ⁶¹ См. подробно: Они сражались за Родину: участие представителей репрессированных народов в Великой Отечественной войне: книга-хроника. — М.: Новый хронограф, 2005; Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг. — Элиста, 2010. — Т. 1; *Бугай Н.Ф., Ногаев И.* Российские немцы в «Бессмертном полку» [Электронный ресурс] // Столетие. — 2016. — 25 мая. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/rossijskije_nemcy_v_dessmertnom_polku_954.htm (дата обращения: 10.05.2017); и др.
- ⁶² «По решению Правительства Союза ССР..». — С. 204—205.
- ⁶³ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 1. — С. 148—207.
- ⁶⁴ Там же. — С. 207—208.
- ⁶⁵ Там же. — С. 227.
- ⁶⁶ *Бергнер К.* Российские немцы: иммиграция и реабилитация: [выступление в Геттингенском университете, 21 окт. 2006 г.] // Культура немцев России. — М., 2007. — № 1. — С. 6.
- ⁶⁷ Цит. по: Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Майер А.* Проснись, Россия! // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 287.
- ⁷⁰ Цит. по: Культура немцев России. — М., 2007. — № 1. — С. 16.
- ⁷¹ *Вильмс В.* Отголоски // *Вильмс В.[Г.]*. Если чист родник: стихотворения. — Оренбург, 2006. — С. 175.
- ⁷² *Ее же.* Как же мне теперь быть? // Там же. — С. 164.
- ⁷³ Полный текст стихотворения Т. Ряннеля см. в кн.: *Гильди Л.* Беда народа: сб. ст. и материалов. — СПб., 2003. — С. 41.
- ⁷⁴ О финнах-ингерманландцах см. также: *Ряннель Т.* : 1) Сверкнула пламенем Жар-птица: стихи. — Красноярск, 1997 ; 2) Мой черный ангел: Воспоминания или Рассказы о себе, о треклятых тридцатых, роковых сороковых... — Красноярск, 1996 ; 3) Рождение Енисея: стихи разных лет. — Красноярск, 1998; Круг посвящений. Рядом с Тойво Ряннелем. — Красноярск, 1999; *Дичаров З.* Распятые: (писатели-жертвы политических репрессий) / авт.-сост. З.Л. Дичаров. — СПб., 1993. — [Т. 1]; и др.
- ⁷⁵ *Лейнонен Р.* Березнево // Гатчинская правда. — 1991. — 1 июня (№ 87 (17048)). Стихотворение опубликовано на сайте общества Инкерин Лиитто («На родной земле») № 26 (URL: inkerinliitto.ru (дата обращения: 20.03.2013)).
- ⁷⁶ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 1. — С. 264.
- ⁷⁷ Цит. по: Там же. — Т. 2. — С. 51.
- ⁷⁸ Там же. — С. 54.
- ⁷⁹ *Волков О.* Погружение во тьму. — М., 1990. — (Роман-газета; № 6).
- ⁸⁰ См.: *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». — Элиста, 1991. — С. 47.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Липкин С.* Ты виноват // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 45.
- ⁸³ Шел третий год войны: рассказ старой калмычки / запись Э. Шамаковой // Комсомолец Калмыкии. — 1988. — 21 июля. См. также: Так это было: национальные процессы в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 2. — С. 46—49.
- ⁸⁴ См.: *Сталин И.В.* Соч. — М., 1947. — Т. 5. — С. 278.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Комсомолец Калмыкии. — 1988. — 21 июля; и др.

⁸⁷ Кугультинов Д. От правды я не отрекался // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 64. Перевод с калмыцкого Юлии Нейман.

⁸⁸ Развитие военной обстановки подталкивало противодействующие силы к открытому выступлению. Усиление повстанцев происходило за счет дезертиров из рядов Вооруженных Сил СССР. Заметным источником пополнения этих контингентов становились и уклонявшиеся от службы в Красной Армии. Страх расправы заставлял многих уходить в леса, горы, пополняя и создавая новые повстанческие группы (терминология, используемая в документах НКВД СССР), вставшие на путь бандитизма. Каждому региону страны были присущи свои особенности.

Статистические данные по первой половине 1944 г. выглядят следующим образом: по Северному Кавказу было дезертиров 9595 и уклонявшихся от службы в армии 1421 человек; по Закавказью — 11 431 и 2281 человек; по Средней Азии, включая и Казахскую ССР, — 75 017 и 20 781 человек; по центральным областям, включая Украинскую ССР, 42 333 и 68 419 человек; по Сибири и Дальнему Востоку — 10 589 и 6041 человек. Всего по Союзу ССР — 172 931 дезертир и 132 782 уклоняющихся от службы в Красной Армии (ГА РФ. — Ф. Р.-9478. — Оп. 1. — Д. 137. — Л. 15—16).

По данным Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, численность дезертиров и уклоняющихся от службы в армии была внушительной, и особенно в первые три года войны. В целом по Союзу ССР во второй половине 1941 г. насчитывалось дезертировавших 710 755 человека и уклонявшихся от службы в Красной армии — 71 541 человек, в 1943 г. — соответственно: 197 912 и 174 512 человек за три года войны — 1 210 224 и 456 667 человек, а всего — 1 666 891 человек (Там же).

Разумеется, не все дезертировавшие или уклонявшиеся от службы в армии сразу же пополняли повстанческие группы, выступали против советской власти. Многие из них просто скрывались, но значительное число их, особенно на Северном Кавказе, в западных районах Белоруссии, Украины, в Прибалтике, занимались разбоем, погромами.

По данным Отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за три года войны по Союзу ССР были ликвидированы 7163 вооруженные группировки, объединявшие 54 130 человек. Формирование, выявление этих групп продолжалось и в последующее время. См.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Война, общество, политика: народы СССР в 1941—1945 годы // Исторические записки. — М., 2007.— [Т.] 10 (128). — С. 75.

⁸⁹ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 2. — С. 62.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. — С. 64.

⁹³ ГА РФ. — Ф. Р.-9401. — Оп. 2. — Д. 3. — Л. 627—629.

⁹⁴ См.: Дешериев Ю. Страничка истории. Трагедия народа // Человек и право. Москва, 1996.

⁹⁵ Живая память: о жертвах сталинских репрессий / авт.-сост. Д. Ходжаев.

⁹⁶ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — Т. 2. — С. 236.

⁹⁷ Приказ ГКО № 0741 от 3 марта 1944 г. о переселении в восточные районы страны всех воинов карачаевской национальности, а затем и карачаевцев, проживавших в соседних регионах с бывшей автономией.

⁹⁸ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — Т. 3. — С. 10.

- ⁹⁹ Торко-Хаджи Гарданов (1850—1920) — священник, словом и делом призывал свой народ быть с Россией, говорил об общности его судьбы с русским народом.
- ¹⁰⁰ Цит.: по: *Боков Х.Х.* Слово о вайнахах (взгляд изнутри). — М.: Менгир, 2000. — С. 29. К использованию сказов для раскрытия глубины проблемы прибегает в книге «Живая память: о жертвах сталинских репрессий» Д. Ходжаев. В одной из песен, помещенных в этом сборнике, читаем:
- Разве нам забыть то утро?
Разве нам забыть тот вечер?
Не забыть нам край родимый
И тот черный день над ним.
- ¹⁰¹ *Боков Х.Х.* Указ. соч. — С. 30.
- ¹⁰² См.: Советская культура. — Москва, 1989. — 26 янв.
- ¹⁰³ Текущий архив Миннац России. Стенограмма заседания Общественного Совета при Председателе Правительства Российской Федерации по вопросам урегулирования ситуации в Чеченской Республике от 16 марта 1995 г. — С. 14.
- ¹⁰⁴ *Боков А.* Узкие ворота. — Грозный, 1994; *Мартазанова Х.М.* Трагедия личности и народа: (по роману А. Бокова «Узкие ворота») // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, г. Элиста, 13—17 сент. 2009 г. — Элиста, 2009. — Ч. 2. — С. 118—122.
- ¹⁰⁵ См.: подробнее: *Ермекбаев Ж.А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. — Алматы, 2009. — С. 295—318.
- ¹⁰⁶ Кязим Мечиев, как и другие представители интеллигенции, 8 марта 1944 г. был принудительно переселен из селения Кичмалка в Казахстан. Вначале все спецпереселенцы прибыли в г. Нальчик, на сборный пункт. Как вспоминают другие спецпереселенцы балкарцы, Кязим Мечиев, находясь в поезде, обращался к своим соплеменникам, просил их «крепиться, не теряя себя, поддерживать и помогать друг другу». «Рано или поздно, — говорил Мечиев, — с Божьей помощью правда восторжествует» (см.: Вспоминает Анисат Тилова // Балкария. Депортация: свидетельствуют очевидцы: в 2 ч. / сост. М.А. Котлярова, В.Н. Котляров. — Нальчик: Полиграфсервис, 2004. — Ч. 1. — С. 47). Казим Мечиев был уважаем и почитаем не только в балкарском обществе. Его отличали особая мудрость и расчётливость. В народе его заслуженно звали «умудренным старцем».
- ¹⁰⁷ *Мечиев К.* Многострадальный мой народ // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 270.
- ¹⁰⁸ См. подробнее: *Курманова Л.М., Эфендиев Ф.С.* Творчество поэтов Кабардино-Балкарии в контексте национальной художественной культуры. — Нальчик, 2009 (2010).
- ¹⁰⁹ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы: в 3 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 271.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 272.
- ¹¹¹ *Кулиев К.* Иду босой по лезвию клинка: отрывок из поэмы «Завещание» // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 14.
- ¹¹² *Мечиев К.* Собр. соч.: в 2 т. — Нальчик, 1989. — Т. 2. — С. 271—272.
- ¹¹³ См.: *Жабоева Е.А.* Просветительство в литературах Востока и его влияние на балкарскую поэзию // Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения К.Ш. Кулиева (23—24 октября 2002 г.). — Нальчик, 2002.
- ¹¹⁴ *Зумакулова Т.* Весна в горах: стихи и поэмы / пер. с балкар. Ю. Нейман, Н. Гребнева. — М., 1982. — С. 41.
- ¹¹⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. — С. 184.

- ¹¹⁶ *Зумакулова Т.* Указ. соч. — С. 42.
- ¹¹⁷ Там же. — С. 43—44.
- ¹¹⁸ *Кулиев К.* Говорю людям. — М.: Современник, 1985. — С. 131.
- ¹¹⁹ *Его же.* Раненый камень: стихи и поэмы: авториз. пер. с балкар. — М., 1964. — Перезд.: М., 1968.
- ¹²⁰ *Берберов Б.А.* Указ. соч. — С. 99.
- ¹²¹ Цит. по: *Лукьяев В.* А вы вернетесь, верьте мне... // Юность. — 1989. — № 1. День 8 марта ежегодно отмечается в Кабардино-Балкарской Республике как день поминовения ушедших из жизни в годы депортации. Отношение к этому дню выразил в своем стихотворении поэт Самех Гуртуев:
Мы были виновны без вины
.....
С тех пор восьмой веселый день весны
Болят в сердцах у целого народа.
(Перевод с балкарского Аркадия Кайданова)
См.: *Гуртуев С.* 8 марта 1944 года // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919 — 1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М. 1993. — Т. 3. С. 54.
- ¹²² Цит. по: *Мезова И.* Останется кабардинцем. — Нальчик, 2006.
- ¹²³ Они сражались за Родину: представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: книга-хроника. — М.: Новый хронограф, 2005. Спустя 5 лет Межрегиональная общественная организация «Союз репрессированных народов России» издала книгу: Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — Элиста: Джангар, 2010. — Т. 1.
- ¹²⁴ См.: например: Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. — М.: Наука, 1970; и др.
- ¹²⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. — С. 171.
- ¹²⁶ ГА РФ. — Ф. Р-9479. — Оп. 1. — Д. 896. — Л. 67.
- ¹²⁷ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). — Ф. 144. — Оп. 13. — Д. 13189. — Л. 66.
- ¹²⁸ *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Проблемы истории, историографии. — М., 2012. — С. 62—65, 128, 149, 155; и др.; ЦАМО. — Ф. 209. — Оп. 989. — Д. 326. — Л. 51.
- ¹²⁹ *Никонов А.В.* Национальная идея, нравственный идеал и культурная толерантность // Этносоциум и межнациональная культура. — 2005. — № 1. — С. 20.
- ¹³⁰ *Лукьяев В.А.* Указ. соч. — С. 68—87.
- ¹³¹ *Урусбиева Ф.* Драма на фоне гор // Дружба народов. — М., 1989. — № 5.
- ¹³² *Ибрагимбейли Х.-М.* : 1) Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. — М., 1989. — № 4. — С. 58—63 ; 2) Плоды произвола // Литературная газета. — 1989. — 17 мая. — С. 12; *Бугай Н.Ф.* : 1) К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах // История СССР. — М., 1989. — № 6. — С. 135—140 ; 2) «Согласно Вашему указанию...» // Кабардино-Балкарская правда. — Нальчик, 1990. — 19 июня ; 3) В бессрочную ссылку // Московские новости. — 1990. — 14 окт. (№ 4); *Гонов А.М.* К истории балкарского восстания 1928 года // Сборник статей молодых ученых и аспирантов / Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед. — Майкоп, 1993; и др.
- ¹³³ См.: *Токумаев Ж.* Единая республика — единая судьба // Кабардино-Балкарская правда. — 1994. — 12 апр.
- ¹³⁴ *Амит Э.* Никто не забыт, ничто не забыто...: воспоминания // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 74—120.

- ¹³⁵ Там же. — С. 96.
- ¹³⁶ Пулатов Т. Всем миром — помочь братьям! // Дружба народов. — 1988. — № 12. — С. 201—208.
- ¹³⁷ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: краткие итоги. — М. 1991. — С. 89.
- ¹³⁸ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — Т. 3. — С. 118.
- ¹³⁹ См.: Научный архив Института российской истории РАН. — Ф. 2. — Разд. 6. — Оп. 13. — Д. 26. — Л. 5, 6; и др.
- ¹⁴⁰ Там же. — Д. 516. — Л. 3, 13; и др. См. также: Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». — М.: Наука, 2006; и др.
- ¹⁴¹ Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня. — Т. 3. — С. 120—124.
- ¹⁴² Синельников М. Детство // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 231.
- ¹⁴³ Левентис Г. Цена свободы: мемуары. — Донецк: Китис, 1998. — С. 18.
- ¹⁴⁴ Российская историография заметно обогатилась исследованиями по истории ГУЛАГА как механизма реализации мер тоталитарного режима власти по управлению национальными процессами в государстве и отношении к своим народам. См.: Климович Г.[С.]. Восстание в ГОРЛАГе // Независимая газета. — 1991. — 11 сент.; Спротивление в ГУЛАГе: Воспоминания. Письма. Документы. — М.: Возвращение, 1992; Шнейберг Л.Я. Начало конца Архипелага Гулаг // Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В. От Горького до Солженицына. — 2 изд., испр. и доп. — М: Высш. шк., 1997; Солженицын А. : 1) Бодался теленок с дубом // Новый мир. — 1991. — № 6. — С. 6—116; № 7. — С. 65—158; № 8. — С. 5—124 ; 2) Малое собрание сочинений: в 7 т. — М.: Инком-НВ, 1991. — Т. 3: Рассказы ; 3) Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956: опыт художественного исследования. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007; Лакшин В.Я. Открытая дверь: воспоминания, портреты. — М., 1989; Зальгин С. [Предисл. к публикации глав из кн. А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ: опыт худож. исследования»] // Новый мир. 1989. — № 8. — С. 7; Зорин А. «Внебрачное наследие Гулага» // Там же. — № 8; ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918—1960. — М.: Материк: Междунар. фонд и Демократия, 2002. — (Россия. XX век: Документы); Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918—1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. — М.: Наука, 2006; и др.
- ¹⁴⁵ Левентис Г. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 78.
- ¹⁴⁷ Коцонис А. Болеро: (почти документальная повесть) // Греческая газета. — 2002. — № 3. Июль — август. — С. 21—21, 23.
- ¹⁴⁸ Понятие «плывущий мир» было введено впервые в японской историографии XVII в. под общим названием «уаякей».
- ¹⁴⁹ Патулиди Н. Вместо гимна // Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919—1952 годы. Репрессированные народы сегодня: в 3 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 319.
- ¹⁵⁰ [Демитрадзе М.] Прощание с родиной // Там же. — С. 174.
- ¹⁵¹ См. подробнее: Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. — М., 2009.
- ¹⁵² Шорохов Л. Орленок // Литературная газета. — 1990. — 18 июля.
- ¹⁵³ Пак Б.Д. : 1) Корейцы в Российской империи. — 2-е изд., испр. — Иркутск, 1994 ; 2) Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). — М.; Иркутск, 1995; Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 году. — М., 1997. — Ч. 1; Хан Г.Б. Прошлое и настоящее ко-

- рейцев Казахстана: историко-документальное повествование о жизни корейской диаспоры (1937—1997 гг.). — Алматы, 1997; *Сим Хон Ёнг*. Историография проблемы депортации российских корейцев в 30—40-е годы в СССР // Вера и жизнь. — М., 1997. — № 9—10; *Бугай Н.Ф.*: 1) Российские корейцы: новый поворот истории, 90-е годы. — М., 2000; 2) Трагические события не должны повториться: к вопросу о положении корейцев в СССР в 30-е годы // Актуальные проблемы российского обществоведения. — М., 1994. — С. 112—136; *Матвеева Е.* Корейский вопрос Японскому правительству // Московские новости. — 1993. — 24 апр. (№ 43); *Козлова Н.* Ошибки прошлого. Третья Корея // Рабочая трибуна. — Москва, 1993. — 22 июня; *Нам С.Г.* Российские корейцы: история и культура (1860—1925 гг.). — М., 1998; *Сим Хон Ёнг*. Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 1998; *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России: очерк истории рос. корейцев. — М.: ИВ РАН, 2004. — (Советские корейцы); *Бугай Н.Ф.* Корейцы стран СНГ: общественно-«географический» синтез (начало XXI века). — М., 2007; и др.
- ¹⁵⁴ *Парсаданова В.С.*: 1) Армия Андерса на территории СССР (1941—1942 гг.) // Новая и новейшая история. — 1988. — № 5. — С. 173—192; 2) Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Там же. — 1989. — № 2. — С. 26—44; Дорога на Восток: документальная хроника из жизни депортированных поляков в Оренбургской области (1937—1955 гг.). — Оренбург; М., 2006; Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междунар. науч. конф., Иркутск, 11—15 сент. 2000 г. — Иркутск, 2001; и др.
- ¹⁵⁵ *Исаков К.* 1941: другие немцы. Была ли в Поволжье «пятая колонна» // Новое время. — 1990. — № 17. — С. 36—39; *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда, почему? // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 8. — С. 32—38; № 9. — С. 28—38; *Лайеер М.П.* Из истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (на материалах Казахстана) // Советские немцы: история и современность: материалы всеююз. науч.-практ. конф., Москва, 15—16 нояб. 1989 г. — М., 1990. — С. 200—210; *Шенталин А.А.* Немцы в Удмуртии: ист.-демогр. очерки. — Ижевск, 1993; *Фукс В.* Рокочные дороги поволжских немцев (1763—1993). — Красноярск, 1993; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге, 1918—1941. — Саратов, 1994. — Ч. 2; *Киколенко О.А.* Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. — М., 1994; Немецкий российский этнос: веки истории: материалы науч. конф. (Москва, июнь 1994 г.). — М., 1994; *Пасат В.И.* Депортации народов с территории Молдавской ССР 1940—1951 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — М., 1996; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Рос.-герм. науч. конф., Анапа, 22—26 сент. 1994 г. — М., 1995; *Машиновский Л.В.* Немцы в России и на Алтае. — Барнаул, 1995; Немцы в республике Коми: (страницы истории репрессивной политики первой половины XX в.). — Сыктывкар, 1997; *Бруль В.* Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935—1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. — М., 1999. — С. 321—346; *Дизендорф В.[Ф.]*. Прочальный взлет: судьбы рос. немцев и наше нац. движение. — М., 1997; *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е—50-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1998; *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа, 20—90-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — Ростов н/Д, 1998; *Кичихин А.* Как депортировались российские нем-

- цы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. — Майкоп, 1997; Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. — М., 1998; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; и др.
- ¹⁵⁶ См. подробнее: *Бугай Н.Ф.* : 1) 20—50-е годы: принудительные переселения народов // *Обозреватель = Observer.* — М., 1993. — № 11 (15). — С. 122—127; 2) Судьбы иранцев граждан СССР / публ. подгот. Н. Бугаев // Там же. — М., 1994. — № 14; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы); и др.
- ¹⁵⁷ *Лайпанов Х.О.* Молчание не всегда золото // Ленинское знамя. — Черкесск, 1989. — 25 авг. — С. 3; *Байрамуква Ф.* Когда закончится высылка // Вестник Кавказа. — М., 1991. — № 5. — С. 38—66; *Чомаев К.* Наказанный народ. — Черкесск, 1993; *Котов В.И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. — Майкоп, 1994; 50-летие Великой победы над фашизмом: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Москва, 27—30 сент. 1995 г. — М., 1995; *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья, 1920—1950-е годы; и др.
- ¹⁵⁸ *Убушаев Р.В.* Операция «Улусы»: как это было // Советская Калмыкия. — 1990. — 28 дек.; *Бугай Н.* : 1) Вынужденная миграция калмыцкого народа, 1943—1944 годы // *Время перемен.* — Элиста, 1990. — С. 86—98; 2) О депортации калмыцкого народа // *Теегин герл.* — Элиста, 1990. — № 3. — С. 20—30; 3) Операция «Улусы»; 4) «Жду Вашего справедливого решения...»: из писем спецпереселенцев // *Дружба народов.* — М., 1993. — № 8. — С. 196—199; *Убушаев В.Б.* Калмыки: выселение и возвращение, 1943—1957 гг. — Элиста, 1991; *Бакаев П.Д.* Размышления о геноциде. — Элиста, 1992; *Наминов-Бурхинов Джаб.* Борьба за гражданские права калмыцкого народа. — М.; Элиста, 1997; *Максимов К.Н.* Трагедия народа: репрессии в Калмыкии, 1918—1940-е годы. — М.: Наука, 2004; и др.
- ¹⁵⁹ *Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.* Основные вехи истории Чечено-Ингушской АССР. — Грозный, 1988; *Гакаев Х.А.* В годы суровых испытаний: [роль Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне]. — Грозный, 1988; *Боков Х.* Эхо невозвратного прошлого // Москва. — 1989. — № 1. — С. 160—167; *Живая память: о жертвах сталинских репрессий* / [авт.-сост. Д. Ходжаев]; *Трагедия ингушского народа / сост. Ю. Тангив.* — Грозный, 1991; *Дауев С.* Чечня: коварные тайны истории. — М., 1999; и др.
- ¹⁶⁰ *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1984. — С. 183; *Лукьяев В.* Указ. соч.; *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов в 30—40-х годах // *История СССР.* — 1989. — № 6. — С. 135—143; См. также: *Черкесская трагедия* / Г.К. Азаматов, М.О. Темиржанов, Б.Б. Темукуев и др. — Нальчик, б.г. (1994); *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20—50-е годы). — Нальчик, 1997; *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. — Нальчик: Эльбрус, 2004; и др.
- ¹⁶¹ *Малышев В.* Из варяг в греки // *Культура.* — 1992. — 28 нояб.; *Губогло М.Н., Симченко Ю.Б.* Этнографические портреты репрессированных народов // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, 1990—1992 годы: документы и материалы. — М., 1993; *Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н.* «Обязать НКВД СССР.. выселить греков»: (о депортации греков в 1930—1950 годы). — М., 1999; *Сагария Б.Е.* Раскроем тайны «Особой папки» // *Абхазия.* — Сухуми, 1992. — № 11, март; *Калинина К.В.* Национальные меньшинства в России: программа «Модель демократии для России». — М., 1993; *Понов Г.Х.* Я всегда считал себя греком // *Понтос.* — Геленджик, 1993. — 19 окт.; *Бугай Н., Коцонис А.* Лабиринт: (ист. очерк о депортации греков в СССР // *Омония.* — Афины, 1994. — № 7, 13,

15, июль — ноябрь; *Триандафилов Х.В.* Греки России — уезжать или оставаться? — М., 1994; и др.

- ¹⁶² *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. — М., 1992; *Земсков В.Н.* : 1) Вслед за крымскими татарами // Таврические ведомости. — 1992. — № 22 ; 2) Спецпоселенцы из Крыма, 1944—1956 гг. // Республика Крым. — 1992. — № 7; *Желнин Д.* Черная ночь // Слава Севастополя. — 2004. — 18 мая (№ 87); Крым национальный: вопросы и ответы. — Симферополь, 1988—1989. — Вып. 1—2; *Бугай Н.Ф.* : 1) Депортация крымских татар в 1944 году // Украинский исторический журнал. — 1992. — № 1. — С. 29—44 ; 2) «Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...»: о переселении народов в Башкирию в 40—50-е годы // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. — Уфа, 1991. — С. 69—77; *Брошеван В., Тыглиянец П.* Изгнание и возвращение. — Симферополь, 1994; и др.
- ¹⁶³ *Бараташвили Л., Бараташвили К.* Мы — месхи // Литературная Грузия. — Тбилиси, 1988. — № 8—11; *Хуриут А.* Турки // Литературный Киргизстан. — 1988. — № 12; *Бугай Н.Ф.* Как это было // Поиск. — Москва, 1989. — 12—18 окт.; *Тютюнник В.И.* Кто они: месхетинские турки? // Советская культура. — 1989. — 17 июня; *Панеш Э.Х., Ермолова Л.Б.* Месхетинские турки // Вопросы истории. — 1991. — № 9/10. — С. 212—217; *Осинов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев). — М., 1991. — (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; вып. 17); *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993; Советские курды: отняли нашу родину // Правда. — 1993. — 1 апр.; *Бараташвили К.* Грузинские фамилии месхов-мусульман. — Тбилиси, 1997; *Бараташвили М.* Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. — Тбилиси, 1998; и др.
- ¹⁶⁴ *Бугай Н.Ф.* Ингерманландцы под грифом «секретно» // Север. — 1992. — № 3. — С. 123—128; *Гильди Л.А.* Расстрелы, ссылки, мученья. — СПб., 1996; *Мишин О.* Песнь ингерманландца: Стихи. Поэма. — Петрозаводск, 1995; *Гильди Л.А.* Беда народа: сб. ст. и материалов; и др.
- ¹⁶⁵ *Абдулатипов Р.Г.* Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе // Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. — М., 1999. — С. 13.
- ¹⁶⁶ *Твардовский А.* По праву памяти // *Твардовский А.* Поэмы. — М., 1988.

Приложение

№ 1

Обращение к Л.П. Берии члена правительства, министра, писателя Мухамеда Ванлиши¹, 25 марта 1945 г.

Дорогой Лаврентий Павлович!

Руководствуясь Вашим наставлением о работе среди лазов в области поднятия их политико-культурного уровня, я решился этим письмом сказать о переселении в районы Средней Азии значительной части лазского населения с территории Аджарии.

Постановлением Государственного Комитета Оборона лазы-грузины целиком должны были остаться на территории Грузии, как коренные жители, однако в этой части постановление было осуществлено только в отношении жителей селения Сарпи Батумского района; лазы, живущие в остальных селах, которые имели со старых времен турецкие фамилии, оказались выселенными.

О выселенных лазах мною, как единственным писателем лазом, своевременно были поданы заявления, но по этому делу я удовлетворительного ответа не получил, однако и заявления не были возвращены.

Только в Батумском районе из жителей-лазов было свыше 20 семей с общим количеством приблизительно до 160 душ.

Одновременно докладываю об исключительно патриотических проявлениях со стороны лазов в годы Отечественной войны путем посылки на фронт своих сынов и оказания фронту помощи в деле защиты Советской Родины.

Зная хорошо ту борьбу, которую провел грузинский народ против иностранных завоевателей, могу сказать, что грузинский народ, в том числе и лазы, сыграли величайшую роль в деле обороны Кавказа и этой обороной непосредственно руководил достойный сын грузинского народа, в частности лазского народа, товарищ Лаврентий Павлович Берия.

Прошу Вашим вмешательством вернуть тех лазов, которые выселены ошибочно, следующих семейств и их членов:

1) Аджар Оглы (Аджарем-ши Мамеда), 2) Хаджи Осман оглы Хасана, 3) Хаджи Осман оглы Пехри, 4) Гулабер оглы Мусса и 4-х членов его семьи, 5) Камбар оглы Дурсун и 3-х членов его семьи, 6) Кур оглы Зекия и 2-х членов его семьи, 7) Дсут оглы Казиля, 8) Шабан оглы Мамеда, 9) Беназ оглы Джемала.

Кроме этого — тех лазов, которые мне знакомы.
С уважением Мухамед Ванлиши.

Источник: ГА РФ. — Ф. Р.-9478. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 85—86.

¹ Мухаммед Ванлиши — член правительства Аджарской АССР, писатель, министр, лаз по национальности. В середине 1930-х годов входил в группу политиков Аджарии и Абхазии, призванных провести среди лазов просветительскую работу по вопросам советской власти и партийного строительства.

№ 2

Письмо-обращение М. Мамакаева² в Президиум ЦК КПСС по вопросу о положении чеченцев и ингушей и отмене ограничений в отношении спецпоселенцев, 21 июля 1954 г.

Весьма важные и тяжелые жизненные обстоятельства, которые складываются вокруг человека, только лишь из-за его национальной принадлежности, заставили меня обратиться к Вам с настоящим письмом.

Для человека нет на свете большего удовлетворения, чем ощущение доверия своей Родины, чем чувство свободы в своем отечестве. Ужасно жить, когда вы скованы чувством неволи, когда вам не верят, когда вас чуждаются и каждый боится молвить за вас доброе слово, когда такой же простой смертный, как и вы не считает вас равным себе. Не верит вам подчас тот, кому вы, как честный советский гражданин, вправе не верить, чуждаются вас подчас тот трусливый негодяй, который на любом крутом повороте очень легко продаст интересы советской власти.

Тяжело в такой обстановке, будучи свободным, пожизненно находится под стражей. Я наказан много и по-разному, но мне кажется, что трудно придумать более тяжкое наказание. Такое униженное положение человека позволяет подчас и любому проходимцу ущемить и оскорбить его на каждом шагу, выразить ему недоверие и поносить его имя по любому поводу.

Это положение позволяет не только поносить отдельных лиц, но и возводить клевету на целый народ. Имеются случаи, когда некоторые поэты и историки, искажая объективную историческую действительность, выступают на страницах нашей печати с опозланием всего, что связано с именем чечено-ингушского народа. Историки, в частности — грузинские приписывают чеченцам одни только грехи, и даже обвиняют их в посягательстве на свободу и

независимость Грузии. Поэты, в свою очередь рисует всех чеченцев и ингушей в самых мрачных красках и оттенках, не стесняясь при этом в подборе не в меру грубых и топорных выражений.

Такой поэт как Расул Гамзатов, слагая стихи об имаме Шамиле, тоже выразил свое поэтическое чувство и о чечено-ингушском народе. Оказывается Шамиль: «рубил... и швырял под ободья английских, турецких, арабских колес» только «сынов Дагестана», а чеченцев охранял: «Для змеиных притонов — гнездовья в чеченских лесах». И кончил свой век Шамиль почему-то именно как: «Труп чеченского волка, ингушского змея-имам»^{*}.

Странно. Неужто в Дагестане не водилось и не водятся волков — аварских или змей кумыкских? Или, может быть, там одни ангелы летают.

Я не хочу быть судьей поэтического мастерства Гамзатова, но глубоко сомневаюсь, чтобы намерения поэта, подарить своего знаменитого соотечественника — Шамиля ингушам или чеченцам, были бы основаны на честной объективности. В самом деле, что общего у ингушей с сыном аварского народа, разве только то, что известный царский генерал, ингуш Мальсагов принимал самое деятельное участие в подавлении шамилевской оппозиции, возникшей в 1870-х годах в юго-восточной части Чечни и Дагестана.

О чем спорить? Одно ведь бесспорно, что подобные суждения о целом народе не имеют ничего общего с политикой советской власти и коммунистической партии.

Вот поэтому мне и хочется сказать Вам несколько слов о чечено-ингушском народе в целом.

Я не собираюсь взять на себя обязанности защитника чеченцев и ингушей, это слишком ответственный и тяжелый долг, но не могу не сослаться на кое-какие бесспорные и общеизвестные факты, с которыми невозможно не считаться.

В официальном Указе Президиума Верховного Совета РСФСР, по которому упразднена Чечено-Ингушская Республика, чеченцам и ингушам предъявлено обвинение в том, что они во время Великой Отечественной войны массами переходили на сторону немцев и сотрудничали с ними. Неофициально чеченцам и ингушам приписали неприязнь к советской власти и обвинили их в том, что они за годы советской власти многократно восставали против существующего строя.

^{*} Сборник стихов «Горная дорога». Изд-во «Правда». (Здесь и далее примеч. автора письма. — *Н.Б.*).

В этих обвинениях, может быть и есть некоторая доля правды, но мыслимо ли обвинить в этом всех чеченцев и ингушей в целом?

Разве мало чеченцев и ингушей, которые мужественно сражались и умирали в годы Октябрьской революции и гражданской войны за советскую власть.

Разве можно вычеркнуть имена коммунистов, комсомольцев и других представителей молодой чечено-ингушской интеллигенции, рабочих, крестьян, ставших жертвой ожесточенной классовой борьбы в чеченском ауле в годы укрепления советской власти и колхозного строительства?

Разве можно оскорблять память чеченцев и ингушей — воинов Советской Армии, мужественно погибших в годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость нашей Родины?!

Достаточно сказать, что только из близких автору настоящего письма, члены Коммунистической партии: Махашев Исмаил, Межидов Зелимхан, Мехтиев Завалу, Басханов Абдулла, Имадаев Магомет и другие пали смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. И таких тысячи. А их семьи (дети, жены, престарелые родители) сосланы в Казахстан «за сотрудничество с немцами».

В чечено-ингушском народе были, есть и будут подлинно революционные советские силы, беззаветно преданные делу Коммунистической партии, делу строительства социализма.

На протяжении нескольких десятков лет чечено-ингушский народ сражался против царского самодержавия, но передовые представители чечено-ингушского народа всегда видели и видят разницу между царским самодержавием и великим русским народом. Они хорошо знают то, что если ретивый царский генерал Ермолов отзывался о них как о дикарях, которых следует жечь и уничтожать, то гениальные сыны великого русского народа: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Александр Полежаев, великие мастера кисти: академик Рубо, Айвазовский, Самокиш и другие посвятили чечено-ингушскому народу лучшие страницы своих бессмертных произведений. Они знают, что из рук русского народа их народ получил все возможности для своего политического, экономического и культурного расцвета.

Один из лучших сынов великого русского народа, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Сергей Миронович Киров возглавил чеченцев и ингушей в тяжелые дни Октября и гражданской войны, в знак искренней любви к товарищу Кирову чечено-ингушский народ назвал его «вай Кира» — (наше сердце).

Чечено-ингушская беднота встретила Советскую власть с чувством величайшего удовлетворения и с благодарностью. Слово «большевик» передавался из уст в уста как образ заступника и спасителя бедных и обездоленных. Грозненский пролетариат и чечено-ингушская беднота во главе с С.М. Кировым, Серго Орджоникидзе и Асламбек Шериповым поднялись на защиту советской власти от оголтелых банд белых генералов Деникина, Драценко, Бечерахова и др. В этой неравной борьбе в 1918—20-х годах беззаветно дрались и пали смертью храбрых сотни и тысячи сыновей чечено-ингушского народа*. Белогвардейские банды Деникина сожгли 23 чеченских села с населением от 5 до 10 тысяч душ в каждом, за отказ выдать воинов Красной Армии и советских комиссаров. Даже по признанию наших злейших врагов: «маленькая Ингушетия была, самой надежной опорой и неприступной крепостью советских комиссаров»**.

Известно также, что случаев перехода на сторону врага, предательства и измены в годы Отечественной войны на Украине, среди кубанских и терских казаков, в Северной Осетии было в десяток раз больше, чем в Чечено-Ингушетии.

В свете таких общеизвестных и бесспорных фактов становится непонятным и неволью напрашивается вопрос: на основании каких объективных данных пал такой тяжелый выбор на долю чечено-ингушского народа?

Нет таких данных! И если в распоряжении официальных органов власти имеются документы, позволяющие так жестоко поступить с целым народом, не исключая даже беззащитных женщин, детей и стариков, можно не сомневаться в том, что в основном они сфабрикованы грязными руками грузинских национал-шовинистов, вынашивавших эту идею уже несколько десятков лет.

В Историческом архиве (в Москве) хранятся документы, свидетельствующие о том, что именно они вкуче с черносотенцами типа Пуришкевича, подогревали на это грязное преступление против чеченцев еще царскую администрацию, и только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции в России был сорван этот коварный план, задуманный против целого народа.

В попытках оправдать свои преступные действия, грузинские националисты отнесли чеченцев и ингушей к тюрко-татарским племенам, с которыми у чечено-ингушского народа нет никакого

* См. об этом свидетельствуют все исторические документы, вышедшие в свет до 1944 г.

** См. об этом мемуары А. Деникин «Смута на Руси». Том II.

исторического родства, кроме общности религии и то возникшей сравнительно недавно.

Ислам, проникший в Чечню из Дагестана, стал господствующей религией в степных районах Чечни всего только во второй половине XVIII века, а горные чеченцы (майстинцы, цова-тушины, многие ингуши) оставались христианами до наших дней.

По свидетельству древнеармянских источников чеченцы и ингуши, с незапамятных времен, населявшие восточную часть Северного Кавказа, относятся к хетто-субарским племенам. В период царицы Тамары Чечня входила в состав Грузинского государства. И, по свидетельству самих грузинских источников со времени Тамары до царя Ираклий II (с конца XI до второй половины XVIII века) кисти-чеченцы служили в отборных кавалерийских войсках грузинских царей. Вместе с грузинским народом они отстаивали свободу и независимость Грузии от нашествия турецких султанов и иранских шахов. Но эта историческая действительность несколько не мешает современным грузинским историкам типа Хачапуридзе писать в историко-библиографических очерках о том, что: «грузинский народ веками отстаивал свою свободу и независимость в борьбе с турками и чеченцами».

Что грузины отстаивали свою национальную независимость в борьбе с турками — это, бесспорно, верно, но для того, чтобы приписать сюда «и чеченцев» нужно было набраться слишком много наглости.

Когда же это было, чтобы чеченцы посягали на независимость Грузии? Может быть тогда, когда в 1921 г. чеченские части особого назначения в составе 11-й армии под руководством Серго Орджоникидзе громили грузинских меньшевиков и помогали грузинскому народу восстановить советскую власть. Других случаев «военного вторжения чеченцев в Грузию» история пока что не знает.

Такова историческая действительность столь грубо, и, видимо, не без цели, опороченная некоторыми современными грузинскими историками.

Вот почему лично я считал и продолжаю считать, что нельзя было поступать так жестоко с целым народом. Можно было, а, может быть, и нужно было, уничтожить половину, три четверти населения республики. Но слишком жестоко и бессмысленно приносить в жертву сотни тысяч жизней невинных детей, беззащитных женщин и стариков, а, главное — оставляя и подрастающим потомкам их удел презрительного недоверия и унижения их национального достоинства. Совершенно немислимо поставить целую

нацию на путь ее национальной гибели из-за преступления, совершенное отдельными, представителями этого народа.

В чем же повинны отцы, матери, жены и дети геройски погибших чеченцев-воинов Советской Армии из-за того, что подлые авантюристы типа Исраилова, поднявшие головы против советской власти (кстати, обезглавленные самими чеченцами), оказались по национальности чеченцами? Виновны ли в этом чеченцы, жившие в те годы далеко за пределами Чечено-Ингушетии, жизнью и интересами других районов нашей страны? Или чеченцы-воины, находившиеся в рядах Советской Армии.

Мне могут сказать, что, таких, слишком мало. Нет, таких чеченцев и ингушей очень много. И сколько бы их не было — они люди, живые люди, которым незаслуженно нанесена слишком тяжелая обида.

Надо же столько наказывать виновных, но немислимо, чтобы, наказывая одного виновного, толкать в петлю преступника еще девять невинных. Мне кажется, что подобным способом опошляется мера наказания, а главное — создается вполне естественное недовольство в самых различных слоях нашего общества — что совершенно нежелательно.

Разве можно признать нормальным такое положение, когда чеченец из-за своей национальной принадлежности лишен права передвигаться из села в село. Когда в случае торжеств или несчастья он не может видаться с родственниками или близкими, проживающими за несколько километров от него, когда за попытку удовлетворить это вполне естественное желание, ему грозят двадцатью годами каторги. Когда чеченцам и ингушам запрещен доступ на работу не только в административно-советские и партийные органы, но и во многие ведомства и промышленные предприятия. Когда они, юридически не лишены избирательных прав, могут избирать, сами фактически не могут быть избранными. Когда для них закрыты двери высших учебных заведений почти всех наших столичных городов, не говоря уже о том, что совершенно отсутствуют школы и другие культурно-просветительные учреждения на их родном — национальном языке. Когда весь этот народ, от мала до велика, уже более 10 лет, будучи юридически свободным, фактически находится под стражей. Когда их маленькие дети растут под впечатлением этих, им совершенно не понятных и бессмысленных ограничений.

Эти ограничения постоянно напоминают людям об исконных родных местах, об ушедших обидах, которые им, быть может, искренно хочется забыть навсегда.

Мыслимо ли это в нашей советской стране, где какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения — карается законом. Нет, не должно иметь место такое положение в нашей стране, где воплощены в жизнь великие, гуманные идеи равенства и братства народов.

Нет и не могут быть плохие-вредные народы, а есть среди всех народов плохие и вредные люди — враги человечества, прогресса и правды, делающие жалкие попытки помешать великому движению вперед.

И вполне естественно, что каждый народ, в том числе и самый маленький, ничем не примечательный, хочет, и вправе требовать, чтобы уважали его гражданские права и человеческое достоинство.

Настало время, когда Советское правительство должно пересмотреть свое решение по вопросу чечено-ингушского народа, принятое им в тревожной обстановке военного времени и поставить его как равноправного члена в семье свободных народов нашей страны.

Речь идет не о тех злобствующих отщепенцах, готовых ухватиться за любую скрипку наших врагов, — их жалкое ничтожество, а о тех тысячах — скромных тружеников, ставших жертвой провокациям, морально дезорганизованных и тем самым до известной степени выведенных из колеи активной жизни нашей страны, вот о них-то нашему правительству и нужно подумать.

Хотя размер настоящего письма и не позволяет слишком растягиваться, я позволю себе отметить одно весьма важное обстоятельство по данному вопросу: члены нашего правительства знают из различных сводок и информации, составленных не только тенденциозно, но и подчас фальшиво, что за эти годы в Чечено-Ингушетии вспыхивали различного рода выступления с выражением недовольства существующим строем. Но они, к сожалению, не знают или превратно информированы о подлинных причинах, спровоцировавших эти антисоветские выступления.

Прочитав мое письмо, многие могут подумать, что я как чеченец, из-за чисто национальных чувств решил выступить с защитой чеченцев. Нет. Это не верно. Мое личное национальное чувство меня беспокоит меньше всего в этом вопросе.

Меня оскорбляет это положение, прежде всего, потому, что подобная постановка вопроса о целом народе оскорбляет в планах

общественного мнения существо самой советской власти, великое марксистско-ленинское учение по национальному вопросу.

Я поднимаю этот вопрос еще и потому, что при сложившихся обстоятельствах у меня, как у человека-гражданина, еще не лишеного чувства разума не может быть никакой цели к жизни, ибо у каждого из нас есть более высокое, более священное, чем жажда к самой жизни — Родина, а может быть Родина там, где не верят вам и не любят вас?

Вот почему я, поставленный в трагическое положение, прошу кого-нибудь из вас ответить в печати хотя бы на следующие вопросы:

1. Следует ли рассматривать решение Президиума Верховного Совета РСФСР о Чечено-Ингушской Республике, как акт, направленный на создание таких жизненных условий, рассчитанные на духовную и физическую ликвидацию этого народа как нации?

2. Если это так, то есть ли что-нибудь общего между такой постановкой вопроса и марксистско-ленинским учением по национальному вопросу.

3. Если это не так, то чем продиктованы те условия, в какие на сегодня поставлен чечено-ингушский народ?

Летом 1949 года, во время моего последнего ареста в г. Бухаре, капитан госбезопасности некий Епишев, обнаружив в моем личном архиве черновик аналогического письма, учинил мне грозный допрос по вопросу о том: считаю ли я правильным или нет решение правительства об упразднении Чечено-Ингушской Республики? И когда я категорически отказался ответить ему на этот вопрос, заявив, что это не имеет никакого отношения к моему личному делу, тем более, что я жил в те годы далеко за пределами Чечено-Ингушетии, капитан Епишев грубо оборвал меня, сказал: «Нет, имеет, вы никогда больше не получите советского паспорта, хотя бы как чеченец. И запомните, что ликвидация Чечено-Ингушской Республики произведена по инициативе и под личным руководством самого Берия, который очень хорошо знает вас — чеченцев как врагов советской власти. Лучше не напоминайте, что вы чеченец и бросьте всякую писанину по этому вопросу, а то допишется», — с угрозой закончил капитан.

Что ликвидация Чечено-Ингушской Республики была произведена по инициативе Л.П. Берия я знал хорошо, так как имя этого заклятого преступника каждый из оставшихся живых чеченцев и ингушей произносил с глубоким негодованием и презрением, но что об этом нельзя говорить или писать своему правительству, для меня прозвучало больше чем дико, потому, что мне казалось, да и сейчас кажется, что каждый из нас, граждан, вправе написать пра-

вительству о том, чего он желает, правительство может решить, как оно найдет его нужным для дела.

Кто его знает, может быть, капитан Епишев тогда был и прав?

Но теперь, когда вопреки грозным предупреждениям недалеко-видного капитана суд справедливого человечества стер с лица земли имя этого трижды презренного гада, я решил написать к вам все вышеизложенное. И если миллионы простых людей нашей страны не пишут к вам об этом, то это вовсе не значит, что они довольны существующим положением по этому вопросу.

Советский власти я обязан долгом сына — матери, она спасла меня от безрадостной жизни бродяги, дала университетское образование и высокое звание советского писателя, скрытый же враг, облеченный государственной властью надел на меня ярмо преступника. Но он не смог убить во мне любовь к своей Родине и к своему народу.

Мои родители — горцы Кавказа, а вырастил и воспитал меня великий русский народ. Вот почему под понятием своей Родины, я всегда подразумеваю не тот маленький клочок земли, именуемый Чечней, а Россию, ту самую великую советскую Россию, которая вырастила, воспитала и всюду принимала меня как своего родного сына.

Должен заявить, что я в данном письме не пытаюсь поставить вопрос о восстановлении прежних территориальных прав чечено-ингушского народа, Я только хочу сказать, что считаю совершенно недопустимым и оскорбительным для нашего советского общества ставить человека в рамки подобных ограничений, только лишь из-за его национальной принадлежности, где бы он ни жил.

М. Мамакаев

Источник: РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 17. — Д. 18. — Л. 68—78. Резолюция: «На ознакомление тт. Суслову М.А., Поспелову П.Н., Шаталину Н.Н. 5.VIII.54 г.». Помета: «Не стоит ли с этим письмом ознакомить членов Президиума». Визы: «Суслов», «Поспелов», «Шаталин».

² Магомед Амаевич Мамакаев (псевдоним Магомед Тур) (16 (29).12.1910, село Ачхой-Мартан, ныне Чечено-Ингушской АССР, — 2.8.1973, Грозный) — чеченский советский писатель. Член КПСС с 1927 г. Родился в крестьянской семье. Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока в 1930 г. С 1960 г. редактор альманаха «Орга» («Аргун»). Печатался с 1926 г. Первый сборник стихов «Ласточка» опубликован в 1931 г. Автор сборников стихов «Кровавые горы» (1936), «Искра» (1940), «Моя путевка» (1958), «Я вернусь» (1963), «И камни говорят» (1966, рус. перевод: М., 1968), «Земля Мартана» (1971, рус. перевод: М., 1971) и др. Основное содержание поэзии Мамакаева — героическое время и люди, революционно переустройствающие мир. М. Мамакаев ввел в чеченскую поэзию новые поэтические размеры, новые рифмы. В 1956 г. на

русском языке вышла повесть «Первый гудок». В романе «Мюрид революции» (1962, рус. перевод: М., 1968) воссозданы революционные события в Чечне. Роман «Зелимхан» (1968, рус. перевод: Грозный, 1971) — о социально-классовых противоречиях в Чечне в начале XX в. М. Мамакаев — автор труда «Чеченский тайп (род) и процесс его разложения» (Грозный, 1962). Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью. Соч.: Гулийна сочиненеш. — Грозный, 1964—1965. — Т. 1—2; Хаьржинарш. — Грозный, 1970; Лавтан йовхо. — Грозный, 1972; рус. перевод: Утро над Аргуном: стихи. — М., 1958; Солдаты Октября: рассказы и очерки. — Грозный, 1969. (См.: *Апресян Г.* Певец Аргуна // Дружба народов. — 1959. — № 6. — С. 247—248; *Туркаев Х.* Чеченская советская поэзия (20—40-е годы). — Грозный, 1971; *Туркаев Х.* Мамакаев М.А. // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1974. — С. 309.

№ 2 а

Справка зав. сектором административного отдела ЦК КПСС о результатах рассмотрения письма М. Мамакаева с просьбой об отмене ограничений в отношении чеченцев и ингушей, переселенных в восточные районы страны, 17 сентября 1954 г.

В письме в ЦК КПСС гр[аждани]н Мамакаев просит отменить ограничения в отношении чеченцев и ингушей, переселенных в восточные районы страны.

Совет Министров СССР, учитывая, что основная масса спецпоселенцев в настоящее время трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, признал, что ныне существующие ограничения в правовом положении не вызываются необходимостью, и снял ряд ограничений.

Учитывая, что вопросы, поднятые Мамакаевым, уже разрешены, считаем возможным закончить на этом рассмотрение его письма.

Зав. сектором
Административного отдела
ЦК КПСС (Тикунов)
Зав. сектором
Административного отдела
ЦК КПСС (Еличев)

Источник: РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 17. — Д. 18. — Л. 79. Виза: «Старцев».

№ 3

Письмо от группы спецпоселенцев-ингушей, представителей творческой интеллигенции, проживающих в Киргизской ССР на имя т. Хрущева Н.С. по вопросу возвращения на прежние места жительства, [17 марта 1956 г.]

Дорогой Никита Сергеевич!

Мы решили обратиться к Вам с настоящим письмом. Хотя нас никто не уполномочил к этому, но мы хотим в этом письме выразить думы, чаяния и надежды своего народа, которые так сильны в нем и не знать о которых мы не можем.

Мы пишем это письмо только потому, что выражаем в нем не только свои чувства, мысли и надежды, но мысли, чувства и надежды всего ингушского народа,

В настоящем письме мы пишем только об ингушах не потому, что хотим в чем-либо отмежеваться от чеченского народа (чеченцы и ингуши; родственные по происхождению, языку и культуре, в советских условиях складывались на Кавказе в единую социалистическую нацию, а потому, что будучи ингушами, мы лучше знаем ингушей, их прошлое и настоящее, их чаяния и думы.

Все народы и все честные граждане нашего социалистического государства счастливы: на них в одинаковой мере распространяются советские законы, права каждого советского народа ограждены великой заботой Коммунистической партии и Советского правительства, ограждены Советской Конституцией.

Самые дорогие принципы Коммунистической партии и Советского законодательства не допускают исключения в этом: равные права народов независимы от расовой и национальной принадлежности. Национальная политика Коммунистической партии Советского Союза является одним из самых великих достижений в мировой истории. Впервые в истории человечества национальный вопрос получил правильное разрешение в деятельности КПСС и практике Советского государства. Колониальные и зависимые народы, все прогрессивное и живое, что есть в мире, увидело на примере Советского Союза, что национальный вопрос может быть блестяще и окончательно разрешен. Именно потому изверг Берия решил ударить по такому важному достижению КПСС и Советской практики — по достижению нашей Родины в национальном вопросе. Буржуазный националист Берия хотел ударить по дружбе народов СССР и подорвать доверие народов

к национальной политике КПСС и Советского государства. Используя военное время, провокатор Берия обманом и фальсификацией добился ликвидации ЧИА ССР и переселения чеченцев и ингушей.

Почему провокатор Берия так ненавидел наш народ? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно коснуться истории ингушей. Ингуши, как и другие коренные кавказские народы, жили на Кавказе, по крайней мере, 2—3 тысячи лет.

В начале XIX века наши предки добровольно, поклявшись своими языческими божествами, приняли российское подданство. Генерал Ермолов содействовал их поселению в важном стратегическом районе по реке Камбилеевке и реке Сунже.

Вплоть до конца 60-х годов, т.е. до окончания кавказской войны и пленения Шамиля, ингуши оказывали неоценимые услуги русскому населению, защищая от нашествия войск Шамиля тракт Моздок — Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу. Достаточно сказать, что плоскостная Ингушетия отделяла сторонников Шамиля на западе и востоке и что ингуши два раза разбили Шамиля — под Владикавказом и Назранью, и один раз разбили кабардинских князей, враждебных России, — под Назранью. В 1877—[18]78 гг. ингушские части честно бились с турками на Дунае и под Карсом, а в 1904—1905 гг. на полях Маньчжурии — с японскими империалистами. В 1914 г. 60-тысячный ингушский народ выставил полк, т.е. столько же, сколько выставил Дагестан, в 8 раз превосходивший по численности населения маленькую Ингушетию.

Ингуши, как отметил И.В. Сталин на X съезде партии, были обречены царизмом на невероятные страдания и вымирание.

Ингушский народ в 1917—[19]19 гг. пролил потоки крови за дело Октября и вписал славную страницу в историю Великой Октябрьской социалистической революции. Лучший друг нашего народа, славный Г.К. Орджоникидзе от имени Коммунистической партии и Советского правительства, руководимых в то время великим Лениным, неоднократно говорил, что советская власть никогда не забудет заслуг нашего народа перед революцией.

В дни, когда многим казалось, что дело революции на Северном Кавказе погибло, и неустойчивые элементы не только отходили от революции, но прямо изменяли ей, ингуши с величайшим энтузиазмом по первому призыву товарищей С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе с оружием в руках выступали на борьбу против всех врагов большевиков. «Я помню момент перед концом IV съезда, когда мы висели на “волоске”; а это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас

робко оглядывались. И в этот момент одиночества советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту советской власти».

«В период неизвестности наших дальнейших судеб только ингушский народ пошел за ними не оглядываясь», — сказал Г.К. Орджоникидзе в речи на открытии V сессии Съезда трудовых народов Терской республики. Об этой борьбе ингушского народа говорил товарищ Г.К. Орджоникидзе и на бюро горских фракций Терского народного Совета 2 октября 1918 года: «Я никогда не скрываю, что советская власть вновь была утверждена волей трудового ингушского народа».

Наконец, об этом же писал Г.К. Орджоникидзе 10 мая 1919 года в докладе Совету Народных Комиссаров в Москве: «...Но одно выступление ингушей обеспечило нам победу. Мы были уже не одни. Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которым потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы».

Когда в конце 1918 г. 11-я Армия, повально болевшая тифом и истощенная непрерывными боями, начала отступать от границ Кубани к Владикавказу, т. Орджоникидзе вновь обратился к ингушам: «С кем вы? Хотите ли вновь надеть ярмо на свою шею?»

«С большевиками! Не будет ярма на нашей шее!» — был ответ, и от Моздока до Дарьяльского ущелья возник фронт. Наш народ плечом к плечу с Красной Армией бил белогвардейцев до последнего патрона. Об этих боях телеграфировал т. Орджоникидзе В.И. Ленину: «...бои вокруг Владикавказа и Ингушетии продолжаются седьмой день. Все ингуши, как один человек, восстали на защиту Советской власти. Среди ингушей небывалый подъем духа».

В докладе Совнаркому в 1919 г. т. Орджоникидзе писал про эти бои: «Верхи ингушей, ведшие переговоры с деникинским командованием, склонны были выполнить требования деникинцев, но ингушские массы заявили, что они никогда не были предателями и никогда ими не будут.

Ингуш не может быть предателем» (подчеркнуто Г.К. Орджоникидзе). После того, как деникинцы заняли весь Северный Кавказ, а многие наши аулы были ими превращены в развалины, дух ингушей не был сломлен. Летом 1919 г., когда казалось, что деникинцы неудержимо катятся к Москве, ингуши нашли в себе силы для неоднократных массовых восстаний против белогвардейцев. Плоскостные ингушские районы были разорены, многие многолюдные аулы превращены в руины, кладбища густо усеяны памятниками и высокими столбами-аламами, которые ставятся только на могилах людей, погибших за на-

родное дело (ныне эти памятники скрыты, столбы сожжены, а священные могилы героев-борцов за дело Октября — осквернены).

Героическая революционная борьба нашего народа вызвала злобу и дикую ненависть к нему всей контрреволюции. Желчью писал Деникин в «Очерках русской смуты», переживая в качестве нахлебника империалистов свое позорное поражение: «Ингуши, самый малочисленный, но наиболее сильный военной организацией народ, являлись фактическими вершителями судеб революции на Северном Кавказе. Ингуши природные большевики...». С удивлением и дикой злобой говорил в 1919 г. на Терском войсковом круге палач ингушей, командующий деникинскими бандами на Северном Кавказе генерал Ляхов: «Не было случая сдачи ингуша в плен. Если у него только пять патронов, четыре пули он пускает в нас, пятую — себе в лоб».

И.В. Сталин дал высокую оценку преданности чеченцев и ингушей революционной советской России. Разоблачая узурпатором и самозванцем из так называемых донского, северо-кавказского и других «правительств», И.В. Сталин писал в центральном органе Коммунистической партии — в газете «Правда» 1/VI-18 г. № 108: «Пусть говорят теперь оклеветанные узурпаторами и их покровителями чеченцы и ингуши» (подчеркнуто И.В. Сталиным).

Вот резолюция их фракции, сплывающая всех или почти всех ингушей и чеченцев:

«...Чеченско-Ингушская фракция заявляет, что единственное спасение всех горцев Северного Кавказа и завоеванных революцией свобод заключается в тесном единении с российской революционной демократией...».

И далее И.В. Сталин пишет: «А вот и выдержка из пламенной речи оратора ингушей и чеченцев на заседании Терского народного Совета т. Шерипова, достаточно определенная для того, чтобы пресечь всякие нарекания на дагестанцев: “Благодаря русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда, никому не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы...”». (И.В. Сталин, Сочинения, т. IV, стр. 143—144, ОГИЗ, Москва, 1947 г.).

Ингуши до революции были наиболее обездоленными, темными и забытыми среди народов Кавказа. Именно потому в годы борьбы за дело Октября контрреволюционеры всех мастей и оттенков хотели сыграть на темноте и забитости ингушей и сделать их своей опорой.

Но из этого абсолютно ничего не вышло: ингуши стали опорой пролетарской революции, опорой большевиков на Северном Кавказе.

Маленький ингушский народ также внес свой вклад в дело защиты Родины во время Великой Отечественной войны. Тысячи ингушей сражались на многочисленных фронтах Отечественной войны и многие из них отдали свои жизни за наше Социалистическое отечество.

Много было проявлено трудового героизма колхозниками-ингушами в тылу.

Ингушетия относительно не меньше, а больше других автономных образований дала фронту хлеба, мяса, шерсти и других сельскохозяйственных продуктов.

Советская армия остановила наступление немецко-фашистских войск на рубежах бывшей ЧИА ССР и закрепились на них. Отсюда она начала и свои наступательные действия против армии Клейста.

В период пребывания советских войск на территории Ингушетии, ингуши оказывали широкое гостеприимство советским солдатам и офицерам.

Находясь в прифронтовой полосе, подвергаясь бомбежкам фашистской авиации и обстрелам дальнобойной артиллерией, ингуши не впадали в панику, а спокойно оставались на своих местах, трудились и оказывали тем самым существенную помощь фронту.

Контрреволюционеры всех мастей и оттенков никогда не могли и не могут простить ингушскому народу своих обманутых надежд и героическую борьбу этого народа под руководством Коммунистической партии. Не случайно еще сохранившиеся враги пролетарской революции на себе в свое время испытавшие силу революционного оружия ингушей, провожали теплушки с переселяемыми саркастическими возгласами: «Красные партизаны едут!», «Красную Ингушетию везут!». Предатель Берия тоже проявил лютую ненависть к ингушскому народу, он добился обманом и фальсификацией переселения нашего народа. Он — вредитель и провокатор — имел целью не только жестоко отомстить ингушам и покарать их за их революционную борьбу, за обманутые ими надежды врагов народа, но кроме того, как отмечено выше, он хотел ударить по одному из самых великих достижений Коммунистической партии и Советской власти: по Ленинской национальной политике партии, по дружбе народов.

Берия, его приспешники обвиняли ингушский народ в различных грехах. Главное обвинение заключалось в том, что наш народ, якобы, не оправдал доверия в годы Отечественной войны. Вздорность этого обвинения должна быть очевидна в свете следую-

ших фактов. Фашистские войска заняли на территории б[ывшей] ЧИА ССР Малгобекский район, преимущественно заселенный чеченцами, и часть Пседахинского района, заселенного, главным образом, ингушами. При отступлении фашистов из этих районов с ними не ушла ни одна ингушская семья, не ушел ни один ингуш.

Много ли таких районов было из числа временно оккупированных врагом?

Ренегат Берия клеветал на ингушский народ, утверждая, что он готов на борьбу против Советской власти. Клевета Берия и его подручных была разоблачена: достаточно сказать, что ни до переселения, ни в момент переселения у ингушей и на их территории не оказалось никакой антисоветской организации. Это факт, а от факта никуда не уйдешь.

Изверг Берия хорошо знал, что в момент переселения на территории б[ывшей] ЧИА ССР свирепствовали эпидемия сыпного тифа, но он скрыл это от партии и Советского правительства и на 3—4 недели загнал тифозный народ в теплушки. Последствия этого были ужасны. Мы не можем умолчать о том, что в годы войны в качестве представителя центральной власти в б[ывшей] ЧИА ССР орудовал предатель Берия. Что он делал, кем и как он руководил, нам неизвестно, но мы знаем твердо, что ни с одним словом он к народу не обратился, с народом не говорил, народ его не видел, и народ на борьбу с внешним врагом он не поднимал.

23 февраля 1944 г. началось переселение ингушей. Нет нужды говорить об условиях и методах этого «переселения». Народ спокойно, с исключительным самообладанием принял страшную весть о переселении и сел в теплушки, уверенный, что все выяснится и его вернут домой.

Переселения не было бы, если бы предатели Берия и Кабулов фактически не арестовали бы всех чеченцев и ингушей — членов правительства б[ывшей] ЧИА ССР, позволили бы им (членам правительства) связаться с Политбюро ЦК ВКП (б), разъяснить, что нет причин для переселения народа. Берия и Кабулов не допустили этого.

В результате переселения народ лишился своей государственности, территории, на которой его предки жили тысячи лет, всего имущества, многих своих культурных достижений за советский период, в том числе и своей письменности, следовательно, лишился условий для своего нормального экономического и культурного развития.

Отношение народа к переселению выразили старики, краткие реплики которых в момент объявления о переселении сводились к следующему: «Мы теряем имущество — это небольшая беда, имущество можно нажать; мы теряем места, где наши деды жили,

много лет — это великое несчастье, что еще большее несчастье в том, что те люди, которые вчера боролись против Советской власти и ненавидят нас за наше участие в боях за революцию, будут торжествовать» — и эти люди торжествовали.

Ингуши после переселения рассеяны на огромных просторах Казахстана и Киргизии. В новых местах они оказались в непривычных климатических условиях, в местах, где не понимают ни их языка, ни их этнических особенностей.

С самого начала на новых местах поселения мы почувствовали двойственное отношение к себе. С одной стороны, переселенцы были обеспечены землей, в тяжелые годы войны им оказывалась помощь с продовольствием, строительными материалами, скотом, ссудами на строительство; принимались меры к их трудоустройству, подчеркивалось, что переселенцы полноправные советские граждане. С другой стороны — органы, руководимые предателем Берия, вели иную линию: целый ряд отраслей деятельности был закрыт для переселенцев, на работу их обычно принимали в последнюю очередь, а с работы снимали в первую очередь, поощрений по работе, как правило, не допускалось, подчеркивалась неполноправность переселенцев, и что их только терпят, что они нежелательный элемент. Все это не могло не дезорганизовать часть переселенцев, не могло не отразиться и на отношении к переселенцам на местах.

Слово «ингуш» в печати появилось в ругательном плане. Из науки было изгнано не только все ингушское, но и самый термин «ингуш». Достаточно сказать, что даже в БСЭ нет слова «Ингуш». Статьи и речи славного большевика Г.К. Орджоникидзе вышли в новом издании, в котором вымарано было все положительное об ингушах. Даже в Центральном органе Коммунистической партии, в газете «Правда» была напечатана статья А. Газаева «Грубое извращение исторических фактов», полная бесшабашной клеветой на революционную борьбу чеченцев и ингушей в 1917—1919 гг.

Правление Союза советских писателей выбросило из своих рядов писателей-ингушей только за их национальную принадлежность. Хочется спросить тех руководителей Союза писателей, которые допустили это, неужели они и после такого факта считают себя продолжателями традиций Радищева, Рылеева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и А.М. Горького.

Враг мог временно добиться успеха в своих изуверских действиях, мог, повторяем, только временно. Ныне ясно, где правда и справедливость.

Ингушский народ знал и знает, что национальная политика партии существует и не может не существовать; он знал и знает, что в отношении него будет восстановлена правда и справедливость. Это сознание дает ему силу жить.

И он живет уверенностью, что его место в семье народов Советского Союза будет ему возвращено, что он получит обратно те места, где его предки жили так долго.

Мы знаем, как знает и наш народ, что на наших землях живут люди, что разорять их и изгонять из мест, где они обжились, было бы несправедливо. Но мы знаем, это знает также и весь наш народ, что место на нашей родной земле хватит и нашему народу и тем, кто там ныне живет. Наш народ не будет спорить из-за домов и имущества, пусть все это останется у тех, кто ими ныне владеет. Мы построим новые дома, лучшие, чем те, что у нас были, мы честным трудом приобретем все, что надо советскому человеку для обеспеченной, и культурной жизни.

Ингушский народ живет мечтой о своих вековечных родных местах, он знает, что его право на эти места обеспечено ему священными принципами национальной политики Коммунистической партии и Советской Конституции.

Источник: РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 31. — Д. 56. — Л. 1—11. Резолюция: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС. М. Сулов; тт. Громову, Кириллину, Поликарпову. М. Сулов». Помета: «Архив. Копии разосланы. 17/III-56 г.».

№ 3 а
Записка отдела культуры ЦК КПСС о результатах рассмотрения письма от группы спецпереселенцев-ингушей, представителей творческой интеллигенции, проживающих в Киргизской ССР, 4 апреля 1956 г.

В письме сообщается, что писатели-ингуши, прибывшие из ликвидированной Чечено-Ингушской АССР, были исключены из Союза советских писателей СССР, что ингуши лишены возможности развивать свою культуру.

Секретариат Союза писателей СССР по поручению Отдела культуры ЦК КПСС принимает меры к тому, чтобы восстановить ингушских писателей в Союзе писателей СССР и включить их в активную творческую работу по месту их жительства.

Кроме того, Отдел считает целесообразным поручить Министерству культуры СССР рассмотреть вопросы: об организа-

ции в Киргизской ССР для обслуживания ингушского населения ансамбля ингушской песни и танца; об издании в Киргизском государственном издательстве альманаха на ингушском языке и об издании в Гослитиздате сборника ингушских поэтов и писателей.

Источник: РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 31. — Д. 56. — Л. 37. Виза: «Поликарпов. 4. IV-56».

№ 36

Записка отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, отдела науки и высших учебных заведений ЦК КПСС и отдела культуры ЦК КПСС о результатах рассмотрения письма от группы спецпереселенцев-ингушей, представителей творческой интеллигенции, проживающих в Киргизской ССР, по вопросу возвращения на прежние места жительства, 9 апреля 1956 г.

Группа граждан-ингушей в количестве 9 человек из г. Фрунзе Киргизской ССР обратилась в ЦК КПСС с просьбой решить вопрос о возвращении ингушей и чеченцев, проживающих в настоящее время в Казахстане и Киргизии, на прежнее место жительства. В письме указывается, что в результате ликвидации Чечено-Ингушской АССР и переселения ингушей и чеченцев в 1944 г. в отдаленные районы страны, эти народы лишились своей государственности, имущества, что создало тяжелые условия для их экономического и культурного развития.

По вопросам, поднятым в письме, считаем необходимым сообщить следующее.

В соответствии с постановлениями ЦК КПСС, принятыми в июле 1954 года, «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» и в июне 1955 года «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» были значительно расширены гражданские права спецпоселенцев, созданы необходимые условия для дальнейшего повышения их материально-бытового положения и культурного уровня. Приняты меры по изданию политической литературы и газет на их родном языке. С 1 июля 1955 г. в г. Алма-Ате издается еженедельная газета «Знамя труда» на чеченском языке тиражом 14 400 экземпляров, из которых 1630 экземпляров распространяются среди спецпоселенцев, проживающих в Киргизии. В 1955 г. издательства Казахстана и Киргизии выпустили для спецпоселенцев 16 названий брошюр на политические и естественнонаучные темы. Все это спо-

собствовало вовлечению спецпоселенцев из числа чеченцев и ингушей в активную производственную и общественно-политическую жизнь.

В настоящее время Секретариатом Союза писателей СССР принимаются меры по восстановлению ингушских и чеченских писателей в Союзе писателей СССР и включению их в активную творческую работу по месту их жительства.

В целях улучшения культурного обслуживания ингушского и чеченского населения полагали бы целесообразным поручить Министерству культуры СССР рассмотреть вопросы: об организации в Казахской и Киргизской ССР ансамблей песни и танца, об издании в государственных издательствах этих республик альманахов на ингушском и чеченском языках и об издании в Гослитиздате сборника поэтов и писателей этих национальностей.

Что же касается снятия ограничений с ингушей и чеченцев, то Генеральный прокурор СССР т. Руденко, председатель КГБ при Совете Министров СССР т. Серов, министр внутренних дел СССР т. Дудоров и министра юстиции СССР т. Горшенин считает целесообразным временно воздержаться от решения этого вопроса, в связи с неправильным поведением некоторой части ингушей и чеченцев в местах поселения, нарушением общественного порядка с их стороны, вплоть до проявления фактов бандитизма.

Имея в виду, что во всех случаях снятия ограничений с граждан других национальностей, выселенных по соответствующим решениям, специально указывалось, что они не имеют права возвращаться на прежнее местожительство, поэтому делать в этом отношении исключение для ингушей и чеченцев нецелесообразно.

Указанные предложения поддерживаем и вносим на рассмотрение ЦК КПСС.

Зав. Отделом партийных органов
ЦК КПСС по союзным республикам (Е. Громов)

Зав. Отделом науки и высших
учебных заведений ЦК КПСС (В. Кириллин)

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС (Д. Поликарпов)

Источник: РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 31. — Д. 56. — Л. 38—39. Резолюция: «Ознакомиться. М. Суслов». Справка: «ЦК КПСС. В соответствии с поручением Министерства культуры СССР изыскивает возможность для организации ансамблей и издания литературы. Отделом культуры вопрос взят под контроль 26/VI-56 Д. Поликарпов». Визы: «Аристов, Фурцева, Поспелов». Пометы: «Т. Громов ознакомился. (Подпись). 12.IV-56 г.»; «Архив. Горбунов. 27/VI-56 г.».

Л.А. Сидорова

Советская действительность в произведениях Сергея Довлатова

Статья посвящена рассмотрению произведений С. Довлатова как источника по изучению проблем советского общества 70—80-х годов XX в. В его работах были поставлены вопросы духовной жизни советского человека, проблемы конформизма, анализировалась русская эмиграция третьей волны. Показано, что в постановке многих вопросов С. Довлатов опережал советскую историческую науку.

Ключевые слова: история; литература; С. Довлатов; советское общество; русская эмиграция; советская ментальность; конформизм.

L.A. Sidorova

Soviet reality in the works of Sergei Dovlatov

The article is devoted to S. Doviatiov's works as a source for researching of the soviet society of 1970—1980's. In his novels there are represented the questions of soviet mentality, conformism, Russian emigration of the 3rd wave. It is shown that in many cases S. Doviatiov was ahead of the soviet science of history.

Keywords: history; literature; S. Doviatiov; soviet society; Russian emigration; soviet mentality; conformism.

Изучение истории советского общества, сравнительно недавней, но от этого не становящейся более понятной и объясненной, находится в центре внимания отечественных и зарубежных историков. Пользуясь присущим им профессиональным инструментарием, опираясь на данные многообразных и многочисленных источников эпохи, они анализируют политическую, социально-экономическую, культурную, идеологическую и прочие составляющие жизни страны советов и создают подчас весьма разнящиеся по колориту и настроению полотна.

Свою лепту в формирование образа советской действительности вносят и литераторы. Нарисованные ими с использованием своих художественных средств картины жизни советского общества во многом дополняют, а в некоторых случаях даже предвосхищают результаты исторических исследований.

Большой интерес в этом отношении заслуживает проза Сергея Довлатова. Сергей Донатович Довлатов родился 3 сентября 1941 г. в Уфе, куда его родители были эвакуированы в начале войны. С 1944 г. семья жила в Ленинграде. В 1959 г. Сергей Довлатов поступил на филологический факультет ЛГУ, однако через два с половиной года

был отчислен за неуспеваемость. В это время он познакомился с ленинградскими поэтами Е. Рейном, А. Найманом, И. Бродским, писателем С. Вольфом. Затем последовали три года армейской службы во внутренних войсках. По воспоминаниям И. Бродского, Довлатов вернулся из армии, «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде». Он вновь поступил в ЛГУ, теперь уже на факультет журналистики, начал писать рассказы. В 1972—1975 гг. Довлатов работал в Таллине внештатным корреспондентом двух газет — «Вечерний Таллин» и «Советская Эстония», затем в отделе информации последней. Этот опыт стал материалом для многих его будущих рассказов. В 1975 г. Довлатов вернулся в Ленинград, работал в журнале «Костер». Однако проза Довлатова не вписывалась в рамки литературы развитого социализма. Его почти не публиковали (рассказ «Интервью», напечатанный в журнале «Юность» в 1974 г., скорее исключение). Трибуной Довлатова стал самиздат и эмигрантские журналы — «Континент» и «Время и мы». Последствия не заставили долго ждать — в 1976 г. он был исключен из Союза журналистов СССР. В 1978 г. Довлатов эмигрировал из СССР, поселился в Нью-Йорке, где стал главным редактором еженедельной газеты «Новый американец», быстро завоевавшей популярность в эмигрантской среде. Одна за другой выходили книги его прозы. К середине 1980-х годов к нему пришел читательский успех, двенадцать книг было издано в США и Европе. Сергей Довлатов умер 24 августа 1990 г.

Исследователи его творчества, А. Арьев и В. Попов, едины в том, что произведения этого писателя нельзя напрямую отождествлять с действительностью. «Реальные события искажены в прозе Довлатова на девяносто процентов — если не на все сто. Много чего не было — да и не могло тогда быть», — пишет Попов¹.

В свою очередь Арьев подчеркивает, что «парадокс его книг в том и состоит, что на самом деле вся их беззаботно-беспощадная правдивость — мнимая, действительность в них если и отражается, то как бы сквозь цветные, витражные стекла. К тому же увеличительные»². Однако, по словам Попова, «мы теперь через довлатовские “очки” видим то время»³. Арьев также прибавляет, что сквозь довлатовские витражи «видишь то, что обычный взгляд заметить не в состоянии»⁴. Неординарность довлатовского творчества привлекла внимание к его эпистолярному наследию. К 70-летию со дня рождения писателя была опубликована его избранная переписка⁵.

Эта черта творческого почерка Довлатова — умение раскрыть быль через небыль — делает его произведения чрезвычайно инте-

ресными для историков современности. Нельзя не согласиться с тем, что искать в них точность в передаче исторических фактов и событий, а также конкретных прототипов его героев для историка — занятие малоперспективное. Однако в довлатовских вещах, несмотря на применение зачастую гротеска, в описании реалий брежневского времени (а во многом именно благодаря этому), присутствует не менее значимое для историка свидетельство времени, которое принято именовать «духом эпохи».

В повестях и рассказах Довлатова в специфической форме затрагивается ряд проблем социальной жизни и мироощущения советского человека, его самосознания, которые не могли быть поставлены, в силу известных причин, в работах профессиональных советских историков и которые всесторонне не изучены и до сегодняшнего дня.

Произведения Довлатова отразили советскую повседневность такой, какой она виделась рядовому интеллигенту брежневской поры. Сквозь наигрыш и гиперболы выступают ее реальные символы, уклад, традиции и стереотипы.

Довлатовская проза не обошла вниманием один из главных вопросов, волнующий и историков, и литераторов России на протяжении, по крайней мере, двух последних веков. Кратко его можно сформулировать как «общество — власть — интеллигенция».

Власть на страницах произведений Довлатова существует в виде некоего самодовлеющего образования, от длани которого интеллигенция и народ пытаются дистанцироваться с разной степенью желания и успешности. Довлатовские интеллигенты и персонажи из народа, как и их предшественники в русской классической литературе XIX в., могли принадлежать к «охранителям» или демократам различного толка, однако симпатии писателя, по установившейся традиции, неизменно на стороне последних.

Особый интерес в этом отношении представляет книга Довлатова «Компромисс», в которой отражен журналистский опыт автора, в частности, его работа в центральной прессе советской Эстонии. Книга состоит из самостоятельных новелл, написанных в период с 1973 по 1980 г.

Само название этого произведения обозначает главную его тему — конформизм советской интеллигенции брежневского времени, присущее ей двоемыслие. Этому подчинено построение всех его частей. Каждая новелла начинается с газетной выдержки, после которой следует рассказ о написании данной заметки или материа-

ла со всеми сопутствующими журналистскими наблюдениями, историями и байками. Сравнение этих литературных «автографов» и «протографов» дает богатый материал для размышлений о природе двоемыслия, показывает соотношение официальных и неофициальных трактовок событий и фактов, дает возможность проследить, как воспринималась повседневная практика идейного руководства партии.

За легким, несерьезным, веселым, подчас фривольным разговором о газетных буднях для историка открывается целый спектр вопросов, связанных с самосознанием не только представителей журналистской богемы, но и отдельно взятого советского человека в условиях идеологического диктата брежневской поры.

Партийно-идеологический контроль заявляет о себе с первых же страниц книги. Это и понятно, поскольку речь идет о советском времени.

Так, главному герою «Компромисса», во многом автобиографичному, Довлатов противопоставляет действующую власть в образе редактора Туронка — «елейного, марципанового человека», которого он определил как «тип застенчивого негодяя»⁶. Однако эта антитеза, как показывает писатель, не была противостоянием. Она не препятствовала их работе. Более того, многих журналистов сближала, по мнению Довлатова, «легкая неприязнь к официальной стороне газетной работы. Какой-то здоровый цинизм, помогающий избегать громких слов»⁷. Журналисты как бы тестировали власть на границы дозволенного, но это не создавало между сторонами непреодолимых противоречий, а, скорее, выступало маркером двоемыслия.

Довлатов показал, как проведение идеологической линии партии проявлялось в редакции журналистских материалов. В «Компромиссе первом» автор рассказывает о неоднократной правке, казалось бы, заведомо нейтрального материала о международной научной конференции, в котором, кроме ее названия, были лишь упомянуты государства, откуда прибыли ученые.

Однако именно в этом перечислении и содержалась, по мнению редактора, «грубая идеологическая ошибка»: страны были названы в алфавитном порядке, что квалифицировалось как «внеклассовый подход». Редактор требовал соблюдения «железной очередности»: «Демократические страны — вперед! Затем — нейтральные государства. И, наконец, — участники блока...».

Измененный в соответствии с высказанными требованиями материал снова вызвал нарекания: «Вы перепутали страны народной

демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово! Вы работник партийной газеты. Венгрию — на третье место! Там был путч», — негодовал редактор, которому, кстати, и пришлось бы отвечать за эти идеологические огрехи⁸.

Этот забавно изложенный эпизод отразил господствовавшую в советской прессе цензуру. Одновременно он показал и философское отношение журналиста Довлатова, от имени которого ведется повествование, к установленным правилам игры: главный герой невозмутимо вносит требуемые исправления, оставляя, тем не менее, за собою право на невинно язвительные замечания, которые вполне соответствовали уровню идеологического прегрешения.

Интересна также терминология, к которой прибежал прорабатывавший своего сотрудника редактор. Ее отличала идейная агрессия, облеченная в форму трафаретных восклицаний. Но идеологические штампы, почерпнутые из партийного обихода, и соответствующие им обвинения в «политической близорукости» не пугали главного героя «Компромисса», а воспринимались им как дань установившейся традиции⁹.

Довлатов показывает, что осуществление интеллигенцией идеологического заказа было непосредственно связано с сознательным опущением не вписывавшихся деталей и подтягиванием материалов под определенный канон. Умолчание, смещение акцентов, сознательное искажение — таковы приемы, входившие в арсенал работников идеологической сферы. О них говорится, например, в рассказе Довлатова о подготовке заметки к юбилею таллинского ипподрома.

В опубликованном материале ипподром — разновидность спортивной арены, где зоотехники и спортсмены-наездники достигают вершин своего мастерства. Вместе с тем, в дальнейшем повествовании говорится совсем о других сторонах жизни ипподрома. Довлатов пишет о «возбужденной, крикливой толпе, циркулирующей от бара к перилам», о механизме ставок и о прочих хитростях и ухищрениях скачек¹⁰.

Однако эта картина не работала на положительный образ советской действительности, каковым он должен был неизменно оставаться. Скорее наоборот. В таких красках было принято отображать буржуазное общество со всеми присущими ему пороками, действительными и мнимыми. Поэтому подобное описание таллинского ипподрома не подходило для широкого читателя. Оно

могло годиться только для критической статьи или, по крайней мере, для фельетона.

Советскую действительность должно было преподносить, как показывал в своих работах Довлатов, максимально позитивно. Исходя из этого даже идеологически выдержанные, но «слишком печальные» темы, как-то неизлечимые болезни, социальные недуги, применительно к советскому обществу и проч. не приветствовались.

Довлатов затронул еще одну из сторон формирования имиджа советского общества, который складывался, в том числе, из пропагандируемых в печати положительных образов советского человека. Однако не были исключением случаи выбора неподходящих персонажей для репортажей, что вызывало наставления редактора, призывавшего к «осмотрительности», так как «выбор героя — серьезное дело, чрезвычайно серьезное»¹¹.

Писателем показана процедура согласований кандидатур в герои журналистского очерка, которые должны были отвечать принятым идеологическим стандартам. Такая ситуация описана, например, в рассказе о «юбилейном» новорожденном, где Довлатов живописует перипетии одного из своих редакционных заданий. На роль «юбиляра» мог подойти только тот младенец, который соответствовал бы всем нужным общественным параметрам: пол (конечно же, мальчик), национальность (титульная и местная), социальный статус родителей (желательно, передовики производства).

В произведениях Довлатова нашли выражение пропагандистские кампании, которые были призваны показать неразрывную связь коммунистической партии и народа. «Компромисс восьмой» описывает вымышленную *пиар-акцию* райкома партии, разыгранную по всем правилам таких мероприятий: «Доярка обращается с рапортом к товарищу Брежневу. Товарищ Брежнев ей отвечает»¹².

Согласование вопроса с аппаратом ЦК партии, составление письма, интервью с ударницей производства и ее фото в печати, ответ Л.И. Брежнева — вот основные части райкомовской «операции», под которую была отведена первая полоса газеты.

За официальной стороной мероприятия — прием журналиста и фотокорреспондента со всем «райкомовским радушием». И уж совсем за кадром — «немного растерянная» доярка в унылом коровнике, со старательно уложенными волосами, поблескивавшими от лака, которая проводила уезжавших спецкоров «чутьочку разочарованным взглядом»¹³. Она оказалась единственным человеком, который почувствовал себя лишним в этом идеологическом действе,

на мгновение нарушившем ее привычную, размеренную жизнь. В немногих деталях Довлатов сумел представить разрыв между реальной жизнью и партийной пропагандой, властью и народом.

В своих рассуждениях о влиянии советской идеологической машины на общество писатель отметил одну весьма существенную особенность, которая проявлялась помимо расчетов партийного руководства и шла вразрез с ними. Она была закономерна в плане естественной психологической реакции человека на оказываемое массированное воздействие и вообще находилась в русле традиций российской интеллигенции. Речь идет о превращении официальной пропаганды в контрпропаганду и о достижении ею результатов, совершенно противоположных задуманным. Вот как описал эту ситуацию Довлатов в «Марше одиноких»: «Есть в советской пропаганде замечательная черта. Напористая, громогласная, вездесущая и непрерывная — советская пропаганда вызывает обратную реакцию. Критикуют фильм — значит, надо его посмотреть. Ругают книгу — значит, стоит ее прочитать. На кого-то персонально обрушились — значит, достойный человек»¹⁴.

Писатель обозначил многослойность и неоднозначность советской действительности периода «развитого социализма», показал наличие внутренних противоречий существовавшей системы. В определенной мере он заострил внимание на нарушении связей между обществом и властными структурами, которое свидетельствовало о размывании доверия между ними.

Такая постановка вопроса в корне отличалась от бытовавшего в советской историографии однозначно апологетического рассмотрения идеологической работы партии, которую было принято раскрывать в форме комментирования принятых партийными органами решений и официальных мер по их реализации, иллюстрируя подходящими примерами из повседневной практики.

В прозе Довлатова затрагивается традиционная российская проблема — «интеллигенция и народ». Довлатовские герои-интеллигенты так же, как и их предшественники в XIX в., не знали народа, хотя и обладали определенным набором умозрительных представлений о нем и ощущали свою «инородность».

Главный персонаж «сентиментальной», как назвал ее автор, повести «Иная жизнь» филолог Красноперов поехал за рубеж, во Францию, поработать над архивами И.А. Бунина. Его первые впечатления о заграничье — «иная жизнь, чужие люди, тайна...» — вызвали в нем воспоминания детства, когда он «впервые познал чужую жизнь»¹⁵. Од-

нако эти реминисценции были связаны вовсе не с дальними путешествиями и другими странами. Юный Красноперов ощутил себя иностранцем в собственной стране, когда в его квартиру пришли маляры.

Описание Довлатовым столкновения героя повести и его родителей с представителями рабочего класса, лаконичное и предельно скупое по использованным художественным средствам, сразу вводит читателя в круг проблемы. Выяснилось, что данные социальные группы имеют своего рода языковой барьер. Разговор маляров между собой был Красноперову так же непонятен, как если бы он велся на иностранном языке. Но еще более удивила мальчика попытка отца заговорить на этом «иностранном языке».

Диалог Красноперова старшего и пришедших рабочих продемонстрировал не только разность социокультурных типов, но и стремление первого подладиться под своих «гостей», «опроститься». Предложение «Сообразим, братва!», последовавшее от непьющего отца героя повести, сопровождалось заимствованными из лермонтовской «Песни о купце Калашникове» восклицаниями «Ах ты, гой еси...»¹⁶, казавшимися ему, по всей вероятности, простонародными и уместными.

Всего несколькими штрихами Довлатов обрисовал обособленность этих миров, приведя пару фраз из рассказа Красноперова младшего: «Папа хотел угодить малярам и даже негромко выругался. Мама безуспешно предлагала им яблочный конфитюр»¹⁷. С окончанием ремонта завершился и вынужденный контакт данных представителей интеллигенции и народа.

Авторское прочтение этой проблемы никак не вписывается в бытовавшую в то время формулу социальной однородности советского общества, которая доминировала не только в советской исторической науке, но и в художественной литературе.

В этой повести Довлатов коснулся также актуальной для современной российской исторической науки проблемы влияния советской пропаганды на мироощущение людей. Он показал, как ее стереотипы входят блоками в сознание человека, зомбируя его, создавая предубеждения и ставя преграды в познании внешнего мира. Активно внедряемый партийной печатью тезис об идейном кризисе Запада вопреки его кажущемуся благополучию рисует прибывшему в Швецию Красноперову фантастические картины странных самоубийств, во Франции убеждает его в легкомысленности парижанок. Герой повести закрыт для восприятия и познания жизни других стран. Он приехал туда со своим «багажом знаний» об их мире, выйти за пределы которого ему не удалось.

Во все время заграничной командировки за героем довлатовской повести неотступно следует странный соглядатай, представившийся Красноперову как «его совесть». Он удерживает его от поступков, недопустимых для советского человека, в том числе от покупки запрещенного в СССР «Доктора Живаго» Б. Пастернака. В этой аллегорической фигуре Довлатов выразил страх советского человека перед контролем спецслужб, его уверенность в том, что за границей он уж точно является объектом их наблюдения.

Одновременно «совесть» Красноперова олицетворяет его «самодензуру», заставляющую следить за своими словами и поступками не менее рьяно, чем воображаемый агент госбезопасности. Довлатов показывает, что его персонаж насторожен и внутренне закрыт. Все попытки преодолеть такое состояние духа строго пресекались им же самим. Это сильнее, чем даже реально существовавшие ограничения в общении с иностранцами, изолировало его от зарубежной жизни.

В Париже Красноперов выискивал или рисовал в своем воображении идеалы, которые сформировались у него из клочков отрывочной и односторонней информации о западной культуре, полученной дома. Не случайно, что основными персонажами, которых он своим фантазийным зрением видел в Париже, были кинозвезды, чьи лица с обложек советских журналов и экранов кинотеатров олицетворяли для него внешний мир, красивый и волнующий.

В итоге западная жизнь для героя Довлатова так и осталась иной, непонятой и все же таинственно манящей.

Во многих своих произведениях Довлатов обращается к теме эмиграции, в основном третьей волны, поскольку принадлежал к ней сам. Посвященные эмигрантским будням бывших советских граждан, довлатовские очерки и рассказы не только касаются проблем их жизни за рубежом, главным образом в Америке, но и поднимают важные вопросы советской действительности, ставшие более рельефными именно за границей.

Эмигрантский опыт убедил писателя в том, что у трех эмигрантских волн — первой, послереволюционной, следующей, обусловленной Второй мировой войной, и третьей, связанной с выездом в Израиль, — «масса общих проблем. И сходства между ними больше, чем различий»¹⁸.

В причинах последней по времени эмиграции Довлатов выделял два основания — экономическое и идеологическое. Одни его герои ехали за «свободой», а «не за джинсами и не за подержанным

автомобилем»¹⁹, другие — именно за этим, но набрасывая на свой отъезд флер «идеологической духоты».

Рассказ «Третий поворот налево» посвящен небольшому эпизоду из нью-йоркской жизни молодой счастливой супружеской пары. Довлатов пунктиром обозначил особенности характеров Лоры и Алика, основные события их советской жизни. Они познакомились шесть лет назад — выпускники средней школы, имевшие смутные юношеские представления о выборе жизненного пути. Девушка мечтала поступить на исторический факультет, чтобы «заниматься подлинной историей», так как «двоюродный брат говорил ей, что вся советская история — фальсифицирована»²⁰. Юноша мечтал стать врачом, заниматься теорией канцерогенов, поскольку его любимая бабушка умерла от рака.

Дважды не поступив в вузы, как пишет Довлатов, по причине недостаточной подготовленности к экзаменам вследствие бурной влюбленности и в условиях усиления антисемитизма²¹, они решили эмигрировать и были даже немного разочарованы, что их выпустили сразу, без длительной борьбы.

В Америке молодая чета выбрала иные профессиональные занятия: он стал программистом, она — маникюршей. Купили маленький кирпичный домик в одном из сонных пригородов Нью-Йорка и продолжали делать небольшие шажки по повышению своего благосостояния. Проблемы, волновавшие эмигрантов, казались им надуманными. Главным для них в новой американской жизни было «вырваться из русского гетто», на что были направлены их основные усилия²².

Довлатов показывает, что история этой пары проста и банальна. Их жизненная программа могла бы реализоваться в любом городе земного шара. Замкнутый мир Лоры и Алика управляется по преимуществу материальными стимулами. «Железный Миргород», который почувствовал С.А. Есенин в Америке, как нельзя лучше подходит для осуществления этой мечты.

Тема диссидентства, возникающая в произведениях Довлатова, интересна не только потому, что он начал писать об этом явлении раньше, чем его стали изучать российские историки. Он во многом рассматривал эту проблему изнутри и, что, пожалуй, еще важнее, сумел выработать реалистичные подходы к ее интерпретации.

Говоря о диссидентстве как об одном из поводов эмиграции третьей волны, Довлатов вышел за границы односторонней трактовки этого явления. Он не свел его исключительно к несогласию с внутривластным климатом в СССР, выделив в нем не только идеологическую, но и личностно-психологическую основу.

Писатель на собственном опыте убедился, какую роль в диссидентских настроениях играла завышенная самооценка многих представителей этого направления. «В шестидесятые годы я был начинающим литератором с огромными претензиями, — писал Довлатов в своей книге “Ремесло”. — Мое честолюбие было обратно пропорционально конкретным возможностям. То есть отсутствие возможностей давало мне право считаться непризнанным гением. Примерно так же рассуждали все мои друзья. Мы думали: “Опубликуемся на Западе, и все узнают, какие мы гениальные ребята!..”»²³

Жизнь за рубежом рассеяла многие иллюзии бывших советских диссидентов. «Гения из меня пока не вышло», — подводил Довлатов промежуточный итог²⁴ и констатировал, что он начал превращаться в среднего американского беллетриста, в одного из многих американских литераторов русского происхождения²⁵. Он был убежден, что советские идеологические запреты и ограничения продолжали подпитывать ложные представления о собственном творческом потенциале многих представителей интеллигенции. «Боюсь, что мои друзья в России по-прежнему живут иллюзиями. Возможностей там явно не прибавилось. А следовательно, количество непризнанных гениев заметно возросло», — делал вывод писатель²⁶.

В цикле работ, посвященных жизни российской эмиграции третьей волны, Довлатов много размышлял над проблемой свободы. Он обнаружил, что рядом со статуей Свободы его взгляд на эту философскую категорию претерпел существенные изменения. «Свобода в одинаковой мере благоприятствует хорошему и дурному. Свобода — как луна, безучастно освещающая дорогу хищнику и жертве», — писал Довлатов²⁷, используя образный ряд, предложенный А.С. Пушкиным в поэме «Цыганы».

В довлатовском определении явственно слышатся обращенные к Алеко слова старика, уподобляющие вольнолюбивую Земфиру луне:

Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит. Кто место в небе ей укажет,
Примолвля: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

Размышляя над феноменом свободы, Довлатов подметил, что советская ментальность, легко преодолевшая океан вместе со своими носителями, плохо уживается с американскими либеральными ценностями. Эмиграция показала, что «у свободы нет идеологии»²⁸, однако к этому, как выяснилось, нелегко было привыкнуть.

По наблюдениям Довлатова, восемь эмигрантов из десяти мотивировали свой отъезд из СССР причинами нравственного порядка. Однако они «выбирали — свободу. А получили — свободу выбора»²⁹. В своих эссе писатель рассуждает о том, насколько «нелегкое это благо — свобода выбора»³⁰.

Оказалось, что очень многие эмигранты были к этому не готовы. К ним в полной мере можно отнести строки из уже упоминавшейся поэмы А.С. Пушкина — «ты не рожден для дикой доли, ты для себя лишь хочешь воли». «Как это непривычно — уважать чужое мнение! Как это странно — дать высказаться оппоненту! Как это соблазнительно — быть единственным конфидентом истины!» — восклицает Довлатов и далее описывает свои эмигрантские журналистские будни. Он рассказывает, что появление в его газете спорного, неоднозначного материала вызывало на следующий день телефонные звонки с обвинениями в посягательстве на авторитеты и в осквернении святынь³¹. Причину такого восприятия иного мнения Довлатов видит в укоренившейся привычке «молиться очередным богам... И менять убеждения, прочитав свежий номер газеты»³².

Произведения Довлатова, как любые другие свидетельства своего времени, содержат информацию, безусловно понятную для современников и во многом скрытую от людей последующих поколений. В них присутствуют предметы и символы прошедшей эпохи, их знаковость является альтернативой пространной характеристике человека или события, отменяя саму ее необходимость. Авторучка «Паркер», выглядывающая из бокового кармана Буша, одного из героев «Компромисса», принадлежит к числу таких забытых символов³³. Просто упомянув об этом, Довлатов показал всю степень позитивных перемен, произошедших в судьбе своего персонажа.

Закljučая вышеизложенное, можно с полным основанием сказать, что проза Довлатова является не только интересным источником для изучения советской действительности и истории российской эмиграции третьей волны. Отличаясь открыто заявленной авторской позицией, она представляет собой опыт осмысления и анализа затронутых проблем.

- ¹ *Попов В.* Победили мы, герои Довлатова! // Родина. – 2010. – № 9. – С. 160.
- ² *Арьев А.* История рассказчика // *Довлатов С.* Собрание сочинений: в 4 т. – СПб., 2008. – Т. 1. – С. 5.
- ³ *Попов В.* Указ. соч. – С. 160.
- ⁴ *Арьев А.* Указ. соч. – С. 6.
- ⁵ *Довлатов С.Д.* Жизнь и мнения: избранная переписка. – СПб., 2011.
- ⁶ *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. – СПб., 2008. – Т. 1. – С. 259.
- ⁷ Там же. – С. 265.
- ⁸ Там же. – С. 259.
- ⁹ Там же. – С. 260.
- ¹⁰ Там же. – С. 262.
- ¹¹ Там же. – С. 327.
- ¹² Там же. – С. 333.
- ¹³ Там же. – С. 360–361.
- ¹⁴ *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. – СПб., 2008. – Т. 2. – С. 467.
- ¹⁵ Там же. – Т. 1. – С. 107.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. – Т. 2. – С. 486.
- ¹⁹ Там же. – С. 487.
- ²⁰ Там же. – Т. 1. – С. 203.
- ²¹ Там же. – С. 204.
- ²² Там же. – С. 208.
- ²³ *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. – СПб., 2008. – Т. 3. – С. 202.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. – С. 202–203.
- ²⁸ Там же. – С. 202.
- ²⁹ Там же. – Т. 2. – С. 462.
- ³⁰ Там же. – С. 463.
- ³¹ Там же. – С. 463.
- ³² Там же. – С. 490.
- ³³ Там же. – Т. 1. – С. 392.

Н.В. Иллерицкая
Исторические взгляды В.С. Пикуля
(по материалам романа «Нечистая сила»)

В литературном творчестве В.С. Пикуля историческая тематика занимает особое место. Освещение жизни политических верхов России в предреволюционный период XX в. стало центральной темой одного из самых дискуссионных романов Пикуля «Нечистая сила». Целью статьи является выявление бытования исторических взглядов Пикуля в советском историографическом пространстве. Новизна статьи заключается в попытке встроить художественную модель романа в современный интеллектуальный дискурс.

Ключевые слова: В. Пиколь; роман-хроника; распутиница; монтажный метод; художественный стиль; роман-фреска.

N.V. Illeritskaya

Historical views of V.S. Pikul (based on the novel “The Impure Force”)

The historical subjects occupy the special place in the creative work of V. Pikul. The central team of the Pikul's novel “Dishonest power” is the existence of political tops of Russian empire before revolutionary period of the XX century. The aim of this article is study of development of V. Pikul's historical views in the soviet science. The attempt to insert the artistic model of Pikul's novel in the modern intellectual discurs is the novice of this article.

Keywords: V. Pikul; novel-chronicle; rasputinshina; assembly-method; artistic style; novel-fresco.

Историк не тот, кто знает,
а тот, кто ищет.
Л. Февр.

История — это не только наука, но и искусство, подвластное музе Клио, капризной и ветреной, как любая из муз. Поэтому в истории всегда присутствует и художественное начало, и большая политика. Существо исторического объяснения сродни художественному творчеству, а постижение прошлого средствами «понимания», «вживания» в него одновременно предполагает отбор исторических фактов и их истолкование. Но нет истории без историка и исторического объяснения. Сама по себе история не осуждает и не оправдывает прошлое. В истории как «мертвой реальности» нет смысла, и она никуда не ведет. Смыслом историю наделяет историк. Поэтому изучение истории из мира настоящего требует от профессионала сбора исторических

свидетельств и их интерпретации, реконструкция же прошлого осуществляется в соответствии с опытом своего времени. В этом смысле всю историю можно назвать историей современной. Конечно, историк обладает творческим воображением и часто прибегает к нему в процессе работы, но у историка-профессионала есть ограничения и большой груз ответственности перед читателями, который он прекрасно осознает. У историков-любителей и писателей другая ситуация: они свободны в своих фантазиях.

Исторические представления — достояние всеобщее, и профессиональной корпорации историков приходится с этим только смириться. Обыденное сознание творит лишь исторические мифы, но это нисколько не мешает писателям думать, что они способны понять историю лучше сухих профессионалов, полнее отразить ее в своих произведениях.

Обострение проблемы самоидентификации на современном этапе сформировало повышенное внимание общества к своему историческому прошлому, а точнее — к местам памяти национальной истории. Ответить на вызов времени без опоры на свою трудную и славную историю невозможно, тем более что прошлое всегда присутствует в настоящем, живая связь времен не прерывается, а именно это и объясняет повышенный читательский и писательский интерес к прошлому.

Творчество Валентина Саввича Пикуля не исключение. Две темы заняли центральное место в его трудах: русский военно-морской флот и отечественная история. Первая тема кровно связана с судьбой автора — бывшего моряка, исторический же жанр актуализирован его патриотическими взглядами. В. Пикуль был убежден, что истоки мужества советского народа, особенно в годы Великой Отечественной войны, следует искать в прошлом. Он утверждал, что для того, чтобы по-настоящему любить Родину, нужно обладать большими и глубокими знаниями, нужно знать ее историю: не зная, нельзя по-настоящему любить¹.

Роман В. Пикуля «Нечистая сила»² был подготовлен к изданию в 1979 г. Обращение к исторической тематике писателей в конце 1970-х — начале 1980-х годов было весьма распространенным и востребованным явлением. Достаточно вспомнить, что в это время были опубликованы такие романы-хроники, как «Горение» Ю. Семенова, «Февраль» М. Шатрова и В. Логинова, а также «Моонзунд» самого В. Пикуля. Поэтому тематика романа В. Пикуля «Нечистая сила», посвященного последним годам императорской России,

полностью вписывалась в литературный дискурс конца 70-х годов XX в. Тем не менее, содержание этого романа вызвало сокрушительную критику, причем как со стороны профессиональных советских историков, так и со стороны литераторов. Журнал «Звезда», где первоначально В. Пикуль собирался печатать свой роман в середине 70-х годов, заказал внутреннюю рецензию известному специалисту, профессиональному историку В.С. Дякину, который дал на текст романа резко отрицательное заключение³. В результате публикация не состоялась.

Однако вскоре, в 1979 г. роман В. Пикуля был все же напечатан в журнале «Наш современник» под другим названием — «У последней черты» — и в крайне урезанном виде. Отзывы читателей были восторженными. Тематика произведения В. Пикуля была в духе времени, но конкретное событийное наполнение содержания, а главное — авторский стиль просто выламывались из стереотипов того времени и способствовали читательскому успеху романа, на который не в силах была повлиять отрицательная критика. Так в чем же дело?

Роман В. Пикуля «Нечистая сила» был опубликован в полном виде только в 1995 г., и автор очень сожалел, что так поздно, поскольку сам считал его главной удачей своей литературной биографии. В. Пикуль начал писать свой труд 3 сентября 1972 г., а завершил его в новогоднюю ночь на 1 января 1975 г. Шел автор к этому роману долго, нарабатывая индивидуальный писательский стиль и опыт.

В. Пикуль определил жанр своей книги как исторический роман-хроника. Произведение состояло из двух томов: первый том охватывал период русской политической истории с 1880 г. по 1912 г.; второй том посвящен событиям с лета 1912 г. по февраль 1917 г. Сюжет выстроен нетрадиционно, его специфика заключалась не в том, что В. Пикуль избрал в качестве объекта изображения историю политическую, а в том, что основой художественной интриги стала политическая повседневность правящих верхов Российской империи. Автор показал тех людей и те условия жизни, которые были свергнуты революцией. Но главную свою задачу В. Пикуль видел в том, чтобы восстановить смысловую нагрузку таких концептов, как «кровавое правление царя», «жестокий режим царизма», «продажная клика Николая II». Поэтому в центре его романа-хроники оказалось описание деятельности Министерства внутренних дел и департамента полиции. Эти два мощных рычага самодержавия заняты в романе внутриведомственными склоками и участием в распутинских интригах. В. Пикуль так представил ситуацию потому,

что роман посвящен разложению самодержавия и, главным образом, концентрируется на процессе усиления распутищины. В книге полностью отсутствует революционный политический контекст.

В романе В. Пикуля нет центрального героя. Герой в его романах — Эпоха. Исторический романист В. Пикуль нашупал манеру письма, основанную на отказе от сюжетной пружины. Пикуль так сформулировал свою авторскую позицию по написанию исторических романов: «...Я часто нахожу у своих предшественников, исторических романистов, некоторые неувязки и понимаю, почему так получилось. Они пошли по тропинке литературы, забыв на время историю. Как совместить то и другое — вопрос очень сложный. Я сторонник метода писать немного рыхло, тяжеловесно, но... последовательно и широко»⁴.

Главная задача автора в историческом романе — воспроизведение духа времени. Стиль В. Пикуля — меткие, афористично звучащие фразы, являющиеся камертоном ко всему произведению. Отличительная особенность В. Пикуля заключается в том, что он внутренне ощущает реальную атмосферу прошлых веков и пишет без позолоты. Творческая манера писателя, его своеобразный стиль вырабатывался постепенно начиная с 1960-х годов. Авторская позиция в отношении исторических полотен оформилась еще в романе «Баязет» (1960 г.), а затем укрепилась и развилась в романе «На задворках империи» (1962 г.)⁵. В чем ее суть? В. Пикуль считал, что панорамное историческое произведение — это документальный текст, содержащий авторские отступления. Так и выстроена внутренняя структура романа-хроники «Нечистая сила».

Самая ранняя и наиболее серьезная рецензия на роман «Нечистая сила», принадлежащая известному профессиональному историку В.С. Дякину, появилась в середине 1970-х годов. В.С. Дякина не случайно попросили ознакомиться с рукописью Пикуля и оценить ее: он был автором фундаментальной монографии «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917)», (Л., 1967) в которой в целом рассматривалась история российских «верхов» в версии советской историографии. При этом автор рецензии проявил редкостную для тех лет корректность и терпимость, заметив, что его мнение профессионала-историка для В. Пикуля вовсе не обязательно. Рецензия была внутренней, закрытой, поэтому она нигде не публиковалась и была обнаружена в полном виде в архиве ученого после его смерти. Однако в течение многих лет этот отзыв распространялся в «самиздате» и был многим известен. Ясно,

что таким образом текст рецензии оказался коммуникативно встроеным в критический дискурс по роману Пикуля.

Многие замечания В.С. Дякина совершенно справедливы, и отмеченные им недочеты действительно бросаются в глаза при чтении. В.С. Дякин совершенно прав, когда пишет, что если писатель берется за сюжет, где все герои — реально существующие люди, то он сам накладывает на себя особую ответственность. Авторская фантазия всегда имеет место, но в данном жанре она не может быть безбрежной. А ограничитель такой же, как и у профессионального историка, — документы и факты. Это относится и к событийной стороне романа и, конечно же, к конструированию характеров персонажей. Если бы автор писал роман-памфлет, он был бы гораздо свободнее, но В. Пикуль считает, что пишет роман-хронику. В исторических романах-хрониках велика потребность в привлечении и использовании исторических документов, которые не только стоят за художественным текстом, но и вводятся в сам текст, заметно вытесняя авторское слово. По мнению рецензента В.С. Дякина, всего этого у В. Пикуля не получилось, а получился роман-балаган, написанный нарочито вульгарным языком, который в принципе нельзя переработать во что-нибудь сносное и который совершенно не заслуживает публикации⁶.

Так что же явно подвело автора романа?

В. Пикуль плохо представляет себе стиль эпохи и среды, которые он описывает в романе. Поэтому он нередко довольно подробно изображал сцены, которых не только не было, но и не могло быть. Это касается эпизодов с Родзянко: ни один министр или придворный не мог разговаривать с царем так, как это представляет В. Пикуль. Плохо знает В. Пикуль и государственное делопроизводство, в частности, прохождение подготовки текстов указов. Он не представляет регламент заседаний Государственной Думы и поэтому описывает совершенно невероятные сцены.

В. Пикуль считает, что главным стержнем его романа является тема распутинщины. Живописует Пикуль Григория Распутина, не жалея ни страниц, ни красок, но многие сцены с участием Распутина маловероятны. О Распутине написано много неверного. Он никогда не назначался «царским лампадником» (такой должности просто не существовало). Распутин был не таким уж частым гостем во дворце. Любая встреча царя во дворце с кем-либо фиксировалась в камер-фурьерских журналах, а царь и царица должны были считаться с общественным мнением. Встречи происходили в доме

Вырубовой и там не столь уж часто. Однако изображая Распутина постоянным посетителем царского дворца, Пикуль просто следует в русле сложившейся литературной традиции. Есть и прямые фактические ошибки, когда автор приписывает Распутину какие-либо действия, не зная, что его в это время не было в Петрограде, как, например, в эпизоде с назначением А.Н. Хвостова на пост министра. Но этого мало, В. Пикуль демонстрирует непонимание общественного уклада того времени: министры и кандидаты в министры скрывали свои связи с Распутиным, не афишировали их.

В. Пикуль плохо понимает нравы и ритуалы поведения в различных общественных кругах России того времени. Это относится к рассыпанным по всему роману панибратским обращениям друг к другу на «ты» и употребления сокращенных имен в высшем обществе и придворных кругах, что было возможно только в отношении очень близких людей или слуг, но абсолютно немыслимо в отношении подчиненных, даже значительно ниже стоящих по табели о рангах. Именно потому, что императрица-мать терпеть не могла Александру Федоровну, она никогда не могла обратиться к ней на «ты».

Автор не очень занимает себя вживанием, вчувствованием в характеры и взаимоотношения действующих лиц романа, хотя для писателя это совершенно необходимо. Личностные характеристики П.А. Столыпина неправдоподобны: Столыпин всегда с пиететом *говори*л о царе. Николай не мог заявить, что даже Витте был вежливее Столыпина, потому, что царь откровенно ненавидел Витте и именно Витте позволял себе бестактности в отношении царя и царицы.

Никогда Столыпин не считал, что России нужна демократия. Упрощенно и неточно пишет В. Пикуль о содержании аграрной реформы. Автор изображает дело так, что Столыпин представлял царю идею аграрной реформы, как будто это нечто новое, хотя проект реформы уже обсуждался и был известен царю. Столыпин сам был помещиком-дворянином и поэтому никак не мог уничижительно отзываться о российских помещиках-дворянах. Кроме того, Столыпин был лично храбрым человеком и сомневаться в этом нет никаких оснований. Поэтому он никак не мог прикрываться Коковцевым, подозревая возможность покушения на себя в Киеве. Отношения между Столыпиным и Коковцевым были очень натянутыми, и говорить об их взаимной доверительности немыслимо.

Да и вообще В. Пикуль слишком доброжелателен к Коковцеву — заурядному бюрократу. Зато для Витте он черных красок не жалеет. Витте вменялись в вину и иностранные займы, которые

всегда брались за границу, и откупная система продажи водки, которая никак не повлияла на величину потребления ее в России, и даже война с Японией, ответственность за которую лежит на всем правительстве и особенно на т.н. «безобразовской клике» — ярых противников Витте. Рассказы о провалившемся носе Витте — это расхожие домыслы черносотенной прессы, которой вовсе не гнушается В. Пикуль.

Горемыкин у В. Пикуля окарикатурен до неузнаваемости. Он вовсе не был ни на что неспособной развалиной и хорошо потрудился, чтобы подготовить отставку Витте и свое собственное назначение. На совести В. Пикуля и приверженность Горемыкина к наркотикам: та массовая наркомания, которую описывает Пикуль в романе, явление гораздо более позднее.

Не силен В. Пикуль в чинах, должностях и названиях государственных учреждений конца XIX — начала XX в. Он неправильно определяет должностное положение Столыпина, Сазонова, Родзянко, неверно именует Государственную Думу.

Перечень фактических ошибок В. Пикуля можно было бы продолжить. Но дело не в них, а точнее — далеко не только в них. Скрытые причины жесткой критики романа В. Пикуля как нельзя более ясно представляет следующая рецензия, которая была опубликована 27 июля 1979 г. в официальном издании — в еженедельной газете «Литературная Россия», органе Правления Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации⁷. Рецензия написана доктором исторических наук И.М. Пушкаревой по поводу публикации сокращенной версии романа В. Пикуля в журнале «Наш современник». Тон этой рецензии резко отличается от научно-сдержанного отзыва В.С. Дякина и по форме, и по содержанию. Можно не знать, когда рецензия была опубликована, достаточно проанализировать текст и все становится очевидным: рецензия И.М. Пушкаревой содержит все штампы официоза советской историографии.

Рецензент утверждает, что писатель, как и ученый, обязан рассматривать исторические события в их диалектической взаимосвязи, особенно в романе, претендующем на документальное описание насыщенной событиями эпохи.

Первая претензия И.М. Пушкаревой: в произведении В. Пикуля отсутствует исторический фон. Это замечание некорректно, поскольку автор романа ставит перед собой совершенно другие задачи и исторический фон включает фрагментарно, в том объеме, который соответствует его замыслу.

Второе замечание рецензента: хотя В. Пикуль причисляет себя к историкам-летописцам, его произведение нельзя назвать историческим. В романе, по мнению рецензента, искажена трактовка эпохи, смещены акценты в оценке исторических процессов, неверно охарактеризован ряд исторических лиц. В. Пикуль все поставил с ног на голову: он преувеличил роль личности в истории. Распутинщина в романе является не следствием распада самодержавной системы, как принято в советской исторической науке, а причиной краха царского трона.

Третье замечание формулируется рецензентом как решающее, призванное перечеркнуть весь замысел романа: В. Пикуль явно отступил от единственно верного принципа исторического повествования — классового подхода к оценке прошлого. Если бы автор был способен придерживаться этого фундаментального принципа советской историографии, он бы раскрыл поведение царя с политической точки зрения, и тогда стало бы ясно, что Николай II и его окружение — прежде всего классовые враги народных масс и этим объясняется стремление правящей верхушки к беспощадным карательным действиям, которые сковывались только силой революционного движения.

Вывод при таком уровне критики напрашивается сам собой: по мнению И.М. Пушкаревой, работа советского писателя над исторической темой должна отличаться слиянием советской идейности с художественностью. В. Пикуль пошел вразрез с этими традициями, поэтому из-под его пера, как утверждает рецензент, вышел роман, граничащий с бульварной литературой, никакого интереса не представляющий. Очевидно, что И.М. Пушкарева в оценке труда В. Пикуля преследовала только репрессивную цель, никакого конструктива ее критика не содержала.

Таким образом, историки однозначно отказали роману В. Пикуля в историчности и в праве на существование, что было совершенно закономерно для советской историографии.

С конца 1970-х годов в советской литературе имеют место настойчивые попытки художников слова создать образ самой движущейся истории — развернуть панораму революционной эпохи, выстроить многомерную хронику ее узловых событий. При такой творческой установке, сколь ни важны для повествования личностные характеристики конкретных исторических деятелей, их судьбы занимают писателя только в той мере, в какой они дополняют общую картину. Вот почему в советской прозе последней трети XX в. получил распространение жанр событийного рома-

на-хроники. В таких произведениях сильно обнаруживается соперничество литературы с историей, как научной дисциплиной, по поводу истолкования фактов и событий. В них явственно прослеживается внутренняя полемика с некоторыми устоявшимися точками зрения ученых-специалистов. Оттого-то в исторических романах-хрониках велика потребность в использовании документов, реализующаяся применением монтажного метода.

Монтажная литература в области советской исторической прозы сложилась в 20-е годы XX в. Современные опыты существенно отличаются от нее. В 20-е годы писатели — составители монтажей — в демонстративной форме попадали под власть исторических документов и не прибегали к интерпретации последних: с их точки зрения документы должны были говорить сами за себя⁸.

В основе современного монтажного метода лежит установка на творческую трактовку прошлого в форме объективированного документального повествования, позволяющего увидеть человеческий и художественный смысл исторического материала. Однако документы часто не открывают, а скрывают суть вещей, поэтому документальность в исторических романах правомерна только тогда, когда писатель подвергает документ образному анализу. Если же писатель использует документальный материал в неотрефлексированном виде, то он рассчитывает на то, что документы достаточно выразительны сами по себе, тем более, когда они соответствующим образом смонтированы. Но такие надежды далеко не всегда оправдываются.

Источники личного происхождения, а именно их наиболее часто привлекают при монтажном методе, в советской историографии обычно определялись как тенденциозные и недостоверные за их безусловный субъективизм, который воспринимался как недостаток. Все эти источники разные по своей информативности. Представители «бывших», т.н. эксплуататорских социальных слоев оставили гораздо более выразительные тексты, чем представители трудового народа. В их мемуарах очень силен личностный аспект, даются психологически насыщенные, меткие, выразительные характеристики участников событий, самих событий, анализируются общественные настроения, сложная гамма мыслей и чувств. Политическое лицо того или иного деятеля из верхних слоев общества дополняются философскими и нравственными мотивировками поступков. В умах персонажей такого рода перерабатывается большее число сложных и крупных, а не просто сиюминутных проблем. Вот почему перемонтировка не избавляет любой извлеченный

из мемуаров текст от авторского начала. В описании событий они часто бывают близки к реальному образу происходящего, но в описании себя и своего участия в тех или иных эпизодах мемуаристы настойчиво добиваются желаемого эффекта: любая деталь, подробность излагается так, чтобы она работала на создание должного впечатления. Поэтому в этих текстах заведомо содержится готовый образ минувших событий и их участников. И оттого, что это образ-концепция, заданное им впечатление всегда наиболее действенно. В этой ситуации увлечения документальностью, фактический материал романа создает эффект возвышения в глазах читателей одних действующих лиц в ущерб другим.

В романе В. Пикуля «Нечистая сила» организация источников осуществлена откровенно монтажным методом со всеми внутренними сложностями, которые таит в себе такой подход: извлеченные из источников цитаты приводятся в романе подряд одна за другой. В результате возникает другая проблема — в чем заключается авторский критерий отбора свидетельств.

Источниковая база романа сконструирована своеобразно. До Февральской революции о царской семье и ее окружении распространялись самые разные слухи, иногда основанные на реальных фактах, обросших подробностями, а иногда с самого начала неверные. После Февраля слухи были собраны и опубликованы в бульварной прессе и в книгах «Николай II-ой Романов. (Его жизнь и деятельность, 1894—1917 гг.). По иностранным и русским источникам»⁹ и «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования»¹⁰. Этими изданиями прежде всего и воспользовался В. Пикуль. Бульварная пресса главным образом обсуждала разные сплетни об интимной жизни Николая и Александры, изображая политические события как случайное переплетение интриг. Из книг, содержащих серьезный материал, из семи томов «Падения царского режима»¹¹, В. Пикуль выбрал только материал относительно разных махинаций Ржевского, Андронникова и др. Из мемуаров он отобрал лишь воспоминания Родзянко, Палеолога и Симановича. Мемуары Родзянко и Палеолога в идеале должны быть перепроверены, а на труд Симановича никогда не ссылаются серьезные исследователи, потому, что эта книга сплошная ложь. На многих страницах романа В. Пикуля есть ссылки на «Дневник Вырубовой», опубликованный в 1927—1928 гг. в альманахе «Минувшие дни»¹², тогда же разоблаченный как фальшивка. Кроме этого, писатель совершенно апологетически использует писания

великого князя Николая Михайловича, иеромонаха Илиодора, сфабрикованные воспоминания Распутина. С такой конфигурацией источниковой базы советская историография согласиться никак не могла. В результате, вся конструкция романа представлялась ложной и ущербной, тем более что главный недостаток, вменяемый книге В. Пикуля, — отсутствие классово-политической позиции и классово-политической борьбы в романе, для советской историографии звучал убийственно. Но так ли это?

Если рассмотреть общую историческую схему романа «Нечистая сила», то следует отметить, что в целом она не выходит за пределы модели советской историографии в трактовке предреволюционных событий. Что имеется в виду?

Когда В. Пикуль определял центральную задачу своего романа, он вдохновлялся характеристикой В.И. Ленина периода 1907—1914 гг., данной в первом «Письме издалека». В.И. Ленин рассматривал это время как контрреволюционную эпоху, обнаружившую всю суть царской монархии, которая довела страну до «последней черты», раскрыла всю гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее. Вот именно об этом В. Пикуль и писал в своем романе! Он откровенно заявлял, что сосредоточится на негативной стороне революционной эпохи и будет писать о разложении самодержавия¹³. Разве не на те же идеи ориентировалась советская историография? Другое дело, что у В. Пикуля это получилось гораздо более убедительно, разложение политической системы было показано утрированно выпукло и создавалось впечатление полной безысходности. Так в этом и заключается сила художественного образа по сравнению с научным!

Пикуль продемонстрировал безвольного царя, истеричную царицу, бесцветных великих князей, слабую и разложившуюся имперскую властную бюрократию. Все они мечутся, интригуют, но совершенно не могут предложить плана спасения. Вся эта схема полностью укладывается в официальный советский исторический дискурс. Столыпин у В. Пикуля по сути «вешатель», а период его деятельности — «контрреволюционный», высшие органы государственной власти погрязли в коррупции и совершенно беспомощны. Собственно, что здесь нового по сравнению с установками советской исторической науки? Общая политическая картина начала XX в. абсолютно такая же, как и в советской исторической науке, В. Пикуль лишь добавляет в нее отдающие желтизной детали, такие, как жидо-массонский заговор и подрывные действия немец-

кой разведки. Принципиально новое, что отличает текст В. Пикуля, так это то, что он интуитивно взял на вооружение методологию политической повседневности. Отсюда и бесклассовый подход, и иначе очерченный предмет описания в романе, методологией объясняется и специфика формирования документальной базы: история повседневности предпочитает субъективные источники личного происхождения.

Надо отдать должное В. Пикулю: он, несмотря на все свои ошибки и просчеты, передал дух времени гораздо более реалистично, чем это удалось сделать профессиональным историкам. Писатель не связывал себя никаким закосневшим канонам. Советские историки считали, что они, вооруженные классовым подходом, способны пробиться к исторической истине, для этого только следует грамотно истолковать свидетельства «правильно» подобранных источников, а писатель честно признавал, что, написав роман о распутинщине, не знает ее реальных причин, не знает, что дало возможность Распутину стать влиятельным лицом в империи. По мнению В. Пикуля, появление Распутина свидетельствовало о полной деградации «помазанников божьих», которое ненормальное присутствие Распутина расценивали как вполне нормальное явление своего самодержавного быта. Он сам понимал, что такое объяснение недостаточно, однако ничего другого предложить не мог. Жанр романа тем и хорош в отличие от научной монографии, что оставляет за автором право что-то недосказать, чтобы оставить простор для читательского домысла.

И еще одно замечание. Намерения писателя не всегда совпадают с воплощенным результатом. По замыслу двухтомник В. Пикуля «Нечистая сила» — это роман-хроника, а по художественному исполнению — роман-фреска. Судя по всему, В. Пикуль так сформировал свой труд интуитивно. Роман-фреска имеет полное право быть однолинейно-уплощенным, с нарушенной перспективой, с утрированно-упрощенно выписанными действующими лицами и с акцентированно яркой и красочной изобразительной палитрой. Советские историки подвергали критике роман-хронику, они даже не заподозрили, что перед ними другая художественная форма и именно поэтому все их замечания (кроме указания на фактические ошибки) не имеют смысла.

Художник, если он талантлив и искренен, всегда прав. А Пикуль талантлив, поэтому образ эпохи в его романе получился живой, и этого не могли не оценить читатели. Что преобладает в читатель-

ском восприятии: рациональный опыт или непосредственное чувство? Конечно, последнее. Собранный воедино материал романа В. Пикуля обжигал, и читатели на это отреагировали, они считали, что настоящая история лежит именно в романах В. Пикуля, а не в монографиях историков. В этом секрет читательского успеха В. Пикуля и его полного неуспеха у специалистов.

Сила В.Пикуля, его исторических взглядов в том, что он никогда не видит только мрачные стороны исторической действительности. И подо льдом течет река, и в условиях жестокого террора мужает и крепнет русский народ, творит свою великую историю. «Россия будет жить вечно, русский народ преодолет все трудности» — это лейтмотив творчества В. Пикуля, он поддерживает в читателе исторический оптимизм, а что может быть важнее этого в наше сложное время.

- ¹ См.: *Петровский Ю.* Писатель и история: (к 50-летию В. Пикуля) // Звезда. — 1978. — № 7. — С. 176.
- ² См.: *Пикуль В.* Нечистая сила // Собр. соч. — М.: Новатор, 1995. — Т. 9, кн. 1. — 320 с.; кн. 2. — 304 с.
- ³ См.: *Дякин В.С.* О рукописи В. Пикуля «Нечистая сила» // Новый часовой: рус. воен.-ист. журн. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. — 1997. — № 5. — С. 206—216.
- ⁴ Цит. по: *Петровский Ю.* Указ. соч. — С. 177.
- ⁵ См.: Там же. — С. 178.
- ⁶ Подробнее см.: *Дякин В.С.* Указ. соч. — С. 216.
- ⁷ См.: *Пушкарева И.* Когда утрачено чувство меры // Литературная Россия. — 1979. — 27 июля.
- ⁸ Подробнее см.: *Андреева Л.* От факта к образу // Урал. — Свердловск: Свердловск. Средне-Урал. кн. изд-во, 1982. — С. 154—160.
- ⁹ Николай II-ой Романов. (Его жизнь и деятельность, 1894—1917 гг.). По иностранным и русским источникам. — Пг.: Гос. тип., 1917. — 74 с.
- ¹⁰ Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования / [ред.-изд. С.П. Мельгунов]. — М.: изд. журн. «Голос минувшего», 1917. — 255, [1] с.
- ¹¹ Падение царского режима: стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: [в 7 т.] / редакция П.Е. Щеголева. — М.; Л.: Госиздат, 1924—1927. — Т. 1. — 1924. — XXX, [2], 432, [1] с.; — Т. 2. — 1925. — VI, 439, [1] с.; — Т. 3. — 1925. — IV, 506, [1] с.; Т. 4. — 1925. — [4], 534, [1] с.; Т. 5. — 1926. — IV, 473, [1] с.; Т. 6. — 1926. — [4], 415, [1] с.; Т. 7. — 1927. — [4], 476, [4] с.
- ¹² Минувшие дни: иллюстрир. ист. альманах: прил. к веч. вып. «Красной газеты». — Л., 1927. — 1 (Дек.). — С. 5—76; Л., 1928. — 2 (Янв.). — С. 73—108; 3 (Февр.). — С. 89—120; 4. — С. 87—124.
- ¹³ См.: *Пикуль В.* Собр. соч. — Т. 9, кн. 2. — С. 301.

И.В. Лобанова

Внимательный взгляд натуралиста (История человечества в творчестве И.А. Ефремова)

Статья посвящена творчеству известного советского писателя-фантаста И.А. Ефремова. Анализируются его взгляды на исторический процесс, будущее человеческого общества.

Ключевые слова: эволюция человека; общественный строй; коммунистическое общество; И.А. Ефремов.

I.V. Lobanova

A careful look of the naturalist:

(History of mankind in the works of I.A. Efremov)

The article is devoted to the works of the famous soviet writer I.A. Efremov. His views on the historical process, the future of the human society are under the analysis.

Keywords: evolution of a man; social system; communist society; I.A. Efremov.

Иван Антонович Ефремов более тридцати лет проработал в Палеонтологическом институте АН СССР, долгие годы возглавляя лабораторию низших позвоночных. Крупный ученый, создатель новой науки¹ — он за свои заслуги неоднократно был отмечен и награжден государством. Как начальник Монгольской экспедиции, Ефремов многое сделал для формирования экспозиции Палеонтологического музея. Словом, Иван Ефремов был вполне состоявшимся ученым. Однако известен он все же как писатель.

Творчество его трудно оценить однозначно. С одной стороны, Ефремов — писатель редкого дарования. Прекрасный, правильный, богатый русский язык, несомненное художественное достоинство текстов, мастерски придуманные сюжеты — это отличительные черты его произведений в любом жанре от исторических романов до научной фантастики. С другой стороны, его герои очень много говорят, делают по ходу повествования целые доклады и даже читают лекции. Так, Ефремов создает на страницах своих произведений те ситуации, в которых он сам высказывается на волнующие его темы, чтобы облеченные в художественную форму

его мысли достигали сознания читателей без особых усилий. Таким образом, и в литературе он остается ученым. Один из ефремовских персонажей перед началом лекции окидывает наполнивших аудиторию людей «внимательным, ничего не упускающим взглядом натуралиста»². Подобное отношение к действительности и к людям, как к объектам исследования, характерно и для самого писателя.

Занимаясь палеонтологией, Ефремов прикасался к самым истокам жизни на планете. В начальной точке своей истории человек предстал перед ним существом страдательным, пленником природы, которая, как игрок, добивается улучшения вслепую, «бросая кости несчетное число раз»³. В этом Ефремов увидел главный вызов человеческого существования: необходимость освободиться от тирании природы, объективно оставаясь при этом ее частью. На протяжении миллионов лет жизни человека хватало только на то, чтобы вырастить новое поколение и передать ему накопленный опыт. Ефремов всегда восхищался нашими дикими предками, сумевшими выжить в таких суровых условиях. Поэтому герои его книг — достойный гимн эволюции: благородные (в этическом смысле) люди, чья прекрасная душа заключена в великолепное тело. Его герой — это человек рациональный, трезвомыслящий, дерзновенный, живущий на пределе своих возможностей. Он результат кропотливой работы эволюции, балансирующий на лезвии бритвы, и тем более восхитительный своей хрупкостью. Неважно, помещает ли Ефремов своих героев в далекое прошлое или отправляет в космическое путешествие — там их ждут жесткие условия, в которых только и могут проявить себя невероятно сильные, выносливые, физически развитые люди, и обстоятельства, в которых можно любоваться игрой мышц, благородством и силой его безупречных героев.

К сожалению, современный человек при своей хилости, ограниченности и недисциплинированности не дотягивает до этого идеала. Ефремов считал, что причина здесь в том, что «с развитием технической цивилизации все большее число людей исключалось из активного участия в жизни, ибо действовало в очень узкой сфере своей специальности, более ничего не умея и не зная». Человек древности, по сравнению со своим потомком, был гораздо более развитой и разносторонней личностью, «он мог своими руками построить жилище или корабль, знал, как обращаться с конем и повозкой, и, как правило, всегда был готов с мечом в руках сражаться в рядах войска». Современные же люди «сделались ничего не зна-

чащими придатками узких и мелких своих профессий, пассивными пассажирами разнообразных средств передвижения»⁴.

Нет, Ефремов не был мизантропом. И, размышляя над причинами существующего положения вещей, он создал так называемую «теорию инферно»⁵, которая позволяла понять «важнейшее психологическое обстоятельство древних эпох — отсутствие выбора. Точнее, выбор, столь осложненный общественным неустройством, что всякая попытка преодоления обстоятельств вырастала в морально-психологический кризис или в серьезную физическую опасность»⁶. Ефремов подчеркивал, что эта теория должна быть положена в основу изучения и древней, и современной истории, в противном случае мы не сможем правильно понять суть исторического процесса. Согласно этой теории, эволюция человека неизбежно требовала развития его психики, «повышения остроты чувств», и это обстоятельство многократно усилило его страдания. Как существо мыслящее, человек попал в двойное инферно — для тела и для души. С одной стороны, несмотря на успешное развитие, он остался рабом своих первобытных инстинктов: темная, непреодолимая сила природы действовала в нем помимо его воли. И чем выше было развитие человека, тем большим диссонансом эта дилемма обнаруживалась в нем и тем больше доставляла ему страданий. С другой стороны — его терзало воспоминание о «первобытном рае», где его жизнь была бессознательной, а значит, не такой мучительной, но он уже не мог туда вернуться. К этим метаниям со временем добавилась еще одна тираническая сила. «С развитием мощных государственных аппаратов власти и угнетения, с усилением национализма с накрепко запертыми границами инферно стали создаваться и в обществе», — отмечал Ефремов⁷.

Указание на инферность созданного человеком государства и общества безусловная заслуга Ефремова. В романе «Час быка» он скрупулезно исследует этот феномен на примере помещенных на далекую планету людей:

«Странное общество планеты Ян-Ях, казалось, совершенно не думало о том, как облегчить жизнь каждого человека, сделать его спокойнее, добрее, счастливее. Все лучшие умы направлялись только на удешевление производства, на умножение вещей — людей заставляли гоняться за вещами и умирать от духовного голода еще раньше физической смерти. В результате получалось множество неудобств и от непродуманного строительства и от небрежной технологии и неквалифицированной работы. <...> Неудобства жизни вызывали миллионы ненужных столкновений между людьми, где каждый был по-своему прав, а

виновато общественное устройство планеты, заставившее людей барахтаться в повседневных неприятностях, для устранения которых никто ничего не делал. Тормансиане не руководствовались ни моралью, ни религиозными правилами, не говоря уже о высшей сознательности. Начисто отсутствовала постоянная, строгая и разработанная во всех аспектах система воспитания людей как членов общества. Ничто не сдерживало стихийного стремления сделать назло другим, выместить свое унижение на соседе. Идиотские критические замечания, поношения, шельмование людей на производстве или в сферах искусства и науки пронизывали всю жизнь планеты, сдавливая ее отравленным поясом inferно. Очевидно, в дальнейшем при той же системе управления будет все меньше доброжелательности и терпимости, все больше злобы, насмешек и издевательств, свойственных скорее стаду павлинов, чем технически развитому человеческому обществу»⁸.

Конечно, несмотря на футуристический антураж, мы узнаем в обитателях далекой планеты нас самих. Как истинный натуралист, Ефремов бесстрастно и скрупулезно описывает жизнь современного человеческого общества. В качестве объекта наблюдения он берет среднего человека, в котором inferнальная психология порождает стремление отравить и без того горькую жизнь ближнего. Вот повседневная картина, знакомая каждому из нас:

«Тормансиане шли по улице навстречу как попало, не придерживаясь определенной стороны. Те, кто посильнее, нарочно шли напролом, расталкивая встречаемых, заставляя тех шарахаться в сторону, и грубо огрызались на упреки. Везде, где проходы стесняли толпу — у ворот парков, дверей увеселительных дворцов, магазинов <...> столовых и на транспорте, — крепкие мужчины и женщины расталкивали более слабых сограждан, стараясь пройти первыми. <...> Обязательное стремление обойти, опередить, хоть на минуту, других людей могло бы показаться болезненным идиотизмом человеку, незнакомому с inferнальной психологией»⁹.

«Inferнальная» психология, утверждает Ефремов, управляет человеком на подсознательном уровне и в результате он в самых обыденных обстоятельствах действует как дикое животное, которое запрограммировано на выживание во враждебной ему среде. Он чувствует, что должен постоянно соперничать с сородичами, отнимать лучшую часть добычи, постоянно доказывать свое превосходство, иначе, почувствовав в нем слабость, его растопчут. Поэтому первая невольная реакция такого человека — агрессия. Сознательный человек осознает в себе это движение и останавливает себя. Человек, который не привык анализировать причины своих поступков, даже не подозревает, что живет наполовину автомати-

чески. Чтобы осознать этот факт, нужно остановиться и задуматься. Но жизнь большинства людей как раз устроена таким образом, что им негде отдохнуть, остаться наедине с собой, потому что после работы они должны возвращаться в дома, «построенные из дешевых звукопроводящих материалов», где «стены и потолки гудели от топотания живших наверху людей» и «слышалась резкая, негармоничная музыка». Привыкшие к тому, что «весь дом резонировал, непрерывно резали слух стуки, скрипы, свист, вибрация водопроводных труб в тонких стенах», люди «сидели у себя, созерцая тусклые маленькие плоские экраны, грохот звукового сопровождения сотрясал стены, потолки и полы хлипких домов»¹⁰. И на работе этих людей сопровождает неопиcуемая «мерзость визга механических пил, сверл, убийственный грохот молотков и скрежет лопат», потому что «даже простые инструменты для работы... сделаны бесчеловечно, без всякой заботы о нервах работника и сотен окружающих людей». Причина все та же — стремление сэкономить. В результате «в жертву дешевке приносилась высшая драгоценность общества — сам человек, его здоровье, психическая цельность и покой», Ефремов перечисляет еще много подобных примеров: «тысячи переплетений оголенных для дешевизны электрических проводов», которые «грозили смертью неосторожным», «опасные химикаты», которые «щедро и небрежно рассыпались повсюду, входили в производственные процессы, нещадно отравляя людей»¹¹. Однако самое главное его наблюдение — людей это не волнует. Они проживают свою жизнь, как во сне, уверенные, что изменить действительность не в их силах.

Герои Ефремова задаются очень существенным вопросом: какой же социальный строй породил подобное общество? И приходят к выводу, что это не так важно, поскольку на данном этапе человеческого развития любое государство будет инфернальным.

«Лжесоциализм, усвоив от государственного капитализма демагогию и несбыточные обещания, смыкается с ним в захвате власти группой избранных и подавлении, вернее, даже физическом уничтожении инакомыслящих, в воинствующем национализме, в террористическом беззаконии, неизбежно приводящем к фашизму. Как известно, без закона нет культуры, даже цивилизации. В условиях лжесоциализма великое противоречие личности и общества не может быть разрешено»¹².

Ефремов утверждает, что единственный отличительный признак общества, возникшего на основе государственного капита-

лизма и общества, выросшего из социализма, в том, что в первом случае сохраняются «остатки религии и очень плохо поставлено дело воспитания»¹³. Важнее то, что и капиталистическое и социалистическое общество венчает бесчеловечная олигархия с многоступенчатой иерархической лестницей, для которой люди лишь расходный материал.

Так создается ситуация, многократно повторяющаяся в истории, когда «бесчисленные преступления против народа оправдывались интересами народа, который на деле рассматривался как грубый материал исторического процесса. Для любой олигархии было важно лишь, чтобы этого материала было побольше, чтобы всегда существовала невежественная масса — опора единовластия и войны»¹⁴.

Чтобы показать, какие перспективы есть у подобного социума, Ефремов вводит еще один термин — «стрела Аримана». Так он предлагает называть «тенденцию плохо устроенного общества с морально тяжелой ноосферой умножать зло и горе». Ефремов объясняет, что в сложившихся условиях «Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой все больше плохого, становиться вредоносной»¹⁵. Ефремов в своих произведениях неоднократно упоминает т.н. «закон Финнегана», или «закон щельности», согласно которому бутерброд непременно падает маслом вниз, а монетка обязательно закатывается в щель, хотя суммарная площадь щелей намного меньше площади пола. Но писатель считает, что закон Финнегана работает только в приложении к природным процессам. «Человеческое общество — создание людей, а не природы, поэтому тут... закон Финнегана для социальных структур превращается в Стрелу Аримана с направленной тенденцией уничтожения малых чисел, то есть совершенства. В природе она преодолевается отбором в огромной длительности времени, потому что природа справляется с ним, создавая в организмах многократно повторяющиеся охранительные приспособления и запасы прочности. Превращение закона Финнегана в Стрелу в человеческом обществе становится бедствием, потому что — бьет именно по высшим проявлениям человека, по всему стремящемуся к восхождению, по тем, кто двигает прогресс, — я подразумеваю подлинный прогресс, то есть подъем из инферно»¹⁶.

Инферно, порождаемые людьми, могут преодолеть только люди. По мнению Ефремова, единственный способ выпрыгнуть из этой

ловушки — воспитание, которое должно стать приоритетной задачей общества. Воспитание должно стать настолько важным делом, что его надлежит осуществлять даже ценой серьезных материальных ограничений для человечества. Учителя и врачи должны, конечно, стать самыми важными профессиями на Земле и, соответственно, уровень их собственного развития должен быть невероятно высок. Нельзя, считает Ефремов, ориентироваться в этом вопросе на последователей Фрейда, которые «принимали динамику психических процессов за статику, считая постоянными, раз навсегда “отлитыми” особые сущности вроде “либидо” или “ментальности”. На самом деле реально существуют лишь импульсные вспышки, которые легко координировать воспитанием и упражнением»¹⁷.

Таким образом, для коренного перелома в существующем положении вещей необходима лишь твердая воля и ясное понимание того, что этот путь к светлому будущему — единственный. «Высокий уровень воспитания творит чудеса в душах людей и в устройстве общества», — утверждал Ефремов. Стоит только начать двигаться в этом направлении, как пойдет «триггерная реакция — лавина добра, любви, самодисциплины и заботы», которая поднимет и производительные силы, считал он¹⁸. В качестве примера, подтверждающего этот постулат, он приводит племя индейцев хопи, которые «создали особое общество, по многим признакам близкое к коммунистическому, только на низком материальном уровне»¹⁹. Несмотря на бедность, «свободные женщины, коллективная забота о детях, воспитание самостоятельной трудовой деятельностью с самого раннего детства привели хопи к высокой интеллигентности и психической силе. К удивлению и смущению ученых-европейцев, после пятнадцати веков обитания в условиях трудных и суровых способности у детей хопи оказались выше, чем у одаренных белых детей. Поражали их высокая интеллигентность, наблюдательность, сложное и отвлеченное мышление. Естественно, из них вырастали люди, похожие на современных землян, серьезные, вдумчивые и очень активные, руководствовавшиеся не внешними соблазнами и приказами, а внутренним сознанием необходимости. Физически хопи также были совершеннее окружающих народов»²⁰. Восторгаясь индейцами, Ефремов абсолютно упускает из вида, что их нестяжательность есть следствие погруженности в иную действительность, незаинтересованности в материальном мире, отсюда же их утонченное интеллектуальное развитие. То есть общество индейцев — это общество *религиозное*.

В своем развитии и воспитании детей они руководствовались идеями совершенно иного порядка, чем предлагает Ефремов.

Здесь нужно заметить, что, хотя концепция Ефремова во многом оригинальна, в основе ее лежит тезис Карла Маркса о прыжке из царства необходимости в царство свободы путем переустройства общества. И источник своего философского вдохновения писатель не скрывает. Будучи последовательным материалистом (кстати, свои палеонтологические исследования он считал важными именно с точки зрения укрепления материалистического мировоззрения), опорой совершенного мироустройства Ефремов был вынужден сделать человека — существо по определению несовершенное, потенциально злое и опасное. Потому даже наилучшим образом устроенное общество у него постоянно качается на лезвии ножа, каждую секунду рискуя рухнуть в пропасть. Чаша весов остается склоненной на сторону добра только титаническими усилиями слабых, уязвимых, недолго живущих существ. И счастье человечества обеспечивается строжайшими охранительными мерами, тоже балансирующими на грани самого жуткого тиранства, поскольку они подразумевают вмешательство в психику и генетическую память индивида.

Чтобы общество постоянно сознавало опасность возврата к прошлому, главной наукой будущего, по мнению Ефремова, должна стать история. Конечно, не та история, которая «была не наукой, а лишь инструментом политики и угнетения, нагромождением лжи»²¹. Новая история должна избегать узкой специализации, которую Ефремов считал губительной. «Преподавание любого предмета» должно начинаться «с рассмотрения исторического развития и всех ошибок, сделанных на пути. Так человечество, борясь со свойственным людям стремлением забывать неприятное, ограждает себя от неверных дорог и повторения прошлых неудач, которых было много в докоммунистической истории»²².

Для Ефремова никакого самостоятельного смысла в истории нет. Бессмысленно детализировать inferнальный исторический процесс. Суть только в том, что люди будут биться в сетях inferно до тех пор, пока не догадаются, как оттуда выбраться. Историческое исследование полезно лишь тем, что показывает нам тупики, в которые в поисках лучшего заходили наши предки. Также мы должны сохранять память о тех людях, которые прозревали истину и помогали увидеть ее другим, а вовсе не о военачальниках, которые одерживали свои победы, не считаясь с количеством жертв. Поля былых сражений, по мнению писателя, не повод для гордых

монументов, а место скорби, где «обманутые люди, веря, что сражаются за будущее, за “свою” страну, за своих близких, умирали, создавая условия для еще большего возвышения олигархов, еще более высокой пирамиды привилегий и бездны угнетения. Бесплезные муки, бесполезные смерти...»²³.

Таким образом, для Ефремова, смысл истории уже постигнут, не нужно больше изучать ее в надежде понять предназначение человека. «Земная история, которую писали и учили далекие предки, была направлена на сокрытие истинной цены завоеваний, сменяемы владык и цивилизаций»²⁴. Суть же в том, что «усилия людей к созданию красоты, устройению Земли, мирному труду и познанию природы неизменно оказывались напрасными, заканчиваясь бедами и разрушениями. То озверелые людоеды пожирали более цивилизованное племя перед его заботливо украшенными и отделанными пещерами. То на фоне горящих городов ассирийские завоеватели избивали детей и стариков, насиловали женщин перед толпой зверски скрученных мужчин, привязанных к колесницам за ремни, продетые сквозь нижние челюсти. Нескончаемой вереницей проходили горящие селения, разграбленные города, вытоптанные поля, толпы истощенных людей, гонимых как стадо. Нет, никакой скотовод никогда не обращался так со своими животными. Совершенно очевидно, что человек ценился куда меньше скота. Более того, люди постоянно подвергались садистским мукам. Их медленно перепиливали пополам на площадях Китая, рассаживали на кольях по дорогам Востока, распинали на крестах в Средиземноморье, вешали на железных крючьях, как освежеванные мясные туши. Техника массовых истреблений непрерывно “совершенствовалась”. Отсечение голов, костры, кресты и колья не могли уничтожить скопления людей в завоеванных городах. Людей стали укладывать связками в полях, и конные орды скакали по ним. Копьями и саблями гнали обезумевшие толпы в горы, сбрасывая их с крутых обрывов. Заставляли выкладывать из живых людей стены и башни, переслаивая ряды тел пластами глины»²⁵. Какой же тут может быть смысл? Как такая история может представляться как путь восхождения, развития, прогресса, если даже прекрасные памятники исчезнувших цивилизаций должны напоминать нам о том, какой ценой они были возведены? «Когда римские легионы подавили восстание в Иудее, — пишет Ефремов, — то все ее население согнали в африканские каменоломни. Мужчины были кастрированы, ослеплены каленым железом на один глаз и в цепях,

с клеймом на лбу должны были ломать знаменитый нумидийский мрамор для великолепных римских построек. Если представить себе колоссальное количество мрамора, употребляемое на форумы, дворцы, храмы, акведуки и даже дороги, то океан человеческих страданий не может не вызвать в душе каждого настоящего человека отвращение и ненависть к неисправимому прошлому»²⁶.

Перед исследователем истории длинной чередой проходят печальные призраки минувшего: «жемчужина древней культуры — Эллада, ставшая козлым пастбищем в начале Темных Веков; развалины еще более древней цивилизации морских народов Крита; стертая копытами азиатских полчищ культура Древней Руси; колоссальные избиения аборигенов Южной Африки вторгшимися с севера племенами завоевателей». Развитие технической цивилизации лишь увеличивает количество человеческих смертей и не делает людей ни лучше, ни добрей. В новейшей истории «массовые избиения приняли еще более чудовищный характер, соответственно увеличению населения планеты и могучей технике. Громадные концентрационные лагеря — фабрики смерти, где голодом, изнуряющим трудом, газовыми камерами, специальными аппаратами, извергающими целые ливни пуль, люди уничтожались уже сотнями тысяч и миллионами. Горы человеческого пепла, груды трупов и костей — такое не снилось древним истребителям рода человеческого. Атомными бомбардировками за несколько секунд уничтожались огромные города»²⁷.

Ефремов настаивает на том, что история будущего перестанет быть дробной и изолированной. Для нас разделение на государства и этносы — реальность, причем существует оно не только в пространстве, но и в нашем сознании. Мы все сформированы определенной культурной средой. Но в будущем, когда человечество станет единым, появится и возможность для «моноисторического синтеза», для написания истории человечества. Ефремов считает, что наши потомки откажутся от обособленной хронологии и всю историю, независимо от рас и общественного устройства, будут делить на очень крупные блоки: Эра Разобщенного Мира, Эра Встретившихся Рук и т.п. Естественно, что в обществе, где история считается самой важной наукой, многие будут выбирать эту специальность. Однако историк из будущего, по представлению писателя, оказывается в исследуемой им эпохе не только интеллектуально, он погружается в нее настолько полно, что это испытание могут выдержать только серьезно тренированные люди. Юноши и

девушки (заметим, что не дети!) в обязательном порядке проходят «обзор истории человечества Земли». Задача при этом остается все той же: «изучение идейных ошибок и неверного направления социальной организации на тех ступенях развития общества, когда наука дала возможность управлять судьбой народов и стран сперва лишь в малой степени, а затем полностью»²⁸. Однако Ефремов предупреждает, что нужно быть очень осторожным, приступая к исследованию древних цивилизаций: «Если сохранилось наследие их мыслей и дел, то иногда это опасный яд, могущий отравить еще незрелое общество, слепо воспринявшее мнимую мудрость. Иногда же — драгоценный опыт миллионов лет борьбы за освобождение из пут природы. Исследование погибших цивилизаций столь же опасно, как разборка древних складов оружия»²⁹.

Конечно, самое опасное — это идеи, особенно для общества, скрепленного единой (в данном случае коммунистической) идеологией. Поэтому в «совершенном» обществе Ефремова по необходимости существует система психологического надзора. Опасный для социума индивид подвергается психической трансформации. В романе «Час быка» герои не устают восхвалять эту мудрую охранительную меру: «Теперь Чеди знала, что, несмотря на неизбежное возрастание доброты, сострадания и нежности, от суммы пережитых миллионов лет inferнальных страданий, накопленных в геной памяти, всегда возможно появление людей с архаическим пониманием доблести, с диким стремлением к власти над людьми, возвышению себя через унижение других. Одна бешеная собака может искушать и подвергнуть смертельной опасности сотни людей. Так и человек с искривленной психологией в силах причинить в добром, ничего не подозревающем окружении ужасные бедствия, пока мир, давно забывший о прежних социальных опасностях, сумеет изолировать и трансформировать его»³⁰. В романе «Туманность Андромеды» писатель был добрей: там у него был предусмотрен заповедник для тех, кто не желал жить в коммунистическом рае.

Конечно, Ефремов понимал, что механизмы, обеспечивающие безопасность общества, могут сами представлять собой угрозу для людей. «Самая страшная опасность организованного общества — чем выше организация, тем сильнее делается власть общества над индивидом. И если борьба за власть ведется наименее полезными членами общества, то это и есть оборотная сторона организации»³¹. Какой же выход из этой ситуации предлагает писатель? Ефремов говорит, что «только знающие могут выбирать свои пути. Только

они могут построить охранительные системы общества, позволяющие избежать деспотизма и обмана»³².

Кто эти «знающие»? Внимательный читатель, конечно, заметит, что интерес Ефремова к истории не имеет ничего общего с любовью к прошлому. Для него история человечества — это история эволюции человека как вида, которая еще далеко не завершена. Он порой употребляет словосочетание «историческое развитие» как синоним биологической эволюции. Результатом эволюционного процесса, с его точки зрения, должен стать человек, который построит совершенный социальный строй и овладеет, помимо прочего, теми психофизическими возможностями, которые позволят ему творить, по обывательским понятиям, чудеса — телепатией, гипнозом и прочими способностями, которые в потенции, по мнению Ефремова, заложены в каждом человеке. Ефремов часто сетовал, что наука еще просто не доросла до того уровня, когда она сможет исследовать подобные феномены. «Что значит — сильная личность? — спрашивал он. — Человек, умеющий концентрировать свои душевные силы и влиять ими на людей. Даже робкий человек в гневе, в момент подъема психических сил, может заставить других послушаться! Храбрец увлекает за собой трусливых — все явления одного порядка, выраженные то слабее, то резче. Потому и черная магия имеет под собой реальную основу власти сильной личности злого человека»³³.

Умение «видеть человека насквозь» жизненно важно для правильного подбора людей, которым можно доверить исполнение общечеловеческих задач, для отсеивания дурных особей с преступной, болезненной психикой, просто неустойчивых индивидов, потенциальных предателей. Умение манипулировать чужим сознанием необходимо для самозащиты и обезвреживания преступной воли. Лучшие герои Ефремова — доктор Гирин, Фай Родис — наделены всеми этими способностями. Они исцеляют больных, разоблачают и парализуют злоумышленников, незаметно пресекают дурные намерения и помыслы собеседников. Они и сами нравственно безупречны. Искоренив в себе зависть, тщеславие и властолюбие, они никогда не используют свои способности во вред человеку. Но, конечно же, авторитет подобных людей может держаться только на доверии, ибо ни жесткий контроль, ни постоянное напряжение общественного внимания не смогут предотвратить их падения.

Ефремов считает, что интуиция, способность предвидеть события также может целенаправленно развиваться любым человеком.

«Когда-то люди не понимали, что тонкое ощущение взаимосвязи происходящего и возможность заглянуть в будущее не представляет собою ничего сверхъестественного и в общем подобно математическому расчету. Пока не было теории предвидения, события могли предвидеть только люди, особо одаренные чувством связи и протяженности явлений во времени. Считалось, что они обладают особым даром ясновидения. Теперь психическая тренировка позволяла каждому владеть этим “даром”, естественно при разной степени способностей»³⁴.

Ефремова отличает безграничная вера в науку. Мало кто мог так вдохновенно говорить о научных проблемах. По его словам, в современном мире «каждому стало ясно, что наука поможет обеспечить будущее его детей, создаст все нужное для того, чтобы прокормить, одеть и предохранить от болезней всю массу растущего населения. Стало очевидно, что мы должны строить будущее по законам науки»³⁵. Конечно, наука будущего не станет отвергать факты, которые она не может объяснить, и, благодаря этому, человек познает те силы, которые пока скрыты в нем. Научный подход к воспитанию и социальному устройству сделает жизнь простой и безопасной. Последний шаг «от необходимости к истинно человеческой свободе» человечество совершит, когда отпадет нужда убивать для еды. И в этом, конечно, людям тоже поможет наука. Появятся «автоматические заводы искусственного мяса, молока, масла, растительного желтка, икры и сахара»³⁶. Но для этого нужно научиться из растительных белков создавать животные.

Словом, человек, вооруженный наукой, совершит чудеса. Как в древние времена, когда обжитой мир — ойкумена — казался окруженным темным океаном непознанного и мифические чудовища населяли его, так и теперь всё, что находится за границей нашего познания, пугает нас. Но человек и в древности пересекал эту границу, движимый жаждой познания, и в будущем, с помощью науки, которая «движется во тьме неизвестных глубин мира подобно слепцу с протянутыми руками, осязая неясные контуры»³⁷, будет двигаться дальше.

Внешне некоторые элементы мировоззрения Ефремова могут казаться близкими христианству, но, по сути, они абсолютно чужды ему. Даже нравственную составляющую христианства он считал никуда не годной, утверждая, что «кротость и терпение воспитывают грубость и невежество»³⁸. Особенно же его возмущало отношение христианства к проблеме взаимоотношения полов. Не слу-

чайно он любил именно эллинистическую и индийскую культуры, которые проникнуты эросом и рационализмом. В них нет христианской аскезы, но есть умеренность, философия и любовь к человеческому телу. Отвергая сверхъестественное, Ефремов, видимо, все же не мог отделаться от ощущения присутствия чего-то грандиозного, превосходящего силу мысли человека. Учение Вернадского о ноосфере как нельзя лучше выразило его представление о том, что совокупная воля всех живших и живущих на земле людей постоянно действует для осуществления мечты о светлом будущем. «Цель эта — сделать всех знающими, чистыми, освобожденными от страха, равными перед законом и обществом, сделать доступными для них всю неисчерпаемую красоту человека и природы. В этой цели, чем выше и совершеннее будут ее работники, тем быстрее окончится тяжелый и далекий путь»³⁹.

Как человек широких взглядов, Ефремов не отметал религию окончательно и бесповоротно. Человек будущего, по его мнению, конечно, распрощается с верой в сверхъестественное, но в религиозных учениях прошлого есть и нечто ценное, выраженное доступным человеку того времени языком. В предисловии к своему последнему роману «Таис Афинская» Ефремов писал: «Уход в “подполье” верований, в которых живая человеческая мысль пыталась найти выход расширяющимся представлениям о вселенной и человеке, скованным требованиями официальных религий, очень мало исследован в исторических работах, которые тонут в датах, сменах царств, войнах и оставляют за бортом духовное развитие человечества»⁴⁰. Кроме того, религии, по мнению писателя, на протяжении многих веков давали человеку возможность побыть наедине с собой. Эта потребность, по его мнению, была присуща еще первобытным людям. Храмы были построены нашими предками в таких местах, где душа раскрывается и отдыхает. Поэтому люди будущего в его романах бережно сохраняют их и посещают в минуты душевной усталости. Ефремов очень поэтично описывает подобные храмы будущего: «На горном плато, где роща гималайских елей граничит с безлесным холмом, стоит буддийский древний храм — приют для усталых. В этом храме — месте отдыха и размышления перед властным порывом гор к небу — на рассвете и в предзакатные часы звучат огромные гонги цвета чистого золота из танталово-медного сплава. Протяжные могучие звуки устремляются в бесконечную даль, и каждый удар подолгу разносится в окружающей тишине. Такое же ощущение вызывают звонницы древних

русских храмов, восстановленные и снабженные титановыми колоколами. Эти серебристые колокола звенят столь же долгими нотами особенно чистого тона, притягивающими издали волшебным неодолимым зовом. И будто я бегу на этот зов сквозь редкий утренний туман в серебре рассвета...»⁴¹.

Человек для Ефремова — мера всех вещей. Для него естество, природа человека не несут в себе зла. Если человек раб полового инстинкта и жизнь в браке заставляет его страдать, подавляя в себе зов природы, значит, институт семьи устарел. Ведь сублимация сексуальной энергии вредит телесному и психическому здоровью. Поэтому понятие «семья» расширено им до границ всего человечества. Ребенок рождается, как «подарок обществу», и воспитывается коллективом. Единственным критерием для оценки того, что хорошо и что плохо, является польза общества и здоровье человека. Но и сам писатель замечал, что при таком понимании в человеке навсегда остается его темная сторона, что достаточно одного-двух поколений, чтобы человек одичал, чтобы развитие общества повернулось вспять. Это ставит всю его концепцию на весьма шаткую основу. Именно это заставляет нас сомневаться в таком прогнозе, именно поэтому любые мечты о прекрасном будущем человечества кажутся нам утопией. Что заставит *каждого* стать сознательным? Можно ли насильно сделать человека хорошим? Каким должно быть идеально устроенное общество? «Я верю в здравый смысл и разум потому, что знаю историю и учусь понимать психологию людей», — говорит нам Ефремов⁴². Эта бесконечная вера в человека и подкупает читателя, заставляя перечитывать его романы и погружаться вместе с автором в размышления над судьбой человечества.

¹ Тафономия — наука о закономерностях сохранения остатков ископаемых в слоях осадочных пород.

² Ефремов И.А. Лезвие бритвы. — М., 1992. — С. 94.

³ *Его же*. Час быка // Собр. соч.: в 2 т. — М., 2010. — Т. 1. — С. 876.

⁴ Там же. — С. 1008.

⁵ От латин. «нижний, подземный», т.е. ад.

⁶ Ефремов И.А. Час быка. — С. 925.

⁷ Там же. — С. 876.

⁸ Там же. — С. 1026.

⁹ Там же. — С. 1027.

¹⁰ Там же. — С. 1023.

¹¹ Там же. — С. 1036.

¹² Там же. — С. 894.

¹³ Там же. — С. 892.

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. — С. 1019.
- ¹⁶ Там же. — С. 1020.
- ¹⁷ Там же. — С. 994.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. — С. 993.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. — С. 925.
- ²² Там же. — С. 1043.
- ²³ Там же. — С. 1119.
- ²⁴ Там же. — С. 917.
- ²⁵ Там же. — С. 917—918.
- ²⁶ Там же. — С. 919.
- ²⁷ Там же. — С. 920.
- ²⁸ Там же. — С. 800.
- ²⁹ Там же. — С. 801.
- ³⁰ Там же. — С. 881.
- ³¹ Там же. — С. 894.
- ³² Там же. — С. 939.
- ³³ *Ефремов И.А.* Лезвие бритвы. — С. 323.
- ³⁴ *Его же.* Час быка. — С. 984.
- ³⁵ *Его же.* Лезвие бритвы. — С. 56.
- ³⁶ *Его же.* Час быка. — С. 947.
- ³⁷ Там же. — С. 805.
- ³⁸ Там же. — С. 1037.
- ³⁹ *Его же.* Лезвие бритвы. — С. 641.
- ⁴⁰ *Его же.* Таис Афинская // Собр. соч.: в 2 т. — М., 2010. — Т. 2. — С. 294.
- ⁴¹ *Его же.* Час быка. — С. 991.
- ⁴² *Его же.* Лезвие бритвы. — С. 653.

Д.Г. Дитяткин

Русский поход 860 г. на Константинополь в исторической прозе

Статья посвящена знаменательному событию русской истории — походу 860 г. на Константинополь, ставшего главной сюжетной линией исторического романа писателя Владимира Афиногенова. Художественная реконструкция русско-византийских отношений IX в. рассматривается сквозь призму научных исследований по проблеме.

Ключевые слова: поход 860 г.; Русь; Византия; Константинополь; патриарх Фотий; Михаил III; Аскольд и Дир; исторический роман.

D.G. Dityatkin

Russian campaign of 860 on Constantinople in historical prose

The article is devoted to the significant event in Russian history — the campaign of 860 to Constantinople, which became the main subject of the historical novel of Vladimir Afinogenov. The artistic reconstruction of Russian-Byzantine relations in the IX c. is viewed through the lens of the researches on the issue.

Keywords: campaign of 860; Rus'; Byzantium; Constantinople; Patriarch Photios; Michael III; Askold; Dir; historical novel.

Еще со школьной скамьи многие помнят такие знаменательные события древнерусской истории, как походы князей Олега и Игоря на Царьград. Согласно летописным преданиям, Олег прибил на врата византийской столицы щит в знак своей победы. Военное мероприятие Игоря в 944 г. окончилось поражением, от повторного нападения греки откупились богатыми дарами. Меж тем, это были не единственные и далеко не первые столь масштабные военные мероприятия войск русов. Летом 860 г.¹ произошло событие, которое буквально потрясло средневековый мир: столица богатой и могущественной Византийской империи Константинополь находилась на грани гибели. Несколько дней войско русов (росы греческих памятников) осаждало город и грабило его предместья. Это нападение нашло свое отражение в различных греческих (из которых информация о нем была перенесена в летописи) и западноевропейских источниках², что само по себе говорит о его масштабах и значении. О нем продолжали писать даже спустя столетия. Отправной точкой русской истории, началом Русской земли считал это событие древний летописец: «В лето 6360 (852 г. — Д.Д.), индикта 15 день, наченшю Михаила царствова-

ти, нача ся прозывати Русская земля. О сем бо уведахомъ, яко при сем цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи Гречьстемь. Темже отселе почнемъ и числа положимъ...»³. Автор летописи передал главную суть происшедшего — выход на международную историческую арену нового объединения — Руси.

На долгое время став предметом изучения профессиональных историков, русский поход 860 г. практически неизвестен рядовому читателю, а между тем он является неотъемлемой частью нашей истории. Поэтому чрезвычайно интересно проследить, как это событие отразилось в художественной литературе, рассчитанной как раз на массового читателя. К подобным образцам литературы относятся исторические романы московского писателя, члена Союза писателей России, Владимира Дмитриевича Афиногенова (1942—2003). В его творческой биографии соединились стезя писателя и работа журналиста — Владимир Дмитриевич сотрудничал с военно-патриотическим журналом «Советский воин»*, на страницах которого помимо репортажей печатались художественные сочинения автора. Литературный путь Афиногенова открывается военно-патриотическими произведениями, такими, как повести «Залив Семи Бурь», «Белый корабль», повесть в новеллах «Солдатская земля». Знаменательные события истории и их действующие лица стали главной темой исторических романов Владимира Афиногенова. «Витязь. Владимир Храбрый», «Аскольд и Дир. Аскольдова тризна», «Нашествие хазар» — лишь неполный перечень книг писателя.

В 1992 г. вышел исторический роман «Белые лодыи»⁴, за который через год Владимир Афиногенов был удостоен Международной литературной премии имени В.С. Пикуля, учрежденной Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов. Впоследствии роман неоднократно переиздавался. В книге Афиногенова поход русов 860 г. является кульминацией всего повествования. Автор рисует широкую картину исторической эпохи IX столетия. Взгляд писателя-историка охватывает огромные пространства. Из Константинополя вместе с миссией Константина Философа** в Крым и степи Северного Причерноморья к кагану хазар ведет автор своего читателя, открывает перед ним Киев времен князей Аскольда и Дира, делает участником знаменитого похода 860 г. Читателя обступают исторические персона-

* С 1997 г. журнал носит название «Воин России».

** Кирилл (в миру известный как Константин Философ; 827—869) — в 860 г. был направлен с проповеднической миссией к хазарскому кагану. По пути в Хазарию в Херсонесе Таврическом им были обретыены мощи св. Климента.

жи — патриарх Фотий* и его главный соперник Игнатий**, византийский император Михаил III, получивший прозвище Мефист (Пьяница)**, и его соправитель Василий Македонянин****. Но главным героем романа являются русы — славянский народ, показанный через образы киевских князей, купцов, простых общинников (смердов, как называет их автор), славянских поселенцев в Крыму.

Период в истории Восточной Европы, о котором пишет В.Д. Афиногенов, породил большое количество научных проблем. Что представляла собой Русь середины IX столетия, каковы были причины и следствия столь масштабного военного мероприятия русов? Вопросов действительно много, на большинство из них до сих пор отсутствуют однозначные ответы, и вряд ли они появятся в ближайшее время. Всё это объясняется и небольшим кругом источников, освещающих историческую ситуацию в Восточной Европе не только IX столетия, но вплоть до середины X в., и той зачастую неопределенной и размытой информацией, содержащейся в них. В свою очередь это породило и противоречивые интерпретации ученых при рассмотрении этих сведений. Немногочисленность твердо установленных фактов и прочных достоверных датировок заставляет исследователей оперировать в большей степени категориями гипотез и предположений. Насколько же расходятся историческая реальность, сконструированная на основе показаний источников, и художественное изображение событий, преподнесенные писателем?

Суммируя информацию исторических источников, можно в общих чертах обрисовать события 860 г. 18 июня флот русов в ко-

* Фотий (820—896) — патриарх константинопольский в 857—867 гг. и 877—866 гг.

** Игнатий (797—877) — патриарх константинопольский в 847—857 гг. и 867—877 гг. Игнатий был предшественником Фотия на патриаршем престоле, в 857 г. по приказу Михаила III был сослан на остров Теревинф в Мраморном море. Игнатий вновь занял патриарший престол при императоре Василии I Македонянине.

*** Михаил III (840—867) — византийский император (842—867 гг.) из Аморийской (Фригийской) династии. До 856 г. регентом при малолетнем императоре выступала его мать вдовствующая императрица Феодора. После заключения Феодоры в монастырь государственная власть фактически была сосредоточена в руках ее брата Варды. В 867 г. Михаил III был убит в результате заговора, организованного его соправителем Василием Македонянином.

**** Василий I Македонянин (около 811—886) — византийский император (867—886 гг.). Став фаворитом Михаила III, он первоначально занимал должность паракимомена (постельничего) императора. В 866 г. Василий Македонянин был объявлен кесарем (вместо убитого дяди императора Варды), а затем и соправителем Михаила III. На следующий год Василий организовал убийство императора и занял престол, став основателем Македонской династии византийских императоров.

личестве 200 кораблей (по другим данным 360 кораблей⁵) подошел к Константинополю. Столица Византии была взята в осаду, русы принялись грабить окрестности города. Нападение произошло совершенно неожиданно, многие жители не успели укрыться за стенами города и были пленены или жестоко убиты⁶. Разорению подверглись не только пригороды Константинополя, но также другие окрестные области, в частности Принцевы острова в Мраморном море. Ситуация усугублялась тем, что император Михаил III вместе с армией находился в походе против арабов, и город защищал лишь небольшой гарнизон, поэтому русы не встретили фактически никакого сопротивления. Для того, чтобы поднять дух горожан, по указанию патриарха Фотия после молебна священную ризу Богородицы обнесли вокруг стен города. После этого 25 июня⁷ нападавшие сняли осаду и с богатой добычей ушли восвояси. Более поздние источники сообщают о том, что император Михаил, получив известие о нашествии русов, прервал свой поход и вернулся в Константинополь, с трудом пробравшись в город. Вместе с патриархом он молился во Влахернском храме. Когда в море погрузили покров (мафорий) Богородицы, поднялась буря, разметавшая флот русов⁸.

Кем были русы, осадившие Константинополь, и откуда был начат поход на столицу Византийской империи? Вопрос об этнической принадлежности русов или народа русь⁹ вызвал обширную и продолжительную дискуссию в науке, учитывая его связь с более широкой проблемой образования Древнерусского государства. Дело в том, что варяжская легенда переносит имя руси на восточных славян посредством варягов Рюрика. О словено-финских послах говорится, что они «идоша за море к Варягомь, к Руси: сиче бо тии звахуса Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Ангыляне, друзии Готе, тако и си». Далее летописец прямо говорит: «[И] оть техъ [Варяг] прозвася Руская земля...». Эту мысль летописец повторяет позднее в «Сказании о славянской грамоте», содержащейся в Повести временных лет: «...отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша Словене...»¹⁰.

Информация летописи о призвании варяжской руси из-за моря, а также неславянские имена первых русских князей и послов «от рода русского» в договорах Олега и Игоря с греками послужило причиной возникновения в науке норманнской теории. Еще в шведской историографии XVII — первой половины XVIII столетия была высказана мысль о скандинавском происхождении варягов-руси. Позднее ее подхватили и растиражировали немец-

кие ученые, работавшие в России, — Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, за ними следовали русские историки Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, М.П. Погодин, А.А. Куник, С.М. Соловьев и другие. Они считали варягов норманнами, а в руси видели непосредственно шведов или одно из шведских племен. Имя «русь» производилось от названия шведской области Рослаген или от финского наименования шведов *ruotsi*, которое в форме «русь» перешло к славянам. Последнее объяснение о финском посредничестве получило наиболее широкое распространение в норманистской историографии благодаря работам датского лингвиста В. Томсена и отечественного ученого А.А. Шахматова. Эту же мысль проводил в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер — лингвист с мировым именем¹¹. Несмотря на то, что предложенная этимология разделяется многими современными исследователями-норманистами, она вызывает в их среде неоднозначные оценки¹².

Проблема заключается в том, что в самой Швеции имя «русь» неизвестно, в то время как на юге Восточной Европы оно имеет давнюю историю. Готский историк VI в. Иордан применительно к событиям IV столетия сообщает о племени «росомонов» («народ рос») в районе Поднепровья, которых в науке сближают с ирано-язычными роксоланами. Сирийский автор VI в. Псевдо-Захарий (Захарий Ритор) в «Церковной истории» упоминает народ «рус» (*hros*) в Причерноморье. О русах на юге применительно к VI столетию говорят и восточные источники. Автор начала XI в. ас-Са‘алиби в рассказе о постройке Дербентской стены помещает русов рядом с турками и хазарами. Хронист XV в. Захир ад-дин Мар‘аши локализует их в районе, примыкающем к Северному Кавказу¹³. Показательно, что Шлецер в своей работе «Опыт анализа русских летописей» (1768 г.) отделял русь от варягов, видя в последних норманнов, и отрицал связь *Ruotzi* с Русью¹⁴. Впоследствии историк отказался от подобного взгляда и в «Несторе» чрезвычайно категорично заявлял по этому поводу, что нападавшие на Константинополь «были совсем отличный от нынешних руссов народ, и следовательно не принадлежат к русской истории». Понтийских руссов с киевскими отождествили византийцы, а «простое сходство в названии Рос и Рус обмануло и почтенного Нестора», поэтому «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикава пришествия называлась уже Русью»¹⁵.

В романе Владимира Афиногенова русь выступает славянским народом, издревле населяющим берега Днепра (Борисфена), где

центром их земель является город Киев. Фактически автор отождествляет русь и полян, попеременно используя оба наименования. Помимо Среднего Поднепровья славянская русь обосновалась также южнее, в Крыму. Таврические русы, по реконструкции писателя, проживали на территории византийской фемы Херсон в южном Крыму, основанной в первой трети IX в. при императоре Феофиле (829—842). «Стратиг (начальник) византийской фемы в Крыму, протосфарий, — пишет автор, — не был полномочным хозяином этих русских смердов, на землях которого они проживали, работали на него и соблюдали его законы. Они считались людьми вольными, открыто поклонялись своим языческим богам — Перуну, Велесу, Световиду, Мокош, Дажьдбогу, — но покинуть фему не имели права»¹⁶. Связь крымских русов с днепровскими Афиногенов подчеркивает также стремлением одного из главных героев романа славянина Доброслава Клуда покинуть византийские владения и вернуться на земли предков — на берега Борисфена.

Очевидно, что в вопросе этнической атрибуции русов Афиногенов следует в русле советской исторической науки, которая в противовес норманнской теории рассматривала русов как восточнославянское племя, обитавшее в Среднем Поднепровье и давшее название новому государству. Их непосредственно отождествляли с полянами. Подобная точка зрения в советской науке стало определяющей во многом благодаря авторитету академика Б.А. Рыбакова. Исследователь полагал, что от правого притока Днепра реки Рось получило свое название одно из славянских племен, слившееся с полянами, на археологическом материале он выделял так называемые древности руссов¹⁷.

Следует отметить, что точка зрения об автохтонном славянском происхождении имени и народа русь, его исконной привязки к территории Киевщины была характерна не только для советской науки, она получила свое оформление значительно раньше. Об этом писали в 60—70-е годы XIX столетия С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский. Гедеонов выводил имя «русь» с юга, но юга, прежде всего, славянского¹⁸. «В эпоху основания русского государства, около половины IX века, — писал в 1862 г. Гедеонов, — история знает две Руси: одну сплошную, простирающуюся от Ладоги и Новгорода, до Киева и Днепровских порогов и состоящую под непосредственной властью варяжских князей; другую, отделившуюся задолго до IX века от шестиплеменной Руси наших летописей и занимающую

восточные побережья Черного и Азовского морей». Черноморская или «Таврическая» Русь была издавна известна грекам, которые, как подчеркивает ученый, впоследствии переносили имя тавроскифов на русов киевских по причине их единокровности. Иловайский относил появление руси в Северном Причерноморье к первой половине IX в. Между Приднепровской (Киевской) Русью и Азовско-Черноморской, по мнению историка, длительное время существовали тесные устойчивые связи. Так, все морские походы киевских князей были осуществлены при поддержке флота черноморских руссов¹⁹. В 1869 г. востоковед Д.А. Хвольсон, указав, что арабы именуют Черное море Русским, сделал вывод, «что руссы, по крайней мере во второй половине IX века уже жили около Черного моря»²⁰.

Ответ на вопрос об этнической природе руси, между тем, не ограничивался только двумя вариантами: были русы норманнами или славянами. Этимология имени «русь» связывалась с широко распространенным в топонимике и этнонимике Северного Причерноморья и Северного Кавказа корнем «рос» с вариантами «аорс», «рокс», имеющими иранское происхождение. Племена, проживавшие в указанном ареале, встречаются в более ранних письменных памятниках под именами «росомонов», «роксоланов», «аорсов». Античные авторы Страбон и Тацит упоминали народ роксоланов, проживавших в междуречье Танаиса (Дон) и Борисфена (Днепр) вблизи Меотийского озера (Азовское море), которых они относили к сарматам²¹. Выше уже были приведены свидетельства восточных источников о народе «рос» в районе Северного Причерноморья и Кавказа.

Представление о русах, населявших Северное Причерноморье в названный период, как о славянах, которого придерживается и автор романа «Белые лоды», вызвало у ряда исследователей возражения. На северных берегах Азовского моря и в Крыму славянские памятники не встречаются вплоть до XII в. Но это препятствие, по словам А.Г. Кузьмина, исчезает, если допустить, что Причерноморская Русь не была славянской²². Так, Л.В. Падалко относил возникновение Азово-Черноморской Руси ко времени ранее второй четверти IX в., а имя «руси» выводил от рокс-алан — белых (господствующих) алан. Г.В. Вернадский полагал, что название «русь» («рось») бытовало уже с IV столетия и принадлежало первоначально одному из «аланских кланов» — светлым асам (рухс-асам), или роксоланам. Славянские племена, подчинившись этому роду, по

мнению историка, «могли принять это имя»²³. На «этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н.э. с алано-болгарским миром Подонья и Приазовья» указывал Д.Л. Талис. М.Ю. Брайчевский под «росами» Захария Ритора понимал жителей Приазовья, принадлежавших, «скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву». Из осетинского языка — наследника аланского историк объяснил «русские» названия днепровских порогов у Константина Багрянородного²⁴.

«Некогда могущественные племена, — пишет Владимир Афиногенов об аланах, — они населяли весь Северный Кавказ и область между Нижним Днепром и Южным Уралом...». Захваченные «гигантским водоворотом» гуннского нашествия в IV столетии, аланы оказались рассеяны по огромным просторам Европы и Северной Африки, а те из них, «которые остались на земле своих предков, попали в зависимость от ромеев и хазарского каганата»²⁵. Одному из персонажей романа алану Лагиру волею судеб пришлось проделать путь от Меотийского озера (Азовское море) до Киева. Однако повторимся, что автор не связывает алан с русами, считая последних славянскими переселенцами в Таврии.

Литература по проблеме происхождения имени «русь» и ее этнической атрибуции чрезвычайно обширна. За более чем двухвековую полемику было высказано множество различных гипотез, которые не ограничивались только тремя указанными направлениями, видевшими в руси норманнов, славян или представителей иранской языковой группы. Вопрос осложняется тем, что этноним русь в различных его вариантах (русины, рутены, руги, росы, русы и т.д.) упоминается в западноевропейских, восточных, греческих и древнерусских источниках на обширных пространствах Восточной и Западной Европы: от побережья Южной Балтики до королевства Ругиланд на территории современной Австрии, от Северо-Запада восточнославянских земель до Северного Причерноморья и предгорий Кавказа.

Древнейшая русская летописная традиция, отразившаяся в Повести временных лет, относит поход руси на Царьград к Киеву и киевским князьям Аскольду и Диру²⁶. Очевидец событий 860 г. патриарх Фотий не называет имени предводителя росов, осадивших Константинополь. Не названо оно и в других греческих и западноевропейских источниках, рассказывающих о нападении на столицу Византийской империи. Возможно, что редактор Начальной

летописи опирался на какие-то недошедшие до нас источники или устную традицию, вставляя имена Аскольда и Дира в рассказ о походе, основанный на «Временнике» Георгия Амартола²⁷. Повесть временных лет связывает их с дружиной Рюрика: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина...». Аскольд и Дир с позволения Рюрика отправляются «ко Царюгороду — с родом своим». По пути они увидели «градокъ» Киев, где и остановились княжить: «Аскольд же и Дир остаа в граде семь, и многи Варяги совокупи-ста, и начаста владети Польскою землею». Далее летописец сообщает в статье под 866 годом («В лето 6374») о походе Аскольда и Дира «на Греки» в «14 [лето] Михаила цесаря»²⁸. В 882 г. («[В лето 6390]») оба князя были обманом убиты Олегом (по другой версии, Игорем — сыном Рюрика²⁹) и погребены в Киеве. Вот и все, что сообщает нам Начальная летопись об Аскольде и Дире. Уникальные известия, источник которых до сих пор не выяснен, содержится в себе Никоновская летопись. Здесь в частности говорится об убийстве болгарями сына Аскольда («Осколд»), о войнах Аскольда и Дира с полочанами и печенегами, о неудачном возвращении князей из похода на Константинополь («...и бысть в Киеве плач великий»)³⁰.

В романе «Белые лоды» Аскольд и Дир являются одними из центральных персонажей. Следуя летописным известиям, Владимир Афиногенов называет их главными организаторами и предводителями русского похода на Константинополь. Вместе с тем, автор придерживается иной точки зрения на происхождение киевских князей, он выводит их не как варяжских пришельцев, находников, а как потомков легендарного князя Кия. Тем самым Аскольд и Дир предстают перед читателями представителями местной славянской княжеской династии. Данная традиция, не отразившаяся в Начальной летописи, была представлена в сочинении польского историка и дипломата Яна Длугоша (1415—1480) «Польская история». Длугош достаточно тенденциозно пишет о происхождении русских народов от поляков, поляками он называет первых князей Кия, Щека, Хорева, прямыми потомками которых были два родных брата Оскольд и Дир³¹. А.А. Шахматов, обращаясь к указанным сведениям польского автора, полагал, что Длугош почерпнул их из недошедших до нас источников³². Б.А. Рыбаков считал вполне вероятным рассматривать этих князей «последними звеньями династической цепи Киевичей». «В качестве недоказуемого предположения, — писал ученый об Осколде, анализируя

форму имени, приведенную в Никоновской летописи, — можно высказать мысль, что имя этого туземного князя, княжившего в Среднем Поднепровье, могло сохранить древнюю праславянскую форму, восходящую к геродотовским сколотам, “названных так по своему царю”»³³.

Сегодня существует также иная точка зрения, согласно которой Ян Длугош, превращая Кия, Аскольда и Дира в польских князей, получал «возможность оспорить легитимность варяжской династии, указать на незаконность ее господства в Киеве и тем самым усилить идеологические позиции Польши при обосновании права владения русскими землями в современную польскому хронисту эпоху»³⁴.

В русской истории имена Аскольда и Дира порождают, пожалуй, не меньше вопросов, чем имя «русь». Высказывались даже сомнения по поводу реальности Дира или возможности одновременного правления двух князей. Норманисты Байер и Миллер, не найдя скандинавских параллелей для имени Дир, объясняли его как готский титул «диар» — «господин», прилагаемый к Аскольду. В.Н. Татищев, опираясь на сведения несохранившейся Иоакимовской летописи, считал Аскольда сыном Рюрика, которого варяжский князь направил в Киев по просьбе самих киевлян для защиты от хазар. Историк трактовал имя Дир не как собственное, а «прилагательное, тому же Оскольду принадлежащее, и в сарматском тирар значит пасынок»³⁵. Историческую реальность Дира в полемике с Миллером оспаривал Ломоносов. Ученый акцентировал внимание на том, что в источниках «не токмо сих двух князей различают, но и гробы их в Киеве особливо назначают». Приводил он и славянскую этимологию для имен Аскольда и Дира. На ошибку Миллера указал Шлецер, опубликовавший в 1773 г. в Геттингене статью «Oskold und Dir»³⁶. Уже в 40-х годах XIX столетия А.А. Кунник, предлагая германо-скандинавскую этимологию для большинства имен начальной русской истории, производил летописных Аскольда и Дира из северного *Höskuldr* и *Dyri*, тем самым указывая на их якобы норманнское происхождение³⁷. Ряд ученых начиная с Г. Эверса считали упомянутых киевских князей венграми (уграми), подвластными Хазарскому каганату и производили их имена соответственно из венгерского языка³⁸. Д.И. Иловайский совершенно отрицал существование Аскольда и Дира, полагая, что этих князей изобрел летописец, перенеся на них название киевских урочищ³⁹. Возможное и в таком случае единственное в иностранных

источниках упоминание Диры некоторые исследователи видели в сочинении арабского ученого первой половины IX в. ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов»: «Первый из царей славянских — ад-Дир»⁴⁰.

Фигуры легендарных Аскольда и Диры по-прежнему остаются для нас размытыми в тумане времени и преданий. Но какие цели преследовали киевские князья, если вслед за летописцем связать их с походом на Царьград, какие задачи ставили они перед собой, организуя нападение на столицу Византии? В описаниях современников, а впоследствии и писателей, нашествие русов на Константинополь изображается масштабным, хорошо подготовленным мероприятием. Некоторое время в исторической науке было распространено мнение, что поход носил карательный характер, русы мстили грекам за порабощение и, возможно, убийство части своих соплеменников, проживавших в византийской столице. «...Первое нашествие Руссов на Константинополь не было простым разбойничьим набегом, — писал Иловайский, — по всей вероятности, ему предшествовало убиение русских торговцев в Греции и отказ Греков в удовлетворении»⁴¹. По мнению историка, своими действиями византийцы нарушили договор, подобный тем, которые позднее заключали Олег и Игорь. Казнь русских купцов как одной из главных причин похода называет и Владимир Афиногенов: «Несмотря на народные волнения, вызванные не столько сообщением о разгроме флота сарацинами, сколько нищетой простого народа, весть, что отрубили головы купцам с Борисфена по личному приказу императора и их товары и выручку свезли во дворец, с быстротой молнии облетела Константинополь». В уста патриарха Фотия писатель вкладывает слова об императоре, забывшем «Договор мира и любви» с киевлянами⁴², существовавший еще со времен Юстиниана*.

Сегодня можно только предполагать, имела ли место в действительности казнь купцов русов, однако точно известно, каким образом возникла эта версия событий. Связана она с именем отечественного ученого и церковного деятеля архимандрита Порфирия**. Порфирий (Успенский), которому посчастливилось отыскать в 1858 г. в Афонском Иверском монастыре рукопись сочинений патриарха Фотия, подготовил перевод и комментарии для первого

* Юстиниан — византийский император (527—565).

** Порфирий (в миру Константин Александрович Успенский, 1804—1885) — архимандрит.

издания полных текстов III и IV гомилий «На нашествие росов», увидевшего свет в 1864 г.⁴³ Слова константинопольского патриарха в III гомилии «ὀλίγοις ἀλοεῖς... ἐδουλώσαμεν» он представил как: «мы немногих молотильщиков... сделали своими рабами». В переводе IV гомилии, написанной, вероятно, сразу после ухода нападавших от стен Константинополя, Порфирий дал следующее прочтение: «Ибо эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление соплеменников их, и благословно требовали и ожидали кары равной злодеянию». Таким образом, возникла гипотеза о том, что нападение росов было вызвано притеснением и убийством неких работников или торговцев росов в Константинополе. При последующих переизданиях речей Фотия переводы Порфирия (Успенского) были признаны не совсем точными. Константинопольский патриарх не называл причины нападения варваров, а его речи были обращены непосредственно к жителям византийской столицы⁴⁴.

Нашествие варваров рассматривалось Фотием как наказание, посланное от Бога: «...Не считаясь ни с обилием и тяжестью собственных долгов, ни со снисхождением к ним Спасителя, не постыдившись ничтожности долга таких же, как и мы, рабов, даже мысленно не сопоставимого с нашим, мы, человеколюбиво освобожденные от много и великого, за малое бесчеловечно поработили других». Вместе с тем патриарх обличал бессилие и трусость тех, кто должен был стоять на защите Константинополя и его окрестностей: «Ибо кровавые варварские убийства соотечественников должны возбуждать праведный гнев и требовать, положась на благие надежды, поспешить со справедливым возмездием; но спасшиеся, которые должны были отомстить за попавших в беду, струсив и испугавшись, обмякли, воображая в страданиях пленников собственное пленение»⁴⁵.

В гомилиях не говорится об убиении или порабощении купцов русов или о нарушении какого-либо торгового, союзного договора между русами и Византией, однако это не исключает вероятности, что подобные договоренности все же существовали ранее. Поход 860 г. не был первым нападением на византийские владения, о военных мероприятиях русов в конце VIII — начале IX в. сообщают два греческих памятника — «Житие св. Стефана Сурожского»*

* Имеется также и в русском списке XV в., русский вариант сочинения отличается лишь некоторыми деталями.

и «Житие св. Георгия Амастридского»*. Житие Стефана Сурожского рассказывает о набеге на южное побережье Крыма рати князя Бравлина: «По смерти святого мало лет мину, прииде рать великая русская из Новагорода, князь Бравлин, силен зело». Он захватил всю прибрежную полосу Крыма между Корсунем (Херсонесом) и Керчью и взял приступом Судак (Сурож)⁴⁶. В «Житии св. Георгия Амастридского» сообщается о нашествии «варваров-росов, народа, как все знают, жестокого и дикого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия» на город Амастриду (Черноморское побережье Малой Азии)⁴⁷. В обоих случаях предводители росов вместе со своими воинами в финале принимают крещение (Бравлин принял крещение из рук архиепископа Филарета), возвращают награбленные ценности и захваченных пленников.

Описание нападения «новгородского» князя Бравлина на Сурож из «Жития св. Стефана Сурожского» приводит в своем романе Владимир Афиногенов: «Этот поход русских в Крым изображен Филаретом как разбой, как нашествие варваров. Понять архиепископа не трудно, ведь он — представитель супротивной стороны. Но Бравлин предпринял этот поход не с целью грабежа и наживы, как, впрочем, и другие походы русских на византийцев, а чтобы наказать заносчивых ромеев, от которых русские купцы терпели унижения и насилия и которые подзуживали хазар разорять и грабить владения русов...»⁴⁸. Писатель занимает оправдательную патриотическую позицию в отношении причин военных мероприятий русов, направленных против Византии. Как уже отмечалось, поход 860 г. изображен им и как месть за расправу над русскими купцами, и как ответ киевских князей на постоянные попытки Константинополя использовать в качестве средства давления на русов хазар.

Вполне вероятно, что за нападением на Сурож и Амастриду стояли торговые интересы русов. Б.А. Рыбаков считал, что «блокирование Византией устья Днепра и того побережья Черного моря, которое было необходимо руссам для каботажного плавания к Керченскому проливу или в Царьград, и послужило причиной русского похода на византийские владения в Крыму...»⁴⁹. О наличии широких международных связей русских купцов, в том числе и с Византией, применительно к IX в. свидетельствует Ибн Хордад-

* Исследователь и публикатор этого памятника выдающийся отечественный византист В.Г. Васильевский приписывал перу известного агнографа диакона Игнатия (770/780 — после 845) и относил ко времени до 843 г.

бех: «Что касается купцов руссов, а они — вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума»⁵⁰. Характерно, что русско-греческие договоры, заключенные после походов князей Олега и Игоря, особое внимание уделяют именно торговой сфере.

У Владимира Афиногенова вторжение Бравлина заканчивается союзом «мира и любви»: «Новгородский князь... покинул Сурож, предоставив этому городу-крепости жить так как он жил прежде»⁵¹. А.Н. Сахаров полагает, что итогом похода русов на Сурож стал один из первых договоров с Византией, это было «типичное соглашение с местными византийскими властями», которое сопровождалось «древнейшим в дипломатической практике всех народов, в том числе и антов» условием возвращения пленных. Отмечая сходство двух походов, рамки которых были «четко очерчены: один — от Пропонтиды до Амастриды, другой — от Херсонеса до Керчи», историк констатирует, что они «закончились мирными соглашениями, условия которых весьма схожи: прекращение военных действий, освобождение пленных, возвращение награбленного, “почтение к храмам”, вывод рати из города. Несмотря на некоторые различия в статьях, в этих соглашениях отразился весь комплекс тогдашних представлений о мирных договорах с противниками как руссов, так и греков»⁵².

О русско-византийских отношениях свидетельствуют и западноевропейские источники. «Бертинские анналы» сообщают о посольстве византийского императора Феофила к франкскому императору Людовiku Благочестивому (814—840) в 839 г. В составе греческого посольства, торжественно принятого 18 мая в Ингельгейме, оказались и представители народа «рос»: «С ними... он (Феофил. — Д.Д.) прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называется рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаганом (chaganus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы»⁵³. Титул правителя росов явно заимствован из тюркской языковой среды, каганом именовался правитель хазар. В другом западноевропейском памятнике IX в. т.н. «Баварском географе» Русь (*Ruzzi*) упоминается в соседстве с хазарами (*Caziri*)⁵⁴. О хагане русов писали восточные авторы Ибн-Русте, Гардизи и анонимный автор сочинения «Пределы мира» («Худуд ал-алам»), написанного около 982 г.⁵⁵ Сам титул правителя русов свидетельствует о соперничестве с хазарами, у которых он, воз-

можно, и был перенят, как средство декларации собственной независимости.

Для нас в данном случае наиболее существенным является тот факт, что уже в первой половине IX столетия русы и Византия устанавливают некоторые дипломатические отношения. Посольство в Константинополь уже выходило за рамки местных соглашений и представляло собой новый уровень в построении отношений между русами и Византией. Как считает А.Н. Сахаров, это посольство «можно рассматривать и как начало конца той полосы изоляции, в которой оказались восточнославянские племена после нашествия аваров, а позднее в связи с зависимостью от хазар», оно «знаменует собой новый этап в становлении древнерусской государственности»⁵⁶.

Поход русов на Константинополь в 860 г. по своему масштабу и по своим итогам значительно превосходит предшествующие предприятия русов, и за этим угадываются более существенные цели, чем те, которые ставились раньше. По мнению Г.Г. Литаврина, русы «испытывали настоятельную необходимость отстоять свое место в системе государств, причем наиболее крупных и сильных, обозначить свои границы и свои интересы, предъявить свои претензии на международной арене». «Все это в условиях того времени, — подчеркивает исследователь, — можно было сделать, только продемонстрировав свой военный потенциал»⁵⁷. Как первый значимый выход Руси на международную арену оценивает поход русов А.Н. Сахаров. Ученый полагает, что его результатом стал «стереотипный для того времени договор “мира и любви”, то есть полномасштабное соглашение, ведущее к мирному устроению и установлению между двумя государствами равноправных политических и военно-союзных отношений»⁵⁸. Автор книги, посвященной походу русов на Константинополь, С.В. Цветков пишет: «Главные причины такой демонстрации силы — это торговые интересы русов, уже более столетия торговавших с Арабским Востоком. Знаменитый летописный путь “из варяг в греки” получил новый импульс благодаря этому походу 860 г. ... во многом определил дальнейшее развитие молодого государства на юге, превратив Киев из небольшого городка в могущественную столицу Древней Руси, в один из самых крупных городов Европы»⁵⁹.

В «Белых лодях» Владимир Афиногенов объясняет снятие осады с Константинополя неспособностью войска русов взять неприступные стены и начавшимися переговорами: «Переговоры закончились подписанием нового “Договора мира и любви” и богатым

выкупом, который греки уплатили русам за то, чтобы они сняли осаду Константинополя»⁶⁰. Можно сказать, что автор переносит на поход 860 г. события более поздних времен. Так, в Повести временных лет под 907 годом содержится запись о походе Олега на Царьград: войско русов разграбляет предместья города, а после завершившихся переговоров греки уплачивают Олегу дань и заключают с ним договор, текст которого сохранился в Начальной летописи⁶¹. Патриарх Фотий в своих речах подчеркивал как внезапность нападения русов, так и неожиданность их ухода, но ничего не говорил о переговорах и заключении мира. О заключении договора «мира и любви» позволяет говорить «Окружное послание», написанное между 866 и 867 г. тем же Фотием, то есть между уходом русской рати и мирным соглашением прошел определенный отрезок времени. Это подтверждает Хроника Продолжателя Феофана — анонимное сочинение, которое было создано, вероятно, около 950 г. в кругах императора Константина Багрянородного⁶².

Владимир Афиногенов завершает свой роман благополучным возвращением войск Аскольда в Киев, в то время как его брат Дир вместе с пешими и конными ратниками «решил воевать хазар и двинулся со своим войском к Джурджанийскому (Каспийскому. — Д.Д.) морю...»⁶³. Выше уже говорилось о разночтении источников касательно того, как завершился поход русов 860 г. Если по данным более ранних источников*, поход закончился триумфом нападавших, то из сведений, почерпнутых из более поздних греческих источников**, рисуется картина поражения флота русов, вызванного заступничеством Божественной силы. Тот факт, что эта информация отсутствует в гомилиях Фотия, предопределил к ней неоднозначное отношение со стороны историков. Цветков считает ее недостоверной. Это мнение в некотором роде косвенно подтверждает письмо папы Николая I к императору Михаилу III, датированное 865 г., в котором глава Римской церкви, возмущенный оскорбительным тоном послания византийского правителя, писал: «...Разве мы предали огню святые церкви, перебили множество населения в окрестностях города, почти под самыми его стенами.

* Непосредственный очевидец событий патриарх Фотий, а также венецианский автор Иоанн Диакон говорят о благополучном уходе русов с богатой добычей, при этом Фотий подчеркивал, что судьба города находилась в руках осаждавших.

** Из хроник Симеона Логофета и опирающихся на них русских летописях известно, что флот русов был уничтожен внезапно разыгравшейся бурей, которая разразилась после того, как в море погрузили хранившуюся во Влахернском храме Константинополя святыню — покров (мафорий) Богородицы.

И однако, этим народам, которые остаются в язычестве... вы не думаете мстить»⁶⁴.

Возможно, патриарх Фотий мог не знать о бедствии, постигшем войско русов вскоре после ухода их от стен Константинополя. С другой стороны, для византийских авторов и древнерусских книжников, как представителей христианской идеологии, именно религиозная идея торжества христианства над язычеством (характерно, что в Повести временных лет русь именуется «безбожной»), получившая конкретное чудесное воплощение в заступничестве Богородицы, являлась в данном случае превалирующей. Следует учитывать также, что события 860 г. стали причиной появления нового церковного праздника, установленного патриархом Фотием*. С течением времени внезапное снятие осады «беспощадными» варварами, которое современники восприняли как чудо, христианская традиция могла превратить в их гибель, тем самым подчеркивая, что нападавшие не избежали заслуженной небесной кары, а это в свою очередь поднимало религиозное значение праздника.

Поход 860 г. принес русам не только договор «мира и любви» с Византией, наиболее существенным его итогом стало принятие Русью христианства и отправка на Русь епископа. Об этом сообщает «Окружное послание» патриарха Фотия, написанное между 866 и 867 г. В «Послании», разосланном всем восточным патриархам, Фотий сообщает: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже народ, ставший у многих предметом частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам — так называемый (народ) рос, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. А в настоящее время даже они променяли эллинистическое и нечестивое учение на чистую и непорочную христианскую веру,

* Во время осады русами Константинополя патриарх Фотий обратился к пастве с проповедью, призывая прибегнуть к заступничеству Пресвятой Богородицы. После всенародного молебна святую Ризу Богоматери, взятую из Влахернского храма, с крестным ходом обнесли вокруг городских стен, погрузили с молитвой край ее в воды Босфора и перенесли в храм Святой Софии. После переговоров русы сняли осаду. 2 июля 860 г. чудотворную Ризу Богоматери торжественно возвратили в раку Влахернского храма.

В воспоминание этих событий 2 (15 по н. с.) июля Православная церковь отмечает ежегодное празднование Положения честной Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. См.: URL: spzh.news/ru/new/44461-15-iylya-prazdnik-polozheniya-chestnoy-rizy-presvyatoy-bogoroditsy-vo-vlakherne (дата обращения: 19.12.2017).

с любовью поставив себя в чин подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой дерзости против нас. И до такой степени разгорелось у них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобзают верования христиан с великим усердием и ревностью»⁶⁵. Хотя русские летописи факт крещения Руси связывают исключительно с князем Владимиром Святославичем, они содержат указания на то, что уже при князе Игоре часть русов были христианами, а в Киеве стояла церковь Святого Ильи⁶⁶. Некоторые исследователи видели косвенное указание на христианское вероисповедание Аскольда и Дира в информации Повести временных лет о построении над могилами князей церковью святого Николая и святой Ирины⁶⁷. Татищев утверждал, что в Иоакимовской летописи сохранилось описание крещения Аскольда, утраченное ко времени истории, киевский князь именовался блаженным⁶⁸.

Русы познакомились с христианством раньше 866/867 г., достаточно вспомнить крещение князя Бравлина. Для Константинополя миссионерская деятельность была «одним из инструментов расширения сферы влияния Константинопольского патриархата (и оказалась наиболее эффективным способом распространения греческой христианской культуры)»⁶⁹. Вполне вероятно, что миссия Константина (в миру Кирилл) Философа в Хазарию была связана с активизацией внешнеполитических устремлений русов и в какой-то степени повлияла на принятие ими христианства. В конце 860 — начале 861 г. Константин побывал в Крыму, где в Херсонесе (Корсунь) обрел «Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорившего русским языком»⁷⁰. Там же знаменитый просветитель славян отыскал мощи святого папы римского Климента, сосланного в I в. императором Траяном и принявшего мученическую смерть.

Константин является одним из центральных персонажей романа Владимира Афиногенова. Писатель подробно рассказывает о поиске Философом мощей святого Климента, о знакомстве его с русским Евангелием, наконец, о поездке к хазарам и споре с местными иудейскими и мусульманскими учеными. Однако в «Белых лодьях» автор нарушает хронологическую последовательность. У Афиногенова Константин оказывается целью для интриг низложенного патриарха Игнатия — главного соперника Фотия (Игнатий вновь станет константинопольским патриархом после убийства императора Михаила III в 867 г. его соправителем Василием Македонянином). Агенты Игнатия должны были представить

посольство византийского миссионера к хазарскому кагану как попытку византийских властей направить хазар против Руси. В действительности миссия Константина имела место уже после нападения русов на византийскую столицу. «Слово на перенесение мощей преславного Климента» и опирающаяся на него Итальянская легенда «*Vita cum translatione S. Clementis*» («Житие и перенесение мощей святого Климента») датируют обретение мощей 30 января 861 г., когда рать русов уже давно вернулась домой⁷¹. Вероятно, посольство Константина Философа, который был близок к кругу патриарха Фотия, решало также определенные политические задачи, вставшие перед Византией в связи с походом русов. Оно предшествовало посылке церковного иерарха к русам, подготовило для этого почву.

* * *

Писатель — автор исторического романа в своем ремесле уподобляется историку. Для того, чтобы не просто изложить исторические факты, но передать сам дух описываемой им эпохи, он должен не только познакомиться с источниками, но и ориентироваться в тех проблемах, которые эти источники рождают в науке. С одной стороны, задача, которую решает писатель, несколько проще, чем та, что стоит перед историком-профессионалом. Из множества гипотез и догадок он может выбрать те, которые на его взгляд наиболее полно и правдоподобно способны объяснить те или иные события или мотивы поступков исторических лиц. Писатель может сослаться на туманность известий, которая позволяет ему реконструировать прошлое соответствующим образом. Автор источника мог о чем-то умолчать или намеренно исказить информацию, что рождает простор для творческого поиска писателя. «Простора для фантазии у него сколько угодно, а любая даже самая невероятная гипотеза может быть оправдана недостатком и противоречивостью сведений об эпохе»⁷². Для ученого это непозволительная роскошь: для того, чтобы делать объективные выводы, он должен иметь дело с достоверной проверенной информацией. Ее поиск, устранение противоречий, вызванных разночтением памятников, сличение этих памятников между собой — все это делает работу исследователя чрезвычайно сложной и кропотливой, но в этом и заключается главная задача ученого.

С другой стороны, при построении давно ушедшей исторической реальности, когда ее отголоски до нас доносят только скудные стро-

ки хроник и летописей, писатель должен вдохнуть в них жизнь. Его цель — наполнить тени прошлого чувствами и отношениями, он пишет не просто о событиях истории, он пишет о людях — участниках и творцах этих событий, рассматривает их посредством своих героев. Что нам известно об Аскольде, как он выглядел, каков был его характер, кто окружал его, какова история его жизни? Какие мысли обуревали опального патриарха Игнатия во время его ссылки на острове Теревинф в Мраморном море? Исторический роман — это, прежде всего, художественное произведение, поэтому для читателя оно будет лишено красок и движения без подобных подробностей. Задача любого писателя — создать объемный, понятный, близкий нам образ. Задача писателя-историка заключается в том, чтобы создать такие образы из известных нам исторических лиц и населить ими прошлую реальность, не переходя ту грань, которая отделяет историю от вымысла.

Можно не соглашаться с некоторыми трактовками Владимира Афиногенова, находить определенные неточности в повествовании, но это не умаляет художественных достоинств романа. Автор достаточно бережно относится к историческому материалу, предлагая версии событий, как, например, месть русов за убийство славянских купцов в Константинополе. Он опирается на гипотезы, которые были в разное время высказаны в науке. Пусть не все из них получили свое подтверждение, не все из них обладают достаточной аргументационной базой, но они имеют право на упоминание именно как предположения, возникшие в результате научного поиска.

Восполняя пробелы источников, Владимир Афиногенов использует аналогии. Так, историкам практически ничего неизвестно, как подготавливался сам поход русов, и как происходило движение войска, византийские источники доносят информацию уже о самом нападении и о количестве кораблей русов. Поэтому вполне объяснимым видится описание движение русского войска из Киева, к которому прибегнул автор в «Белых лодьях». Часть воинов во главе с Аскольдом плывут на ладьях, конная рать Диры движется вдоль берега Днепра. Точно так же летописец описывает походы Олега и Игоря на Царьград («поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ», «поиде (Игорь. — *Д.Д.*) на Греки в лодьяхъ и на конихъ»)⁷³. О непростом пути русских торговых ладей (моноксил-однодеревок) в Константинополь подробно рассказывает в трактате «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный (905—959)⁷⁴. Владимир Афиногенов использует информацию греческого источника, описывая трудности, с кото-

рыми пришлось столкнуться ладьям Аскольда: преодоление волоком днепровских порогов (автор также перечисляет их названия), нападение степняков (в данном случае угров) на Крарийской переправе, наконец языческие обряды русов на острове Хортица⁷⁵.

Подводя общий итог, особо следует отметить, что роман «Белые лоды» посвящен событию, о котором практически неизвестно рядовому читателю. Поход 860 г. стал объектом пристального внимания, прежде всего, для историков, которые посвятили ему большое количество исследований. В большинстве своем эти работы не выходят за рамки профессионального научного сообщества. Сочинение Владимира Афиногенова открывает поход 860 г. для массового сознания, знакомит его с малоизвестными страницами русской истории IX в.

¹ Продолжительное время в исторической науке шел спор о точной датировке похода русов. Точная дата — 18 июня 860 г. стала известна в 1894 г., когда бельгийский ученый Ф. Кюмон обнаружил в Париже византийский манускрипт, включавший в себя Хронику Манасии, сообщавшую об этом событии (см.: [Регель В.Э.] Год первого нашествия русских на Константинополь: [о сообщении В.Г. Васильевского в заседании рус. отд-ния Имп. Рус. Археол. о-ва] // Византийский временник. — СПб., 1894. — Т. 1, вып. 1. — С. 258—259).

² Подборку источников, сообщающих о походе русов на Константинополь в 860 г., см. в сб.: Древнейшие государства Восточной Европы. — М., 2003. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — (Далее: ДГВЕ).

³ Повесть временных лет. Летопись по Лаврентьевскому списку / Археографическая комиссия. — Изд. 3-е. — СПб., 1897. — С. 17. — (Далее: Летопись по Лаврентьевскому списку).

⁴ Афиногенов В.Д. Белые лоды: ист.-приключен. роман. — М., 1992. Далее ссылки будут даваться по изданию: Поход на Царьград, IX в. / сост., предисл. А. Карпова. — М., 1998. — (Великие войны). — Содерж.: Белые лоды: (ист. роман) / В. Афиногенов. Поход на Царьград и русско-византийские отношения.

⁵ Цифру в 360 кораблей называют венецианские авторы Иоанн Диакон и Андрей Дандоло (ДГВЕ. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — С. 151—152).

⁶ «...Коварный набег варваров, — писал непосредственный очевидец событий константинопольский патриарх Фотий, — не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности, но сама явь бежала вместе с вестью...» (Там же. — С. 35).

⁷ Дата 25 июня взята из синаксаря Константинопольской Великой церкви — агиографического памятника, содержащего краткие сказания о святых и церковных праздниках на все дни года. Однако не все исследователи сходятся во мнении, что указанная синаксарная заметка связана с 860 г. (см.: Там же. — С. 98, 101, примеч. 4; библиографию проблемы см.: История Византии. — М., 1967. — Т. 2. — С. 444, примеч. 14).

⁸ Известие о буре, погубившей флот росов, приводится в так называемом семействе хроник Симеона Логофета, в русских летописях, опирающихся на хронику Продолжателя Георгия Амартола. О божьем гневе, который испытали на себе росы, упоминают Продолжатель Феофана и восходящие к нему тексты визан-

- тийских памятников (ДГВЕ. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — С. 114—118, 124, 132, 135).
- ⁹ Об историографии варяжского вопроса, см., напр.: *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос в историографии // *Slavia: Casopis pro slovanskou filologii*. Ročník X. Praha, 1931. Sesit 1—3. (Эта работа была переиздана в 2010 г. в сб.: Варяго-русский вопрос в историографии. — М., 2010. — С. 11—95); *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. — М.; Л., 1965; *Апатов М.А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. — 1982. — № 5; *Хлевов А.А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. — СПб., 1997; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — М., 2005.
- ¹⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 18—19, 28.
- ¹¹ *Томсен В./Л.Л.* Начало русского государства. — М., 1891. — С. 80—86; *Шахматов А.А.* : 1) Сказание о призвании варягов. — СПб., 1904. — С. 339—340 ; 2) Разыскания о русских летописях. — М., 2001. — С. 234; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 3: Муза—Сят. — С. 522—523.
- ¹² *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.): курс лекций. — М., 2001. — С. 53, 57; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. — М., 2001. — С. 49.
- ¹³ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / вступ. ст., пер., комментарий Е.Ч. Скржинской. — М., 1960. — С. 91; *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. — М.; Л., 1941. — С. 84, 166; *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 362—363.
- ¹⁴ *Фомин В.В.* Начальная история Руси: [учеб. пособие]. — М., 2008. — С. 83.
- ¹⁵ *Шлецер А.Л.* Нестор. — СПб., 1809. — Ч. 1. — С. 104—105, 317—318, 330, 335, 344, 421.
- ¹⁶ Поход на Царьград, IX в. — С. 33.
- ¹⁷ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. — М., 1979. С. 22—48; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — СПб., 2002. — С. 27—44; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. — М., 1982. — С. 55—90, 98—99, 284—293.
- ¹⁸ *Геденов С.А.* Варяги и Русь: в 2 ч. — М., 2005. — С. 306—307.
- ¹⁹ Там же. — С. 480—497; *Иловайский Д.И.* : 1) История России. — М., 1876. — [Т. 1], ч. 1: Киевский период. — С. 16—17, 19—20, примеч. 2—3 ; 2) Начало Руси: (Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю). — М., 2002. — С. 17—22, 66—73, 328—341, 369—383.
- ²⁰ *Ибн-Руста Абу-Али Ахмед.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмед бек Омар Ибн-Даства / ... издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон ... — СПб., 1869. — С. 148, примеч. С.
- ²¹ *Страбон.* География: в 17 кн. / пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1964. — С. 116, 269, 280, 281; Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. — М., 2009. — Т. 1: Античные источники / сост. А.В. Подосинов. — С. 250.
- ²² Славяне и Русь: проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А.Г. Кузьмин. — М., 2001. — С. 338—339; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси: тайны рождения русского народа. — М., 2003. — С. 262.
- ²³ *Падалка Л.В.* Происхождение и значение имени «Русь» // Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911. — М., 1914. — Т. 1. — С. 365—373, 380 (Отд. III); *Вернадский В.Г.* Древняя Русь. — Тверь; М., 1996. — С. 268, 286, 289.

- ²⁴ *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // Варяго-русский вопрос в историографии. — М., 2010. — С. 581—597; *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Там же. — С. 566—580.
- ²⁵ Поход на Царьград, IX в. — С. 40.
- ²⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 20—21. В Новгородской первой летописи Младшего извода известие о походе руси на Царьград читается сразу после рассказа о братьях Кие, Шеке и Хориве, имена Аскольда и Дира не названы (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 104—105).
- ²⁷ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908. — С. 97—98.
- ²⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 19—21.
- ²⁹ Новгородская первая летопись ... — С. 107.
- ³⁰ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1862. — Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — С. 9, 13.
- ³¹ *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): текст, перевод, комментарий. — М., 2004. — С. 225—226.
- ³² *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. — С. 231—233, 250, 252—253, 340—341.
- ³³ *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. — С. 307—309.
- ³⁴ *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения: [монография]. — Новосибирск, 2010. — С. 87—88.
- ³⁵ *Байер Г.З.* О варягах // *Фомин В.В.* Ломоносов: гений русской истории. — М., 2006. — С. 347—352; *Миллер Г.Ф.* О происхождении имени и народа российского // Там же. — С. 392—393; *Татищев В.Н.* История российская. — М.; Л., 1962. — Т. 1. — С. 103, 105—106, 110, 117; М.; Л., 1963. — Т. 2. — С. 33—34.
- ³⁶ *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию (речь) Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» // *Фомин В.В.* Ломоносов: гений русской истории. — М. 2006. — С. 401, 413, 438—439; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — СПб., 1818. — Т. 1. — С. 86, примеч. 276.
- ³⁷ *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rotsden durch die Finnen und Slawen. — SPb., 1845. — Bd. 2. — S. 138.
- ³⁸ *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. — М., 1825. — Кн. 2. — С. 216—219, 220, примеч. 2; *Юргевич В.* О мнимых норманских именах в русской истории. — Одесса, 1866. — С. 68—71; *Геденов С.А.* Указ. соч. — С. 193—198.
- ³⁹ *Иловайский Д.И.* Начало Руси. — С. 139—140.
- ⁴⁰ *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. — М., 2000. — 1998 г.: Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. — С. 471—472; Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. — М., 2009. — Т. 3: Восточные источники. — С. 117.
- ⁴¹ *Иловайский Д.В.* Начало Руси. — С. 17—18.
- ⁴² Поход на Царьград, IX в. — С. 295—296.
- ⁴³ *Фотий, патриарх Константинопольский.* Четыре беседы Фотия святейшего архиепископа Константинопольского и рассуждение о них архимандрита Порфирия Успенского. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. — [2], 121 с.
- ⁴⁴ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки // Журнал Министерства народного просвещения. — 1878. — Ч. 196. — С. 175, примеч. 2 (отд. II).
- ⁴⁵ ДГВЕ. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — С. 32, 57.
- ⁴⁶ *Васильевский В.Г.* Труды. — Петроград, 1915. — Т. 3. — С. 95—96.
- ⁴⁷ Там же. — С. 64—68.

- ⁴⁸ Поход на Царьград, IX в. — С. 39.
- ⁴⁹ Рыбаков Б.А. Указ соч. — С. 289.
- ⁵⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. — Т. 3. — С. 30.
- ⁵¹ Поход на Царьград, IX в. — С. 39—40.
- ⁵² Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси, IX — первая половина X в. — М., 1980. — С. 28—29, 35.
- ⁵³ Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. — М., 2010. — Т. 4: Западноевропейские источники. — С. 19—21.
- ⁵⁴ Там же. — С. 29.
- ⁵⁵ Там же. — Т. 3. — С. 48, 55, 58.
- ⁵⁶ Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси ... — С. 43, 46.
- ⁵⁷ Литаврин В.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — СПб., 2000. — С. 56.
- ⁵⁸ Сахаров А.Н. : 1) Дипломатия Древней Руси ... С. 76 ; 2) 860 год: начало Руси // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. ст. и монографий / сост. и ред. В.В. Фомина. — М., 2010. — С. 562.
- ⁵⁹ Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси: монография. — СПб., 2010. — С. 38.
- ⁶⁰ Поход на Царьград, IX в. — С. 523.
- ⁶¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 29—31.
- ⁶² Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / [перевел и] изд. подгот. Я.Н. Любарский. — СПб., 1992. — С. 84.
- ⁶³ Поход на Царьград, IX в. — С. 524.
- ⁶⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи: период македонской династии (867—1057) / [сост. Л.В. Литвинова]. — М., 1997. — С. 73.
- ⁶⁵ ДГВЕ. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — С. 75.
- ⁶⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 53.
- ⁶⁷ Там же. — С. 23.
- ⁶⁸ Татищев В.Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 117.
- ⁶⁹ ДГВЕ. — 2000 г.: Проблемы источниковедения. — С. 80, коммент. 18.
- ⁷⁰ Пространные, или так называемые Паннонские, жития святых Кирилла и Мефодия в переводе П.А. Лаврова // Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад, 2005. — С. 272.
- ⁷¹ Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад, 2005. — С. 71—73; Житие и перенесение мощей святого Климента: (итальянская легенда) // Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад, 2005. — С. 357.
- ⁷² Карпов А. Русь времен Аскольда и Дира и первый поход на Царьград // Поход на Царьград, IX в. — М., 1998. — С. 7.
- ⁷³ Летопись по Лаврентьевскому списку. — С. 29, 44.
- ⁷⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джексон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 2: Византийские источники / сост. М.В. Бибииков. — С. 158—166.
- ⁷⁵ Поход на Царьград, IX в. — С. 509—515.

Историк в контексте художественной литературы

Л.А. Сидорова

Книга в духовной жизни российских историков

Статья посвящена рассмотрению той роли, которую занимали книги в жизни и научном творчестве историков России XX в. Показано, что чтение литературных произведений было самым тесным образом связано с профессиональной деятельностью российских историков.

Ключевые слова: история; литература; российские историки XX в.; мировосприятие.

L.A. Sidorova

The book in the spiritual life of Russian historians

The article is devoted to the analyses of the role, which the books played in the life and scientific work of Russian historians of the XX century. It is shown that reading of the novels and the stories were closely connected with professional activities of the Russian historians.

Keywords: history; literature; Russian historians of the XX century; mentality.

Исследовательская деятельность историков самым непосредственным образом связана с личностным началом. Духовный, социально-политический, научный, да и житейский опыт являются неперенными составляющими их профессиональных занятий. Они образуют тот уникальный для каждого ученого сплав, во многом определяющий направленность творческой активности, ее основные черты и особенности.

В этом отношении трудно переоценить роль книги. Она сопровождает историка на протяжении всей его жизни и творчества. Художественная и научная литература, публицистика и пресса, не говоря уже о пространном и разнообразном корпусе исторических источников, занимают ведущее место в интеллектуальной жизни исследователя. Освоение историками пласта исторических документов и научной литературы достаточно полно проявляется в созданных ими трудах. Однако прочие части спектра читательских интересов историков, в первую очередь литературно-художественные, и сам процесс взаимодействия последних с книгой дают о себе знать лишь опосредованно. Изучение этой стороны деятельности историков еще предстоит осуществить.

О том, какое место занимали книги в жизни и деятельности видных русских ученых рубежа XIX—XX вв. и XX в. — М.М. Бо-

гословского, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, — пойдет речь в данной статье.

Дневниковые записи и переписка этих исследователей выявляют степень интеллектуальной напряженности их научного труда, раскрывают повседневную практику обращения с книгой, рассказывают о формировании ими своих книжных собраний. Следуя за подчас краткими, фрагментарными, иногда, наоборот, подробными сообщениями историков о прочитанных ими книгах, о мыслях, которые они вызвали, о сопряженности литературы и научного творчества, обратимся к рассмотрению роли книги в личной, профессиональной и общественной жизни названных историков.

Первое, что бросается в глаза, — это чрезвычайно широкий круг чтения, отличавший этих историков. В него входили, помимо книг, непосредственно связанных с их исследовательскими темами, и научных изданий по смежным дисциплинам — психологии, философии, юриспруденции, социологии и пр., сочинения античных и средневековых философов и историков, классическая русская и зарубежная литература, современная проза и поэзия, публицистика. В своих дневниковых записях историки не только фиксировали прочитанное, но и делились своими размышлениями по поводу книг, более других остановивших на себе их внимание.

Раздумья над содержанием и смыслом литературных произведений раскрывали сферу духовной жизни русских историков, отражали их нравственные и общественные приоритеты, выявляли индивидуальность каждого из них.

Русская классическая литература оставила глубокий след в становлении личности Н.М. Дружинина (1886—1986). В гимназии, по его словам, он бредил И.С. Тургеневым, зачитывался его рассказами и романами, подражал ему в картинах природы, писал рефераты о его жизни и созданных им литературных типах¹. Произведения писателя познакомили его с историей русской интеллигенции. Однако уже в старших классах гимназии, по собственному признанию Н.М. Дружинина, для него «Тургенев отступил на задний план», и он был заражен тем самым нигилизмом, который писатель отрицал.

Начало учебы на историко-филологическом факультете Московского университета (осень 1904 г.) совпало с нарастанием оппозиционных настроений в стране, которые вылились в Первую русскую революцию, и Н.М. Дружинин, как и многие студенты, включился в революционное движение. В 1905 г. он был арестован, 2,5 месяца

пробыл в тюрьме, затем был исключен из университета и выслан в Саратов. В 1906 г. Н.М. Дружинин вновь поступил в университет, уже на экономическое отделение юридического факультета (к занятиям исторической наукой он смог вернуться только в 1918 г.)².

В своем дневнике 22 августа 1908 г., ретроспективно оценивая свое мироощущение и во многом пересматривая свои представления о жизни, будущий историк писал: «Все, не подходившее под евангелие с[оциал]-д[емокра]тии, казалось ложным, буржуазно-ограниченным. Создавалось совершенно особое отношение к окружающему миру, сквозь призму этого отношения я в состоянии был третировать Тургенева как “либерала”; общественные увлечения отодвинули художественные интересы, заступили их место»³.

Однако приоритет политики для Н.М. Дружинина был явлением преходящим. Восприятие им окружавшей его действительности было самым тесным образом связано с традициями, вошедшими в его сознание вместе с русской классической литературой. Летом 1925 г. Н.М. Дружинин, уже научный сотрудник Института истории РАНИОН, путешествуя по Волге, так записал свои впечатления от увиденного: «Свое, русское, родное чувствуется в этих волжских просторах, в белоснежных церквах, в деревянной стройке прибрежных селений. Вспоминаются художественные образы, навеянные волжской жизнью и природой, — Островского, Мельникова, Некрасова. И над всеми — образ Катерины, с ее мистическим ощущением волжской природы»⁴. В его сознании Волга — это староверы П.И. Мельникова-Печерского, бурлаки Н.А. Некрасова, купечество А.Н. Островского.

Литературные пристрастия С.Б. Веселовского (1876—1952) также были связаны, прежде всего, с русской классикой. Ему была близка художественная традиция, шедшая от А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого.

В конце 1916 г. состоялось личное знакомство историка с И.А. Буниним. Между ним и знаменитым писателем сразу «установились очень простые и естественные отношения»⁵. Рассказывая в своем дневнике об их встречах, С.Б. Веселовский отметил сходство гражданских и нравственных позиций обоих. «В нелюбви к Достоевскому, как яркому выразителю русской интеллигенции, мы так с ним сходимся, что по очереди высказывали друг другу мнения, которые каждый считал своими», — писал он 13 января 1917 г.⁶ Такой взгляд на творчество Ф.М. Достоевского был связан со скептическим отношением С.Б. Веселовского к российской ин-

телигенции. Он осуждал ее метания из стороны в сторону, считал неспособной справиться с назревавшим в стране кризисом.

Позиция С.Б. Веселовского представляла собой один из полюсов в оценке художественной литературы и ее творцов. Ей противостояла точка зрения, весьма наглядно проявившаяся в письме писателя Леонида Андреева к В.И. Немировичу-Данченко. Он настаивал, что «все приземлились и прижизнились: посмотрите, если охота, московскую литературу Буниных, и Шмелевых, и А. Толстых — сколь все это приближено к земле, опрощено, в лучшем случае обтургенено»⁷. Для С.Б. Веселовского же критика Л.Н. Андреева была похвалой.

Не только классика, но и произведения писателей-современников живо интересовали русских историков. Они следили за литературными новинками, внимательно читали появившиеся произведения.

Особое место в этом ряду занимали вещи, отмеченные социально значимой проблематикой. Так, в 1908 г. вышел в свет «Рассказ о семи повешенных» уже упоминавшегося Л.Н. Андреева, интересный не только своеобразием стиля и напряженным психологизмом повествования, но и конкретно-историческим содержанием. В основе сюжета — история последних дней заключения группы террористов-революционеров, приговоренных к смертной казни. Писатель кладет на чаши весов человеческую жизнь и идеалы борьбы за переустройство общества. Для него очевидно, что ценность жизни человека не идет ни в какое сравнение с отвлеченными социальными представлениями.

Этот рассказ заинтересовал Н.М. Дружинина, о чем свидетельствует запись в дневнике историка, сделанная им 30 августа 1908 г.⁸ Опыт личного участия в революционной деятельности, хотя и не связанной с террором, не мог оставить его равнодушным к проблемам, поставленным Л.Н. Андреевым, и к заявленной автором гуманистической позиции.

О сильном, страшном впечатлении — «от “передоновщины” русского провинциального захолустья, от темного, тупого человеческого зверства» — писал Н.М. Дружинин 4 февраля 1910 г., прочитав роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»⁹. Эта книга вызвала оживленные споры в российском обществе. В ней, по словам самого Ф. Сологуба, «уродливое и прекрасное отражаются ... одинаково точно»¹⁰.

Роман был воспринят историком точно так, как определил писатель в своем предисловии к его второму изданию: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком Бесе и жут-

кой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутитовых, Александре Пыльникове и других»¹¹. Как и Ф. Сологуб, Н.М. Дружинин увидел в романе не пасквиль на российскую действительность, а точные социально-психологические наблюдения над повседневной жизнью.

Один из наиболее авторитетных знатоков русского феодально-землевладения, С.Б. Веселовский, в феврале 1916 г. на страницах своего дневника записал впечатления от прочтения «Короба второго и последнего» «Опавших листьев» В.В. Розанова.

Эта литературно-публицистическая работа известного литератора и религиозного философа в начале 1916 г. была новинкой: о ее выходе в «Книжной летописи» было сообщено 1 августа 1915 г.¹² «Опавшие листья» состояли из не связанных между собой сюжетно наблюдений и мыслей автора, изложенных им отдельных жизненных эпизодов. В.В. Розанов считал своей писательской заслугой, что «ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта»¹³.

Для С.Б. Веселовского позиция В.В. Розанова с его отказом от «литераторствования» была чужда. Признавая, что в книге «изредка попадаются, как всегда у этого писателя, интересные мысли», историк весьма негативно, как, впрочем, и подавляющее большинство интеллигенции тех лет, оценил «Опавшие листья», назвав их, в общем, удивительной ерундой, ярким проявлением «того хамства в литературе, которое теперь в моде»¹⁴.

Неприятие С.Б. Веселовского вызвала не форма (короб «идей», сенсаций и т.п.) и даже не содержание новой книги В.В. Розанова (резкие выпады в адрес революции, либералов и т.п.). Он протестовал против «той хамской развязности, с которой весь этот хлам подается читателю»¹⁵. Историк отказывал В.В. Розанову в новаторстве, считая, что «ему указали путь и подготовили почву Горькие, Скитальцы, Бальмонты и т.п.»¹⁶.

Творчество писателей-современников нашло свой отклик у еще одного историка — Ю.В. Готье (1873—1943). В своих заметках он отозвался на публицистическую статью Л.Н. Андреева, озаглавленную «Гибель». Опубликованная в газете «Русская воля» за 30 апреля 1917 г., она, как и прочие его статьи, печатавшиеся на страницах этого издания, была пронизана болью за судьбу страны.

Писатель подходил к изображению мужицкой России без «суальной позолоты прекраснородного народничества», не изображал народ пророком, настаивал на ответственности «дурных

пастырей» перед ним¹⁷. По силе проникновения в суть происходивших в стране событий и эмоциональному воздействию на читателя, по мнению литературоведов, они сравнимы с «Окаянными днями» И.А. Бунина¹⁸.

Ю.В. Готье обнаружил в статье много мыслей, схожих с его собственными. Однако, даже допуская возможность для России «гибели от голода и от разложения армии»¹⁹, он расхохотался с писателем в конечном выводе. Ю.В. Готье писал: «Но если все погибнет, то он, Леонид Андреев, не проклянет своей матери — России. А я ее прокляну, так как она есть соединение всех русских людей, которые своей рознью губят себя и Россию».

Причиной столь жесткой и неумолимой позиции историка являлся его взгляд на проблему ответственности интеллигенции за сохранение российской цивилизации. Ю.В. Готье предрекал, что неисполнение образованными слоями общества своей исторической миссии обернется против них самих и страны в целом. «Ведь в лучшем случае весь остаток жизни придется всем прозябать, видя, как исчезает не только государство-Россия, но и тот легкий, тонкий, хрупкий налет культуры, те культурные ценности, которые в России все-таки создались», — записал он 3 августа 1917 г. в своем дневнике. Основную опасность Ю.В. Готье видел в том, что «пугачевщина нынешнего времени распространяется не только на материальные, но и на духовные ценности»²⁰.

Своим мыслям о феномене русской интеллигенции историк искал подтверждение во многих литературных и публицистических произведениях. Летом 1920 г. Ю.В. Готье перечитывал романы Б.М. Маркевича. Трилогия этого консервативного писателя, жестко критикуемого представителями либеральной интеллигенции, оппонента И.С. Тургенева, которого он обвинял в «кувыркании» перед молодежью, — «Четверть века назад», «Перелом» и «Бездна» — прослеживала развитие общественной мысли России начиная с 40-х годов XIX в.

В персонажах романов Б.М. Маркевича угадывались реальные исторические прототипы русских западников и славянофилов. Ю.В. Готье нашел, что «у этого, в свое время охаянного русской интеллигенцией, писателя много верных замечаний о русском обществе». Наиболее ценными показались историку указания Б.М. Маркевича на его «рыхлость и отсутствие крепких и твердых убеждений»²¹.

За ответом на не перестававший волновать его вопрос о роли русской интеллигенции в судьбах России Ю.В. Готье обратился к ра-

ботам Д.И. Писарева, творчество которого было неразделимо с понятием «шестидесятничество». 31 августа 1920 г. он отметил в своем дневнике: «Сегодня я начал читать произведения Писарева»²².

Для Ю.В. Готье властитель дум целого поколения русской интеллигенции, с его прозрениями и заблуждениями, был олицетворением пороков российского общественного сознания. В его статьях он видел «бойкую фальшь и великую пошлость». Ю.В. Готье считал Д.И. Писарева «отцом или дедом современного сверхнигилизма». На него историк возложил ответственность за то, что «свергаются все авторитеты, как и теперь; производятся первые попытки той “переоценки ценностей”, с которой русские пошляки-интеллигенты не переставая носились с тех пор».

«Гоняясь за новым (“мы миру путь укажем новый”), и Писарев, и сменившие его поколения горилл, возомнивших себя обновителями человечества, т.е. самые опасные безумцы во всем роде человеческом, — смешивали с отжившими авторитетами вечное достояние и ценнейшие приобретения общечеловеческой цивилизации и переоценку ценностей превращали в нашествие гуннов или Батыя, — писал Ю.В. Готье и делал окончательный вывод: — Ежели бысть в дни наши»²³.

Созвучным владевшими историком думам оказался незавершенный роман Л.Н. Андреева «Дневник Сатаны», над которым писатель работал в 1918—1919 гг., до самой своей смерти, в атмосфере надежд и скепсиса, веры и отчаяния²⁴.

Идейное содержание этого сложного литературного произведения о пришествии в мир забавы ради вочеловеченного Сатаны включало в себя проблему человеческих судеб в эпоху социальных разломов. Писатель представил народное сознание, уже готовое отрешиться от веры в могущество вселенского разума и самодержавной власти и одновременно попадающее на крючок очередного изобретателя рецепта всеобщего благоденствия. Прочитав роман в 1921 г., Ю.В. Готье расценил «Дневник Сатаны» как «сгущенное, но сильное изображение нигилиста-большевика, готовящего взрыв цивилизации»²⁵.

Надо сказать, что революционные события в стране в начале XX в. оказали существенное воздействие на выбор чтения русских историков. Литература по проблемам социальных движений, в которой рассматривались общественные потрясения, происшедшие в России и странах Европы, заняла видное место на книжной полке даже тех исследователей, научные интересы которых были сосредоточены на истории российской древности. «За последнее время

я много читаю по истории революций и социализма и обдумываю исследование по этим вопросам», — писал С.Б. Веселовский 6 февраля 1919 г.²⁶

Совершенно исключительный опыт изучения книги В.И. Ленина «О государстве» получил Н.М. Дружинин. Это случилось во время его ареста летом 1919 г. В скупом изложении историка все выглядело следующим образом. Вечером 26 июля в его комнату нагрянули неожиданные гости. По ордеру Московской ЧК был произведен обыск, завершившийся выемкой писем и документов, после чего Н.М. Дружинина на автомобиле доставили на Лубянку, в камеру № 115. Впечатления этой бессонной ночи пунктиром обозначены в его дневнике — «нары, пестрота заключенных, шум, арестованные в “засадах”», в общем — «клоповник!»²⁷.

Н.М. Дружинину было предъявлено обвинение в участии в белогвардейском заговоре в г. Луге, в активном содействии союзникам. Не отвергалась, как он писал, и возможность «списания на расход»²⁸.

Однако даже в таких особых обстоятельствах Н.М. Дружинин продолжал читать. Предметом его «умственных занятий»²⁹ стали ленинские работы. Почему именно они, сказать сложно. Может, потому, что ничего другого на Лубянке просто не оказалось. Начиная с 1 августа он сообщал о чтении книги В.И. Ленина «Государство и революция»³⁰ и 5 августа занес в свой дневник: «Конспект и критика ленинского “Государства”. Передача — нет книги! <...> Покупка советской литературы в тюремном книжном киоске»³¹.

Но упоминание им о «горячих спорах вечером» и концерте анархистов, исполнивших в камере «solo на гребенке»³², позволяет предположить, что интерес к поставленным в книге лидера большевизма проблемам был не только у анархистов, но и самого Н.М. Дружинина. Вне всякого сомнения, его волновали вопросы социально-политического устройства России после установления диктатуры пролетариата.

Еще одно тому подтверждение — строки в дневнике от 8 августа 1919 г. В тот день, ставший днем его освобождения из-под ареста, Н.М. Дружинин, сообщая о своем подавленном настроении, писал о чтении им А. Токвиля³³.

Какая именно из книг известного французского политического деятеля, мыслителя и историка была в руках заключенного русского историка — «Демократия в Америке» или «Старый порядок и революция», — установить нельзя. Да это и не так уж важно в дан-

ном контексте. Любая из них — свидетельство раздумий Н.М. Дружинина над происходившим в России, подтверждение его озабоченности перспективами ее развития.

Книги помогали русским историкам переносить превратности судьбы, которых в условиях социальных катаклизмов им было припасено немало. Как и Н.М. Дружинин, арестованные спустя месяц, 3 сентября 1919 г., профессора Московского университета М.М. Богословский (1867—1929), С.Б. Веселовский, А.А. Кизеветтер, Д.М. Петрушевский также ждали, чтобы в передаче им были бы присланы книги. Чтение для них было возможностью хоть как-то отгородиться от нелепости, непредсказуемости и опасности их положения.

Попавший в Бутырскую тюрьму вместе с отцом, В.С. Веселовский вспоминал, как во время их недельного, по счастью, заточения он читал книги, полученные в передаче М.М. Богословским, — «записки какого-то иностранца при царском дворе в 18-м столетии, стихи Сюлли-Прюдома»³⁴. Возможно, это был «Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721—1725», на который М.М. Богословский часто ссылался в своих работах по истории XVIII в., либо свидетельства кого-либо еще из чужеземцев на российской службе, например, Г.-Ф. Бассевича или И.-Г. Фоккеродта. В любом случае, историку была прислана книга, необходимая ему для продолжения его научной работы. Поэтический томик Сюлли-Прюдома, французского поэта, во многих отношениях предвосхитившего символизм, стихи которого отличались искренностью и глубиной проникновения во внутренний мир человека, должен был, вероятно, скрасить М.М. Богословскому тюремные будни.

Чтение являлось насущной интеллектуальной потребностью русских историков, их неизменным спутником, составным элементом каждого прожитого дня. Оно служило обогащению внутреннего мира, давало возможность отдыха от напряженной преподавательской и исследовательской работы. В разгар лета 1910 г. С.Б. Веселовский писал в письме своему коллеге, А.И. Яковлеву: «Лежу по целым дням на пчельнике или у себя на диване и читаю. Давно бы так! Читаю в подлинниках римских историков и во французских переводах греческих. Для практики немецкого языка читаю с некоторым насильем Гейне и Лессинга»³⁵.

Не менее красноречивое свидетельство содержится в дневнике Н.М. Дружинина. Напряженно готовясь к сдаче университетских курсов, наверстывая время, которое был вынужден тратить на частные уроки, чтобы добывать средства для жизни, будущий

историк 6 августа 1910 г. записал: «Пришел домой, составил план работы на ближайшие дни, открыл Евангелие от Матфея, и глава за главой полились предо мной простые, глубокие речи Иисуса»³⁶.

Любопытно отметить, что традиция постоянного общения с книгой вызвала к жизни такую особенность, как планирование свободного от чтения времени. Это случалось не часто, и сообщения об этом находили себе место в подневных записях историков. «День (20 декабря 1915 г. — Л.С.) посвящен полному отдыху от книг», — записал М.М. Богословский³⁷.

Дни нездоровья также становились порой для чтения книг, в иные моменты отеснявшихся изданиями, более тесно связанными с текущей научной деятельностью: «Во время болезни читал Сенеку, Фукидида и Берне», — отметил в своем дневнике С.Б. Веселовский 16 января 1916 г.³⁸

Книги приносили русским историкам не только отдых и радость познания. Они создавали своеобразный защитный барьер между ними и внешним миром. М.М. Богословский в конце лета 1915 г. писал о своем восприятии событий Первой мировой войны, которые он считал «страшнее 1812-го года». Особо его волновали «бесконечные раздоры и препирательства партий в то время, когда надо объединиться для единственного теперь важного дела»³⁹.

Чтение создавало иллюзию привычного образа жизни, вносило в нее смысл и порядок. 2 сентября 1915 г. М.М. Богословский записал в дневнике: «Пока работаешь в тиши библиотеки — есть силы и самообладание, но затем чувствуешь, что нервная система изрядно расстроена»⁴⁰.

Напряженность внутривполитической обстановки в России, день ото дня нараставшие трудности повседневной жизни воюющей страны непосредственно вторгались в творческую деятельность русских историков, создавая условия для особого вида чтения — механического. 18 февраля 1916 г. С.Б. Веселовский описал свое душевное состояние как «спокойствие пустоты, бездумье и равнодушие». Он констатировал, что, в таком настроении читая, «понимал фразы, страницы, но не книгу». «Может быть, кто-нибудь другой во мне усваивал прочтенное, — продолжал С.Б. Веселовский, — но я только читал, т.к. сидеть без дела тягостно»⁴¹.

Еще более эта способность книг в какой-то степени смягчать и уравнивать социально-политические бури проявилась в годы революции и Гражданской войны. В ожидании «новых беспокоев и напастей» С.Б. Веселовский «перечитал в подлиннике

всего Цезаря, первую книгу Т[ита] Ливия и во французском переводе — Саллюстия и Флора. Перевел за это время II и VI книги Цезаря о Галльской войне». «Читаю и перевожу письма Сенеки к Люцилию», — продолжал он перечисление античных авторов в дневниковой записи от 22 января 1920 г.⁴²

Круг чтения историков не ограничивался только вещами общественного звучания. В него входили глубоко лирические произведения, в стихах и прозе, классические и современные. В них историки, как и все читатели, находили параллели со своими внутренними переживаниями, жизненными коллизиями. Часто они не только читали литературные произведения, но и выписывали из них наиболее затронувшие их строки.

Иногда фрагментам стихов доверялась миссия сообщить о внутреннем состоянии души. 30 августа 1920 г. Ю.В. Готье, просматривая еще не переведенный в то время на русский язык сборник лирики А. Франса «Золотые поэмы» (1873), выписал несколько строк. В них знаменитый французский писатель, сделавший мысль предметом художественного исследования, писал об умерших женщинах, некогда молодых и желанных, воспоминания о которых продолжали будоражить мечты и чувства, заставляли ощутить жизнь с ее терпким привкусом.

Ю.В. Готье писал, что это четверостишие очень гармонировало с его «самым глубоким настроением, потаенным, скрытым ото всех»⁴³. Оно нашло особый отклик у историка, потерявшего в конце 1919 г. жену и оставшегося с 8-летним сыном на руках. Нина Николаевна Готье (1887—1919) умерла от развившегося в условиях голода и нервного перенапряжения сахарного диабета в подмосковном санатории, куда ее поместили с надеждой на выздоровление. М.М. Богословский, который оказался там в одно время с Н.Н. Готье, сам с трудом приходивший в себя после сентябрьского ареста, стал свидетелем тяжелой утраты, постигшей его коллегу⁴⁴. Историк не мог смириться со смертью жены, справедливо полагая ее «одним из примеров жертв войны и революции»⁴⁵, которые и разрушили ее здоровье. Одновременно он чувствовал себя обязанным «выиграть последнюю жизненную битву» — воспитать сына⁴⁶.

Значительное место в духовной жизни М.В. Нечкиной (1901—1985), историка следующего за «старой профессурой» поколения, заняло творчество поэтов «Серебряного века». Ее записи, начиная со времени учебы в Казанском университете, говорят о глубоком интересе к высказанным ими идеям и образам.

7 января 1921 г., в первый день Рождества, свободный от учебы в университете и работы, М.В. Нечкина, по ее собственным словам, «много читала, списывала Анненского (“Кипарисовый ларец”. — Л.С.) и думала о нем». Поэзия И. Анненского, наполненная сложными образами и символами, представлявшая очерк изломанной души, надолго приковала к себе ее внимание. В дневнике остался целый ряд пометок о размышлениях над созданным им миром⁴⁷.

М.В. Нечкина неоднократно возвращалась к творчеству поэтов нового века. Стихи и поэмы А. Ахматовой, А. Блока, Н. Гумилева, А. Белого, В. Брюсова и др. составили значительную часть духовной жизни молодого историка. Вновь и вновь вчитываться в стихи поэтов «Серебряного века» и заучивать их — об этом занятии она сообщала постоянно.

«Перечитывала “Белую стаю” А.Ахматовой, многое уже знаю наизусть», — писала М.В. Нечкина 27 июня 1919 г.⁴⁸ Несколько последующих дней она также посвятила этому поэтическому циклу, затем вернулась к нему 17 марта 1920 г. и т.д.⁴⁹ 7 июля 1919 г. М.В. Нечкина «говорила вечером сама себе наизусть все “Четки” А. Ахматовой»⁵⁰. Не оставили ее равнодушной «Золото в лазури» А. Белого и его творчество в целом⁵¹.

Не только стихи корифеев русской поэзии начала XX в., но и произведения менее известных поэтов привлекали внимание М.В. Нечкиной. 2 мая 1919 г. она написала, что прочла «Динамо-стихи» И.И. Садофьева. Изданные «Пролеткультом» в 1918 г., проникнутые революционным пафосом, они ее не захватили. Она оставила их без комментариев, зато далее сообщила, что «списывала Блока у Гумилева»⁵². По всей вероятности, М.В. Нечкина делала выписки из одной из критических статей Н. Гумилева, посвященных творчеству современных ему поэтов, в том числе А.Блока.

Степень увлеченности поэзией была у М.В. Нечкиной огромной. Об этом говорит, в первую очередь, само число прочитанных ею произведений. Во-вторых, об этом можно судить по той значимости, которую она им придавала. 15 мая 1919 г., сообщая, что «очень устала, решила отдохнуть», она констатировала, что ее планы не осуществились: вместо отдыха «читала “Северные цветы”»⁵³.

М.В. Нечкина не указала, какой из выпусков этого альманаха находился в ее руках (с 1901 по 1904 г. было издано четыре его книжки). Но в любом из них были представлены ведущие российские поэты, связанные с символизмом, а также печатались стихи и письма А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова,

И.С. Тургенева. Так «Северные цветы» подвели читателей к идее преемственности между русской классикой и современной литературой, что, несомненно, было близко М.В. Нечкиной, живо интересовавшейся всеми литературными произведениями.

Произведения художественной литературы, российской и зарубежной, современной и классической, часто использовались историками для более полного и всестороннего понимания той или иной исторической эпохи. Например, овладевая вопросами истории и историографии Великой французской революции, М.В. Нечкина внимательно читала О. Бальзака⁵⁴.

Таким образом, книги являлись неотъемлемой частью профессионального быта российских историков прошлого века и важнейшей составляющей атмосферы их научного творчества и духовной жизни. Книжные полки историков подчас немало рассказывают о своих владельцах, раскрывают потаенные стороны личности исследователей. Разнообразные и многочисленные издания, над которыми они трудились и размышляли, читая и перечитывая заинтересовавшие их произведения, приоткрывают дверь в мир их интеллектуальной деятельности, характеризуют его идейное богатство и содержательность.

¹ Дружинин Н.М. Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. — 1995. — № 9. — С. 104.

² Литвак Б.Г., Дружинина Е.И. Николай Михайлович Дружинин // Портреты историков. Время и судьбы. — М.; Иерусалим, 2000. — Т. 1: Отечественная история. — С. 348—349.

³ Вопросы истории. — 1995. — № 9. — С. 104.

⁴ Дружинин Н.М. Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. — 1996. — № 10. — С. 110.

⁵ Веселовский С.Б. Дневники 1915—1923, 1944 годов // Вопросы истории. — 2000. — № 3. — С. 84.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1996. — Т. 6. — С. 608.

⁸ Вопросы истории. — 1995. — № 9. — С. 106.

⁹ Там же. — № 10. — С. 144.

¹⁰ Сологуб Ф. Собр. соч.: в 6 т. — М., 2001. — Т. 2. — С. 8.

¹¹ Там же.

¹² Розанов В.В. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.; СПб., 2010. — Т. 30. — С. 413.

¹³ Там же. — С. 192.

¹⁴ Веселовский С.Б. Дневники 1915—1923, 1944 годов // Вопросы истории. — 2000. — № 2. — С. 104.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ *Андреев Л.Н.* Ив. Шмелев. «Суровые дни» // Собр. соч.: в 6 т. — М., 1996. — Т. 6. — С. 576—577.
- ¹⁸ *Его же.* «Верните Россию!»: сборник: (статьи, опуб. в газ. «Русская воля» с 1916 по 1919 г., отрывки из дневника, письма). — М., 1994.
- ¹⁹ *Готье Ю.В.* Мои заметки. — М., 1997. — С. 25.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. — С. 421.
- ²² Там же. — С. 422.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Андреев Л.Н.* Собр. соч. — Т. 6. — С. 613.
- ²⁵ *Готье Ю.В.* Указ. соч. — С. 469.
- ²⁶ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915—1923, 1944 годов // Вопросы истории. — 2000. — № 8. — С. 88.
- ²⁷ *Дружинин Н.М.* Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 121.
- ²⁸ Там же. — С. 123.
- ²⁹ Там же. — С. 122.
- ³⁰ *Ленин В.И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. — Т. 33.
- ³¹ Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 122.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Там же. — С. 123.
- ³⁴ *Веселовский Б.С.* Из воспоминаний, 3—11 сентября 1919 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков: сб. ст. и материалов. — Брянск, 2004. — Вып. 3. — С. 220.
- ³⁵ С.Б. Веселовский — А.И. Яковлеву, Татариново, 29 июня 1910 г. // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. — М., 2001. — С. 449.
- ³⁶ *Дружинин Н.М.* Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. — 1995. — № 10. — С. 154.
- ³⁷ *Богословский М.М.* Дневники (1913—1919): из собрания Гос. Ист. музея. — М., 2011. — С. 118.
- ³⁸ Вопросы истории. — 2000. — № 2. — С. 101.
- ³⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. — С. 70.
- ⁴⁰ Там же. — С. 71.
- ⁴¹ Вопросы истории. — 2000. — № 2. — С. 105.
- ⁴² *Веселовский С.Б.* Дневники 1915—1923, 1944 годов // Вопросы истории. — 2000. — № 9. — С. 116.
- ⁴³ *Готье Ю.В.* Указ. соч. — С. 421.
- ⁴⁴ *Богословский М.М.* Указ. соч. — С. 468—469.
- ⁴⁵ *Готье Ю.В.* Указ. соч. — С. 328.
- ⁴⁶ Там же. — С. 331.
- ⁴⁷ *Нечкина М.В.* Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. — 2004. — № 12. — С. 113.
- ⁴⁸ Там же. — № 10. — С. 119.
- ⁴⁹ Там же. — № 11. — С. 127.
- ⁵⁰ Там же. — № 10. — С. 120.
- ⁵¹ Там же. — № 11. — С. 128—129.
- ⁵² Там же. — № 10. — С. 117.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. — С. 115.

В.В. Тихонов

Образ профессионального историка в современной беллетристике

Статья посвящена анализу образа профессионального историка в современной литературе. Проанализировано четыре образа историка, каждый из которых отражает свое время.

Ключевые слова: профессиональный историк; современная беллетристика; литературный образ.

V.V. Tihonov

The image of professional historian in contemporary literature

Summary: The article is devoted to analyze of images of professional historian in contemporary literature. Four images of historians were analyzed. It reflected its own time.

Keywords: professional historian; contemporary fiction; literature image.

Историки редко становятся героями романов. Сама специфика профессии исследователя прошлого, работающего в тиши библиотеки или архива, не способствует превращению его в героя, оказывающегося в вихре приключений и неординарных событий. Из специальностей, напрямую связанных с изучением истории, больше всего повезло археологам. Романтика археологических раскопок с ее экзотикой, реальными или мнимыми опасностями, нередко используется писателями в качестве фона для приключенческих, любовных и даже детективных сюжетов. В центре рассказа, как правило, находится поиск сокровищ. Конечно же, настоящая археология редко на это похожа. Простому ученому-историку привлечь к себе внимание современного автора крайне сложно. Поэтому персонажей, которые могут быть названы профессиональными историками, можно перечесать по пальцам одной руки.

В современной историографии достаточно слабо, но все же представлены работы по изучению образа историка в художественной литературе. В первую очередь надо назвать работу И.Л. Беленького¹. В то же время в этой работе само понятие «историк» трактуется крайне широко, фактически подразумевается любой человек, обращающийся к осмыслению прошлого. Подобный подход, по нашему мнению, сильно размывает предметное поле, делая его практически необъятным, поскольку каждый литературный

персонаж в той или иной мере обращается к прошедшему. В данной работе в центр внимания будет поставлен профессиональный историк. Критерием выделения историка-профессионала является хоть и формальный, но все же показательный факт наличия исторического образования или ученой степени по истории. Такой подход позволяет сконцентрироваться на анализе образа историка, как представителя определенной профессии.

Обращение к данному предмету имеет двоякую цель: во-первых, это анализ представлений о профессии историка в беллетристике, а во-вторых — анализ понимания литераторами места историка в современном обществе. Все это объединяется понятием «образ историка». Временные рамки ограничиваются современным периодом отечественной истории, который все чаще принято начинать с «Перестройки».

Первой в ряду анализируемых произведений стоит повесть Ю. Полякова «Апофегей», впервые опубликованная в 1989 г. Книга писалась в условиях, когда интерес к истории достиг небывалых размеров, а исторические события и лица превратились в объект яростной полемики между различными общественными силами. И хотя повесть рассказывает о т.н. «застойных временах» (конец 1970-х — начало 80-х годов) и в центре ее внимания оказывается советская номенклатура среднего звена, именно историк становится ее главным героем.

Главный персонаж, Валерий Чистяков, выходец из простой рабочей семьи (в повести четко прослеживается противопоставление простых и «блатных»), выпускник исторического факультета Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. После окончания института он решил посвятить себя исторической науке, поступив в аспирантуру по кафедре советской истории. Выбор был обусловлен не только любовью к предмету, но и пониманием того, что ученый, преподаватель ВУЗа — это шаг вверх по социальной лестнице.

Начинающий историк сразу же сталкивается с реалиями современной ему исторической науки. И хотя открытых гонений на инакомыслие давно уже не было, но целый ряд тем оказывался под негласным запретом. Выбрав партию эсеров в качестве темы для исследований, Чистяков долгое время сталкивался с непониманием и рекомендациями от нее отказаться.

В аспирантуре он учился вместе с Надеждой Печерниковой. Так же, как и он, Надежда не желала работать в рамках официально

одобряемых тем и поэтому занималась исследованием деятельности П.А. Столыпина. Отметим, что Ю. Поляков уловил серьезный сдвиг в среде начинающих историков конца 70-х — начала 80-х годов в сторону исследования того, что в перестроечной публицистике получит название «белых пятен». В то же время писатель не преминул отметить: «Кафедральные старички с пониманием переглянулись: в молодости они тоже мечтали стать честными летописцами эпохи, но хотелось бы знать, что написал бы тот же Нестор, когда б у него за спиной дежурил сержант НКВД с наганом. А доцент Желябьев покачал головой и с нежной грустью поглядел на симпатичную дурочку, которая наивно полагает, что историки пишут чепуху исключительно по причине незнания истории...»². Заметим, что писатель верно указал на двойственное положение специалистов по советской истории: знаешь одно, а пишешь другое. Естественно, по закону жанра, между Валерием и Надеждой завязываются отношения.

Параллельно с написанием диссертационного исследования успешно развивалась и общественно-партийная деятельность Чистякова. При этом сам он не отличался стремлением сделать карьеру по административно-партийной линии, карьера как бы сама находила его. Институтский партком поддерживал его, видя в нем перспективную смену. Все могло закончиться после поездки в ГДР, во время которой Надежда позволила в частных беседах резко критически отозваться о Сталине и его роли в Великой Отечественной войне. Несмотря на то, что Чистяков упрекнул ее в передержках, по возвращении на партийном собрании его обвинили в том, что во время поездки велись разговоры, порочащие историю партии. После этого партийная карьера Валерия должна была закончиться. Спас случай: разругавшись после случившегося с Надеждой, Чистяков женился на дочке крупного московского партфункционера. Диссертацию он все же защитил, но при этом сменил сомнительную тему на безупречную с точки зрения карьеры: «Уральское казачество в борьбе за Советскую власть». После этого началась жизнь Чистякова уже не как историка-ученого, а как представителя советской номенклатуры.

Итак, какой тип историка являет собой Чистяков? Умный, способный администратор, но в то же время прагматик и конформист, думающий одно, а говорящий другое. Впрочем, есть в нем и известная доля романтизма. Имея склонности к научным исследованиям, в то же время он не стремится к самопожертвованию ради

науки, его больше прельщает хорошая жизнь советского бюрократа. Он уже не верит в советские идеалы, но прекрасно приспосабливается к существующей системе. Является ли Чистяков типичным представителем историков своего поколения? Думается, что да. Он типичен вообще для своего поколения, вне зависимости от профессии. Чтобы не быть голословными, сошлемся на характеристику своего поколения, данную известным историком С.В. Кулешовым, который, если бы Чистяков существовал в реальности, был бы немного старше его: «Наше поколение оказалось как бы модератором между поздними шестидесятниками и ранними семидесятниками. И соответственно соединило в себе наивный романтизм первых и “апофегейный” цинизм вторых»³. Чистяков был сыном исключительно семидесятых, поэтому (притом в целом он был хорошим и порядочным человеком) «апофегизма» в нем было больше, чем романтизма.

Следующим по времени публикации идет рассказ М. Веллера «Оружейник Тарасюк» из цикла «Легенды Невского проспекта», вышедшего в 1993 г. В нем в юмористической форме рассказывается история Анатолия Тарасюка, который в десять лет оказался в белорусском партизанском отряде, где с успехом убивал немецких солдат. После войны выяснилось, что мальчика интересует только оружие. В военном училище ему не понравилось, поэтому он решил учиться на историческом факультете ЛГУ, где существовал семинар по истории холодного оружия.

После окончания университета фанатичная увлеченность предметом и независимость мышления позволили ему быстро выдвинуться в качестве ведущего специалиста в выбранной сфере. В 30 лет он стал доктором, европейски известным ученым. Его карьера развивалась стремительными темпами, пока он не перепугал до смерти секретаря ленинградского обкома Романова, явившись перед ним в рыцарском доспехе. После этого Тарасюка отовсюду уволили, и в итоге он был вынужден, «придумав» себе еврейское происхождение, эмигрировать в Израиль. Таков вкратце сюжет рассказа.

У литературного персонажа Анатолия Тарасюка был прототип — Леонид Ильич Тарасюк (1925—1990), известный ленинградский историк, специалист по истории оружия. Биография прототипа, конечно же, имела мало общего с выдуманной писателем, хотя и отличалась не меньшим драматизмом и неожиданными поворотами. Тарасюк в действительности был настоящим евреем,

воевал (но не в партизанском отряде), обучался на истфаке ЛГУ, в 1951 г. его едва не репрессировали за мифическое пособничество сионистам. В 1959 г. его с братом все же арестовали за то, что они, боясь преследований по национальному признаку, в Крыму создали тайник, где хранили оружие для самообороны. На свободу он вышел в 1962 г. Только в 1965 г. он защитил кандидатскую по истории русского огнестрельного оружия. В январе 1973 г. он выехал в Израиль, а позже перебрался жить в Америку⁴. Как видно, биографии значительно различаются, но вот фанатичная любовь к оружию и его истории — реальная черта.

Но вернемся к литературному герою. Тарасюк — представитель послевоенного поколения историков. Само собой напрашивается вопрос: насколько образ, созданный М. Веллером, совпадает с реальным собирательным образом послевоенного поколения историков. Совпадений немало. Во-первых, очевидно, что именно война пробудила интерес мальчика-партизана к истории (правда, очень узконаправленный); во-вторых, война приучила ничего не бояться и самостоятельно мыслить⁵. Это поколение выгодно отличалось от поколения героя «Апофегея» преданностью делу и относительной независимостью мышления.

В последние годы вышло несколько литературных произведений, где главным героем является профессиональный историк. В 2001 г. появился роман Д. Быкова «Оправдание» (действие происходит в конце 80-х — начале 90-х годов). Главный герой, Александр Рогов, выпускник исторического факультета МГУ, расследуя череду таинственных случаев с репрессированными в сталинские годы, выдвигает собственную версию причин сталинского террора. Он приходит к выводу, что все бессмысленные на первый взгляд жертвы были принесены для того, чтобы воспитать новую породу людей, не гнущихся ни под какими испытаниями, бесстрашных и сильных — этаких «сверхлюдей». Проверая свою версию, он ведет исследования в архивах, собирает воспоминания репрессированных. Наконец, он отправляется в путешествие по Сибири в поисках остатков лагерей, где готовились из репрессированных, но несломленных специальные отряды.

Путешествуя, он натывается на странную деревню, где вне времени живут безмолвные крестьяне; попадает в лагерь сектантов-мазохистов, которые увечат друг друга ради ощущения полноты жизни. Параллельно в романе представлены реконструкции событий сталинской эпохи, где действующими лицами являют-

ся И. Бабель, репрессированный прадед Рогова и др. Конечно же, версия Рогова оказывается страшно далекой от реальности, она становится оправданием (отсюда и название романа) сталинского террора. Никакой логики в репрессиях, по мнению Д. Быкова, не было и быть не могло, а путешествие по Сибири намекает на истоки появления сталинизма, коими является безмолвствующее большинство и мазохистские наклонности обывателей. В этом заключается антисталинистский (на фоне современных попыток реабилитации «вождя народов») пафос произведения.

Но вернемся к нашей задаче — анализу образа историка. Рогов, как профессиональный историк, в романе охарактеризован довольно скупо. Кроме его основной миссии по изучению сталинизма о нем известно немного. Историком, очевидно, он решил стать для того, чтобы разобраться в сложных перипетиях советской истории, — причина, во многом типичная для студентов исторических факультетов конца 1980-х годов. В дальнейшем «он неплохо зарабатывал, сочиняя “исторические календари” и фривольные очерки для глянцевого журналов; не был обделен женским вниманием, хотя долгими отношениями тяготился; много времени проводил один»⁶. Как историк, Рогов обладал знанием, позволявшим ему верно оценивать происходившие в стране события. Так, после поражения ГКЧП он понял, что «последствия могли оказаться хуже всякого путча — победители получили карт-бланш, о котором не смели и мечтать». У него было и собственное понимание динамики исторического процесса: «Он был историком и понимал, что всякая тирания растит умников, которым становится тесно, а всякая свобода поощряет глупцов, которым она не нужна. Каждая эпоха в собственных недрах взращивала своих могильщиков, и этим обеспечивался их вечный круговорот, опровергавший плоскую теорию формаций»⁷. Отметим, что поиск исторической истины является для Рогова самоцелью, попыткой разобраться в прошлом и настоящем страны.

Следующее произведение — роман популярного беллетриста, пишущего под псевдонимом Борис Акунин (настоящее имя — Григорий Шавлович Чхартишвили), «Алтын-толобас», также опубликован в 2001 г. Сюжет романа разворачивается в России середины 1990-х годов.

Книга повествует о приключениях Николаса Фандорина, потомка русских эмигрантов, переехавших в Англию после Октябрьской революции. Николас, памятуя о своем происхождении,

специализировался на российской истории XIX в. Долгое время он изучает страну своих предков на расстоянии, пока, наконец, не решается в нее приехать для исследования истории своего рода. В Москве он попадает в захватывающую историю, связанную с поисками клада, которые происходят на фоне криминальных «разборок». Но не будем останавливаться на сюжете романа, он, как и все детективы, довольно запутан и пестрит неожиданными поворотами. Нас интересуют образы тех профессиональных историков, которые предстают в произведении. Таких образа два: собственно Николас и русский историк Станислав Кондратьевич Болотников.

Начнем с первого. Николаса Фандорина можно было бы назвать историком-неудачником. Его ученая карьера не отличается блистательностью: особым исследовательским талантом он не обладает, а сильная астма мешает ему работать в библиотеках и архивах. Ко всему прочему, историю герой рассматривал не как научную дисциплину, «призванную осмыслить жизненный опыт человечества и извлечь из него практические уроки, а как увлекательную, завораживающую погоню за безвозвратно ушедшим временем»⁸. Его поездка в Россию — это и есть попытка догнать ушедшее время. Для реализации этого замысла автор романа предлагает достаточно сложный хронотоп произведения, где путешествие Николаса идет как бы параллельно с путешествием в Россию XVII в. его далекого предка.

По приезде в Москву Николас отправляется в Центральный архив старинных документов. Без особых усилий посвященные могут узнать в этой организации архивный городок, расположенный на ул. Большая Пироговская. Архив оказался в плачевном состоянии. «Было ясно, что архив поражен худшей из болезней, какие только могут постигнуть научное учреждение — катастрофическим недостатком, а то и полным отсутствием финансирования»⁹. К сожалению, проблема отечественной архивной системы отмечена в романе верно. В архиве он знакомится с молодым историком Болотниковым. На фоне обшарпанных стен и стенаний директора архива об отсутствии денег Болотников выглядит инородным телом: он очень молод по академическим меркам, у него модная иномарка и стильная одежда. Болотников уже успел написать четыре монографии и защитить докторскую диссертацию «по Тушинскому вору, Марии Мнишек и воренку». Он прекрасный специалист по палеографии. Ему предлагали перебраться в Стэнфорд, но он отказался. Директор объяснил это исключительно патриотизмом. Впрочем, сам ге-

рой объяснил это немного по-другому, хотя и не менее пафосно: «Я специалист по русской истории и палеографии. Все важные документы по моей специальности находятся в России, не в Стэнфорде. И научные открытия, значит, тоже делаются здесь. Пускай в Стэнфорд едут те, кому таунхаус и гольф-клуб важнее науки»¹⁰. Впрочем, как довольно быстро выяснилось, похвальная преданность научному знанию соседствовала с неразборчивостью в средствах: Болотников сотрудничал с мафией. Дело в том, что он напал на след легендарной библиотеки Ивана Грозного, и чтобы ее найти (тем самым обессмертив свое имя как историка), связался с криминальными дельцами, из карманов которых оплачивались поиски. В конце романа он погибает.

Таким образом, в лице Болотникова в романе Бориса Акунина представлен образ современного российского историка. Болотников талантлив и успешен, он много работает, при этом не забывает о комфортной жизни. Но все-таки, несмотря на внешнюю преданность науке, складывается впечатление, что его в первую очередь волнует не сама наука, а его место в ней. Он неразборчив в связях и средствах. В его образе прекрасно отражается психология «лихих 90-х».

Таким образом, в рассмотренных литературных произведениях представлено четыре разных типа историка, каждый из которых отражает свою эпоху. Если взять хронологию не публикаций произведений, а описываемых в них времен, то первым будет стоять оружейник Тарасюк. Перед нами историк военного поколения. Он увлечен, довольно независим, его мало интересуют материальные блага. На смену ему приходит «апофегейный» Валерий Чистяков. Для него историческая наука — это возможность подняться по социальной лестнице, добиться благополучия. Несмотря на наличие собственного мнения, он стремится подстроиться под существующие требования. В конце 80-х годов приходит типаж Александра Рогового, который рассматривает историческую науку как источник ответов на вопросы прошлого и настоящего. Наконец, символом 90-х годов становится Болотников: талантливый, амбициозный, беспринципный. Заметим, что общие черты психологии профессиональных историков писатели уловили верно, о чем свидетельствуют и немногочисленные пока исследования по духовному миру советских историков.

Кроме собственно образа историков в рассмотренных произведениях подспудно присутствует и образ исторической науки. Она предстает как дисциплина, нацеленная на изучение предель-

но конкретных вопросов. Теория в истории возникает как осмысление опыта предшествующих поколений (особенно это наглядно в романе «Оправдание»). Но не как создатели теорий интересуют историки литераторов, в исторической науке их привлекает другое. Для них историк — это человек, который следует за исчезающим прошлым, пытаясь решить его загадки. В литературных произведениях историки зачастую предстают детективами, что особенно наглядно проявилось в последних двух романах. Кстати, сами историки также нередко сравнивают свою исследовательскую деятельность с ремеслом сыщиков. Например, А.А. Зимин рекомендовал своим аспирантам читать побольше детективной литературы. По воспоминаниям М.Е. Бычковой, «А.А. Зимин увлеченно цитировал Э. По, который доказывал, что история — это очень точная наука»¹¹. Таким образом, персонажи разобранных произведений отражают и массовый образ историка, и самоидентификацию самих профессиональных историков, цель которых — открывать тайны, скрытые временем.

¹ *Беленький И.Л.* Образ историка и тема исторического знания в русской литературе XIX—XX вв. // История России XIX—XX веков. Новые источники понимания. — М., 2001.

² *Поляков Ю.* Апофегей. — М.: АСТ, 2008. — С. 18—19.

³ Цит. по: *Волобуев О.* Сергей Кулешов: соавтор и человек // Памяти Сергея Кулешова. — М., 2010. — С. 3.

⁴ См. подробнее: *Горфункель А. (Massachusetts)*. Петербургский д'Артаньян [Электронный ресурс] // Вестник онлайн. — 2004. — 26 мая (№ 11/348). URL: www.vestnik.com/issues/2004/0526/koi/gorfunkee.htm; *Рабинович-Рич В. (Торонто)*. Легендарный Тарасюк // Там же. — 2004. — 21 янв. (№ 2/339). URL: www.vestnik.com/issues/2004/0121/win/rabinovich-richohtm; и др.

⁵ См.: *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки, 2004 г.: историогр. вестник. — М., 2005.

⁶ *Быков Д.* Оправдание [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/3/bikov.html

⁷ Там же.

⁸ *Акунин Борис.* Алтын-толобас. — М.: Олма Медия Групп, 2009. — С. 10.

⁹ Там же. — С. 53.

¹⁰ Там же. — С. 57.

¹¹ *Бычкова М.Е.* Источниковедение в трудах А.А. Зимины // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII Междунар. науч. конф., Москва, 28—30 янв. 2010 г. — М., 2010. — С. 88.

Научное издание

История и художественная литература

Редактор *О.А. Пруцкова*
Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано к печати 6.11.2018 Формат 60×90/16. Заказ № 158.
Тираж 500 экз. 22,5 п.л. 24,0 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

История и художественная литература

Настоящее издание посвящено исследованию творчества российских писателей в контексте изучения проблем отечественной истории. В нем авторы с позиции не просто читателя, а историка-профессионала рассматривают творчество ряда русских и советских писателей и поэтов – И.С. Никитина, И.А. Бунина, А.Н. Толстого, Вс. Соловьева, И.А. Ефремова, В.С. Пикуля, С. Довлатова и др. Отдельное место занимают статьи, посвященные образу профессионального историка в современной беллетристике, роли книги в духовной жизни российских историков

